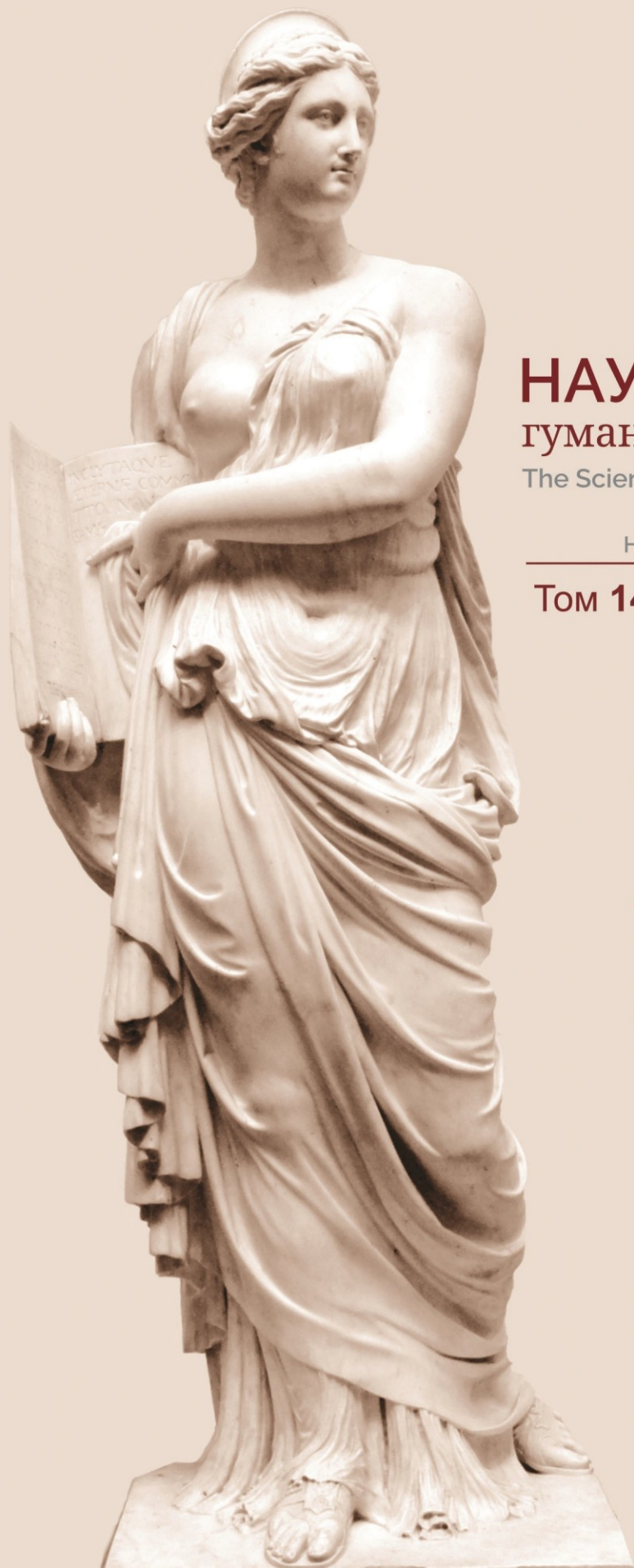

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: гуманитарные исследования

The Science of Person: Humanitarian Researches

Научный журнал ■ Scientific journal

Том 14 № 2 ■ 2020 ■ Vol. 14 No. 2

- Филологические науки
Philological sciences
- Педагогические науки
Pedagogical sciences
- Экономические науки
Economic sciences

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: гуманитарные исследования

The Science of Person: Humanitarian Researches

Научный журнал

Том 14 ■ № 2 ■ 2020 Vol. 14 No. 2

Учредитель:

Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия»

Издается с декабря 2007 г. Выходит четыре раза в год.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук

Включен в Базу данных ВИНИТИ РАН, ежегодно подающую сведения в мировую справочную систему по периодическим изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» о реферировании журнала в Реферативном журнале ВИНИТИ РАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00557 от 03.04.2017 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Омской области.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161.

Ссылки на журнал при цитировании обязательны.

Цена свободная.

Главный редактор: А. Э. Еремеев

доктор филологических наук, профессор

Выпускающий редактор: О. В. Попова,

кандидат филологических наук, доцент

Редактор, ответственный секретарь: Д. К. Сaitмамбетова

Корректоры: Л. В. Калугина, Д. А. Юдина

Компьютерная верстка: Р. А. Анисимов

Founder:

Private Establishment an Educational Institution of Higher Education “Omsk Humanitarian Academy”

Published since December 2007. Issued four times a year.

The journal “The science of person: humanitarian researches” is included in the system of Russian science citation index (RINTS).

The periodical is included in the List of Russian reviewed scientific journals publishing basic scientific results of dissertations for scientific degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The journal is included in VINITI database, which annually provides information on the abstracting of the journal in VINITI's Abstracts Journal to the global reference system “Ulrich's Periodicals Directory”

The registration certificate PI No. TU55-00557 dated 03/04/2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in Omsk Region.

Subscription index in the catalog “Russian Press” 43161.

References to the journal citation are required.

Free price

Chief Editor: A. E. Eremeev,

Doctor of Philology, Professor

Managing editor: O. V. Popova,

Candidate of Philology, Associate Professor

Editor, executive secretary: D. K. Saitmametova

Proof-reader: L. V. Kalugina, D. A. Yudina

Computer-aided makeup: R. A. Anisimov

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.

Manuscripts are subjected to the editorial processing. The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.

ISSN 1998-5320 DOI 10.17238/issn1998-5320

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Адрес редакции и издателя: 644105, Омская область, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

Тел./факс 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omga.su>

Подписано в печать 23.06.2020. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 19,5. Печ. л. 23.

Дата выхода в свет 30.06.2020

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ 25.

Полиграфический центр издательства ОмГА.

644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а

16+

© Омская гуманитарная академия, 2020

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: гуманитарные исследования

The Science of Person: Humanitarian Researches

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Еремеев Александр Эммануилович*,
д-р филол. наук, профессор, ректор Омской гуманитарной академии

Члены редколлегии

Акелькина Елена Алексеевна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Апенко Светлана Николаевна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Беляев Виктор Иванович, д-р экон. наук, профессор. Алтайский государственный университет (Барнаул)

Бережнова Елена Викторовна, д-р пед. наук, профессор. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)

Бутакова Лариса Олеговна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Викторович Владимир Александрович, д-р филол. наук, профессор. Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)

Далингер Виктор Алексеевич, д-р пед. наук, профессор. Омский государственный педагогический университет (Омск)

Донских Олег Альбертович, д-р филос. наук, профессор. Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск)

Евдокимов Владимир Анатольевич, д-р полит. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск)

Загязинский Владимир Ильич, действительный член РАО, д-р пед. наук, профессор. Тюменский государственный университет (Тюмень)

Зайцева Ольга Петровна, д-р экон. наук, профессор. Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

Звонников Виктор Иванович, д-р пед. наук, профессор, генеральный директор Ассоциации организаций по развитию управленческого образования (Москва)

Иссерс Оксана Сергеевна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Катаев Владимир Борисович, д-р филол. наук, профессор. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск)

Лапчик Михаил Павлович, академик РАО, д-р пед. наук, профессор. Омский государственный педагогический университет (Омск)

Лебедева Ольга Борисовна, д-р филол. наук, профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

Лозовский Борис Николаевич, д-р филол. наук, профессор. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Лопанова Елена Валентиновна, д-р пед. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск)

Патласов Олег Юрьевич, д-р экон. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск)

Роберт Ирэна Веняминовна, академик РАО, д-р пед. наук, профессор, руководитель Центра информатизации образования. Институт стратегии развития образования РАО (Москва)

Ромм Татьяна Александровна, д-р пед. наук, профессор. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск)

Рыжаков Михаил Викторович, академик РАО, д-р пед. наук, профессор. Институт содержания и методов обучения РАО (Москва)

Смолин Олег Николаевич, академик РАО, д-р филос. наук, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ (Москва)

Чечель Ирина Дмитриевна, д-р пед. наук, профессор. Институт управления образованием РАО (Москва)

Шумакова Оксана Викторовна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина (Омск) Члены международного совета

Члены международного совета

Апсаямов Надирбек Апсаямович, д-р экон. наук, профессор. Казахстанский инновационный университет (Семей, Республика Казахстан)

Атышов Кобоген Атышович, д-р экон. наук, профессор. Кыргызский экономический университет им. Мусы Рыскулбекова (Бишкек, Республика Кыргызстан)

Ван Лиэ, Dr. Habil. Philol., профессор. Пекинский университет иностранных языков (Пекин, Китай)

Досанова Сая Сабировна, д-р пед. наук, профессор. Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Кокшетау, Республика Казахстан)

Кисель Роман, доктор экономических наук, профессор. Варминско-Мазурский университет в г. Ольштыне (Ольштынь, Польша)

Кожей Славомир, д-р пед. наук, профессор. Университет Яна Кохановского в Кельце (Кельце, Польша)

Ромат Евгений Викторович, доктор наук государственного управления, профессор. Киевский национальный торгово-экономический университет (Киев, Украина)

Стефано Алоэ, Dr. Habil. Philol., профессор. Университет Вероны (Верона, Италия)

Сюзанна Франк, Dr. Habil. Philol., профессор. Берлинский Гумбольдт-университет (Берлин, Германия)

Ушаков Денис Сергеевич, д-р экон. наук, профессор. Университет Суан Суандха Раджабхат (Бангкок, Таиланд)

Чимпоеш Драгош, д-р экон. наук, профессор. Государственный аграрный университет (Кишинев, Молдова)

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: гуманитарные исследования

The Science of Person: Humanitarian Researches

EDITORIAL BOARD

Chief Editor: *Alexander E. Ereemeev*, Doctor of Philology, Professor, Rector of the Omsk Humanitarian Academy

Editorial Staff

Elena A. Akelkina, Dr. Sc. (Philology), Professor. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Svetlana N. Apen'ko, Dr. Sc. (Economics), Professor. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Viktor I. Belyaev, Dr. Sc. (Economics), Professor. Altai State University (Barnaul, Russia)

Elena V. Berezhnova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Larisa O. Butakova, Dr. Sc. (Philology), Professor (Omsk, Russia)

Vladimir A. Viktorovich, Dr. Sc. (Philology), Professor. State University for Social Sciences and Humanities (Kolomna, Moscow Region, Russia)

Victor A. Dalinger, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Oleg A. Donskih, Dr. Sc. (Philosophy), Professor. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)

Vladimir A. Evdokimov, Dr. Sc. (Political Science), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Vladimir I. Zagvyazinskiy, Full Member of Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Tyumen State University (Tyumen, Russia)

Olga P. Zaitseva, Dr. Sc. (Economics), Professor. Siberian University of Consumer Cooperatives (Novosibirsk, Russia)

Viktor I. Zvonnikov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, General Director of the Association of Management Education Development (Moscow, Russia)

Oksana S. Issers, Dr. Sc. (Philology), Professor. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Vladimir B. Kataev, Dr. Sc. (Philology), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Gennadiy V. Kosyakov, Dr. Sc. (Philology), Professor (Omsk, Russia)

Mikhail P. Lapchick, Full Member (Academician) of Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Olga B. Lebedeva, Dr. Sc. (Philology), Professor. Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Boris N. Lozovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor. Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

Elena V. Lopanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Oleg Yu. Patlasov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Irena V. Robert, Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Tatyana A. Romm, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

Mikhail V. Ryzhakov, Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Institute of Content and Methods of Teaching of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Oleg N. Smolin, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Philosophy) First Deputy Chairman of the Education Committee of the State Duma of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Irina D. Chechel, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Institute of Management Education of RAE (Moscow, Russia)

Oksana V. Shumakova, Dr. Sc. (Economics), Professor. Omsk State Agrarian University (Omsk, Russia)

Members of the International Council

Nadirkbek A. Apsalyamov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Kazakh Innovative University (Semei, Republic of Kazakhstan)

Kobogen A. Atyshov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Kyrgyz Economic University (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan)

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor. Beijing University of Foreign Languages (Beijing, China)

Saya S. Dosanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Roman Kisel, Dr. Sc. (Economics), Professor. University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland)

Slavomir Koziej, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Jan Kochanowski University in Kielce (Kielce, Poland)

Evgeny V. Romat, Dr. Sc. (Public Administration), Professor. Kiev National Trade and Economic University (Kiev, Ukraine)

Stefano Aloe, Dr. Habil. Philol., Professor. University of Verona (Verona, Italy)

Susanne Frank, Dr. Habil. Philol., Professor. Berlin Humboldt University (Berlin, Germany)

Denis S. Ushakov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand)

Dragos Cimpoeis, Dr. Sc. (Economics), Professor. State Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova)

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ:

гуманитарные исследования

The Science of Person: Humanitarian Researches

Научный журнал

Том 14 ■ № 2 ■ 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Филологические науки

- Г. В. Косяков.*
Мотив полета души в лирике М. Ю. Лермонтова
- Л. Р. Велилаева*
Шотландский эмиграционный поэтический дискурс века:
XIX образовательный аспект
- Е. Н. Рымарева*
Мифологема о сыне Бога в контексте обско-угорской
литературной традиции
- С. М. Богатова*
Лингвосенсорика смерти в рассказе Джеймса Джойса «Сестры»
- В. И. Хомяков*
Очерк в журнале «Безбожник»:
проблематика и жанровое своеобразие
- В. А. Евдокимов*
Социальные институты в медиапространстве
российских регионов
- О. К. Мжельская*
Производные имён собственных в диахроническом
аспекте текстологии

Раздел 2. Педагогические науки

- Н. В. Шишарина, Т. А. Ромм, О. Л. Подлиняев*
Междисциплинарная модель апробации параметров,
показателей и критериев гигиенической оценки инновационных
педагогических технологий в образовании
- Р. А. Свиридон*
Педагогический дизайн как важное условие эффективности
массовых открытых обучающих курсов
- Н. Н. Князева*
Феномен современного детства и понимание его границ
- О. Л. Осадчук, Н. Н. Рыбакова*
Развитие у студентов саморегуляции как компонента
психологической готовности к профессиональной деятельности
- Н. В. Герова*
Совершенствование содержания курса переподготовки
муниципальных служащих в области цифровых технологий
при повышении квалификации
- Е. А. Носков*
Принципы подготовки студентов в области обеспечения
национальной безопасности в образовании
в контексте информатизации образования
- С. А. Рассада, О. В. Фрезе*
Теория и практика обучения иностранному языку
посредством мультимедийных ресурсов

CONTENTS

Part 1. Philological Sciences

- G. V. Kosiakov*
The motif of a soul's flight in the poems by M. Yu. Lermontov
- L.R. Velilaeva*
Scottish emigrational poetic discourse of the XIXth century:
educational context
- E. N. Rimareva*
God's son mythologeme in ob-ugorian
literary tradition
- S. M. Bogatova*
The linguistic sensorium of death in "The sisters" by James Joyce
- V. I. Khomiakov*
An essay in the "Bezbozhnik" magazine:
problems and genre originality
- V. A. Evdokimov*
Social institutions in the media space
of Russian regions
- O. K. Mzhelskaya*
Proper names derivatives as a diachronic
aspect of textology

Part 2. Pedagogical Sciences

- N. V. Shisharina, T. A. Romm, O. L. Podlinyaev*
Interdisciplinary model of parameters, indicators and criteria
approbation for hygienic evaluation of innovative pedagogical
technologies in education
- R. A. Sviridon*
Pedagogical design as an essential factor
of MOOCs successfulness
- N. N. Knyazeva*
Modern childhood phenomenon and understanding of its boundaries
- O. L. Osadchuk, N. N. Rybakova*
Self-regulation progress in students as a component
of psychological readiness for professional activity
- N. V. Geroва*
Course content improvement for municipal employees
retraining in the field of digital technologies at professional
development courses
- E. A. Noskov*
Principles of students training in the field of national
security in education in the context
of education informatization
- S. A. Rassada, O. V. Freze*
Theory and practice of teaching a foreign language
by means of multimedia resources

- В. М. Жуков, Д. В. Пивоваров, О. О. Осипов**
Формирование морально-нравственных качеств курсантов образовательных организаций МВД России как часть профессионального воспитания
89 Shaping moral qualities of cadets of the educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia as part of professional education
И. И. Новикова, Н. А. Зубцовская, С. П. Романенко, А. И. Кондращенко, М. А. Лобкис
Исследование влияния мобильных устройств связи на здоровье детей и подростков
95 Effects of mobile phones on children's and adolescents' health
Н. В. Александрова, А. М. Белкина
Интегративная модель социального сопровождения воспитания детей, страдающих психическими расстройствами
104 Integrative model of social support for education of children who have mental disorders
Н. Л. Харченко
Основные этапы становления образования лиц с ОВЗ
108 Main formation stages of disabled persons education
М. Г. Голубчикова, А. А. Бышляго
Формирование самостоятельности студентов технического вуза в исследовательской деятельности
113 Organization of independent research work of technical university students
Е. А. Калиберда, А. М. Шабалин
Использование современных систем виртуализации для формирования профессиональных компетенций студентов вузов при изучении DLP-систем
118 The impact of modern virtualization systems on university students' professional competences while studying DLP systems
Т. В. Сабантсева, Л. Я. Николаева
Развитие сочинительских навыков студентов-хореографов в процессе освоения региональных особенностей русского танца
123 Shaping creative skills of student choreographers in the process of mastering regional peculiarities of russian dance

Раздел 3. Экономические науки

Part 3. Economic Sciences

- В. В. Бирюков**
Время как измеритель стоимости и потребительной ценности товаров и регулятор развития экономики
128 Time as a cost and use value indicator and as an economy growth controller
В. И. Благоев, Е. П. Шустова, И. В. Мищенко
Эффективная реклама и её влияние на потребительское поведение населения (на примеререгионов Казахстана, России, Болгарии)
134 Effective advertising and its impact on consumer behavior (on the example of Kazakhstan, Russia, Bulgaria regions)
Т. Н. Богославец
Ретроспективный анализ изменения ставок подоходного налога в России в 90-е гг. XX века
142 A retrospective analysis of changes in income tax rates in Russia in the 1990s
Е. И. Кендюх, О. А. Цапova, В. Г. Демьянов
Государственное регулирование аграрной экономики
147 State regulation of agricultural economy
Р. О. Лучко, О. Ю. Патласов
Увеличение среднего чека через внедрение технологий up-sale и cross-sale с использованием CRM-систем
153 Increase in the average check through the introduction of up-sale and cross-sale technologies using CRM systems
Е. В. Русакова, Е. В. Русакова
Результативность и эффективность обучения персонала: критерии и модели оценивания, российский и зарубежный опыт
160 Employee training effectiveness: assessment criterions and models, russian and foreign experience
Р. Х. Хасанов, Е. К. Кузнецова
Расчет отраслевых коэффициентов как один из методов сравнительного подхода при оценке бизнеса
164 Calculation of industrial coefficients as one of the comparative approach methods assessing business
Ю. С. Пиньковецкая
Обзор исследований, посвящённых прекращению предпринимательской деятельности
169 Research works review concerning cessation of business activities
Н. В. Черноножкина
Система управления операционной деятельностью и специфика ее применения на нефтеперерабатывающих предприятиях
175 Operating activity management system and specifics of its application at oil refineries
О. В. Сергиенко
Экономика России: новая реальность (научно-аналитический обзор)
180 Economy of Russia: a new reality (scientific and analytical review)

УДК 821.161.1

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.1

Г. В. Косяков¹

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Мотив полета души в лирике М. Ю. Лермонтова

Аннотация. Исследование посвящено изучению проблем художественной онтологии и антропологии лирики М. Ю. Лермонтова, концепта бессмертной души в контексте магистральной антитезы земного и небесного миров и стремления её преодолеть. Цель статьи – комплексное изучение вариантов мотива полёта души как значимого структурного компонента центральных сюжетов, мирообраза вселенной в творчестве Лермонтова. Исследование проводится на основе историко-литературного, культурно-исторического, историко-генетического методов, методик целостного и мифопоэтического анализа. Результаты заключаются в раскрытии новаторства Лермонтова в развитии мотива полета души, его связи с мотивными комплексами неразделённой любви, эоловой арфы, мотивом сошествия в могилу. Статья расширяет представления о своеобразии композиции, сюжетостроения, хронотопов лирических текстов Лермонтова, о лексическом и синтаксическом воплощении мотива духовного полёта. Делаются выводы, что мотив полёта души раскрывает индивидуальное художественное осмысление Лермонтовым архаических мифологических и христианских представлений о духовной субстанции. Мотив полёта души в лирике русского романтика раскрывает его представления об этических ценностях веры, надежды, любви, об абсолютном идеале полноты бытия, о национальном концепте воли.

Ключевые слова: сюжет, мотив, концепт, хронотоп, мифопоэтика, религиозность, романтизм, душа

Дата поступления статьи: 11 мая 2020 г.

Для цитирования: Г. В. Косяков (2020). Мотив полета души в лирике М. Ю. Лермонтова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 6–12. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.1

Проблема и цель. Современное отечественное литературоведение обращено к изучению проблем художественной онтологии, антропологии и метафизики русской классической литературы, её концептосферы. Ключевыми онтологическими основаниями романтической картины мира являются представления об универсуме, о единстве макро- и микрокосмоса. Концепт бессмертной души в русской романтической поэзии соединяет разнообразные культурные контексты: фольклорный, античный, христианский, а также широкий спектр литературных и философских традиций. Данный концепт раскрывает национальные представления о внутреннем мире человека, о физической смерти, о бессмертии, о мироздании, об этических ценностях свободы, покоя, любви, об абсолютном этико-эстетическом идеале [1]. Изучение художественной концептосферы, мифопоэтики и религиозности творчества М. Ю. Лермонтова (1814–1841) представлено в работах таких современных литературоведов, как: Э. М. Афанасьева, О. П. Евчук, И. А. Киселева, Г. В. Москвин, Л. А. Ходанен. В частности, Г. В. Москвин раскрывает процесс преодоления в раннем творчестве русского романтика «стилевого романтического стереотипа в отношении земля – небо» [2, с. 113]. Целью данной статьи является комплексное изучение развития вариантов мотива полёта души как значимого структурного компонента центральных сюжетов, оппозиции «земля – небо» в творчестве Лермонтова. Статья расширяет представления о своеобразии сюжетостроения, хронотопов, композиции лирических текстов Лермонтова.

Методология. В статье использованы разнообразные традиционные и современные методы литературоведения: историко-литературный, культурно-исторический, истори-

ко-генетический, структурно-семиотический, мифопоэтический. В работе также применяется методика целостного анализа художественного текста.

Результаты. В русской романтической поэзии концепт души мифопоэтически соотносится с огненной, водной и воздушной стихиями, отражая архаические индоевропейские верования и христианские религиозные представления. Сравнение души с птицей утверждает в псалмах упование человека на освобождение от мира, лежащего во зле: «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих...» (Пс. 123: 7). Птицы небесные в текстах Священного Писания символизируют евангельский этический идеал, Царствие Небесное: «<...> как птица птенцов своих под крылья» (Лук. 13: 34). А. Л. Калашникова указывает: «Несомненно, одним из устойчивых признаков душевной сущности является способность воспарять над миром, отрешаясь от земного пространства» [3, с. 77]. Образ крылатой души в творчестве русских романтиков утверждает ее свободу от физических законов земного мира, физической смерти, стремление к полноте бытия, молитвенное горение и вдохновение: «Носись душой превыше праха...» (Н. М. Языков «Землетрясение», 1844); «Взлетишь к небесам без усилия...» (В. К. Кюхельбекер «Счастливицы вольные птицы...», 1846). В творчестве русских поэтов душа метафорически соотносится с различными птицами: орлом, лебедем, жаворонком, голубем, соловьем, ласточкой [4]. Метафорическое сближение души и птицы, оформляя онтологическую вертикаль, в русской романтической поэзии утверждает благоговение души перед величием мироздания и его Творца.

В лирике Лермонтова также широко представлены образы птиц: сокола («Два сокола», 1829), коршуна («1831-го июня

11 дня»; «Три пальмы», 1839), ворона («Желание», 1831). Метафорически с душой в творчестве поэта часто соотносится абстрактный образ птицы. Так, в элегии Лермонтова «Надежда» (1831) аллегорический образ «птички рая» наделён яркими колористическими деталями («лазурь небес», «пурпур», «пыль золотистая»), которые, наряду с повтором «сладко, сладко» и образным рядом песни, звука, раскрывают силу благодатного просветления души лирического героя, чувствующего сопричастность горнему миру, раю сладости. Несмотря на представленные в образности аллегорической элегии антитезы дня и ночи, мук и забвения, бури и тишины, она проникнута пафосом утверждения, на что указывает и бытийный зачин текста «есть». В лирике Лермонтова в контексте развития магистральной антитезы дольного и горнего миров земная сфера соотносена прежде всего с физическими законами и силами, пространством и временем, телесностью и чувственностью, конечностью и мраком: «Как страшно жизни сей оковы...» («Одиночество», 1830). В творчестве Лермонтова душа уже в земном мире чувствует свободу от физических законов, пространства, времени. В этой связи метафорическое сближение души и птицы в лирике поэта соотносено с мотивом освобождения из темницы (земного мира как темницы), с национальным концептом воли: «И, как божие птички, вдвоём...» («Соседка», 1840); «В небе играют всё вольные птицы...» («Пленный рыцарь», 1840). В творчестве Лермонтова отражено также евангельское понимание Царствия Небесного, благодати, сопричастности раю: «Как птицы, даром божьей пищи» («Пророк», 1841).

Магистральным в лирике Лермонтова служит мотив духовного полёта как один из вариантов развития мотива странничества. В лирике Лермонтова мотив полёта бессмертной души, духа развивается в 7 основных вариантах:

1) полёт души до и после её земного воплощения: «Ночь. I» (1830), «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...», 1830–1831), «Ангел» (1831), «Из Паткуля» (1831);

2) поглощение человеческого духа вечностью, забвением: «Смерть» («Закат горит огнистой полосой...», 1830);

3) прощальный полет души героя к родным местам в преддверии или после физической смерти: «Дереву» (1830), «Умирающий гладиатор» (1836), «Воздушный корабль» (1840), «Последнее новоселье» (1841);

4) полет души лирического героя на родину предков – в Шотландию: «Гроб Оссиана» (1830), «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...», 1831);

5) свидание души (духа) лирического героя с возлюбленной после физической смерти: «Настанет день – и миром осужденный...» (1831), «Любовь мертвеца» (1841);

6) духовное парение души во время сна, воспоминания, мечты, поэтического вдохновения, медитации или молитвенного предстояния: «Farewell» (1830), «Как часто, пёстрою толпою окружён...» (1840);

7) духовное освобождение из темницы: «М. П. Соломирской» (1840).

Рассмотрим на материале лирических текстов русского романтика развитие каждого из вариантов данного мотива.

1. В драматическом стихотворении Лермонтова «Ночь. I» лирический герой в состоянии мистического сна переживает опыт физической смерти, загробного странствия, наказания бессмертной души и воскресения, соотношенного с финальным пробуждением. Если в «Гимнах к ночи» Новалиса (1800) предвосхищается желанное вознесение души в горний мир, то в произведении русского романтика душа, хотя и освобождается от «оков телесных», переживает чувство бесприютности и страха за пределами земного мира, совершая стремительный полет:

Боязненное чувство занимало

Её; я мчался без дорог; пред мною [5, с. 83].

Загробный мир предстаёт не сферой блаженства, а тусклым пространством. Мотив полёта души синтаксически оформляется при помощи анжамбеманов, повтора глагола «летел, летел».

«Я» лирического героя представлено шире духовной субстанции, которая сохраняет связь с земным прошлым и оценивает происходящее с позиции чувственного опыта. Загробный мир, как и мир души, характеризуется дисгармоничностью, конфликтностью. Кульминационным этапом полёта служит встреча души с апокалиптическим образом «светозарного ангела», возвещающим ей приговор – вернуться в земной мир. Приговору ангела предшествует напряженная рефлексия души, оценивающей прожитую земную жизнь, внутренний суд. Лирический сюжет, включающий мотивы загробного странствия души в воздушной сфере, приговора и наказания, созвучен православным представлениям о мытарствах души, частном приговоре в преддверии эсхатологического суда: «Пока придет спаситель – и молись...». Хронотоп текста резко сужается: «бездушное пространство», «край земной», «узкий гроб». Образность произведения включает художественные детали, обращая к христианским представлениям о муках ада: «огнем отчаянья», «червяк», «блеснула мысль (творенье ада)». Душа с позиции вечности обостренно воспринимает греховность собственной земной жизни и жизни ближних:

Где грех с вином кипел – воспоминанье

В меня впилося когтями, – я вздохнул [5, с. 84].

Метафоры в приведенном фрагменте раскрывают страстность мироощущения бессмертной души, обостренность ее страдания и наказания. Бессмертная душа чувствует связь с физическим телом: «терзало судорожной болью», «припадал на бранные останки». Мучительное зрелище разлагающегося трупа становится основой для воззвания души из бездны, которое созвучно ветхозаветной традиции псалмов: «В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал» (Пс. 17: 7). Финал произведения Лермонтова созвучен «Книге Иова», где тленность предстает главной онтологической характеристикой людей, «которых основание прах, которые истребляются скорее моли» (Иов. 4: 19). Напряженное страдание становится основой зреющей «хулы» как напряженной формы молитвенного предстояния, богообщения, что также созвучно воззванию Иова к Творцу.

В драматическом стихотворении Лермонтова «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...») усложнение композиции, сюжета, хронотопа, введение новых образов свидетельствуют о художественной эволюции поэта в развитии мотива духовного полета. Лирический герой переживает несколько пограничных состояний, «обмираний» и «воскресений», попадая в различные сферы мироздания. Бессмертная душа сохраняет связь с чувственным мироощущением, с земным миром, о чем свидетельствует «тягость» ее полета. Если в момент физической смерти душа стремится освободиться от телесных оков, то в дальнейшем она обостренно переживает утрату того мира, где она искала «самопознания», в том числе в любви, где она через конечное постигала бесконечное. Образность произведения созвучна эсхатологической христианской традиции, ср.:

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой [5, с. 302].

«<...> и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Отк. 20: 12).

Душу приводят в отчаяние разложение физического тела, превращение его в прах, утрата надежды на спасение. Стремительный полет души сопровождается напряженной рефлексией: «Все было мне так ясно и понятно». Автор раскрывает изменения, происходящие в миросозерцании души и в окружающем ее пространстве: «И опустело небо голубое». Состояние души можно определить как метафизическое одиночество: «Ни ангел, ни печальный демон ада...». Бытие в форме бесплотного духа не достаточно для лирического героя, который утверждает идеал полноты бытия. Мотив полета души сменяется мотивом сошествия в могилу, метафорически соотносённой с адом. Зреющая хула как наряженная форма богообщения сменяется еще одним «обмиранием» («замер голос мой») и финальным пробуждением-воскресением.

В произведении Лермонтова «Ангел», которое традиционно связывается с традициями платонизма, душа мистически напоминает полет, предшествующий ее земному воплощению. В. Асмус, рассматривая данный лирический текст, указывает, что это «единственное стихотворение, близко примыкающее к трансцендентизму платоновского мифа» [6, с. 109]. В элегии представлен мирообраз гармоничной и одухотворенной вселенной, славящей своего Творца:

И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой [5, с. 239].

Мирообраз вселенной характеризуется соборностью. В этом лирическом тексте собраны воедино образы, которые в поэзии русского романтика связаны с сакральной сферой рая: «ангел», «тихая песня», «звезды», «звук». Образ души возникает лишь в третьей строфе: художественные определения «младая», «молодая» применительно к ней раскрывают изначальную сопричастность горнему миру, чистоту и полноту миросозерцания до воплощения в земной мир. В произведе-

нии развивается антитеза горнего и дольного миров: «кущи райских садов» – «мир печали и слез», «звук небес» – «скучные песни земли». Однако данная антитеза, во-первых, не имеет абсолютного характера, во-вторых, характеризует лишь земной этап метафизической судьбы бессмертной души.

Хронотоп лирического текста отличается сужением художественного пространства. Мотив полета души разворачивается в нисходящем варианте: душа совершает полет из горнего мира в земной. Особенностью хронотопа текста является также то, что земной мир, временное обрамляется вечным. Все глаголы имеют форму прошедшего времени: земная жизнь бессмертной души на этапе преддверия предстает уже завершённой: «И звуков небес заменить не могли...». Невыразимое воспоминание о горней родине, о вечности, об абсолютном идеале придает бессмертной душе в земном мире полноту миросозерцания, выражая на уровне микрокосмоса соборность макрокосмоса: «Желанием чудным полна». Именно в душе происходит восходящее устремление к горнему миру в рамках земного мира, неспособного утолить томление бессмертной души.

Лирический фрагмент Лермонтова «Из Паткуля», традиционно рассматриваемый в контексте вольнолюбивой проблематики, завершается сравнением, которое раскрывает освобождение духа от любых форм духовного и социального зла в земном мире: «И вьется, как дым над железною крышей!». Образная конкретизация мотива парения духа осуществляется не при помощи традиционного сравнения с птицей, а за счет соотношения с дымом. Мотив духовного полета в данном произведении развивается прежде всего в социально-политическом, этическом дискурсах. Вера в бессмертие придает лирическому герою прочную этическую и гражданскую позицию.

2. В «Отрывке» («На жизнь надеяться страшась...», 1830) Лермонтова представлен образ «вихря», уносящего грешный человеческий дух в сферу забвения и вечности. По принципу резкой ценностной антитезы с образом наказанного человеческого рода соотносится новый «рай земли», где восстанавливаются утраченная чистота, естественность, единство горнего и дольного миров. В элегии Лермонтова «Смерть» («Закат горит огнистой полосой...») возникает схожий мотив поглощения духа вечностью: «Мой дух утонет в бездне бесконечной!...». Данное образное представление созвучно поэтической традиции Г. Р. Державина («Река времен в своем стремлении...», 1816).

3. В ранней лирике Лермонтова возникает вариант развития мотива полета души как ее возвращения к тем местам, которые были значимыми для лирического героя. В мотивный комплекс души включается образ гения, наделенный охранительной функцией: «Мой гений веки пролетит...» («Дереву»). Данное образное представление широко представлено в лирике русских романтиков: В. К. Кюхельбекер «К моему Гению» (1818), В. А. Жуковский «К мимопролетевшему знакомому гению» (1819).

Стихотворение Лермонтова «Умирающий гладиатор» навеяно поэмой Д. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», на что непосредственно указывает эпиграф. Данный текст

Лермонтова является своеобразной творческой лабораторией, предвосхищающей создание произведения «Смерть Поэта» (1837). Данные произведения близки композиционно, органичным соединением сатирического, одического и элегического дискурсов. Элегический дискурс стихотворения «Умиравший гладиатор» возникает благодаря мотиву полета души героя в преддверии смерти к родным местам. Семантика полета, калейдоскопичность ярких зрительных впечатлений воплощаются во фрагментарной форме:

Мелькают, – близок час... вот луч
воображенья [5, с. 403].

Духовный полет на родину оформляет антитезу извращенной цивилизации и природы, дома, семьи. Произведение завершается историософским обобщением о закате западноевропейской культуры, обращенной к своим духовным истокам.

Мотив духовного возвращения на родину, к близким местам в лирике Лермонтова связан с поэтической темой Наполеона, которая была магистральной на протяжении всего его творчества. В балладе «Воздушный корабль» в отличие от произведений, посвященных теме Наполеона в ранней лирике русского романтика («Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой...», 1829), «Наполеон» («В неверный час...», 1830), «Эпитафия Наполеона» (1830), «Св. Елена» (1831), возникает не безликая тень, не условный образ, а конкретный портрет, наделенный внешними художественными деталями («треугольная шляпа», «серый походный сюртук», «скрестивши могучие руки») и подвижным внутренним миром («сердце трепещет»). Лермонтов объективированно изображает переживания героя через их внешние проявления, действия («очи пылают огнем», «топнув о землю ногою», «капают горькие слезы», «махнувши рукою»). Мотив полета души в балладе конкретизируется благодаря и образу корабля. Сохраняя доминантную характеристику мотивного комплекса Наполеона – трагическое одиночество исключительной личности, Лермонтов стремится раскрыть внутреннюю историчность личности Наполеона, включив ее в контекст истории Франции и Европы: «Другие ему изменили...».

В новом поэтическом ракурсе мотив духовного полета представлен в произведении Лермонтова «Последнее новоселье», где образ Наполеона включен в контекст политической сатиры, историософских размышлений автора. Элегический образный контекст финальной части произведения («святая тишина», «в своей пустыне») усиливает трагический образ исключительной и одинокой личности Наполеона, отвергающей посмертное политическое возвеличивание: «И если дух вождя примчится на свиданье...». Для духа более значимым становится «знойный остров», окруженный «великим океаном», созвучный ему. Мотив полета души Наполеона к Франции приобретает противоположную направленность в системе ценностных оппозиций текста, качественно изменяя сформировавшийся в лирике поэта комплекс мотивов и образов.

4. В элегии «Гроб Оссиана» Лермонтова возникает достаточно лаконичный северный пейзаж, созвучный традициям оссианизма: «Под занавесою тумана...». Хронотоп лирическо-

го текста знаменует открытое пространство, акцентирующее ценность свободы. Духовный полет на родину предков знаменует обретение свободы, единства со стихийной северной природой, нового источника для поэтического вдохновения: «Вторично жизнь свою занять!». Особенностью этой элегии является то, что частотное для ранней лирики личное местоимение «я» здесь ни разу не использовано: автор последовательно использует притяжательное местоимение «мой»: «Шотландии моей», «дух мой». Данная особенность раскрывает стремление лирического героя обрести единство с природой.

В элегии Лермонтова «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...») мотив духовного полета и далекая родина предков также соотносятся с этической ценностью свободы. Образ парящей птицы вызывает в лирическом герое напряженную рефлексию и стремление к свободе. Формально семантика полета выражается в данной элегии анафорами, повторами, инверсией, синтаксическим параллелизмом: «На запад, на запад помчался бы я...». Кольцевая композиция лирического текста, создающаяся благодаря образу «ворона степного» и трагического вопрошания, обрамляет эпизод желанного полета на родину предков. Духовная отчизна и место фактического рождения образуют ценностную антитезу: «цветут моих предков поля» – «среди чуждых снегов»; «здесь был рожден, но не здешний душой». Хронотоп в эпизоде полета сужается: «запад», «предков поля», «в замке пустом», «на древней стене». Мотив полета в лирическом контексте неразрывно связан с мотивным комплексом эоловой арфы: «И арфы шотландской струну бы задел...». Мотивный комплекс эоловой арфы в произведении Лермонтова не оформляет диалога душ, а раскрывает трагическое одиночество души в заброшенном замке: «Внимаем одним, и одним пробужден». В элегии проявляется характерная для хронотопа лирических текстов Лермонтова особенность: душа лирического героя освобождается от власти времени, настоящего и свободно переносится в прошлое, в предвосхищаемое, желанное будущее или постигает метафизическую глубину вечности.

5. Мотив полета души (духа) включен в лирике Лермонтова в сюжеты о неразделенной любви и посмертном свидании души лирического героя с возлюбленной. Данный сюжет появляется уже на этапе поэтического становления Лермонтова и проходит через все его творчество. Так, в «Письме» («Свеча горит! Дрожащую рукою...», 1829) Лермонтова лирическая ситуация болезни и близости смерти создает условия для экспрессивного обращения к лирическому адресату – возлюбленной. Лирический герой, предвосхищая будущее, верит в бессмертие духа, который после физической смерти готов свободно странствовать: «Мой дух всегда готов к тебе летать...». В этом раннем послании также отражен мотивный комплекс эоловой арфы. Диалог души возлюбленной и «безвестного духа» осуществляется благодаря дыханию и звуку: «И звук влетит в твой удивленный слух».

Позднее, в элегии Лермонтова «Арфа» (1830–1831) мотивный комплекс эоловой арфы и мотив неразделенной любви по-

лучат трагическое образное воплощение, раскрывая, во-первых, безмолвие поэта после физической смерти, во-вторых, равнодушие лирического адресата: «Но не проснется звонкая струна». С арфой в лирическом контексте соотносено молчание, а не духовный диалог, как в романтической традиции.

Страстность лирического героя («пламенно любил») в «Письме» Лермонтова транслируется на посмертный дух, который сохраняет связь с чувственным, телесным миром, что проявляется в метафорах, уподобляющих дух и огненную стихию: «жар дыханья», «пыхнет огонь». Образный ряд смерти в послании соединяет в себе черты античной культурной традиции («парка», «тень моя безумная») и архетипические представления о смерти, отраженные в фольклоре индоевропейских народов («потушить огонь сомкнутых глаз», «мой дом подземный», «земли немой утроба»). В послании Лермонтова с загробным будущим соотносится не душа, а дух. Дух предстает в лирическом тексте как основа жизни человека («слабеет жизни дух») и как призрак, сохраняющий доминанты внутреннего мира человека (активность, максимализм, страстность, любовь к конкретной женщине).

Сохранение страстности предвосхищаемого загробного существования «обиженной тени» проявляется и в элегическом послании «Настанет день – и миром осужденный...», где возникают экспрессивное сравнение «как червь» и глагол «прилеплюсь». Развернутое представление о страстности души в загробном мире отражено и в поздней лирике Лермонтова: «Я перенес земные страсти» («Любовь мертвеца»). Страсть оказывается для эгоцентрической души значимее райского блаженства, а мгновение разделенной любви – дороже вечности.

В элегии же Лермонтова «Сон» (1841) данный комплекс загробного свидания получает развитие в качестве новом сюжетном и композиционном решении [7, с. 211], знаменуя осуществление духовного диалога, преодолевающего расставания, физическую смерть: «И снился мне...» – «И снилась ей...». Души героя и героини отстраняются от окружающего мира, выступают равноправными участниками диалога, что качественно отличает образный мир элегии от предшествующего развития мотивного комплекса, где доминировал эгоцентрический герой. Резкая антитеза уступает место параллелизму.

6. Лирическая ситуация медитации, в рамках которой развивается мотив духовного парения, оформляется в лирике Лермонтова благодаря созерцанию лирическим героем звездного неба (звезды), что мы видим, например, в элегиях «Звезда» («Светись, светись, далекая звезда...», 1830), «Звезда» («Вверху одна...», 1830–1831), где проявляется диалог с поэзией Байрона. Созерцание звезды укрепляет веру, надежду лирического героя, придает ему чувство духовной свободы, которое метафорически соотносено с полетом.

С полетом души в лирике Лермонтова также связано устремление лирического героя к идеалу, что мы видим в послании «К другу» (1829), где возникает образ «дум живых». В поэзии русского романтика эпитет «живой» в дальнейшем

станет постоянным, раскрывая чувство полноты бытия, максимальное проявление духовных интенций, веру в бессмертие, приобщение к вечности: «Живую душу ядом отравить» («1830 год. Июля 15-го»); «С земным небес живые звуки» («Слава», 1830–1831); «Надежд и дум его живых» («А. Г. Хомутовой», 1838); «В созвучье слов живых...» («Молитва» («В минуту жизни трудную...», 1839), «И все мне кажется: живые эти речи...» («Из-под таинственной холодной полумаски...» (1841). Близкое смысловое наполнение эпитета «живой» мы видим и у других русских романтиков: «Душа живая, пламень чувства...» (В. К. Кюхельбекер «Грибоедову», 1821); «Душа живая, он необоримо...» (Ф. И. Тютчев «Памяти Е. П. Ковалевского», 1868). Постоянный эпитет «живой» в русской романтической поэзии в своей образной семантике обозначает «бессмертный», «универсальный». Данный эпитет обращает к традиции псалмов, где он раскрывает источник жизни в Боге: «Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому» (Пс. 41: 3).

В анализируемом послании Лермонтова «думы живые» противопоставлены мертвящему рассудку. Идеал в послании «К другу» созвучен концепции «невыразимого» Жуковского, представая в качестве «неизъяснимой цели»: «И я душой летел...». Анафора и параллелизм на уровне поэтического синтаксиса раскрывают силу духовного порыва лирического героя.

В стихотворении Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» отстранение от окружающей действительности, характеристиками которой становятся дисгармоничность («пестрою толпою»), мнимость («сквозь сон», «стянутые маски»), бездуховность («образы бездушные людей», «бестрепетные руки»), становится начальным этапом духовного странствия. Лирический герой погружается в мир собственной души как в субстанциональную сферу. Внешняя какофония («при шуме музыки», «при диком шепоте», «шум толпы») противопоставлена «звукам», которые, как указывалось выше, служат откровениями идеала полноты бытия. Актуальная для ранней лирики поэта антитеза земного и горнего миров уступает место оппозиции акцидентного и субстанционального. Характерная для романтической гносеологии идея постижения макрокосмоса через погружение в глубины микрокосмоса наполняется метафизическим смыслом. Лирический герой в рамках мгновения («мига») преодолевает власть времени и пространства, возвращаясь в мир детства, обретая единство имманентного и трансцендентного миров, приобщаясь к метафизическому, вечному:

И если как-нибудь на миг удается мне
Забиться, – памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей [5, с. 466].

В анализируемом лирическом тексте, как и в большинстве произведений Лермонтова, мотив духовного полета формально выражается через повтор, но не глагола, а определения, раскрывающего концепт русского национального самосознания – волю. Элегический пейзаж, мечта органично соединяют детали земного мира («сад с разрушенной тепли-

цей») и небесного («первое сиянье»), представляя абсолютный идеал полноты жизни, который соотнесен с софийным началом мироздания: «С глазами, полными лазурного огня». Лирический пейзаж воплощает представление об охранительной сфере, индивидуальном рае, который связан не только с природой, но и с духовной субстанцией: «Как свежий островок безвредно средь морей...».

7. В послании Лермонтова <М. П. Соломирской> душа лирического героя, находящегося в заключении, освобождается «волею мечты». Процесс чтения письма вызывает развернутое метафизическое сравнение:

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой [5, с. 488].

Схожие сравнения представлены и в ранней лирике Лермонтова. Так, в ранней элегии поэта «Черкешенка» (1829) впечатления лирического героя от природы Кавказа и женской красоты сопоставляются с полетом горного духа:

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит [5, с. 51].

В послании <М. П. Соломирской> развернутое сравнение не только раскрывает способность бессмертной души преодолевать любые границы, но и благодатную силу духовного просветления, надежды. Как и в других произведениях Лермонтова, «мгновенье» вмещает в себя напряженный духовный опыт самопознания, преодоления пространственных и временных границ, обретения «вольности желанной».

Основные варианты мотива полета души в лирике Лермонтова часто взаимодействуют и в конкретных лирических текстах наполняются индивидуальным авторским содержанием. Пример такого взаимодействия вариантов мотива мы видим в элегии Лермонтова «Когда последнее мгновенье...» (1832),

где в рамках лаконичного лирического контекста представлены образные представления о полете души после физической смерти, о ее возвращении в земной мир в качестве наказания и страсти к возлюбленной: «Тогда я буду все с тобою».

В позднем творчестве Лермонтова в контексте эстетической полемики отражена рецепция мотива духовного полета, который стал общим местом, поэтическим штампом в русской романтической поэзии: «Все в небеса неслись душою» («Журналист, читатель и писатель», 1840). В этой связи вполне закономерно, что в поздних произведениях поэта раскрытие духовной активности часто не имеет формального метафорического соотнесения с полетом, хотя бессмертная душа свободно преодолевает временные и пространственные границы: «Ветка Палестины» (1837), «Молитва» («В минуту жизни трудную...», 1839).

Выводы. Итак, в лирике Лермонтова мотив полета души раскрывает ее способность преодолевать пространственные и временные границы, утверждает этические ценности любви, свободы, веры и надежды. Мотив духовного полета соотнесен в творчестве русского романтика с мотивами загробных мытарств, сошествия в могилу, мотивными комплексами эоловой арфы, звука, диалога душ, разделенных физической смертью, образным представлением о далекой родине предков. Основными формальными средствами выражения мотива духовного полета являются лексические повторы, анафоры, синтаксический параллелизм, анжамбеманы, инверсия, фрагментарность. Полет души в художественном мире Лермонтова осуществляется в рамках онтологической горизонтальности, вертикали и метафизической сферы. Мотив духовного полета оформляет лирическую ситуацию медитации, когда душа лирического героя постигает метафизическую глубину вечности, обретает чувство полноты бытия.

Источники

1. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. М.: Изд-во Московского областного ун-та, 2017. 178 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35147868>
2. Москвин Г. В. Первый период творчества М. Ю. Лермонтова (ранняя лирика) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 3. С. 107–115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22763185>
3. Калашникова А. Л. Мотив парения души в любовной лирике Ф. И. Тютчева 1850–1860-х гг // Уральский филологический вестник. Сер. Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 77–86. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25080208>
4. Шохина Е. В. Весенний тоpos русской поэзии: птицы и мотыльки // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (274). С. 170–173. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28912555>
5. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 756 с.
6. Асмус В. Круг идей Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43/44. I. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 83–128.
7. Сычева Е. О. Религиозный спор в одолевском цикле М. Ю. Лермонтова // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России: материалы III всероссийской научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во Северо-осетинского государственного ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2015. С. 209–213. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27528504>

Информация об авторе

Косяков Геннадий Викторович

Доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия (644105, РФ, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). E-mail: gen777kos@mail.ru

G. V. Kosiakov¹

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The motif of a soul's flight in the poems by M. Yu. Lermontov

Abstract. The research is devoted to the study of artistic ontology and anthropology of the lyric poetry by M. Yu. Lermontov, to the concept of the immortal soul in the context of the main antithesis between the earthly and heavenly worlds and the desire to overcome it. The purpose of the work is a comprehensive study of different variants of the soul flight motif being a significant structural component of the narratives, the concept of the Universe in Lermontov's poems. The research is based on Lermontov's poems, on historical-literary, cultural-historical, historical-genetic methods, technologies of holistic and mythopoetic analysis.

The results consist in revealing Lermontov's innovation in the development of the soul flight motif, in its connection with the motif complexes of unrequited love, the Aeolian harp, the motif of the descent into the grave. The paper studies the originality of the composition, narratives, and chronotopes in Lermontov's lyrical texts, the lexical and syntactic embodiment of the spiritual flight motif.

It is concluded that the motif of the soul's flight reveals Lermontov's individual artistic understanding of archaic mythological and Christian ideas about spiritual substance. The motif of the soul's flight in the poems by Russian romanticist reveals his ideas about the ethical values of faith, hope, love and freedom, about the absolute ideal of fullness of Life.

Keywords: narrative, motif, concept, chronotope, mythopoetics, religiosity, romanticism, soul.

Paper submitted: May 11, 2020

For citation: Kosiakov G. V. (2020). The motif of a soul's flight in the poems by M. Yu. Lermontov. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 6–12. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.1

References

1. Kiseleva I. A. (2017). Works by M. Yu. Lermontov as a religious and philosophical system. Moscow: Moscow Region University Publ., 178 p. (In Russian)
2. Moskvina G. V. (2014) The first period of M. Yu. Lermontov's works (early lyrics). Vestnik of Moscow University. Ser. 9. Philology, no. 3, pp. 107–115. (In Russian)
3. Kalashnikova A. L. (2015). The motif of a soul's flight in love lyrics by F. I. Tyutchev 1850–1860. Ural Journal of Philology. Ser. Russian classics: dynamics of art systems, no. 3, pp. 77–86. (In Russian)
4. Shohina E. V. (2017). Spring topos of Russian poetry: birds and moths. Izvestia of Voronezh State Pedagogical University, no. 1 (274), pp. 170–173. (In Russian)
5. Lermontov M. Yu. Collected works: In 4 v. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1958. Vol. 1. 756 p.
6. Asmus V. Circle of M. Yu. Lermontov's ideas. Literary legacy. Vol. 43/44. I. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. pp. 83–128. (In Russian)
7. Sycheva E. O. Religious dispute in Odoevskiy's series by M. Yu. Lermontov. Slavic writing and culture as a factor of unity of the peoples of Russia: materials of the III all-Russian scientific and practical conference. Vladikavkaz: North Ossetian State University after K. L. Khetagurov Publ. 2015. pp. 209–213. (In Russian)

Information about the author

Gennadiy V. Kosyakov

Dr. Sc. (Philology), Professor. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9151-1111>
e-mail: gen777kos@mail.ru

© Г. В. Косяков, 2020

УДК 821.161.1

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.2

Л. Р. Велилаева¹¹Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь, Российская Федерация

Шотландский эмиграционный поэтический дискурс XIX века: образовательный аспект

Аннотация. Творчество шотландских поэтов-эмигрантов содержит достаточно обширный материал, позволяющий проанализировать семейный, трудовой, религиозный и культурный аспекты их жизни в эмиграции. Однако образование, система образования в целом не были отдельно упомянуты, хотя определённо повлияли на творческие поиски и контакты. Цель данной статьи – анализ образовательного аспекта шотландского эмиграционного дискурса США XIX века. Исследование проводится на основе следующих подходов и методов: историко-биографический, сопоставительный, реального комментирования (тезаурусный), а также элементы статистического и гендерного анализа. Проведен сопоставительный анализ образовательной системы в США и Шотландии XIX в., выявлены интегральные и дифференциальные характеристики образовательного процесса указанного периода. Выделены следующие уровни образовательной системы: школьное образование, среднее специальное образование (колледжи) и высшее образование. Установлено, что система школьного образования в Шотландии была более разнообразной: кроме церковно-приходских школ (Parish schools), также функционировали городские школы (Burgh Schools) и школы, существовавшие на благотворительные средства (Endow Schools). Среднее специальное образование и высшее образование имели схожие принципы организации. Отдельное внимание уделено системе женского образования, которая формировалась как самостоятельная сфера деятельности значительно позднее мужского образования. Образовательный аспект проанализирован в контексте авторских биографий. Установлено, что из 28 поэтов-эмигрантов лишь двоим удалось получить университетское образование. Однако поэтологический анализ свидетельствует о высокой версификационной технике, усложненной стилистике и жанровом разнообразии поэтических текстов. Установлено, что такие результаты смогли быть достигнуты благодаря постоянному самообразованию шотландских поэтов-эмигрантов и шотландской литературной традиции, которую они продолжали развивать и поддерживать в эмиграции. Делаются выводы, что шотландский эмиграционный поэтический дискурс – самостоятельный сегмент в шотландской и американской литературе XIX в. Образовательный аспект отразился косвенно в биографиях поэтов и литературных предпочтениях, прямо – в их поэтических текстах (обращение к национальным поэтическим традициям: 1) национального фольклора; 2) национальной книжной классики; 3) Священного Писания и Предания).

Ключевые слова: Шотландия, США, эмиграционный дискурс, поэзия, образовательный аспект, женское образование, мужское образование.

Дата поступления статьи: 29 мая 2020 г.

Для цитирования: Велилаева Л. Р. (2020). Шотландский эмиграционный поэтический дискурс XIX века: образовательный аспект // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 13–17. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.2

Проблема и цель. Судьба шотландцев (а следовательно, и шотландской литературы) была веками связана с эмиграционными процессами. В результате эмиграции из Ирландии появились на Британских островах в IV–V вв. н. э. сами предки шотландцев – скотты. Эмигрантом – ирландским принцем, ставшим настоятелем монастыря на шотландском о. Ионе и христианизатором всей северо-западной Шотландии был Святой Колумба – первый канонизированный шотландский святой. В вынужденной многолетней эмиграции находились даже попавшие в плен шотландские короли и королевны. Яков I Стюарт (1566–1635) вернулся из такой эмиграции на трон, оставив «Книгу королевских песнопений»: поэтический дневник эмигрантских лет. Для Марии I Стюарт (1542–1587) эмиграция закончилась на плахе. Но стихи августейшая эмигрантка успела написать тоже.

В XVIII–XIX веках шотландская эмиграция приняла массовый характер. В XVIII веке на то были в основном политические причины. XVIII век был столетием двух крупных вооружённых восстаний против унии Шотландии с Англией

(1715; 1745–1748). В XIX веке шотландская эмиграция получила преимущественно экономическую мотивировку.

Настоящая публикация ставит целью рассмотреть эмиграционный дискурс шотландских поэтов США в XIX веке. В центре внимания будет образовательный аспект этого дискурса – один из наименее освещённых, как показал анализ соответствующих данных [1–12].

Методология. Материалом настоящего исследования послужили стихотворения шотландских поэтов-эмигрантов. В работе использованы подходы и методы историко-биографический, сопоставительный, реального комментирования (тезаурусный), а также элементы статистического и гендерного анализа.

Результаты. Поэзия шотландской диаспоры США в XIX веке, с одной стороны, менее фактуальна, чем синхронная ей проза. С другой стороны, она гораздо более фактуальна, чем английская метрополийная поэзия того же периода. Поэтический эмиграционный дискурс (особенно песни-импровизации и баллады) позволяет увидеть трудовую и семейную жизнь малых городов,

деревень и ферм США, будни и скромные праздники их шотландских обитателей. Так, например «освоение» американского Запада Дж. К. Моффат описывает как грандиозный поединок Человека и Джунглей. Человек – это тот, кто в этом поединке с Природой «<...> compel her rude life to surrender the world, / The marsh and the jungle to yield / To him who can out of her deserts unfold / The wealth of the fruit-bearing field <...>» [8, с. 51]. Трудовые будни шотландцев-эмигрантов, их уклад жизни вообще живописательны и емко представлены в стихотворении П. Росса «Два шотландца» (Twa Scots): «<...> Ane built a kirk, and fee'd it fair; / Ane built the puir, the sick, the lame / A snug and bien' like restin' place. / And call'd it a Saint Andrew's Hame. / And to the puir at hame, some wealth / They freely spent baith spring and simmer, / And mony a frail man blessed their names. / And for their peace pray'd mony a kimmer. <...>» [6, с. 91]. Адаптируясь к новым условиям, шотландцы-эмигранты перенимают и традиционные американские празднования, такие как, например, День благодарения (Х. МакКаллох, «День Благодарения», Thanksgiving Day). Не менее выразительны их культурный и религиозный фон: имена, цитаты, аллюзии (Дж. Лайон, «Вера в Бога» (Confidence in God); А. МакЛаклан, «Бог» (God); П. МакФерсон, «Шотландский бард» (Scotia's Bard); Дж. Крайтон, «Сад Муз» (The Garden of the Muses). Однако, несмотря на полиаспектность творчества шотландских поэтов-эмигрантов, образование (за исключением единичных текстов, например, Т. Латто «Когда мы были школяры», As We Were at the Schule) практически не находит отражения в их творчестве и потому нуждается в специальном исследовании.

Образование в Шотландии: школа. Школьное образование в Шотландии изначально связано с Церковью. Первыми образовательными учреждениями стали приходские школы (parish school). Функционировали они, как правило, при какой-либо определенной церкви. Такие школы были распространены преимущественно в сельской местности. Учитель в них назначался не светскими властями, а пресвитерией: сообществом церковных пастырей (пресвитеров) данной местности. Понятно, что вся система образования в подобных школах не должна была противоречить церковным установкам [13, с. 210–217; 14].

Наряду с этими школами существовали школы городские (burgh school). Вдобавок в Хайленде и на островах с 1838 года появляется третий тип школ: так называемые endow schools (школы, существующие на благотворительные средства). Кроме того, появление в Шотландии т. н. Свободной церкви (Free Church), независимой от государственной Шотландской церкви (Church of Scotland), привело, начиная с 1843 года, к возникновению школ при таких «свободных» церквях (Free Churches schools) [14, с. 127–137].

С 1861 года школьное образование в Шотландии было упорядочено юридически. Был принят специальный Акт [13, с. 238], который фиксирует все важнейшие стороны школьной системы: 1) зарплату; 2) квалификационные экзамены самих учителей, они сдаются не пресвитерам, а профессорам университетов, 3) возможность получить образование для девочек. После при-

нятия Акта девочки и мальчики начали обучаться вместе и по единой программе. В Акте было оговорено, что для преподавания дисциплин, связанных с домоводством, можно привлекать учительниц-женщин. Правительство спонсировало подготовку женщин-учителей специальными грантами. Но эта оговорка и эти льготы не увеличили числа учительниц. Так, в 1838 году из 4000 учителей только 700 человек были женщинами. В 1861 году ситуация изменилась не намного.

Образование в США: школа. В США школьное образование имело свою специфику. Общее школьное образование было связано с деятельностью церковно-приходских школ. Девочкам оно стало доступно лишь к середине XIX века. До этого их подготовка и образование сводились к обучению семейным делам: основам домоводства и рукоделию. Для зажиточных семей прибавились уроки музыки и танцев. Учились девочки США изначально вместе с мальчиками, хотя вначале существовали и отдельные школы для девочек. Официальное право на получение мальчиками и девочками равного образования закрепила реформа 1896 года. Впрочем, практически популярность женских школ стала сокращаться гораздо раньше. Так, в 1889 году женских школ в стране оставалось только 62, в 1904 году – только 39. Связано это было с тем, что все больше американских женщин начали работать на фабриках, в конторах, в торговле и т. п. [15]

Образование в Шотландии: колледжи и университеты. Интерес к предметам, помогавшим дальнейшему трудоустройству, привел к появлению в Шотландии специальных колледжей (Academies). Именно они давали девушкам и юношам шанс раньше получить работу. Конечно, из-за гендерных предрассудков девушек начали принимать позднее: лишь к середине XIX века. Первыми оказались «старые» университеты: Сэнт Эндрюс (1864), Эдинбургский университет (1865), Университет Глазго (1877), Абердинский университет (1880). При этом с самого начала на вступительных экзаменах количество девушек превышало количество юношей [13, с. 265; 18].

В каждом шотландском университете создавались собственные студенческие ассоциации. Они могли организовывать отдельные лекционные курсы для девушек по актуальным для них дисциплинам. Например, в Абердинском университете существовала особая Ассоциация по внедрению высшего образования среди женщин (Association for the Promotion of the Higher Education of Women, 1868) и так далее. При её поддержке читались курсы лекций по спецпредметам.

Образование в США: колледжи и университеты. Появление высшего образования в США также связано с увеличением числа колледжей в первую очередь. Эта ступень образования давала возможность работать значительно раньше и претендовать на более квалифицированный труд. Собственно высшее образование становилось актуальным лишь в условиях профессиональной конкуренции (середина XIX в.). Женское среднее образование становилось все более популярным, после того как остро начала ощущаться нехватка учительниц-женщин. Это привело к открытию частных женских семинарий и институтов: Тройской жен-

ской семинарии (Э. Уиллард, 1819 г.), Западного женского института (К. Бичер, 1832 г.). Уже к концу 1840-х годов педагогические училища для женщин получают собственную Хартию (Диплом) образовательного колледжа от Национальной Ассоциации образования США (NEA). В 1830-е годы американские женщины приобщаются и к высшему образованию. Открываются женские колледжи, женщинам разрешают обучаться в мужских колледжах и университетах, уже имеющих опыт совместного обучения. К середине XIX века таких колледжей было уже 97. Женщины могли получать в них даже степень бакалавра [15, 17].

Наконец, в 1870-х годах женщинам был открыт доступ в университеты. Первым для них открылся Бостонский университет. В то же время ещё в 1960-е годы женщинам приходилось отвоевывать свое право получать высшее образование в других университетах. К примеру, последним в этом списке оставался Принстонский университет.

При всех реформах в образовательных системах Шотландии и США, весь XIX век и там и там женщину видели прежде всего хозяйкой дома, женой и матерью. Её социальная функция – налаживать домашнее хозяйство, заниматься воспитанием детей и организовывать досуг семьи. Потому и женское образование было направлено прежде всего на то, чтобы подготовить девушку к этим сугубо семейным обязанностям.

Оттого в произведениях поэтов-шотландцев США женщины и девушка редко изображаются на публичных лекциях, самодеятельных вечерах. Гораздо чаще они возникают у домашнего очага, за рукоделием, за работой на усадьбе. Мало конкретных упоминаний их профессий и сфер деятельности (Г. МакФерсон, «Моя родословная» (Genealogical); Т. К. Латто «Когда мы были школярами» (When we were at the schule) и др.). Даже о посещении церквей и благотворительности регулярнее повествуется не в женском, а в мужском варианте (П. Росс, «Два шотландца» (Twa Scots) и др.).

Биографии шотландских поэтов-эмигрантов: образовательный аспект. Шотландские поэты-эмигранты уезжали в США в разном возрасте: от раннего детства (4-5 лет) до поздней зрелости (50 лет). Преобладают вместе с тем две возрастные группы: 16–20 лет и 21–30 лет. В первой группе вопрос об эмиграции решали родители. Во второй группе выбрали страну нового проживания и сроки своего отъезда сами эмигранты. К этому возрасту подавляющее большинство из них уже имели среднее специальное образование. Зато получить образование высшее (или хотя бы проучиться в университетском колледже) удавалось далеко не всем. Мы собрали и проанализировали биографии 28 наиболее известных шотландских поэтов США XIX века [6–9]. Из них всего лишь двое (Дж. Моффат и Дж. Мэсси) сумели окончить университеты. Остальным помешали финансовые, трудовые и семейные причины (жизнь вдали от больших городов, многочисленные, в т. ч. многодетные семьи, роль главного кормильца и т. п.).

Те же причины не раз заставляли эмигрантов сменять профессию. Такая перемена зачастую происходила даже по окон-

чании профессионального обучения. Молодому человеку в чужом мире приходилось осваивать работу, не совпадающую (а порой резко контрастирующую) с той, которую он выбирал сам. Так, Х. МакКаллох учился на машиниста, однако работать начал как продавец галантерейных товаров в мелкой лавочке. М. Тейлор получил образование городского коммунального работника, но работы по профессии не нашел и с большим риском открыл скромный бизнес. Примеры такой переориентации можно умножить.

Вместе с тем причиной перемен могла стать кардинальная переоценка жизненных ценностей в противоположном направлении. Более или менее стабильные служебные профессии молодые эмигранты меняли на профессии более творческие (или по крайней мере более близкие к литературе, книгоиздательству, журналистике). Так, Э. Ванлис освоил ремесло переплётчика. Однако его он сменил на более гуманитарное занятие книгоиздателя. Схожий путь прошли Х. Эйнсли, Дж. Кеннеди, Д. М. Хендерсон [6, 8].

Случались у поэтов-эмигрантов и жизненные перемены противоположного рода. Отсутствие спроса на ту или иную, более «статусную» профессию, денежные нехватки в семье могли вынуждать авторов менять работу на менее творческую или менее престижную, иногда – переходить из категории служащих («белых воротничков») в ремесленники, а иной раз вообще отказываться от интеллектуального труда. Такой оказалась в Шотландии судьба Дж. Д. Лоу, который, получив педагогическое образование, вынужден был работать клерком на фирме по купле-продаже имущества.

Все перечисленные биографические перипетии объясняют отъезд молодых (а иногда и не очень молодых) шотландцев в США стремлением не просто приобрести профессию и / или должность более выгодную, но заняться чем-либо творческим, интересным, по-человечески более достойным.

Отношение к литературным занятиям (а они, как показывают биографии, могли специально мотивировать переезд некоторой части шотландской молодёжи в США) было у «американских шотландцев» и у «шотландских шотландцев» разным и по условиям более масштабным – историко-литературным. Дома, среди шотландцев метрополии, литература (особенно поэзия) и в XVIII, и в XIX веках продолжала считаться делом национально значимым, занятием для духовных лидеров, способных сделаться голосом всей нации. Недаром в стихотворении Д. М. Хендерсона «Посылка из дома» (Flow'rs frae hame) Шотландия описывается как страна, «где герои гибли за народ» и одновременно «где поэты песни наши пели» (“Whaur the martyrs dee'd”, “whaur the poets sang”). Подвиги религиозные и политические уравниваются по своему значению для национальной истории с творениями поэтическими. Переехав в Штаты, где поэты (кроме очень немногих) никогда не имели статуса общенациональных героев и лидеров, шотландские эмигранты постарались сохранить подобный статус хотя бы для поэтов своего мира – мира диаспоры. Образование, культуру, родные

традиции они стремились не только сохранить «за океаном», но и внедрить в новый житейский контекст и творческий сверхтекст. При всей ограниченности своего положения в американском мире (подробнее см. об этом в нашей монографии [18]), поэты шотландской диаспоры смогли внести в этот мир «большой» страны (great, grand) свой, отнюдь не малый культурный вклад.

Выводы. Обзор научной литературы и художественных текстов шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века, а также сопоставление их творчества с творчеством их современников в метрополии позволили прийти к определенным (но, разумеется, предварительным) выводам.

1. Эмиграционный дискурс шотландцев США составляет особый, вполне самостоятельный сегмент в системах как американской, так и шотландской литературы XIX века.

2. Образовательный аспект нашёл в них отражение, причём отражение и косвенное, и прямое. Косвенное – образовательный ценз исследуемых поэтов сказался в их биографиях и литературных предпочтениях. При этом культурный тезаурус «шотландских шотландцев» оказался не более бедным, а рав-

ным (если не более обширным), чем аналогичный тезаурус «американских шотландцев».

3. Прямое – масштаб и характер их образованности отразился в текстах их поэтического наследия. Формами такой текстуализации можно считать использование национальных и мировых литературных и общекультурных традиций.

4. Наиболее влиятельными из этих традиций (и в метрополии, и в диаспоре) показали себя традиции: 1) национального фольклора; 2) национальной книжной классики; 3) Священного Писания и Предания (для шотландцев – Библии и творений / биографий христианских святых). Близкой к статусу национальной классики оказалась античная классическая традиция. Это можно мотивировать высокой ролью университетов и гуманитарного образования в истории Шотландии с XV века и до наших дней.

5. Сочетание традиционализма и новизны повлияло и на другие аспекты изучаемой нами поэзии: гендерный, философский, пародийно-юмористический и др. Это открывает новые перспективы для дальнейших исследований обозначенной темы.

Источники

1. Новикова М. А. Патриотический дискурс: мифы и контр-мифы / М. А. Новикова // Світова література на перехресті культур і цивілізацій. Зб. наук. праць. – Симферополь : Кримський Архів, 2008. Вип. 1. 432 с. С. 264–271.
2. Новикова М. А. Эмиграция: опыт типологии / М. А. Новикова // Мат-лы IV Междунар. науч. конф. РАН, БАН, НАНУ, Таврич. нац. ун-т им. В. И. Вернадского и др. Симферополь : Крымск. Архив, 2010. С. 161–172.
3. Bremner C. S. Education of girls and women in Great Britain / C. S. Bremner. London : Swan Sonnenschein & Co., Lim., 1897. 296 p.
4. Pryor A., Bowman P. Folklore and education: a short history of a long endeavor // The Journal of American Folklore. 2016. Vol. 129, Issue 514. P. 436–458. DOI: <http://dx.doi.org/10.5406/jamerfolk.129.514.0436>
5. Reyes-Aguilar A., Barrios F. A. Preliminary Study of Sex Differences in Emotional Experience // Psychol Rep. 2016. Vol. 118 (2). P. 337–352. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0033294116633350>
6. Ross J. D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices / J. D. Ross. New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. 377 p.
7. Ross P. Scot in America / P. Ross. New York: The Raeburn book company, 1896. 446 p.
8. Ross J. D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices / J. D. Ross. New York: Pagan & Ross, Publishers, 1889. 218 p.
9. Scots and Scots' descendants in America / ed. by D. MacDougall. New York: Caledonian Publishing Company, 1917. 390 p.
10. The Norton Anthology of English Literature / ed. by M. H. Abrams. New York: W.W. Norton & Company, 1993. 2586 p.
11. Thomas M. C. Education of women / M.C. Thomas. New York: J. B. Lyon Company, 1899. 356 p.
12. Umaña-Taylor, A. J. (2004). Ethnic identity and self-esteem: Examining the role of social context. Journal of Adolescence, 2004. № 27 (2), P. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2003.11.006>
13. Balfour G. The educational systems of Great Britain and Ireland / G. Balfour. Oxford : At the Clarendon Press, 1903. 307 p.
14. Bremner C. S. Education of girls and women in Great Britain / C.S. Bremner. London: Swan Sonnenschein & Co., Lim., 1897. 296 p.
15. Степанова О. Ю. Женское образование в США : Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / О. Ю. Степанова. Ставрополь, 2005. 30 с.
16. Davies E. Women in the universities of England and Scotland / E. Davies. Cambridge: Macmillan and Bowes, 1896. 49 p.
17. Hunter W. W., Hance E. M. Crawford E., Magnus Ph., MacCarthy E. F. M. State education for people / W. W. Hunter, E. M. Hance, E. Crawford, Ph. Magnus, E. F. M. MacCarthy. London: George Routledge and sons, Ltd., 1891. 176 p.
18. Велилаева Л. Р. Эмиграционный и метрополийный дискурсы шотландской поэзии XIX века : монография / Л. Р. Велилаева. Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2019. 172 с.

Информация об авторе

Велилаева Лилия Раимовна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии. Крымский инженерно-педагогический университет (295015, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8). E-mail: lilivelilaeva@yandex.ru

L. R. Velilaeva¹¹Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation**Scottish emigrational poetic discourse of the XIXth century: educational context****Abstract.** The aim of the article is the research of Scottish emigrational discourse in its educational aspect.

The material of the analysis is Scottish emigrational poetry of the XIXth century. The paper involves such methods of investigation and analysis: historic-biographical, contrastive, method of actual commentation, methods of statistical and gender analysis.

On the basis of comparative analysis of the educational systems of both Scotland and the USA, it is revealed that they have differential and common features of educational process. Three levels of education common for both countries are revealed: general school education provided by schools, special education provided by colleges and higher education provided by universities. Scottish school education in the XIX century was based on parish schools, burgh schools and endow schools. In the USA school education was implemented by parish school only. It is assumed that special education and higher education were almost the same for both countries. Special attention is paid to the system of girls and women's education. Common tendency for both countries of that period was the fact that it was formed and functioned later than male's and not with the same educational curriculum. Authors' biographies are analyzed in the context of the educational research. It is determined that among 28 poets only 2 got higher education. Nevertheless poetical analysis reveals high versification technique, complicated stylistics and genre variety of Scottish emigrants' poetical works. Such results could be achieved due to the self-education of Scottish poets-emigrants and their strong connections with Scottish literary tradition which the continued to develop in the USA.

The research allows the formulation of the following results:

Emigrational discourse of the USA's Scots of the XIX century is an independent segment in the contexts of both American and Scottish literatures of that period.

Educational aspect is reflected in them, both directly and indirectly. It is reflected indirectly in their biographies and literary preferences.

Directly the coverage and character of their scholarship reflected in their poetical texts. The usage of national and world literary preferences can be regarded as forms of such textualization.

The most influential of those traditions were traditions of 1) national folklore, 2) national bookish classics, 3) Holy Scripture and Tradition (for Scots they were the Bible and works/biographies of Christian Saints).

Combination of traditionalism and novelty influenced other aspects of the poetry under consideration: gender, philosophical, parody-humorous, etc. They reveal new perspectives of further researches.

Keywords: Scotland, the USA, XIX century, emigration, discourse, poetry, education (male and female).

Paper submitted: May 29, 2020

For citation: Velilaeva L.R. (2020). Scottish emigrational poetic discourse of the XIXth century: educational context. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 2, pp. 13–17. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.2

References

1. Novikova M.A. Patriotic discourse: myths and contramyths. *World Literature on the Intersection of Cultures and Civilizations*. Part 1. Simferopol, Crimean Archive Publ., 2008, pp. 264-271. (In Russian)
2. Novikova M. A. Emigration: an experience of typology. *Collection of scientific articles*. Simferopol, Crimean Archive Publ., 2010, pp. 161–172. (In Russian)
3. Bremner C. S. *Education of girls and women in Great Britain* / C. S. Bremner. London : Swan Sonnenschein&Co., Lim., 1897. 296 p.
4. Pryor A., Bowman P. Folklore and education: a short history of a long endeavor // *The Journal of American Folklore*. 2016. Vol. 129, Issue 514. P. 436–458. DOI: <http://dx.doi.org/10.5406/jamerfolk.129.514.0436>
5. Reyes-Aguilar A., Barrios F. A. Preliminary Study of Sex Differences in Emotional Experience // *Psychol Rep*. 2016. Vol. 118 (2). P. 337–352. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0033294116633350>
6. Ross J. D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices / J.D. Ross. New York : Walter W. Reid, Publishers, 1897. 377 p.
7. Ross P. *Scot in America* / P. Ross. New York : The Raeburn book company, 1896. 446 p.
8. Ross J. D. *Scottish Poets in America with biographical and critical notices* / J. D. Ross. New York : Pagan&Ross, Publishers, 1889. 218 p.
9. *Scots and Scots' descendants in America* / ed. by D. MacDougall. New York : Caledonian Publishing Company, 1917. 390 p.
10. *The Norton Anthology of English Literature* / ed. by M. H. Abrams. New York : W.W. Norton&Company, 1993. 2586 p.
11. Thomas M. C. *Education of women* / M.C. Thomas. New York : J. B. Lyon Company, 1899. 356 p.
12. Umaña-Taylor, A. J. (2004). Ethnic identity and self-esteem: Examining the role of social context. *Journal of Adolescence*, 2004. № 27 (2), P. 139-146. DOI <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2003.11.006>
13. Balfour G. *The educational systems of Great Britain and Ireland* / G. Balfour. Oxford : At the Clarendon Press, 1903. 307 p.
14. Bremner C. S. *Education of girls and women in Great Britain* / C.S. Bremner. London : Swan Sonnenschein&Co., Lim., 1897. 296p.
15. Stepanova O. Yu. Women education in the USA. Abstract of thesis. Stavropol, 2005. 30 p. (In Russian)
16. Davies E. *Women in the universities of England and Scotland* / E. Davies. Cambridge: Macmillan and Bowes, 1896. 49 p.
17. Hunter W. W., Hance E. M. Crawford E., Magnus Ph., MacCarthy E. F. M. *State education for people* / W. W. Hunter, E. M. Hance, E. Crawford, Ph. Magnus, E. F. M. MacCarthy. London : George Routledge and sons, Ltd., 1891. 176 p.
18. Velilaeva L. R. *Emigrational and mother country discourses of Scottish poetry of the XIXth century: monograph*. Simferopol, IP Khoteeva Publ., 2019, 172 p. (In Russian)

Information about the author**Liliya R. Velilaeva**

Cand. Sc. (Philol.), Senior Lecturer of Department of English Philology. Crimean Engineering and Pedagogical University (8 Uchebnyi Lane, Simferopol, Republic of Crimea, 295015, Russian Federation). E-mail: lilivelilaeva@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.3

Е. Н. Рымарева¹

¹Нижевартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Российская Федерация

Мифологема о сыне Бога в контексте обско-угорской литературной традиции

Аннотация. В работе рассматривается проблема трансформации мифологема о сыне Бога в культурной и литературной традиции народов мира. Цель статьи – осмысление архетипического образа бога-младенца на примере одного из основных объектов вогульской мифологии и религиозного культа, сына верховного бога Тоума, Мир-сусне-хума. Исследование проводится на основе метода компаративистики, сравнительного изучения литератур и культур, обеспечивающего понимание мифологема о сыне Бога в литературной традиции народов мира и в специфике её реализации в литературной традиции народа обских угров. Основными методами анализа являются сравнительно-исторический, культурологический, сравнительно-типологический. Мифологический образ вогульского бога Мир-сусне-хума истоками своими восходит к мифологема о сыне Бога, получившей в процессе трансформации широкое распространение в культурной и литературной традиции многих народов. Приводятся наблюдения о трансформации данного мифообраза в мифологию и фольклор обских угров. Делаются выводы, что мифологема о сыне Бога в основе своей содержит традиционное повествование и подвержена процессу постоянной трансформации. Анализ мифообраза Мир-сусне-хума позволяет нам говорить о взаимосвязи обско-угорской фольклорной традиции с литературными традициями других народов мира.

Ключевые слова: мифологема, архетип, миф, сказка, литературная традиция, Мир-сусне-хум.

Дата поступления статьи: 25 сентября 2019 г.

Для цитирования: Рымарева Е. Н. (2020). Мифологема о сыне Бога в контексте обско-угорской литературной традиции // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 18–22. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.3

Проблема и цель. Мифологема возникает в пространстве мифа, проходит сложный процесс трансформации во времени и проникает в культуру других народов. Традицией с незапамятных времен сохранены мифологема о богах и существах им подобных, о героических сражениях, путешествиях в иные миры, о героях и их подвигах. Одной из широко распространённых мифологем является мифологема о сыне божьем. Проблема трансформации данной мифологема в культурные и литературные традиции народов мира являлась предметом исследования многих учёных: филологов, антропологов, лингвистов. Нас интересует трансформация мифологема о сыне Бога в обско-угорскую фольклорную традицию, в которой она реализуется в образе вогульского бога Мир-сусне-хума.

Методология. Исследование проводится на основе метода компаративистики, сравнительного изучения литератур и культур, обеспечивающего понимание мифологема о сыне Бога в литературной традиции народов мира и в специфике её реализации в литературной традиции народа манси. Основными методами анализа являются сравнительно-исторический, культурологический, сравнительно-типологический.

Результаты. Мифологема о сыне Бога, спустившегося на землю, является весьма популярной и встречается в творчестве многих народов. У греков она запечатлена в мифах об Эросе и Афродите. Эрос по одной из версий его рождения был высижен из Мирового яйца и являлся первым из плеяды богов. «Гезид, изображая происхождение вселенной, говорит: «Раньше всех богов он насадил любовь, а всего раньше Хаос родился, а потом земля широкогрудая и любовь, которая над всеми бес-

смертными выдается» [1, с. 43]. Чаще всего, говоря об Эросе (Купидоне), отрицается наличие у него отца или матери, его приравнивают к Тартару или Гее-Земле. По другой версии он был сыном Афродиты (в различных вариантах отцом был Гермес, Арес, Зевс) [2, с. 89–90]. Купидон был весьма своенравен, не почитал взрослых и лишь порхал на своих золотых крыльях.

У мусульман в Коране запечатлён миф о непорочном рождении Исы от Марьям по велению Аллаха, Иса является «словом дарованным Марьям» (Коран, 4:171) [3, с. 100–101]. В христианских конфессиях мифологема о сыне Бога связана с именем Иисуса. Ангел сказал Марии: «Дух Святой сойдёт на тебя, и Сила Всевышнего осенит тебя, поэтому ребёнок, которого ты родишь, будет святым – Он будет зваться Сыном Бога» (Лк. 1:35) [4, с. 1285].

В буддизме распространён миф о чудесном рождении Бодхисаттвы, который позже стал Гаутамой Буддой. Он вошёл в чрево матери своей Майи через правый бок, и через 10 месяцев она благополучно разрешилась в роще Лумбини, причём рождение произошло также через правый бок. «Гуляя между деревьями, Майя схватилась за одну из нагнувшихся ветвей и устремила свой взгляд в даль небесную, мгновенно расцветшую переливами яркой радуги. И в это мгновение родился Бодхисаттва» [5]. В узком смысле слова бодхисаттвами называют многих мифологизированных персонажей. Один из них – Авалокитешвара – бодхисаттва сострадания.

Мифологема о рождении сына от Бога живёт и в мифах вогулов. Венгерский антрополог, собиратель языка и фольклора манси А. Регули, впервые записал их ещё в XVIII веке, а расшифровал и опубликовал его труды последователь-соотече-

ственник Б. Муканчи. У бога Торума, центральной фигуры хантыйского пантеона, восемь детей, и все они рождены на небе, кроме одного. «В мифологии обских угров сохранились представления о «золотом» семействе верховного небесного бога Нуми-Торума, жена которого Калтащ-эква именовалась также Сорни (Шорни)-сис – «Золотая»; их сыном был упомянутый золотой всадник – Шорни-Торум, Мир-сусне-хум. Местом обитания и культа богини считалась Нижняя Обь» [6, с. 25].

Существует несколько вариантов мифа о рождении Мир-сусне-хума, одного из основных объектов религиозного культа вогулов, младшего, седьмого сына Торума, смотрящего за миром людей. Сюжетная коллизия всегда непосредственно связана с образом его матери, Калтащ-эквы. «Она является то дочерью верховного бога, то его сестрой, которая взяла в приёмные сыновья найденного на земле «золоторукого, золотоногого мальчика» и из-за него спустилась жить на землю» [7, с. 147] (заметим, что греческий Эрос тоже имел золотые конечности, был золотокрылым). По одной из версий она родила сына на земле, по другой между двумя мирами, верхним и средним, когда падала после изгнания из верхнего мира.

Мифологическая модель мира у вогулов трёхмерна: верхний, средний и нижний миры, которые между собой взаимосвязаны столбами, лестницами либо отверстиями. Перемещение в мирах – это норма и для богов, и для богатырей, и для людей. Аналогичные модели мира зафиксированы в верованиях древних греков, индусов, вавилонян и персов.

К. Юнг в книге «Душа и миф: шесть архетипов» описывает, что Мир-сусне-хум «... был рождён в качестве сына женщины, изгнанной с небес. Она упала на берега реки Обь. «Под её правой подмышкой сломались два ребра. Родился младенец с золотыми руками и ногами». Этот способ рождения, появление ребёнка из материнского правого бока, свидетельствует о влиянии буддизма» [8, с. 44]. Он же отмечает сходство между вогульским богом и Авалокитешварой во внешности (золотой мальчик Мир-сусне-хум и новорождённый Будда из мира Авалокитешвары, излучающий золотой свет) и в жизненном предназначении: сострадательно наблюдать за порядком в мире людей.

Манси, обращаясь с жертвоприношением к Мир-сусне-хуму, наделяют его эпитетом «золотой»: «Если заболит женщина, вылечи её, если заболит мужчина, вылечи его! Золотой князь, золотой человек, об этом тебя просим, об этом тебя умоляем» [9, с. 184]. Сходны и их имена. «Мир-Суснэ-хум (манси), Миршэтивн-хо (ханты), в мифологии обских угров одно из главных божеств. Буквальное значение имени – «смотрящий за миром» [10, с. 153]. Это аналогично имени буддистского Авалокитешвара. «Муж, который взирает на мир» — вот дословный перевод слова «Авалокитешвара» — имени управляющего миром Бодхисаттвы вышеназванной религии» [8, с. 44].

Калтащ-эква помогла своему любимому сыну одержать нелёгкую победу в конских состязаниях, давшую ему право иметь власть над людьми среднего мира. «На земле живут люди и кроме них ещё Мис махум и менквы, или учих. И те, и другие

подвластны младшему сыну Нуми-Торума – Мир-сусне-хуму, ежегодно платят ему дань» [11, с. 490]. Калтащ-эква даёт ему наказ-наставление, как следует обходиться с людьми: «А тебе имя Эква-пырищ – Мир-сусне-хум. Ты землю будешь объезжать, за людьми смотреть. Ты с людьми строго обходишься, чтоб они подчинялись. Раньше Богу, а теперь – тебе» [12, с. 65–66]. У Мир-сусне-хума много имён. Иногда его именуют Купцом. В 1947 г. в селе Низямы, вблизи которого находится священное место Золотого Богатыря, у реки Обь В. Я. Петрухиным было записано «Священное сказание» о Мир-сусне-хуме – «Желанном Богатыре, Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света». В вогульских сказках его чаще всего именуют Эква-пырищ (различные варианты написания обусловлены своеобразием произношения имени).

Драматическая структура мифологемы о божь-младенце часто предполагает превращение в бога из сироты и наоборот. Так в вогульских несвященных сказках, собранных в сборнике «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» Е. И. Ромбандеевой, он, как правило, живёт с бабушкой: «Живёт Эква-Пыгрись. Под домом у него есть река, для ловли рыбы река. Они живут с бабушкой, живут-поживают» [13, с. 111] (сказка «Эква-Пыгрись»), в «Сказке об Эква-Пыгрисе» «Эква-Пыгрись с бабушкой живёт» [13, с. 115]. Так же начинается и другая сказка, «Эква-Пыгрись пускает стрелу»: «Эква-Пыгрись с бабушкой живёт» [13, с. 237]. А в «Сказке об Эква-Пыгрисе» у него есть и бабушка, и дед: «Эква-Пыгрись живёт. У него есть слепые дед и бабушка. Он же [в соседстве] со своей бабушкой живёт» [13, с. 261]. В сказках «Эква-пырищ и женщина с кузовом», «Как Эква-пырищ на охоту ходил», «Как Эква-пырищ у Водяного дочь сватал», «Как Эква-пырищ встретился с птицей Товлынг-карс» он тоже живёт с бабушкой, в сказке «Как Эква-пырищ в страну Мортимма летал» – с сестрой, а в сказке «Как Эква-пырищ Усынг-отыра морочил» – с бабкой и младшим братом. Объяснение причины того, почему он живёт с бабушкой, мы находим в сказке «Как Эква-пырищ перехитрил великана»: «В давние времена жила-поживала старуха. Было у ней три сына. Сыновья были охотниками, ходили на охоту. Много лесов, болот и рек обошли они вместе с жёнами и заблудились. На руках у бабушки остался маленький мальчик. Его прозвали Эква-пырисем» [14].

В мифе «Эква-пырищ – избавитель солнца и луны и создатель зверей» мы находим объяснение тому, почему Эква-пырищ часто именуется «Бабушкин внук» или «Тёткин племянник»: «... герой – сын Торума – рождается на земле после изгнания матери с неба; но родители примиряются, а племянник остаётся с тёткой, которая уходит с ним на Обь, учит его делать лодку, стрелять из лука и т. п. «Бабушкиным внуком» героя называют также в мифах о гигантской птице и о чудесной охоте» [6, с. 387].

Ситуация сиротства неизбежно порождает сострадание и сочувствие и создаёт своего рода предпосылки для перевоплощения героя; зачастую в сказках и мифах это преобразование связано с тем, что сирота-младенец чудесным образом оказывается сыном короля или Бога. Само имя Эква-пырищ переводится как

«женщины сынок» и содержит намёк на то, что он брошен отцом, он не знает его. Но именно то, что он не знает, кто его отец, и позволяет герою в вогульском мифе пройти это преобразование. Так из мифологического героя Мир-сусне-хума, «Небесного мальчика», «Золотого богатыря», «В песнях прославляемого человека» он переходит в сказки под именем Эква-пырьсы.

Несмотря на своеобразие обско-угорского фольклора, архетипичность образа Мир-сусне-хума была отмечена многими исследователями: К. Юнгом, Б. Муканчи, В. Н. Топоровым. К этой же плеяде можно отнести и иранское божество Митру (озирающий всю землю). В восточноиранской традиции Митра, как и Мир-сусне-хум, выступает как солнечное божество. О генетической связи между мифологическими героями писали многие исследователи. В частности, о влиянии на создание мифологического образа вогульского Мир-сусне-хума образа Митры указывает Ю. В. Швин: «... хотя образ Митры этнографически зафиксирован в наиболее развитом виде в угорской среде (Мир-сусне-хум) <...>, тем не менее, не следует ограничивать сибирский митраизм этническими рамками. Об этом говорит не только широта распространения культовых мест, которые можно связать с образами Митры <...>, но и выявление следов митраизма в мировоззрении других сибирских народов» [15, с. 162]. Отношение Мир-сусне-хума к матери напоминает связь героев иранской мифологии Митры и Анахаты. Нато, что Мир-сусне-хум схож с южным Митрой, указывают многие детали: волшебный конь, золотой металл, солнце. В. Н. Топоров считал, что «... в авестийской мифологии мотивы связи Митры с солнцем не могут считаться основными, в ней налицо лишь известные предпосылки для формирования солярной функции Митры» [16, с. 156]. Реконструируя ритуал поклонения солнцу и месяцу, исследователь С. В. Сотникова пришла к выводу, что «за миром смотрящий человек» всегда бодрствует и наблюдает за людьми – и днём и ночью. Такая трактовка угорского ритуала сближает Мир-сусне-хума, прежде всего, с авестийским Митрой, а не с его восточноиранской ипостасью – богом солнца. В «Михр-яште» неоднократно подчёркивается, что Митра «бессонный», «неусыпный», «он бодрствует во мраке» [17, с. 291]. Так, образ вогульского Мир-сусне-хума оказывается буквально пропитанным чертами культур южных народов.

Образ мифологического героя обских угров близок и христианской традиции, по целому ряду признаков он может быть отождествлён с Иисусом Христом: сын Бога, вырос на земле под покровительством матери, божий посланник и наставник. Всё это свидетельствует об архетипичности образа богочеловека. В «Сказке об обездоленном брате» Мир-сусне-хум предстаёт в образе спасителя. Сюжет сказки весьма схож с библейским сюжетом об Аврааме. После дележа наследства младшему из трёх братьев ничего не осталось, и он вынужден принести в жертву последнее, что у него есть – своего сына. «Сын уже был привязан к жертвенному столбу, к которому обычно привязывают жертвенных животных, отец уже занёс над мальчиком топор, но топор повис в воздухе» [6, с. 381]. В самый кульмина-

ционный момент Мир-сусне-хум, подобно библейскому ангелу, предотвращает детоубийство.

Бесспорно одно: вогулы всегда особо почитали и почитают по сей день Мир-сусне-хума. Мир-сусне-хум как божество может предстать перед человеком в различных ипостасях: лиственница, синица, невидимый дух, всадник на златогривом восьмикрылом коне. По отношению к злым духам он предстаёт в роли мифологического плута, трикстера. Но чаще всего он предстаёт в облике гуся, именно в этом зооморфном облике он посещает птичью страну Мортимма. Мортимма – это страна иранцев. Семь гусиных пёрышек подарила ему Калташ-эква. Облик гуся он принимает, когда необходимо переместиться из одного мира в другой. К примеру, к водяному Вит-хону, месяцу Этпос-ойки или к Мортим-экви, хозяйке Птичьей страны. В. Я. Петрухин в комментарии к мифу «Гусь-богатырь и скифский Геракл», анализируя изображение на ритоне из скифского кургана, выдвигает гипотезу о том, что одним из всадников, изображённых над водоплавающими птицами, мог быть Мир-сусне-хум. Другой всадник – первопредок скифов Таргитай, он изображён передающим власть младшему сыну, который должен отвечать за мироустройство и поддерживать порядок. Эти функции выполняет и Мир-сусне-хум. На сосуде из Гаймановой могилы изображён слуга, передающий Таргитайю жертвенную птицу (утку или гуся). Именно эти птицы были жертвенными животными вогульского бога. Гусь в мифологии является символом объединения космических стихий, является воплощением целой Вселенной. Мир-сусне-хум же, рождённый от Бога, живущего на небесах, и земной богини, как бы является объединяющим производным этих стихий.

Вяч. Вс. Иванов полагал, что кетский миф о разорителе гнёзд по сюжетно-композиционной структуре, образу главного героя и идейному содержанию очень близок к мифу о Мир-сусне-хуме. Известный исследователь кетской мифологии Вяч. Вс. Иванов рассматривал этот факт как след архайческого мифа, занесённого в Америку ещё с первыми волнами миграций из Евразии [18, с. 132–141].

Н. В. Лукина рассматривала возможность сопоставления Эква-пырьсы с образами героев тюркских, монгольских сказок и сказок народов Азии на основании того, что в некоторых сказаниях обских угров он называется Плешиголовым. «Под именем Эква-пырьсы (Альвали) тот же герой выступает в роли трикстера, в которой он особенно близок енисейскому трикстеру и селькупскому Иче; параллели имеются также в нганасанском и энецком фольклоре. В конце многих рассказов об Эква-пырьсе (Альвали) имеется мотив сжигания людоеда и превращения его пепла в комаров, широко распространённый у народов Сибири и известный у индейцев Южной и Северной Америки» [19, с. 55]. Она же указывала на сходство Эква-пырьсы и Иванушки-дурачка из русских народных сказок.

Сюжет мифа «Как Эква-пырьс у Водяного дочь сватал» схож с карело-финским мифом о соперничестве Вайнямёйнена и Ильмаринена за дочь хозяйки Похьёлы. В нем Эква-пырьс проходит

через тяжёлые испытания – брачные инициации, дважды символически умирает, прежде чем добивается невесты. Подобные сюжеты широко распространены в мифологии народов мира.

Выводы. Исследуя типологические и генетические связи обско-угорской мифологии, можно наблюдать её взаимосвязь с мифологиями народов мира. Мифологема о сыне Бога, являясь исходным материалом для творчества, в основе своей содержит традиционное повествование. Оно, так или иначе, трансформируется с точки зрения сюжетно-композиционной и исходя из временных и социально-исторических условий, в которых возникает. Образ мифологического героя на протяжении этого длительного процесса претерпевает существенные изменения,

которые объяснимы временем, культурой, географией и другими факторами существования мифологема, он не статичен, он динамично развивается с различной степенью ускорения в зависимости от конкретных условий. Трансформация мифологема – явление закономерное, это достаточно длительный процесс, именно поэтому мы можем говорить о трансформации мифологема о сыне Бога в мифотворчестве народов мира и о взаимосвязи обско-угорской фольклорной традиции с литературными традициями других народов мира. Тем интереснее исследовать подобные трансформации, которые позволяют понять своеобразие и уникальность этих перемен в образе мифологического героя, переосмыслить их с позиции современности.

Источники

1. Аристотель. Метафизика. Перевод с греческого П. Д. Перлова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
2. Цицерон М. Т. О природе богов III, 23, 59-60 // Философские трактаты. М.: Наука, 1985. 106 с.
3. Коран (перевод и комментарии Крачковского). Баку: Язычы, 1990. 744 с.
4. Библия: Современный русский перевод. М.: Рос. Библейское о-во, 2011. 1408 с.
5. Буддизм: история, каноны, культура. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kunpendelek.ru/library/buddhism/articles/buddhism-history-canon/3538/>
6. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2005. 464 с.
7. Кашталова Л. В. Образ Калташ в фольклоре обских угров: общее и особенное // Языки и культура народов ханты и манси: Материалы Междунар. конференции, посвящённой 10-летию НИИ обско-угорских народов. Ч.1: Филология. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 210 с.
8. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Пер. с англ. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
9. Гемуев И. Н. Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
10. Хелимский Е. А. Мир-сусне-хум // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 153–154.
11. Черенцов В. Н. Манси. Из полевого дневника. Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX в.) / Сост. Т. Н. Емельянова, М. В. Южанинова. М.: Северные просторы, 2002. 528 с.
12. Гемуев И. Н. Народ манси: Воплощение мифа. Новосибирск: Институт археологии и этнографии, 2000. 104 с.
13. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Вступительная статья к сборнику Е. И. Ромбандеевой. М.: Новосибирск: Наука, 2005. 476 с.
14. Как Эква-пырьсь на охоту ходил // Мифы, предания, сказки хантов и манси // Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукина. Москва: Наука, 1990. 568 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000038/st139.shtml>
15. Ширин Ю. В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 152–162.
16. Топоров В. Н. Митра // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 154–157.
17. Сотникова С. В. Мир-сусне-хум и Митра: к реконструкции одного обско-угорского материала. Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов: в 2 т. / гл. ред. Н. А. Томилов, отв. ред. Д. Дж. Андерсон, М. А. Корусенко, С. С. Тихонов, А. В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. 302 с.
18. Иванов Вяч. Вс. Кетско-американские связи в области мифологии. Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. Вып. 3. С. 132–143.
19. Мифы, предания, сказки ханты и манси / пер. с хантыйского, мансийского, ненецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной под общей редакцией Е. С. Новик. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.

Информация об авторе

Рымарева Елена Николаевна

Аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций гуманитарного факультета. Нижневартковский государственный университет (628616, РФ, г. Нижневартковск, ул. Мира, 36). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4920-5803>. E-mail: Rymareva-EN@te.ru

E. N. Rimareva¹

¹Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

God's son mythologeme in ob-ugorian literary tradition

Abstract. The paper explores the evolution of God's son mythologeme in the world cultural and literary traditions. The aim of this contribution is to conceptualize the archetypal image of Infant God by the example of Mir-susne-hum, Torum's (the supreme god) son and one of the major objects in Vogul mythological and religious cult.

The research is based on comparative literary and cultural studies that ensure the comprehension of god's son mythologeme in the world literary tradition in general and its specific features in Mansi literary tradition. The main instruments used are comparative historical, cultural and comparative typological analysis.

Results indicate that the mythologeme of Vogul's god Mir-susne-hum is deeply rooted in the world cultural and literary tradition of God's son which is widely present in different vernacular cultures. The data collected testifies to the evolving character and content of the god's son archetype in the Ob-Ugrian mythology and folklore.

The analysis of the mythological image of Mir-susne-hum allows us to conclude about the relationship of the Ob-Ugrian folk tradition with the literary traditions of other peoples of the world.

Keywords: mythology, archetype, myth, fairy-tale, literary tradition, Mir-susne-hum.

Paper submitted: September 25, 2019

For citation: Rimareva E. N. (2020). God's son mythologeme in ob-ugorian literary tradition. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 18–22. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.3

References

1. Aristotle. *Metaphysics*. Translated from the Greek By p. D. Pervov and V. V. Rozanov. Moscow: Institute of philosophy, theology and history of St. Thomas, 2006. 232 p.
2. Cicero M. T. On the nature of the gods III, 23, 59-60 // *Philosophical treatises*. Moscow: Science, 1985. 106 p.
3. The Koran (translation and commentary by Krachkovsky). Baku: Yazichi, 1990. 744 p.
4. Bible: Modern Russian translation. Moscow: Russian Bible Society, 2011. 1408 p.
5. Buddhism: history, canons, culture. URL: <http://www.kunpendelek.ru/library/buddhism/articles/buddhism-history-canons/3538/> (In Russian).
6. Petrukhin V. Ya. Myths of the Finno-Ugric peoples. Moscow: Astrel, AST, Tranzitkniga, 2005. 464 p.
7. Kostalova L. V. the Image of Kaltes in Ob-Ugric peoples folklore: General and special // language and culture of the peoples of Khanty and Mansi: proceedings of the international Conference dedicated to the 10th anniversary of the research Institute of the Ob-Ugric peoples. Part 1: Philology. Tomsk: Publishing house Tom. Un-t, 2004. 210 p.
8. Jung K. G. Soul and myth: six archetypes. Per. from English. K.: State library of Ukraine for youth, 1996. 384 p.
9. Gemuev I. N. Mansi Outlook: Home and Space. Novosibirsk: Nauka, 1990. 232 p.
10. Chelimsky E. A. Mir-susne-hum // Myths of the peoples of the world. Moscow: Russian encyclopedia, 1997. Vol. 2. P.153–154.
11. Cherezov V. N. Mansi. From a field diary. Peoples of the Far North and Far East of Russia in the works of researchers (XX century) / Comp. T. N. Emelianov, M. V. Ujaninova. Moscow: Northern open spaces, 2002. 528 p.
12. Gemuev I. N. The Mansi people: the Embodiment of myth. Novosibirsk: Institute of archaeology and Ethnography, 2000. 104 p.
13. Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls) / Introductory article to the collection E. I. Rombandeeva. M.: Novosibirsk: Nauka, 2005. 476 p.
14. As Ekva-paris went on a hunting // the Myths, legends, tales of Khanty and Mansi // Translated from the Khanty, Mansi, German languages. Comp., Preface. and note. N. V. Lukina. Moscow: Nauka, 1990. p. 568. (In Russian).
15. Shirin Yu. V. On the history of «places of worship» in Western Siberia // Archaeological research in The middle Ob region. Tomsk: TSU publishing House, 1993. P. 152–162.
16. Toporov V. N. Mitra // Myths of the peoples of the world. Moscow: Russian encyclopedia, 1997. Vol. 2. P. 154–157.
17. Sotnikova S. V. Mir-susne-hum and Mitra: on reconstruction of one Ob-Ugric material. The integration of archaeological and ethnographical researches: collection of scientific works: in 2 volumes / Chief editor N. A. Tomilov, Executive editor D. J. Anderson, M. A. Korusenko, S. S. Tikhonov, A. V. Kharinsky. Irkutsk: ISTU Publishing House, 2013. V. 2. 302 p.
18. Ivanov Vyach. Vs. Ket-Amerindian relations in the field of mythology. Ket collection. Anthropology, Ethnography, mythology, linguistics. L.: Science, 1982. Vol. 3. P. 132–143.
19. Myths, legends, tales of Khanty and Mansi / translated from the Khanty, Mansi, Nenets languages. Comp., Preface and note by N. V. Lukina, under the General editorship of E. S. Novik. Moscow: Science. Chief editorial board of Oriental literature, 1990. 568 p.

Information about the author

Elena N. Rimareva

Postgraduate Student, Faculty of Humanities. Nizhnevartovsk State University (3b Mira st., Nizhnevartovsk, 628600, Russian Federation). E-mail: Rymareva-EN@te.ru

© E. Н. Рымарева, 2019

УДК 811.111: 821.111: 81-119

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.4

С. М. Богатова¹¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Лингвосенсорика смерти в рассказе Джеймса Джойса «Сестры»

Аннотация. Исследование актуализирует проблему описания концептов в перцептивном аспекте. Концепт «смерть» в творчестве Дж. Джойса рассматривается с позиций сенсорной лингвистики и лингвокультурологии. Цель статьи – описать содержание концепта смерть в рассказе Дж. Джойса «Сестры» в перцептивном аспекте, выделить его когнитивные признаки и связь с другими концептами. Исследование проводится на основе контекстуального метода, метода компонентного анализа, семантико-когнитивного метода. Для объективации концепта смерть Дж. Джойс использует различные модусы перцепции: визуальный, слуховой, осязательный и интуитивный. Все они подчеркивают разные признаки данного концепта. В тексте рассказа были выявлены примеры сочетания нескольких перцептивных модусов (синестезии), которые помогают установить межконцептуальные связи. Делаются выводы о том, что перцептивные характеристики концепта «смерть» актуализируют такие когнитивные признаки как «выцветший», «незавершенный», «недействительный», «расслабленный» и позволяют автору реализовать связь данного концепта с другими значимыми для него концептами – «религия» и «Ирландия». Джойс экстраполирует данные признаки на ирландский народ и его религию, говорит об их параличе и умирании.

Ключевые слова: восприятие, перцепция, концепт, лингвосенсорика, модус перцепции, синестезия, смерть.

Дата поступления статьи: 3 февраля 2020 г.

Для цитирования: Богатова С. М. (2020). Лингвосенсорика смерти в рассказе Джеймса Джойса «Сестры» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 23–30. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.4

Проблема и цель. Восприятие играет огромную роль в осмыслении и категоризации явлений окружающего мира. Изначально знания человека имеют чувственную природу. Объекты и события внешнего мира обнаруживаются нашей сенсорной системой, которая включает пять видов чувствительности: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. В процессах переработки информации, идущих от сенсорных фильтров к восприятию, участвуют разнообразные генетически контролируемые когнитивные механизмы, которые отфильтровывают, кодируют, декодируют, изменяют, усиливают, запоминают (сенсорная память), «дополняют» и интерпретируют извлекаемые из внешней среды сенсорные данные. Поэтому наше восприятие – цвета, звука, пространства и т. д. – очень селективно [1]. Феномен восприятия изучается в основном философией и психологией, а также другими гуманитарными науками. В последнее время лингвисты высказывают все больше аргументов в пользу того, что проблема восприятия вообще и человеческого сенсориума в частности должна рассматриваться и в рамках лингвистики.

Сенсорная лингвистика – это наука, которая «занимается языком перцепции, вербальной репрезентации показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния [2, с. 6]. В зарубежной и отечественной лингвистике существует много исследований по этому вопросу, но в то же время отмечается недостаточное внимание к проблеме сенсорики. R. Caballero и C. Paradis пишут, что необходимо установить правильный баланс между восприятием и когницией в контексте языка: «The view of the importance of the body for human language and thinking is a basic tenet in Cognitive Linguistics. Sensory perceptions are subsumed under the notion of embodiment, i.e. the belief that human thinking is ultimately motivated by our bodily configuration and sensorimotor experiences. However,

in spite of its basic role, perception has, to a large extent, been neglected by cognitive scholars, and cognition has been granted the lion's share in explanations for how we construe and communicate our worlds» («Идея о важности человеческого тела для языка и мышления является основным постулатом когнитивной лингвистики. Сенсорное восприятие погружено в понятие «воплощённость», т. е. убежденность в том, что человеческое мышление полностью мотивировано нашей телесностью и сенсомоторным опытом. Однако, вопреки его базовой роли, восприятие по большей части игнорировалось учеными когнитивистами, и львиная доля объяснений того, как мы конструируем мир и общаемся, приписывалась когнитивной деятельности». – Здесь и далее пер. с англ. вып. авт. статьи) [3].

В зарубежной лингвистике и по сей день появляется много фундаментальных обобщающих работ по сенсорной лингвистике, которые отвечают в первую очередь на вопросы о том, как язык соотносится с чувствами. Как наше чувственное восприятие воплощается в словах? Какие перцептивные качества кодируются словами легче других? Какая разница существует в отражении сенсорного опыта в разных языках? [4, 5, 6].

В рамках отечественной лингвистики наряду с крупными монографиями (В. К. Харченко [2], А. В. Нагорная [7], О. А. Мещерякова [8]) об актуальности данного направления свидетельствует также значимая коллективная монография российских и чешских учёных «Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности» [9]. Вместе с этим существует целый ряд исследований, посвящённых отдельным аспектам сенсорной лингвистики, например перцептивной картине мира в поэтическом переводе (С. Корычанкова, Л. Б. Крюкова, Д. А. Олицкая [10]), перцептивным модусам: семантика вкуса (А. В. Двизова, Л. Б. Крюкова [11]), семантике зри-

тельного восприятия (И. Ю. Колесов [12], Л. В. Проскурнина [13]), семантике тактильного восприятия (С. С. Земичева [14]), слухового и визуального восприятия (С. И. Мысина [15]) и др.

По мнению В. К. Харченко, сенсорика может рассматриваться с двух позиций: сенсорика для чего-либо и что-либо для сенсорики [2, с. 7]. Второй подход изучает различные языковые средства, используемые в разных языках или диалектах для выражения различных модусов перцепции. В данном исследовании предлагается следовать первому направлению, т. е. рассматривать сенсорные образы как составную часть концепта. В. К. Харченко, М. И. Лазариди говорят о «сенсорной поддержке концепта», которую необходимо более тщательно исследовать. А. В. Курьянович в своей рецензии на упомянутую выше монографию [9] подтверждает высказанные авторами утверждения «о тексто- и смыслообразующей функции перцептивной лексики и ее участии в моделировании картины мира поэтов» [16]. Именно с этой точки зрения предлагается рассмотреть перцептивную лексику в данной работе применительно к исследованию концепта *смерть* в творчестве Джеймса Джойса.

Цель данной статьи – описать содержание концепта *смерть* в рассказе Дж. Джойса «Сестры» в перцептивном аспекте, выделить его когнитивные признаки и связь с другими концептами.

Методология. Для достижения цели исследования на основе контекстуального метода, метода компонентного анализа и семантико-когнитивного метода предлагается описать содержание концепта по модусам перцепции и выявить когнитивные признаки, реализующиеся в перцептивных характеристиках концепта *смерть*.

Результаты. Концепт *смерть* является смыслообразующим в сборнике рассказов «Дублинцы». Джойс выстраивает в «Дублинцах» концептуальную триаду *Ирландия – религия – смерть*. Именно рассказ «Сестры», первый рассказ сборни-

ка, связывает все три принципиальных для Джойса концепта. В нем повествуется о смерти католического священника-ирландца – Джойс не мог быть более прямолинейным. Неслучайно автор выбирает повествование от первого лица и поручает роль повествователя ребёнку (мальчику). Чистый проводник более склонен вызывать доверие, и именно через его сознание автор «видит», «слышит», «ощущает» смерть.

Начнем с визуального модуса перцепции, так как зрительный канал считается самым продуктивным. По разным данным, через него поступает от 70 % до 90 % информации. Это подтверждается и значительно большим количеством примеров, описывающих визуальное восприятие, в тексте рассказа. Особо важным является описание перцептивной составляющей для абстрактных концептов, которые нельзя увидеть и потрогать. Концепт *смерть* может реализовываться в зрительных образах, описывающих умирающего человека, обстановку вокруг умирающего, переживания, связанные со смертью, ассоциативные образы, которые помогают глубже раскрыть концепт, выявить его периферийные когнитивные признаки: «Зрительный образ помогает сообщить ощущению структуру, форму и цель, тем самым демистифицируя его, делая его более понятным и облегчая его переживание. Эти данные лишний раз подтверждают тезис о важности зрения как когнитивного инструмента» [17, с. 85].

Примеры реализации зрительного модуса перцепции в тексте рассказа представлены в табл. 1.

Среди самых ярких цветовых характеристик смерти выступают лексемы *dark* и *grey*.

Лицо мертвого священника представляется серым, и образ его в целом погружен в темноту. Даже при жизни он описывается сидящим в темноте исповедальни. Единственным проблеском светлых оттенков является скучный белый пушок его

Таблица 1 – Зрительный модус перцепции

№	Пример	Перцептивный аспект	Когнитивный признак
1	In the dark of my room I imagined that I saw again the heavy grey face of the paralytic .	цвет вес	серый тяжелый парализованный (слабый)
2	It may have been these constant showers of snuff which gave his ancient priestly garments their green faded look for the red handkerchief, blackened , as it always was, with the snuff-stains of a week, with which he tried to brush away the fallen grains, was quite inefficacious .	цвет	зеленый выцветший / потерявший цвет красный почерневший недействительный
3	When he smiled he used to uncover his big discoloured teeth and let his tongue lie upon his lower lip	цвет	выцветший / потерявший цвет
4	I walked away slowly along the sunny side of the street, reading all the theatrical advertisements in the shop-windows as I went... As I walked along in the sun I remembered old Cotter's words	цвет	солнечный
5	There he lay, solemn and copious , vested as for the altar, his large hands loosely retaining a chalice.	размер/объем	огромный слабый
6	His face was very truculent, grey and massive , with black cavernous nostrils and circled by a scanty white fur.	цвет размер/объем	серый тяжелый / огромный черный пещероподобный белый / потерявший цвет
7	...sitting up by himself in the dark in his confession-box, wide-awake and laughing-like softly to himself?»	цвет	темный

бороды. Хотя, учитывая тот факт, что это описание относится к седине, ясно, что прилагательное *white* используется здесь не в значении «белый», «светлый», а в значении «седой», т. е. актуализируется признак «потерявший цвет» (выцветший).

В отличие от черного, который является отсутствием цвета, серый цвет может рассматриваться как какой-либо цвет, потерявший свою яркость. Его синонимом в таком случае может служить лексема *discoloured* (*his big discoloured teeth* [18]).

Об утере цвета говорит и одеяние священника, которое в примере № 2 (табл. 1) описывается лексемой *faded* (выцветший), но все же сохраняет свой оригинальный зелёный цвет – национальный цвет Ирландии. Например, Святой Патрик, покровитель Ирландии, традиционно изображается на иконах в зелёном священническом одеянии.

В этом же примере перцептивная лексика работает на создание символического слоя концепта. Не только выцветшее облачение старого священника символизирует потерю им веры и, более широко, упадок (далее смерть) религиозности в Ирландии, но и почерневший красный платок дополняет этот символ. Красный цвет в христианстве – цвет искупительной крови Христа. В данном случае этот цвет заглушается все тем же черным цветом (*blackened*), а кроме этого, еще и дополняется характеристикой *inefficacious* – недейственный, неэффективный. Таким образом, параллельно с повествованием о смерти священника перцептивные номинации создают образ мертвой, бесполезной, бездейственной религии.

Характерно, что повествователь (мальчик, друг умершего священника) ассоциируется с ярким солнечным светом, антиподом тьмы (пример № 4, табл. 1).

В тексте также присутствуют перцептивные характеристики с семантикой размера / объёма – см. примеры № 5, 6 (табл. 1). Грузный мёртвый священник описывается прилагательными

corpious, *large*, *massive*, *cavernous* – все они обладают семантикой большого, даже чрезмерного объёма. А лексема *cavernous* также содержит семы «полость» / «пустота». Упоминание ноздрей в сочетании с эпитетами *black* и *cavernous* вызывает в сознании образ пещеры, т. е. тёмного опасного пространства. Таким образом, создается представление о смерти как о некоем массивном, объёмном, поглощающем пространстве.

Среди перцептивных глаголов зрительного модуса в тексте рассказа встречаются *to look* и *to see*. Мальчик узнаёт о смерти священника, но непременно хочет сам увидеть его, чтобы удостовериться в том, что слышит. Такая связь перцепции и когниции существует во многих языках (например, в английском «*I see*» – «Я понимаю», или в русском «Как ты этого не видишь?» т. е. «не понимаешь?»). Интересно, что зрение связано именно с пониманием, а не со знанием.

В нескольких примерах глагол *to look* встречается также в значении «выглядеть». После него следуют различные прилагательные, сообщающие дополнительные когнитивные признаки концепту *смерть*.

Из данных примеров можно выделить такие характеристики мертвеца, выраженные прилагательными, как *asleep*, *peaceful*, *resigned*, *solemn*, *truculent*. Все эти атрибуты характерны для образа смерти: спящий, мирный, безропотный. Из данного ряда выбивается лишь лексема *truculent* – «воинственный», «вызывающий». Священник выглядит воинственно пред лицом смерти, однако в его руках пустая чаша для причастия. Прилагательное *idle* (*idle chalice*) перекликается здесь с *inefficacious* (*inefficacious handkerchief*): они оба имеют в своем составе сему «польза» с отрицательным значением. Эти лексемы имеют общие синонимы, такие, как *worthless*, *useless*, *to no effect* [19], и таким образом усиливают эффект перцептивной лексики в создании образа религии, потерявшей свою силу и ценность.

Таблица 2 – Предикаты зрительного восприятия

№	Пример	Перцептивный глагол	Значение	Когнитивный признак
1	... and I knew that the old priest was lying still in his coffin as we had seen him, solemn and truculent in death , an idle chalice on his breast.	see	видеть	торжественный воинственный недейственный
2	If he was dead, I thought, I would see the reflection of candles on the darkened blind for I knew that two candles must be set at the head of a corpse .	see	видеть	темный
3	So then, of course, when they saw that, that made them think that there was something gone wrong with him . »	see	понимать	неправильный безумный
4	“Yes,” said my aunt. “He was a disappointed man. You could see that.»	see	понимать	разочарованный
5	It filled me with fear , and yet I longed to be nearer to it and to look upon its deadly work.	look	смотреть	боящийся желающий
6	I wished to go in and look at him but I had not the courage to knock.	look	смотреть	боящийся желающий
7	“He was quite resigned .” “He looks quite resigned ,” said my aunt. “That’s what the woman we had in to wash him said. She said he just looked as if he was asleep , he looked that peaceful and resigned . No one would think he’d make such a beautiful corpse .»	look	выглядеть	мирный безропотный спящий красивый

Особого внимания заслуживает выражение *beautiful corpse* (пример № 7, табл. 2). В данном случае нарушается привычная сочетаемость путём отнесения перцептивной визуальной оценки *beautiful* к существительному, вызывающему яркие негативные ассоциации. Такой оксюморон может рассматриваться как авторская ирония на тему смерти, особенно в контексте использованного глагола *to make* (*make a beautiful corpse*), который реализует здесь смысловой компонент «сделаться, стать». Таким образом, видна авторская ирония по поводу того, в чём он видит цель / результат человеческой жизни – «стать трупом».

В следующем примере то же прилагательное *beautiful* сочетается с самим именем концепта *death*: «*Did he... peacefully?*» she asked. «*Oh, quite peacefully, ma'am,*» said Eliza. «*You couldn't tell when the breath went out of him. He had a beautiful death, God be praised*» [18].

В данном контексте актуализируется когнитивный признак «мир, покой» посредством введения наречной характеристики

peacefully. Интересно, что здесь используется умолчание (*Did he... peacefully?*) и далее эвфемизм с перцептивной семантикой. Жизнедеятельность сопровождается дыханием, которое обычно можно услышать, поэтому лексема *breath* в данном случае является репрезентантом концепта жизнь, основанным на метонимическом переносе. Отсутствие дыхания и связанная с ним тишина являются в данном случае объективным признаком смерти.

Здесь как разумно перейти к модусу слуха. Обобщённые данные по слуховому модусу перцепции приведены в табл. 3. В данном рассказе со смертью и параличом связаны в основном перцептивные слуховые номинации, описывающие тихие, монотонные звуки, такие, как *said softly, sounded strangely, murmured, murmuring voice, mutterings, breath, no sound*. Это объяснимо ассоциативной связью с традиционными погребальными обрядами и в целом благоговейным отношением к смерти, которое подразумевает тишину и приглушение всех звуков.

Таблица 3 – Слуховой модус перцепции

№	Пример	Перцептивный аспект	Когнитивный признак
1	Every night as I gazed up at the window I said softly to myself the word paralysis . It had always sounded strangely in my ears , like the word gnomon in the Euclid and the word simony in the Catechism. But now it sounded to me like the name of some maleficent and sinful being.	сила звука восприятие звука	тихий странный зловонный грешный незавершённый
2	It murmured , and I understood that it desired to confess something. I felt my soul receding into some pleasant and vicious region; and there again I found it waiting for me. It began to confess to me in a murmuring voice .	характер звука	персистирующий монотонный тихий
3	I pretended to pray but I could not gather my thoughts because the old woman's mutterings distracted me.	характер звука	персистирующий монотонный тихий
4	"Ah, well, he's gone to a better world." "Did he... peacefully?" she asked. "Oh, quite peacefully, ma'am," said Eliza. "You couldn't tell when the breath went out of him ."	сила звука	тихий
5	She stopped suddenly as if to listen. I too listened; but there was no sound in the house...	сила звука	беззвучный

Слуховой образ позволяет поместить в фокус внимания временные параметры ощущения. Время является столь же важным измерением слухового события, как высота или громкость звука. Зрительный образ малопригоден для репрезентации временного измерения ощущения – он отражает главным образом его качественные характеристики. Слуховой же образ позволяет зафиксировать в сознании длительность ощущения наряду со степенью его интенсивности. Так, например, персистирующее ощущение может моделироваться сознанием как «рычание», «бормотание» и т. п. – как акустические события, которые характеризуются протяжённостью, причём их длительный характер может особо подчёркиваться глагольной формой длительного аспекта [17, с. 87].

Так и в данных примерах семантика длительности и однообразия глаголов *murmur* и *mutter* передаёт ощущение назойливости и бессмысленности действия. Известно, что звуковая форма слова сама по себе может вызывать определённые ассоциации, перцептивные образы или актуализировать концепты. В примере № 1 (табл. 3) протагонист произносит слово «паралич», так как именно паралич был причиной смерти старого священника. Само звучание этого слова вызывает в непонятные

чувства: «... always sounded strangely in my ears...». Греческие слова *paralysis*, *gnomon* (one that knows or examines), *simony* ставятся слушающим в один ряд, но, вероятнее всего, его беспокоит не сама звуковая форма слов, а именно несоответствие благозвучности этих понятий их концептуальному наполнению. Как отмечает Ф. Керинс, Джойс использует выделение этих слов в тексте для предвосхищения тем, которые он планирует развивать в «Дублинцах» далее: «critics often point to the opening paragraph with its three emphasized words, *paralysis*, *gnomon* and *simony*, viewing them as indicators of themes Joyce would later use throughout his work» [20, с. 243]. Таким образом, перцептивный слуховой модус используется в данном случае для актуализации необходимых автору концептов. Все эти концепты отражают то, что непосредственно связано со смертью религии для Джойса.

Джойс удивительным образом соединяет здесь слуховой и зрительный модусы перцепции. Само слово «паралич» вызывает в сознании визуальный образ паралитика, лишённого движения. А слово «гномон» (в Евклидовой геометрии) обозначает геометрическую фигуру, которая при соответствующем соединении с другой фигурой образует фигуру, ей подобную [21, с. 3]. Обыч-

но выделяют гномон у параллелограмма, который по звучанию (в английском языке) перекликается со словом «паралич». Таким образом, переключение модусов перцепции совершает новый виток, возвращаясь снова к слуховому каналу. Этот феномен отмечается в работе Ф. Герхарда: «... Joyce seems to have supplied a clue to his intriguing concatenation of terms by stating that “the word paralysis ... sounded [!] ... like the word gnomon in the Euclid and the word simony in the Catechism.” In the Elements, Book II, Definition 2, Euclid extended the use of the term “gnomon” to parallelograms, and Joyce was probably in the first instance led to the inclusion of the gnomon reference by the similarity in sound between the words “paralysis” and “parallelogram”» [22, с. 422].

Кроме того, гномон в Евклидовой геометрии – это фигура, которая остается от параллелограмма после извлечения из одного из его углов подобной ему фигурой. Таким образом, Джойс вводит концепт незавершенности [22, с. 422], который проявляется во всем романе: на уровне языка – в незаконченных фразах, на уровне сюжета – в оборванной концовке, на уровне символов – в пустой чаше для причастия, потухшем камине, одиноком священнике в исповедальне и др. В этот же ряд включается и слово *simony* (симония – в широком смысле может пониматься как продажа благодати Святого Духа), которое звучит для протагониста как *paralysis* и *gnomon* – очевидно, что эта связь имеет для него какой-то ассоциативный характер, так как фо-

Таблица 4 – Осязательный модус перцепции

№	Пример	Перцептивный аспект	Когнитивный признак
1	I wondered why it smiled continually and why the lips were so moist with spittle. But then I remembered that it had died of paralysis and I felt that I too was smiling feebly as if to absolve the simoniac of his sin.	характер движений физические характеристики	улыбающийся влажный парализованный - расслабленный
2	The fancy came to me that the old priest was smiling as he lay there in his coffin.	характер движений	улыбающийся лежащий
3	Mind you, I noticed there was something queer coming over him latterly. Whenever I'd bring in his soup to him there I'd find him with his breviary fallen to the floor, lying back in the chair and his mouth open	характер движений	лежащий открытый - расслабленный странный / безумный
4	Wide-awake and laughing-like to himself... So then, of course, when they saw that, that made them think that there was something gone wrong with him...	характер движений	бодрствующий смеющийся
5	That affected his mind ,” she said.... And what do you think but there he was, sitting up by himself in the dark in his confession-box, wide-awake and laughing-like softly to himself?	характер движений	бодрствующий смеющийся странный / безумный

нетически эти слова нельзя назвать даже близко схожими. Продажа духовных даров является таким же признаком упадка и бесполезности религии, как паралич – предвестником скорой смерти. Возможно, Джойс хочет символически подчеркнуть упадок во всех аспектах человеческого существования: физический (паралич), мыслительный (гномон у Евклида) и духовный (симония в Катехизисе).

В последнем предложении протагонист опять совмещает слуховой и зрительный перцептивные модусы, отмечая, что теперь слово «паралич» звучит для него как имя некоего злобного и грешного существа. Таким образом, сама звуковая форма слова вызывает визуальный образ, упорно преследующий мальчика: умирающий грешник-святокупец, который пытается исповедоваться. И вновь здесь актуализируется концепт «незавершенность»: даже в смерти он не может обрести окончательный покой.

К номинациям, выражающим осязательный модус перцепции, можно отнести выражения и с тактильной, и с двигательной семантикой (см. табл. 4).

Первый пример возвращает к описанию мертвеца, желающего отпущения грехов. Его рот растянут в улыбке и губы влажные от слюны. Это связано с действием паралича, которые ослабляет контроль над мышцами, вызывая расслабление. Контекстуальное обрамление всех номинаций с семей «улыбка»: *smiled*, *smiling* – говорит скорее не об умиротворенной улыбке, а об улыбке безумной. Это и длительный (неестественный) ха-

рактер улыбки (*continually*) и характеризующие эпитеты *queer*, *laughing-like*, *softly*. Идея безумия также выражается эвфемистически посредством выражения *affected his mind*.

В примере № 3 (табл. 4) некоторые номинации двигательного модуса также отражают идею расслабленности, паралича и беспомощности: *lying back*, *mouth open*. Человек пораженный параличом, теряет часть контроля над своим телом, как видно из описания: он не может сидеть прямо, не может держать закрытый рот и т. д. Паралич – это переходный этап на пути к смерти, которая является полной потерей контроля над телом.

Обонятельный модус перцепции представлен только одним примером, в котором реализуется синестезия (обоняние – осязание): *There was a heavy odour in the room – the flowers* [18]. Здесь можно говорить о перцептивной метафоре, которая, описывая атмосферу в комнате умершего, отражает ощущение тяжести, угнетения.

Некоторые учёные выделяют еще один модус перцепции, который соответствует шестому чувству, так называемой интуиции. В данном рассказе есть несколько примеров, когда говорящий высказывает свои ощущения по поводу умершего (см. табл. 5).

Несколько раз в рассказе встречаются характеристики умершего священника, такие, как *queer*, *uncanny*, *peculiar*. Они, с одной стороны дополняют ранее высказанные намеки на умственное здоровье умершего священника, а с другой – также работают на создание общей тональности повествования – тяжелой, давящей атмосферы, ощущения тревожности.

Таблица 5 – Интуитивный модус перцепции

№	Пример	Предикат	Когнитивный признак
1	but there was something queer ... there was something uncanny about him. I'll tell you my opinion. »	be	странный/безумный
2	I think it was one of those ... peculiar cases	think	странный
3	I found it strange that neither I nor the day seemed in a mourning mood and I felt even annoyed at discovering in myself a sensation of freedom as if I had been freed from something by his death.	find feel discover a sensation	странный раздраженный свободный

Еще один аспект концепта *смерть* раскрывается в примере № 3 (табл. 5): смерть связывается с ощущением свободы, что неудивительно. В христианстве смерть является освобождением от бренного тела, подверженного болезням и греху. Но в данном рассказе мальчик-повествователь ощущает себя также освобождённым от влияния старого священника, свободным от давления пустой, выцветшей, недейственной религии, что вполне соответствует мировоззрению Джойса.

Выводы. Смерть как абстрактный концепт не имеет в своем ядре чувственного образа, и само содержание концепта значительно варьируется в разных культурах, эпохах и тем более индивидуальных поэтических картинах мира. Отношение к смерти глубоко индивидуально и связано с религиозной картиной мира человека. Джеймс Джойс уделяет большое значение религиозным концептам, и концепт *смерть* является в его творчестве одним из ключевых для понимания его мироощущения. На примере

рассказа «Сестры» было выявлено содержание концепта *смерть* с позиций лингвосенсорики. Наиболее продуктивным оказался зрительный модус перцепции: здесь были выделены когнитивные признаки «серый», «выцветший», «недейственный» и др. Звуковой, осязательный и интуитивный модусы дополняют образ смерти признаками «незавершённый», «расслабленный», «безумный». В ходе исследования была также выявлена связь данного концепта с другими значимыми для Джойса концептами – «религия» и «Ирландия». Писатель умело совмещает слуховой и зрительный модусы, играя со звуковой формой слов и зрительными ассоциациями, которые они вызывают, применяет синестезию. Таким образом, эти три концепта оказываются связаны между собой вышеупомянутыми когнитивными признаками. Умерший священник на имплицитном уровне символизирует ирландский народ и его религию, которые для Джойса обесцветились, потеряли свою силу, обезумели и постепенно умирают.

Источники

1. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.
2. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 216 с.
3. Caballero R., Paradis C. Making sense of sensory perceptions across languages and cultures. Functions of Language [Electronic resource]. 2015. URL: <https://portal.research.lu.se/portal/files/2205687/4897147.pdf> (дата обращения 29.08.2019)
4. Winter B. Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor. John Benjamins Publishing Company. 2019. 289 p.
5. Majid A., Levinson S. The Senses in Language and Culture. Senses and Society [Electronic resource]. Volume 6, issue 1, pp. 5–18. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/02bc/90482651ffbb78efa337088ed4b4216344f8.pdf> (дата обращения 29.08.2019)
6. Rai T.S. The linguistic expression of senses. Science. 30 Nov 2018: Vol. 362, Issue 6418. Pp. 1015–1016.
7. Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналитический обзор / А. В. Нагорная. Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН). М.: ИНИОН РАН, 2017. 85 с.
8. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : защ. 21.06.2011 : [место защиты: Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина] / Мещерякова Ольга Андреевна. Елец, 2011. 50 с.
9. Корячанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Brno : Muni Press : Masarykova univ., 2016. 236 с.
10. Корячанкова С., Крюкова Л. Б., Олицкая Д. А. Перцептивная картина мира в поэтическом переводе (на материале русского и немецкого переводов стихотворения О. Бржезины «взгляд смерти») [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 426. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perseptivnaya-kartina-mira-v-poeticheskom-perevode-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-perevodov-stihotvoreniya-o-brzheziny-vzglyad> (дата обращения: 29.01.2020).
11. Двизова А. В., Крюкова Л. Б. Языковые особенности репрезентации семантики вкуса в стихотворениях Б. Пастернака [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2014. № 2 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-reprezentatsii-semantiki-vkusa-v-stihotvoreniyah-b-pasternaka> (дата обращения: 28.08.2019).
12. Колесов И. Ю. О языковом моделировании знания о зрительном восприятии [Электронный ресурс] // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazykovom-modelirovanii-znaniya-o-zritelnom-vospriyatii> (дата обращения: 28.08.2019)
13. Проскурнина Л. В. Модели выражения модуса зрительной перцепции в языковой картине мира И. И. Лажечникова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vyrazheniya-modusa-zritelnoy-perseptsii-v-yazykovoy-kartine-mira-i-i-lazhechnikova> (дата обращения: 29.08.2019).
14. Земичева С. С. Обозначения тактильных свойств в лексиконе диалектной языковой личности [Электронный ресурс] // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oboznacheniya-taktilnyh-svoystv-v-leksikone-dialektnoy-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 29.08.2019).
15. Мысина С. И. Функциональная семантика глаголов слухового и визуального восприятия в произведениях С. Н. Сергеева-Ценского [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. 2013. № 6 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-semantika-glagolov-sluhovogo-i-vizualnogo-vospriyatiya-v-proizvedeniyah-s-n-sergeeva-tsenskogo> (дата обращения: 29.08.2019).
16. Курьянович А. В. Современные исследования в области лингвосенсорики: семантика восприятия и способы ее языкового воплощения в поэтическом тексте. Рецензия на книгу: поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности / С. Корячанкова, Л. Крюкова, А. Хизниченко. Brno: Masarykova univerzita, 2016. 236. [Электронный ресурс] // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-v-oblasti-lingvosensoriki-semantika-vospriyatiya-i-sposoby-ee-yazykovogo-voploscheniya-v-poeticheskom-tekste> (дата обращения 22.12.2019)

17. Нагорная А. В. Образы зрительной и слуховой модальности в когнитивном пространстве интероцепции [Электронный ресурс] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-zritelnoy-i-sluhovoymodalnosti-v-kognitivnom-prostranstve-interotseptsii> (дата обращения: 29.08.2019).
18. Joyce J. Dubliners [Electronic resource]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2814/2814-h/2814-h.htm>
19. Lexico. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.lexico.com/en/synonym/idle>
20. Kerins, Frank. "Sounding strangely in my ears": Foregrounded Words and Joyce's Revision of "The Sisters" [Electronic resource] / Joyce Studies Annual, vol. 2008, 2008, Pp. 243–248. URL: www.jstor.org/stable/26288730 (дата обращения 17.11.2019)
21. Elena Deza, M. Deza. Figurate Numbers. World Scientific, 2012. 475 c.
22. Friedrich, Gerhard. "The Gnomonic Clue to James Joyce's Dubliners" [Electronic resource] / Modern Language Notes, vol. 72, no. 6, 1957. Pp. 421–424. URL: www.jstor.org/stable/3043368 (дата обращения 17.11.2019)

Информация об авторе

Богатова Софья Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, г. Омск, пр. Мира, 55а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2068-1547>, РИНЦ AuthorID: 823502, SPIN-код: 7344-4203. E-mail: smbogatova@yandex.ru

S. M. Bogatova¹

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

The linguistic sensorium of death in "The sisters" by James Joyce

Abstract. The article deals with the problem of concepts description in their perceptual aspect. The concept of death in the works of James Joyce is studied from the standpoint of sensory and cultural linguistics. The purpose of the article is to describe the concept of DEATH in J. Joyce's story "The Sisters" as it is presented through various perceptive modes or channels, to identify its conceptual features and how this concept is connected with other concepts crucial for the author.

The study is based on the contextual method, the component analysis method, the semantic-cognitive method.

To evoke the concept of death, James Joyce uses various modes of perception: visual, auditory, tactile, and intuitive (which is often referred to as the sixth sense). All of them emphasize the various peculiarities of this concept. The visual mode of perception turned out to be the most productive one and the conceptual features highlighted by using this channel are "dark", "gray", "faded", "ineffective", etc. Auditory, tactile and intuitive modes complement the image of death with such features as "quiet", "persistent", "strange", "incomplete", "relaxed", "crazy". The text of the story revealed examples where several perceptual modes are combined; these can be perceived as perceptual metaphors (synesthesia) and help establish connections with other key concepts.

It is concluded that the perceptual characteristics of the concept of death disclose such conceptual features as "faded", "incomplete", "ineffective", "paralysed" and allow the author to establish the connection of this concept with other concepts significant for him: religion and Ireland. Joyce extrapolates these characteristics to the Irish people and their religion, implying that they both are in a state of paralysis and they are dying. The Catholic religion has lost its potency and authority, has "faded" and became "inefficacious" which will eventually lead to its death.

Keywords: perception, concept, sensory linguistics, perception mode, synesthesia, death.

Paper submitted: February 3, 2020

For citation: Bogatova S. M. (2020). The linguistic sensorium of death in "The sisters" by James Joyce. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 23–30. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.4

References

1. Philosophy: Encyclopedic dictionary. Ed. By A. A. Ivina. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 1072 p. (In Russian)
2. Kharchenko V. K. Sensory linguistics: fundamental and applied aspects. Moscow. Knizhny dom «LIBROKOM» Publ., 2012. 216 p. (In Russian)
3. Caballero R., Paradis C. Making sense of sensory perceptions across languages and cultures. Functions of Language. 2015. URL: <https://portal.research.lu.se/portal/files/2205687/4897147.pdf> (accessed 29.08.2019)
4. Winter B. Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor. John Benjamins Publishing Company. 2019. 289 p.
5. Majid A., Levinson S. The Senses in Language and Culture. Senses and Society. Volume 6, Issue 1. pp. 5-18. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/02bc/90482651ffbb78efa337088ed4b4216344f8.pdf> (accessed 29.08.2019)
6. Rai T.S. The linguistic expression of senses. Science. 30 Nov 2018: Vol. 362, Issue 6418, pp. 1015-1016.
7. Nagornaya A.V. Sensory linguistics as a promising area of modern linguistic research: an analytical review. Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION). Moscow. INION RAN Publ., 2017. 85 p. (In Russian)
8. Meshcheryakova O. A. The semantics of perception in the aspect of artistic cognition of I. A. Bunin. PhD Dissertation. Elets, 2011. (In Russian)
9. Korychankova S., Kryukova L., Khiznichenko A. Poetic picture of the world through the prism of the category of perceptivity. Brno. Muni Press. Masaryk University Publ., 2016. 236 p. (In Russian)
10. Korychankova S., Kryukova L. B., Olitskaya D.A. The perceptual picture of the world in poetic translation (in Russian and German translations of the poem «Pohled Smrti» by O. Brezina). Tomsk State University Journal. 2018. No. 426. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pertseptivnaya-kartina-mira-v-poeticheskom-perevode-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-perevodov-stihotvoreniya-o-brzheziny-vzglyad> (In Russian) (accessed 29.01.2020)
11. Dvizova A. V., Kryukova L. B. Linguistic features of the representation of the semantics of taste in B. Pasternak's poems. TSPU Bulletin. 2014. No. 2 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-reprezentatsii-semantiki-vkusov-v-stihotvoreniyah-b-pasternaka> (In Russian) (accessed 28.08.2019)
12. Kolesov I. Yu. On lingual construal of the knowledge of vision. Bulletin of KemSU. 2013. No. 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazykovom-modelirovanii-znaniya-o-zritelnom-vospriyatii> (In Russian) (accessed 28.08.2019)
13. Proskurnina L.V. Models of the expression of the mode of visual perception in the linguistic picture of the world of I. I. Lazhechnikov. Scientific reports of BelSU. Series: Humanities. 2018. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vyrazheniya-modusa-zritelnoy-pertseptsii-v-yazykovoy-kartine-mira-i-lazhechnikova> (In Russian) (accessed 29.08.2019)
14. Zemicheva S. S. Designations of tactile properties in the vocabulary of a dialect linguistic personality. Communicative studies. 2015. No. 3 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oboznacheniya-taktilnyh-svoystv-v-leksikone-dialektnoy-yazykovoy-lichnosti> (In Russian) (accessed 29.08.2019)

15. Mysina S. I. Functional semantics of verbs of auditory and visual perception in the works of S. N. Sergeev-tsensky. TSU Bulletin. 2013. No. 6 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-semantic-glazgov-sluchovogo-i-vizualnogo-vospriyatiya-v-proizvedeniyah-s-n-sergeeva-tsenskogo> (In Russian) (accessed 29.08.2019)
16. Kuryanovich A.V. Modern research in the field of Linguosensorics: semantics of perception and ways of its linguistic embodiment in the poetic text. Book review: poetic picture of the world through the prism of the category of perceptivity by Korychankova S., Kryukova L., Khiznichenko A. Brno: Masarykova univerzita Publ., 2016. 236 p. Text. Book. Publishing. 2018. No. 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-v-oblasti-lingvosensoriki-semantic-vospriyatiya-i-sposoby-ee-yazykovogo-voploscheniya-v-poeticheskom-tekste> (In Russian) (accessed 22.12.2019)
17. Nagornaya A. V. Images of visual and auditory modality in the cognitive space of introception. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 2015. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-zritelnoy-i-sluchovoy-modalnosti-v-kognitivnom-prostranstve-interotseptii> (In Russian) (accessed 29.08.2019)
18. Joyce J. Dubliners. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2814/2814-h/2814-h.htm> (accessed 05.08.2019)
19. Lexico. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.lexico.com/en/synonym/idle>
20. Kerins, Frank. «“Sounding strangely in my ears”: Foregrounded Words and Joyce’s Revision of “The Sisters”».» Joyce Studies Annual, vol. 2008, 2008, pp. 243-248. URL: www.jstor.org/stable/26288730 (accessed 17.11.2019)
21. Elena Deza, M. Deza. Figurate Numbers. World Scientific, 2012. 475 c.
22. Friedrich, Gerhard. “The Gnomonic Clue to James Joyce’s Dubliners.” Modern Language Notes, vol. 72, no. 6, 1957, pp. 421-424. Available at: www.jstor.org/stable/3043368 (accessed 17.11.2019).

Information about the author

Sofya M. Bogatova

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor, Department of English, Faculty of Foreign Languages. Dostoevsky Omsk State University (55 Mira ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: smbogatova@yandex.ru

© С. М. Богатова, 2020

УДК 82.091; 070 + 32.019.51

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.5

В. И. Хомяков¹¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Очерк в журнале «Безбожник»: проблематика и жанровое своеобразие

Аннотация. Проблема и цель статьи: атеистическая пропаганда и СМИ, взаимодействие религии и журналистики, роль журнала «Безбожник» и его влияние на массовое сознание, жанровая специфика журнала. Статья базируется на общенаучной методологии, историко-культурном анализе, общей теории познания. Политические аспекты взаимодействия религии и власти в 1920–1930 гг. позволяют говорить о переоценке традиционных ценностей в обществе. Широкая антирелигиозная пропаганда связана как со сменой культурной парадигмы, так и с политико-идеологической переориентацией в сознании русского общества. Разрушение устойчивых поведенческих норм приводит к ослаблению традиционных мировоззренческих установок, характерных для предшествующего развития русского общества. В этой связи большое значение приобретает изучение деформации массового сознания посредством СМИ. Репрезентация антирелигиозных текстов в специализированных журналах изучаемого периода позволяют выявить как особенности освещения религиозной тематики, так и жанровую специфику текстов. В начале 1920-х гг. в СССР стали издаваться атеистические издания, задачей которых была борьба с пережитками прошлого в сознании людей. Отмечается, что антирелигиозная работа велась в основном через прессу. К подобным изданиям относится журнал «Безбожник», который носил по преимуществу пропагандистско-просветительский характер. Анализ очерков позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, важна целевая направленность журнала, которая полностью отражает задачи СМИ того периода; во-вторых, популяризаторская функция журнала, его общая тематика позволяет говорить об определённой читательской аудитории, как правило, это малообразованные слои рабочих и крестьян. Наконец, модель антирелигиозного издания определила характер публикуемых материалов, их жанровую специфику.

Ключевые слова: СМИ, атеистическая пропаганда, специализированные журналы, церковь и власть, очерк.

Дата поступления статьи: 2 июня 2020 г.

Для цитирования: Хомяков В. И. (2020). Очерк в журнале «Безбожник»: проблематика и жанровое своеобразие // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 31–34. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.5

Проблема и цель. Советское правительство уже с самого начала большое внимание уделяло антирелигиозной пропаганде. Гонения на церковь вполне вписывались в структуру новой власти, пытавшейся монополизировать все сферы материальной и духовной жизни общества. Для современного исследователя особый интерес представляет история журналистики сталинского периода, которая стала отражением тоталитарной системы. Это в полной мере относится и к антирелигиозным журналам, среди которых лидирующее место занимал журнал «Безбожник». В связи с этим, большое значение имеет изучение истории журнала, его жанрового и тематического разнообразия. Цель работы состоит в анализе тематического, предметного, жанрового наполнения антирелигиозных изданий в России в 1920–1930 гг. (на примере журнала «Безбожник»).

Методология. Статья базируется на общенаучной методологии историко-литературного анализа, общей теории познания. В качестве ведущего метода использован общенаучный метод сбора и обработки информации, который может быть рассмотрен как комплекс взаимосвязанных элементов.

Результаты. Как отмечал Д. Л. Стровский, «в соответствии с жёсткой подчинённостью печати органам власти позиция самих СМИ выглядела идеологически выверенной. Всестороннее воздействие партийной идеологии определило прямолинейность журналистских оценок в отношении многих событий и фактов окружающей жизни» [1]. С ним солидарен А. М. Во-

робьев, подчёркивающий, что «журналистика оказывается и источником, и средством, и техническим механизмом культуры, определяя мироощущение и мировосприятие людей» [2, с. 40].

К сожалению, антирелигиозная периодика 1920–1930 гг. не столь часто становится предметом внимания учёных. Этому есть ряд причин. Во-первых, в этих изданиях материалы носили по преимуществу пропагандистский характер. Во-вторых, публикации, рассчитанные на невзыскательную читательскую аудиторию, не отличались глубиной анализа и художественным совершенством. Вместе с тем изучение данного сегмента советской журналистики позволяет выявить ряд проблем как общего, так и частного характера. Речь идёт, во-первых, о взаимоотношении государства и церкви, во-вторых, создание подобной журнальной модели раскрывает механизм манипулирования массами.

Безусловно, исследователи в той или иной степени обращались к интересующей нас проблеме. Наиболее изученным является вопрос о церковно-государственных взаимоотношениях. Из наиболее значимых следует отметить работы Н. Ю. Желнаковой [3], А. Н. Кашеварова [4], М. В. Шкаровского [5] и др. Вопросы советской пропаганды и религиозной антипропаганды посвящены работы А. И. Акопова [6], Д. А. Барабохина [7], А. А. Максимова [8] и др.

Как отмечал В. М. Хруль, «после эпохи научного атеизма и партийно-советской пропаганды исследователи только в последние два десятилетия смогли «легитимно» обратиться к изучению взаимодействия религии и журналистики. А на прак-

тическом уровне после десятилетий систематической атеизации вполне объяснимы и невежество российских журналистов в религиозных вопросах, и слабая артикуляция религиозных концептов в публичной сфере и в общественном мнении. Опубликованные монографии, статьи и диссертации о взаимодействии религии и СМИ можно условно отнести к четырём исследовательским направлениям, выделяя их в зависимости от ориентации на:

а) контент (анализ особенностей освещения тех или иных религий, пропорций, акцентов, избыточного или недостаточного внимания, маргинализации и проч.);

б) религиозные структуры как субъект информационной деятельности (анализ конфессиональных – православных, протестантских, католических, исламских, иудейских и др. СМИ);

в) каналы распространения информации (исследование деятельности разных каналов по отношению к религии – прессы, радио, телевидения, Интернета, мобильных телефонных сетей);

г) регулирование деятельности СМИ (со-регулирование, саморегулирование, корреляция ценностно-нормативных систем, профанация сакрального, напряжённости и конфликты, дисфункции) [9, с. 10].

Противостояние церкви и власти началось практически сразу после Октябрьской революции. Вскоре был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», что большинством населения было воспринято негативно. В дальнейшем для реализации антицерковной деятельности Советское правительство стало проводить широкомасштабную акцию по искоренению религиозных предрассудков. В борьбе с церковью акценты «все больше стали смещаться в плоскость активизации пропагандистских усилий среди населения. В какой-то степени это было связано с переходом к нэпу и желанием добиться лояльного отношения к властям крестьянства, в большинстве своем сохранившего религиозные чувства» [10, с. 42].

В 1925 г. было создано антирелигиозное общество «Союз воинствующих безбожников». В 1922 г. стала выходить газета атеистической направленности «Безбожник», но уже через год параллельно с газетой выходит журнал с одноименным названием. Из других атеистических изданий, выходивших в 1920–1930 гг. можно назвать журналы «Атеист», «Антирелигиозник», «Воинствующий безбожник» и др. Из этих изданий более солидным был журнал «Атеист» (редактор И. Шпицберг), приближающийся к типу «толстого» журнала. Публикуемые материалы затрагивали целый спектр проблем: исторических, политических, научных, религиозных. Имелся отдел библиографии, которая включала следующие подразделы: история религии и церкви, антирелигиозная пропаганда, история филологии, современное научное мировоззрение, отзывы.

Что касается журнала «Безбожник», то он, как уже отмечалось, выходил вместе с газетой. Исследователи подчёркивают, что между этими изданиями существовали определённые отличия. В частности, газета «Безбожник» отличалась достаточно «терпимой в отношении церкви позицией, была направлена в большей

степени на целенаправленную пропагандистскую работу». Иной позиции придерживался журнал «Безбожник», который стал «образчиком непримиримой вражды и оскорбительного хамского тона по отношению к религии, церкви и верующим... Столь разные подходы этих двух изданий вылились в борьбу двух редакторов: Ярославский со стороны газеты и Костеловская – со стороны журнала. Причём дошло до того, что критиковать друг друга они стали на страницах газеты «Правда» [11, с. 44]. В конечном итоге эта дискуссия закончилась победой Е. Ярославского.

Журнал «Безбожник» просуществовал до 1941 г. (правда, одно время он выходил под названием «Безбожник у станка»). Задача журнала заключалась в разрушении традиционного религиозного мировоззрения и пропаганде атеизма. По типу – это тонкий иллюстрированный журнал, выходящий 2 раза в неделю. Объём каждого номера не более 20 стр. В журнале можно выделить несколько блоков. Во-первых, художественный (рассказы, фельетоны, стихи, частушки, веселые рассказы о священной истории); второй блок – естественнонаучный (включающий помимо научно-популярных статей такие подразделы, как «Наши безбожники», «Галерея безбожников»); третий – публицистический (статьи и заметки о происходящих событиях, как правило, классовой и антирелигиозной направленности) и завершался каждый номер развлекательный разделом (загадки, задачи, ребусы). В каждом номере было много карикатур и фотографий. Среди художников-карикуристов можно назвать Н. Денисовского, М. Черемных, Д. Моора и др.

О художественных достоинствах литературной части говорить не приходится. И проза, и поэзия были низкого уровня. Главное, что требовалось от материалов – раскрытие антиклассовой сущности религии.

В каждом номере можно было найти тексты информационной и художественно-публицистической направленности (заметки, очерки, памфлеты, фельетоны). Нами была сделана выборка очерков, опубликованных в журнале в 1926 г. Всего было проанализировано семь номеров журнала. Материал распределился следующим образом: 1926 № 1 (Ф. Путинцев «Охранка, чёрные сотни и дружины», С. М. Городецкий «Сушилка для мошей»); 1926 № 2 (Ф. Путинцев «Церковь, контрреволюция и эмиграция», Ф. Ковалев «Церковь и революция»); 1926 № 3 (Б. Кандидов «Кусочек святого быта царской армии», В. Иванов «Безбожное житье»); 1926 № 4 (Б. Кандидов «Роль религии в империалистической войне», Ф. Путинцев «Церковь накануне февральской революции»); 1926 № 6 (Б. Кандидов «Крестьянская кобыла и праведник Иоанн Кронштадтский», М. Шейкман «Бог – верный слуга капитала», В. Цветков «Огненное погребение»); 1926 № 7 (А. Адамович «Бурят-Монголия»); 1926 № 8 (В. Рожицын «Тайна острова Пасхи»).

Жанр большинства очерков – научно-просветительский. В частности, авторы в духе партийного официоза изображали церковь сторонницей монархии, черносотенного движения. Так, Ф. Путинцев в очерке «Церковь, контрреволюция и эмиграция» пишет: «В то время как у нас с помощью изъятия церковных ценностей в 1921 г. были спасены от смерти сотни

тысяч людей, вся зарубежная эмигрантская сволочь прокучивала на миллионы золотых рублей церковные ценности. И эти живоглоты, хамы ещё смели лицемерно говорить об «ограблении» и «поругании» церквей. Они не печалились, а радовались нашему голоду – надеялись взять нас голодных голой рукой, надеялись на голодные восстания внутри России против большевиков» [12, с. 7]. Заметим, что Ф. М. Путинцев в истории советской журналистики фигура достаточно известная. Его перу принадлежит немало работ по проблемам религии и атеизма. В 1930-е гг. он был редактором «Безбожника».

Б. Кандидов в своём очерке раскрывает роль русской православной церкви в Первой мировой войне и подчёркивает, что церковь заняла оборонительную патристическую позицию, что шло в разрез с линией большевиков, которые занимали пораженческую линию. Доминирует эмоционально-политическая оценка событий тех лет: церковь «усердно готовилась к своей деятельности убийцы. Она с увлечением играла роль плача трудящихся. Она приложила все старания к тому, чтобы грядущий ужас великого истребления окружить ореолом святости» [13, с. 5].

О Б. П. Кандидове известно, что он даже среди других пропагандистов отличался крайними позициями в отношении к церкви. В частности, он оправдывал репрессии против церкви, разоблачал реакционную сущность церковников в годы революции и гражданской войны.

Ряд материалов по жанру можно отнести к культурно-историческим очеркам (В. Цветков «Огненное погребение», А. Адамович «Бурят-Монголия», В. Рожицын «Тайна острова Пасхи»). Но и здесь идеологическая составляющая на первом месте. Так, в очерке А. Адамовича раскрывается не столько история Монголии, сколько показана антирелигиозная сущность философии ламаизма. В центре очерка – портрет монгольского ламы Богдо-Гегена. Руководствуясь пропагандистской концепцией издания, автор создаёт отрицательный образ ламы: «В то время как народ почитал Богдо-Гегена святым, жизнь его была далека от всякой святости. Кутежи, пьянство, разврат, грандиознейшие

скандалы, безумная расточительность – вот то, чем было отмечено существование Богдо-Гегена» [14, с. 9].

Антирелигиозная составляющая характерна и для очерка В. Рожицына (кстати, крупного учёного, прозаика, журналиста), посвящённого загадочному острову Пасхи. Учитывая, что читательская аудитория вряд ли знала о существовании этого острова, автор подробно описывает историю острова, расположенного в стороне от морских путей. Капитан Кук, посетивший этот остров (который на туземном наречии назывался Вайгу), обратил внимание на исполинские статуи до 15 м высоты.

«Возможно, что маленький остров Вайгу хранит в себе ключ от загадки происхождения древнейших культур. Но решение загадок погребено на дне океана, и никогда самые смелые водолазы не проникнут в это мертвое царство.

Но здесь перед нами открывается ещё один факт, на этот раз не представляющий никакой загадки, – это социальные причины, создающие религиозную веру. Ужас, дикий ужас перед неведомыми силами, перед таинственными причинами катастрофы породил религию. В борьбе за спасение своей жизни древние люди, жившие на Вайгу, отдавали все свои силы на сооружение исполинских идолов, веря в их защиту» [15, с. 6].

Выводы. Подводя итоги можно сказать, что освещению религиозной жизни в условиях тоталитарного общества придавалось исключительное значение. Разрушение веры в Бога, составлявшую духовную основу российского общества, несомненно, требовало участия советской журналистики в раскрытии религиозной тематики под углом антирелигиозной пропаганды. Слабая информированность в вопросах атеизма читательской аудитории давала возможность создать нужную журнальную модель, ориентированную на критическое освещение религиозной жизни. Простота и доступность публикуемых материалов, формирование атеистических взглядов у населения нашло отражение как в выборе необходимых жанров, так и в освещении публикуемых материалов, подтверждением чему являются очерки в журнале «Безбожник».

Источники

1. Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода 1917–1985 гг. Автореф. дис. д. полит. н. Москва 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.disscat.com/content/otechestvennye-politicheskie-traditsii-v-zhurnalistike-sovetskogo-perioda-1917-1985-gg> (дата обращения: 18.03.2020).
2. Воробьёв А. М. Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества: процесс, тенденции, противоречия. Екатеринбург: Уральский юр. ин-т, 1998. 183 с.
3. Желнакова Н. Ю. Государственная политика по отношению к русской православной церкви в 1920-е–30-е гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва: Диалог-МГУ, 1995. 23 с.
4. Кашеваров А. Н. Церковь и власть. Санкт-Петербург: СПбГТУ, 1999. 327 с.
5. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве. Москва: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.
6. Акопов А. И. Российские специальные журналы 1917–1932 гг.: Формирование типологической системы. Ростов-на-Дону: Изд-во ин-та масс. коммуникаций, 1994. 80 с.
7. Барабохин Д. А. Советская журналистика в первые годы советской власти и борьба коммунистической партии за новый «тип» толстого журнала: Дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград: ЛГУ, 1972. 20 с.
8. Максимов А. А. Советская журналистика 20-х годов: Краткий очерк журнальной периодики. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. 152 с.
9. Хруль В. М. Религия в текстах массовой коммуникации: структурно-семантические, функциональные и этические аспекты: Дисс. д. полит. н. Москва: Рос. ун-т дружбы народов, 2018. 417 с.
10. Бардилова Ю. П. Антирелигиозная пропаганда на европейском севере России по материалам журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник» (1925–1941 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. СПб, 2011. С. 161–176.

11. Метель А. В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник Омского университета, 2013, № 1. С. 43–47.
12. Путинцев Ф. Церковь, контрреволюция и эмиграция // Безбожник, 1926 № 2. С. 6–7.
13. Кандидов Б. Роль религии в империалистической войне // Безбожник, 1926, № 4. С. 4–5.
14. Адамович А. Бурят-Монголия // Безбожник, 1926. № 7. С. 8–9.
15. Рожицын В. Тайна острова Пасхи // Безбожник, 1926. № 8. С. 4–6.

Информация об авторе

Хомяков Валерий Иванович

Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, г. Омск, пр. Мира, 55а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-4434-3342>. E-mail: vix50@yandex.ru

V. I. Khomiakov¹

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

An essay in the “Bezbozhnik” magazine: problems and genre originality

Abstract. Atheist propaganda and media. The interaction of religion and journalism. The role of the “Bezbozhnik” magazine and its influence on the mass consciousness. Genre specificity of the magazine.

The article is based on general scientific methodology, historical and cultural analysis, general theory of cognition.

Political aspects of the religion and power interaction in the 1920s and 1930s. allow us to talk about the reassessment of traditional values in society. Widespread anti-religious propaganda is connected with the change of cultural paradigm and with political and ideological reorientation in the consciousness of Russian society. The destruction of sustainable behavioral norms leads to the weakening of traditional attitudes characteristic of the previous development of Russian society. In this regard, it is important to study the deformation of mass consciousness through the media. Representation of anti-religious texts in specialized journals of the period under the study allows to identify both features of religious subjects coverage and genre specifics of texts.

In the early 1920s. the USSR began to publish atheist publications, their task was to struggle with the vestige of the past in the people minds. It is noted that anti-religious work was carried out mainly through the press. Such publications include the “Bezbozhnik” magazine which was predominantly of propagandistic and educational character. The analysis of the essays allows us to come to the following conclusions. First, the magazine’s focus is important, it fully reflects the media objectives of that period; secondly, the popularizer function of the magazine, its general theme allows us to talk about a certain readership, as a rule, it is poorly educated layers of workers and peasants. Finally, the model of anti-religious publication defined the nature of published materials, their genre specificity.

Keywords: media, atheist propaganda, specialized magazines, church and power, essay.

Paper submitted: June 2, 2020

For citation: Khomiakov V. I. (2020). An essay in the “Bezbozhnik” magazine: problems and genre originality. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 31–34. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.5

References

1. Strovsky D. L. Patriotic political traditions in the journalism of the Soviet period 1917-1985. Dissertation Abstract for the degree of doctor of political sciences. Moscow. 2001. [Electronic resource] URL: <https://www.dissereat.com/content/otechestvennye-politicheskie-traditsii-v-zhurnalistike-sovetskogo-perioda-1917-1985-gg> (date of treatment: 18.03.2020).
2. Vorobyov A. M. Media as a factor in the formation of civil society: process, trends, contradictions. Yekaterinburg: Ural Law Institute 1998. 183 p.
3. Yelnakova N. Y. State policy regarding the Russian Orthodox Church in the 1920s-30s. Autoref. Dissertation Abstract for the degree of candidate of historical sciences. Moscow: Dialogue-MSU, 1995. 23 p.
4. Kashevarov A. N. Church and power. St. Petersburg: ST. Petersburg, 1999. 327 p.
5. Skarovskiy M. V. Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev. Moscow: Krutitsky Patriarchal Compound. Society of Church History enthusiasts, 1999. 400 p.
6. Akopov A. I. Russian special journals 1917-1932: Formation of the typological system. Rostov-on-Don: Publishing House of the Institute of Mass communications, 1994. 80 p.
7. Barabohin D. A. Soviet journalism in the early years of Soviet rule and the struggle of the Communist Party for a new “type” of thick magazine: Dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Leningrad: LSU, 1972. 20 p.
8. Maximov A. A. Soviet journalism of the 20s: A brief essay of magazine periodicals. Leningrad: Publishing House of the Leningrad Institute, 1964. 152 p.
9. Hrul V. M. Religion in the texts of mass communication: structural-semantic, functional and ethical aspects: Dissertation for the degree of doctor of political sciences. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia, 2018. - 417 p.
10. Bardileva J. P. Anti-religious propaganda in the European north of Russia based on the materials of the “Antireligioznik” and “Bezbozhnik” magazines (1925-1941). The Herald of St. Petersburg State University. Ser. 2. Vyp. 3. St. Petersburg, 2011. - P. 161-176.
11. Metel A. V. Formation of anti-religious periodicals in the USSR (1919-1941). Herald of the University of Omsk, 2013, no. 1. P. 43-47.
12. Putintsev F. Church, Counterrevolution and Emigration. Bezbozhnik, 1926, no 2. P. 6-7.
13. Kandidov B. The role of religion in the imperialist war. Bezbozhnik, 1926, no. 4. P. 4-5.
14. Adamovich A. Buryat-Mongolia. Bezbozhnik, 1926, no 7. P. 8-9.
15. Rozhitsyn V. The Mystery of Easter Island. Bezbozhnik, 1926 no 8. P. 4-6.

Information about the author

Valeriy I. Khomiakov

Dr. Sc. (Philol.), Professor of the Department of Journalism and Media Linguistics. Dostoevsky Omsk State University (55 Mira ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: vix50@yandex.ru

УДК 070+32.019.5

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.6

В. А. Евдокимов¹¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Социальные институты в медиапространстве российских регионов

Аннотация. Социальные институты создают условия для удовлетворения потребностей населения, регулируют действия людей. Представляет интерес, в какой мере, полно или поверхностно краевые, областные, республиканские печатные издания освещают деятельность социальных институтов регионального значения. Основой для исследования послужили общенаучная методология историко-философского анализа, общей теории познания, как общие методы, так и частные методики. Ведущий в исследовании – системный подход. Печатные издания формируют не целостное, а фрагментарное, отрывочное представление о деятельности социальных институтов регионального значения, тем самым ограничивая возможности осмысления аудиторией нерешённых проблем, динамики социально-экономических процессов, темпов и перспектив развития территорий. Тематика публикаций региональных газет, как сложная система, имеющая несколько целей, не согласующихся между собой, отражает несбалансированность, диспропорции в освещении деятельности социальных институтов регионального значения.

Ключевые слова: массмедиа, социальный институт, регион, трансформация.

Дата поступления статьи: 22 апреля 2020 г

Для цитирования: Евдокимов В. А. (2020). Социальные институты в медиапространстве российских регионов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 35–43. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.6

Проблема и цель. Печатные издания регулярно освещают деятельность социальных институтов, функционирующих в регионах России. Осмысление этой деятельности даёт возможность читателям получить представление о темпах развития территорий, нерешённых проблемах, динамизме социально-политических и экономических процессов. Большинство исследователей интерпретирует социальные институты как исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности людей, складывающиеся на фундаменте социальных связей, взаимодействий и отношений индивидов, социальных групп и общностей и обеспечивающие жизнеспособность общества. Создавая условия для удовлетворения потребностей населения, социальные институты осуществляют регулирование действий людей, вовлечённых в социальные отношения, поддерживают общественный строй, производят интеграцию стремлений, действий индивидов и обеспечивают сплочённость общности [1, с. 106]. Социум заинтересован в регулярном получении полной и объективной информации о деятельности институтов, в том числе регионального значения. Для принятия решений, оценки эффективности действий институтов и осмысления перспектив развития территорий людям необходимо иметь чёткое, непротиворечивое представление о своих правах и обязанностях, обладать достоверными сведениями о событиях и социально-политических процессах.

Почерпнуть информацию о правилах и механизмах, обеспечивающих их выполнение, нормах поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия людей [2, с. 73], граждане могут не только в массмедиа, но и на сайтах организаций и учреждений, в других источниках. Вероятно, этих сведений недостаточно для формирования целостного представления аудитории о степени эффективности деятельности

социальных институтов, действующих в регионах. Согласно данным опроса, проведённого в октябре 2019 года, региональным органам власти вполне доверяет 31 процент респондентов, местным органам власти – 29 процентов опрошенных [3]. Представляет интерес, в какой мере, полно или поверхностно, в объективном или искажённом виде краевые, областные, республиканские печатные издания освещают деятельность социальных институтов регионального значения.

Методология. Методологической основой для решения автором исследовательских задач послужили общенаучная методология историко-философского анализа, общей теории познания, как общие методы (исторический, диалектический, системно-структурный, сравнительный), так и частные методики (наблюдение, анализ документов, контент-анализ). Ведущим в исследовании проблемы является системный подход, сопряжённый с рассмотрением объектов как систем, раскрытием целостности объекта и обеспечивающих её механизмов, выявлением разнообразных связей объекта. Автор следовал таким принципам, как рассмотрение связей и отношений, существующих между формирующими каждую систему элементами; изучение систем, которые передают информацию и участвуют в процессах управления; анализ структуры самоорганизующихся систем с точки зрения её возможных изменений; учёт особенностей многих сложных систем, имеющих цели, не согласующиеся между собой.

Результаты. Внимание медиа деятельности организаций, создающих условия для удовлетворения потребностей людей, тем более значимо, что нормой бытия социальных и политических институтов являются изменения, реагирование на динамику социально-экономических и иных процессов [4, с. 31], а система институтов конкретного общества образует своео-

бразную матрицу, которая определяет спектр возможных траекторий его развития [5]. По мнению Э. Гидденса, социальные институты являются главными средствами организации жизни, создаваемыми в процессе взаимодействия, способствующими сохранению преемственности поколений [6, с. 381]. Э. Дюркгейм трактовал институт как социальный факт, обладающий объективным характером и принудительной силой [7, с. 20]. Исследователями рассмотрены теоретические проблемы, связанные с функционированием социальных институтов [8–10], формами социального действия [11], отмечены проявления реагирования институтов на динамизм социально-политических процессов. Дж. Ролз фокусировал внимание на принципах справедливости, которые должны управлять социальными институтами [12], Ю. Хабермас – на возможности некоторых социальных институтов служить удовлетворению узких экономических или других специальных интересов [13], М. Кирк – на воздействии средств массовой информации на формирование социальных норм, ценностей [14].

Отечественные исследователи отмечают, что социальные институты в современной России пока не готовы функционально к максимально продуктивной деятельности. Одним из архетипов российской культуры является недоверие социальным институтам, нормой жизни общества стали договорённости на основе, не включающей институциональные отношения и практики [15]. Внушить читателям доверие социальным институтам способна массовая коммуникация, которая, как явление культуры, служит одним из важнейших способов (форм) взаимодействия людей и воспроизводства современного общества [16, с. 81]. Социальные институты превращаются в активных субъектов медиапространства страны, не только постепенно переходят от сотрудничества со средствами информации к управлению ими и создают медиаресурсы [17, с. 47], но и манипулируют медиа [18]. Указывая, что государство является крупнейшим производителем информации, исследователи подчеркивают, что тенденциозное информирование зачастую ведёт к искажению сведений, огромный пласт информации не доходит до общества даже в искажённом виде [19]. Меньше внимания уделено учёными выявлению тенденций освещения прессой деятельности социальных институтов регионального значения, процесса их трансформации.

Печатные издания в особенности привлекательны для интеллектуально подготовленной аудитории, так как способны представить обстоятельный анализ причинно-следственных связей, существующих между событиями, социально-экономическими процессами, дать возможность читателям ознакомиться с надежной, проверенной информацией. К читателям газет исследователи относят людей «лучше образованных и имеющих более высокий социально-экономический статус», занятых разнообразными видами деятельности и желающих быть в курсе событий [20]. Хотя количество людей, использующих прессу в качестве источника информации, сокращается, результаты опросов показывают, что печать является источником новостей для 12 процентов жителей России. По данным фонда

«Общественное мнение», в 2016–2019 годах доверие прессе стабильно оказывали 8 процентов потребителей, в то время как доверие телевидению, как источнику информации, резко снизилось [21]. Как сообщает Роскомнадзор, в третьем квартале 2019 года произведена регистрация печатных изданий или внесены записи в документы о регистрации 364 субъектов прессы, что в полтора раза превышает данные, зафиксированные в аналогичный период годом ранее [22]. Цель автора – рассмотреть публикации краевых, областных, республиканских печатных изданий с точки зрения полноты и объективности освещения деятельности социальных институтов регионального значения, а также отражения прессой процесса их трансформации.

Пресса действует в региональном медиапространстве. Исследователи интерпретируют понятие «медиапространство» в широком и узком смысле. С точки зрения Р. Стултса и С. Харрисона, медиапространство – это электронные условия, в которых группы людей могут работать вместе, даже если они не находятся в одном и том же месте, создавать визуальные и звуковые среды, которые охватывают физически распределённые площади, контролировать запись, доступ и воспроизведение изображений и звуков в этих средах [23]. Российские исследователи определяют медиапространство и как совокупность источников, из которых люди получают информацию, и смысловое поле, которое эти источники формируют [24], и как достаточно хаотичную систему духовно-ценностной информации, предлагающей в соответствии с различными интересами и потребностями пользователей необходимую духовно-познавательную среду, свободную от диктата и комфортную для социального выбора личностей [25]. Автор интерпретирует медиапространство в узком смысле слова как совокупность источников, которые на профессиональной основе обеспечивают информацией людей и следуют закономерностям развития социальной системы [26, с. 49], сосредоточивает внимание на изучении публикаций региональных газет.

Методом контент-анализа рассмотрены содержательные характеристики материалов печатных изданий общего интереса. В выборку для исследования вошли две республики, находящиеся в составе Российской Федерации, – Татарстан и Башкортостан, два края – Пермский, Красноярский и шесть областей (Новосибирская, Омская, Нижегородская, Воронежская, Свердловская, Челябинская). Города, численность населения которых превышает один миллион человек, являются центрами территорий. Имеются возможности для участия регионов в реализации программ федерального значения, инвестиционных проектов, использования экономических, научных, технологических ресурсов, влияния на происходящие в России процессы гармонизации информационного пространства. В фокусе интереса печатных изданий – возможности удовлетворения потребностей людей, деятельность институтов, гражданских, социокультурных, производственных организаций.

При рассмотрении публикаций региональной прессы за 2019 год учтены различные категории и признаки (название

газеты, территория распространения, язык, характер публикаций, их тематика, наличие сайта в интернете, номер и дата государственной регистрации, год создания). В выборку включены печатные издания, регулярно выходящие в свет и издающиеся на русском языке. Автором изучена региональная пресса, предлагающая аудитории информацию о жизни краев, областей, республик, находящихся в составе Российской Федерации, и не включены в выборку печатные издания, распространяемые только в краевых, областных, республиканских центрах и сообщающие о событиях, происходящих в городах, а также приложения к общенациональным изданиям. Данные о газетах представлены в статье (таблица 1).

Таблица 1 – Выборка печатных изданий

№	Наименование региона	Количество анализируемых региональных газет
1.	Новосибирская область	5
2.	Нижегородская область	5
3.	Омская область	5
4.	Свердловская область	2
5.	Республика Татарстан	3
6.	Челябинская область	3
7.	Красноярский край	4
8.	Республика Башкортостан	3
9.	Пермский край	2
10.	Воронежская область	3
Всего		35

Согласно таблице 1 в выборку для исследования вошли общественно-политические газеты, которые зарегистрированы и регулярно выходят в свет в краях, областях и республиках, находящихся в составе Российской Федерации, освещают деятельность социальных институтов регионального значения, имеют сайты в интернете. Большинство газет учреждено региональными органами государственной власти, меньшая часть печатных изданий являются частными.

Таблица 2 – Публикации о деятельности социальных институтов (2019 г., в процентах)

Социальные институты федерального значения	10,8
Социальные институты регионального значения	39,3
Социальные институты местного самоуправления и муниципального права	36,2
Другие темы	13,7

В таблице 2 отражено соотношение публикаций о деятельности социальных институтов федерального, регионального значения, местного самоуправления и муниципального права, материалов другой тематики. В большинстве рассмотренных публикаций освещена деятельность институтов регионального

значения. Немногим меньший интерес прессы вызывает функционирование институтов местного самоуправления и муниципального права. Свердловская «Областная газета» примерно в равной степени освещает деятельность региональных государственных и муниципальных органов власти, региональных и муниципальных учреждений образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения, промышленных и торговых предприятий, субъектов малого и среднего предпринимательства. Пермская газета «Звезда» информирует читателей о функционировании органов местного самоуправления, муниципальных организаций чаще, чем о работе институтов регионального значения. Внимание, уделяемое прессой институтам местного самоуправления и муниципального права, муниципальным организациям и предприятиям, объясняется, видимо, тем, что в краевых, областных, республиканских центрах проживает основная часть населения регионов, накоплен промышленный и предпринимательский потенциал, сосредоточены учреждения культуры, образования, здравоохранения и спортивные сооружения. Региональные органы государственной власти тесно взаимодействуют с администрациями крупных городов при решении социально-экономических проблем.

Отражая деятельность социальных институтов, печатные издания раскрывают значение тематики публикаций, как сложной системы, преследующей несколько целей. Учредители, большинство которых, как отмечено выше, составляют региональные органы государственной власти, используют газеты в качестве средства управления. Освещение деятельности социальных институтов зависит и от позиции редакторов газет, квалификации и творческих интересов сотрудников редакций. В свою очередь аудитория ожидает, что в содержании материалов массмедиа найдут отражение не только вкусы и пристрастия учредителей, редакторов и сотрудников печатных изданий, но и интересы потребителей. Публикации общественно-политических газет способны помочь читателям сформировать целостное представление о событиях и социально-политических процессах, происходящих в регионах.

На позицию руководителей большинства печатных изданий влияет, видимо, отсутствие острой конкуренции. Получая финансовые средства из региональных бюджетов, печатные издания в малой степени зависят от предпочтений жителей. Мощные стимулы для изучения интересов и потребностей читателей у большинства газет отсутствуют.

Так как цели, преследуемые газетами, не всегда согласуются между собой, возникают несбалансированность, диспропорции в освещении деятельности социальных институтов регионального значения. Печатные издания не объясняют аудитории, почему деятельность одних институтов привлекает их внимание, а функционирование других вызывает гораздо меньший интерес. Газета «Земля нижегородская» опубликовала в январе 2019 года 10 материалов о деятельности регионального правительства, по одному – о работе полиции и учреждений здравоохранения, умолчала о функционировании

политических партий, профсоюзов, религиозных организаций. Если это печатное издание ежемесячно публикует по несколько материалов, посвященных институту семьи, то газета «Республика Татарстан» – примерно один в месяц. В сентябре 2019 года газета «Магнитогорский рабочий», в числе учредителей которой – правительство Челябинской области, обнародовала 24 материала об институте спорта, в 16 публикациях осветила деятельность региональных органов государственной власти и в 11 – работу муниципальных органов власти.

В фокусе внимания газеты «Омской правды» – деятельность институтов государства, культуры и спорта, рынка, собственности, торговли. Публикаций об институтах образования, науки, семьи, армии, религии, а также суда и прокуратуры фиксируется значительно меньше. Такое отношение печатного издания к освещению деятельности институтов суда и прокуратуры не является исключительным. Так, свердловская «Областная газета» и «Земля нижегородская» в феврале 2019 года опубликовали по одному материалу о деятельности суда и прокуратуры. Между тем результаты опросов показывают, что уровень правовой грамотности населения России низок. Согласно результатам опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2018 году, 70 процентов респондентов плохо знают законодательство. 36 процентов опрошенных признали, что незнание законов навредило им [27]. Как показывают данные опроса, проведенного национальной юридической службой АМУЛЕКС и аналитическим центром НАФИ, две трети респондентов хотели бы повысить уровень знаний в области права [28]. Вследствие распространения региональной прессой отрывочных сведений у читателей может быть сформировано искаженное представление о деятельности суда и прокуратуры, об интеграции институтов в социально-политическую, идеологическую и ценностную структуру общества.

Несбалансированность в освещении деятельности социальных институтов может быть связана и с тем обстоятельством, что, как правило, журналисты отражают события и процессы, которые можно наблюдать в регионах. В одном регионе проявляют себя в полной мере институты рынка, торговли, собственности, повышения доходности используемого капитала, благоприятствования образованию компаний, а в другом процессы, происходящие в деловой жизни, замедлены. Если организации и учреждения, связанные с тем или иным социальным институтом, демонстрируют неразвитость или пассивность, журналисты могут доискаться причин этого.

В таблице 3 отражена тематика публикаций о социальных институтах регионального значения, представлены данные о том, что в печатных изданиях в 2019 году преобладали сообщения о деятельности таких институтов, как государство, местное самоуправление и муниципальное право, культура, спорт, рынок, собственность, торговля. В соответствии с этим региональные печатные издания можно разделить на три группы с точки зрения отражения деятельности социальных институтов. Большинство газет тяготеет к освещению деятельности поли-

Таблица 3 – Тематика публикаций о деятельности социальных институтов регионального значения (2019 г.)

Наименование социальных институтов	Количество публикаций (в процентах)
Региональные органы государственной власти	14,8
Органы местного самоуправления	12,6
Федеральные органы государственной власти	4,7
Рынок, торговля, собственность, малый и средний бизнес	11,9
Банки	0,5
Наука	1,1
Образование	2,9
Культура	13,9
Прокуратура	0,4
Суд	0,4
Полиция	6,3
Армия	0,6
Религиозные организации	0,2
Профсоюзы	0,1
Общественные объединения	6,4
Политические партии	0,6
Спорт	11,8
Семья	4,4
Социальное обеспечение	2,7
Здравоохранение	3,7

тических институтов – федеральных, региональных и муниципальных органов власти. В целом печатные издания освещают деятельность региональных органов государственной власти чаще, чем функционирование других социальных институтов. Государство обладает наибольшими возможностями для удовлетворения потребностей людей в работе, жилье, предоставлении социальных гарантий престарелым, инвалидам, безработным, оно влияет на все сферы жизни общества, распределяет ресурсы, регулирует экономические процессы. По мнению исследователей, государство сохраняет монополию на выбор наиболее важных целей, ориентиров и параметров политического и социального развития [29].

Газеты в основном информируют аудиторию о деятельности региональных органов государственной власти. Реже пресса анализирует, что из запланированного ими выполнено, а какие проекты не удалось осуществить, подчас сглаживает углы при рассмотрении острых ситуаций. В феврале 2019 года газета «Земля нижегородская» опубликовала корреспонденцию «Спасать будем или только оплакивать?», в которой шла речь о том, что «в деревне Надеждино гибнет дом крестьянина Петрова – объект культурного наследия федерального значения». В публикации не отражено, от кого зависит решение проблемы. В свою очередь частные газеты, такие, как пермская «Звезда», предлагают читателям материалы, содержащие взыскательный анализ деятельности региональных и муниципальных органов власти.

В освещении региональной прессой деятельности политических институтов очевидны диспропорции. Газета «Республика Татарстан» обнародовала в октябре 2019 года такое количество материалов о работе республиканских органов государственной власти (28), которое многократно превышает число публикаций, содержащих информацию о функционировании других политических институтов – партий, объединений гражданского общества, армии, суда, профсоюзов. Свердловская «Областная газета» в феврале 2019 года посвятила по одному материалу деятельности прокуратуры, суда, тогда как функционирование федеральных, региональных и муниципальных органов власти отражено соответственно в 20, 22 и 21 публикациях. В декабре эта газета обнародовала один материал о политических партиях и соответственно 20 публикаций о деятельности региональных органов государственной власти. О работе институтов местного самоуправления и муниципального права печатное издание умолчало, как и газета «Наш Красноярский край» в ноябре минувшего года.

Среди публикаций региональных газет, содержащих информацию об институте гражданского общества, преобладают материалы об участии жителей в голосовании, определяющем возможности благоустройства городов. Газета «Магнитогорский рабочий» в сентябре 2019 года сообщила об аналогичном голосовании, организованном на портале «Активный житель 74».

Региональные газеты предпринимают попытки раскрыть результаты взаимодействия объединений гражданского общества и региональных органов государственной власти в интересах удовлетворения потребностей людей в социальной сфере. Но такая информация подчас оказывается отрывочной, непоследовательной. Газета «Ведомости Законодательного собрания Новосибирской области» в октябрьском материале «Стереть границы» сообщила о том, что в Новосибирской области обсудят развитие благотворительности и возможности взаимодействия власти и добровольческих объединений. В качестве результата рассмотрения этих тем и единственного примера такого взаимодействия следует воспринимать, вероятно, упоминание в публикации о матче по волейболу, в котором участвовали представители органов власти и добровольческих объединений.

Во вторую группу входят региональные печатные издания, освещающие в основном функционирование таких экономических институтов, как рынок, торговля, собственность, маркетинг, менеджмент. Среди них – газеты «Наш Красноярский край», «Республика Башкортостан», «Земля нижегородская». Газета «Наш Красноярский край» опубликовала в ноябре 2019 года 21 материал о деятельности экономических институтов и 12 – о функционировании региональных органов государственной власти. На первой странице газеты «Республика Башкортостан» в течение октября–декабря 2019 года наибольшее количество публикаций (16) посвящено институтам рынка, торговли, собственности, немногим меньше сообщений (12) – деятельности региональных органов государственной власти, девять материалов – институтам культуры. Газета «Воронежский

курьер» регулярно информирует читателей о том, как они могут обезопасить свои доходы и собственность от мошенников, недобросовестных рекламистов и работников торговли. Газета «Известия Татарстана» под рубрикой «Бизнес» регулярно размещает рекламные материалы об институтах рынка, торговли, маркетинга, собственности.

Несмотря на это баланс в освещении деятельности экономических институтов не обеспечен. Единичны публикации о таких институтах, как поддержание платежеспособности населения региона, повышение доходности используемого капитала, увеличение заработной платы, создание технопарков и бизнес-инкубаторов, а также благоприятных условий для образования компаний, ликвидация препятствий для этого, как фактор интенсификации инновационного процесса, инфраструктурная поддержка предприятий малого и среднего бизнеса. В качестве исключения, видимо, следует воспринимать декабрьское сообщение свердловской «Областной газеты» о технопарке «Университетский».

В третью группу входят газеты, уделяющие наибольшее внимание освещению деятельности институтов культуры и спорта. «Ведомости Законодательного собрания Новосибирской области» опубликовали в октябре 2019 года 27 материалов об учреждениях культуры и 18 – о деятельности региональных органов государственной власти. Свердловская «Областная газета» в феврале и декабре опубликовала соответственно 32 и 30 материалов о спорте и 22 и 20 о деятельности региональных органов государственной власти. Газета «Омская правда» в декабре 2019 года посвятила институтам культуры и спорта столько же публикаций, сколько региональным институтам политической власти, гражданского общества, рынка, торговли, собственности, маркетинга, менеджмента, инфраструктурной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса. Номера газеты «Известия Татарстана» содержат такое количество публикаций, посвященных деятельности учреждений культуры, которое значительно превышает число материалов, информирующих о функционировании других социальных институтов. Пермская «Звезда» опубликовала втрое больше материалов об институтах культуры и спорта, нежели о деятельности политических институтов.

Как гибкая самоорганизующаяся система, тематика материалов региональной печати о деятельности социальных институтов периодически изменяется. Частота публикаций, информирующих о такой деятельности, может колебаться в зависимости от организации масштабных акций, политических кампаний или обострения конфликтов, получивших широкий общественный резонанс. В электоральных кампаниях возрастает количество публикаций, посвященных институтам выборов, государства, рынка, заработной платы, поддержания платежеспособности населения, социального обеспечения. Перед выборами губернатора Челябинской области, состоявшимися в 2019 году, в пяти сентябрьских публикациях газета «Магнитогорский рабочий» сообщила о решениях, нацеленных на предоставление льгот группам жителей региона.

Интерес журналистов к социальным институтам стимулируют конфликты, вызвавшие отклик в обществе. Свердловская «Областная газета» в феврале 2019 года обнародовала два материала о деятельности объединений гражданского общества, а в декабре – десять публикаций о дискуссиях, посвящённых острым для жителей региона проблемам охраны окружающей среды, создания благоприятных условий для предпринимателей, а также о полезной деятельности общественных объединений. Вероятно, катализатором послужил острый спор о возможности строительства православного храма на территории городского сквера в Екатеринбурге, привлёкший в мае 2019 года внимание многих российских массмедиа и жителей страны.

В таблице 4 отражено количество публикаций региональных газет о конкретных действиях социальных институтов регионального значения, в том числе материалов об изменениях, связанных с функционированием институтов. Вероятно как создание социальных институтов, так и совершенствование деятельности существующих путём дифференциации, специализации связей, функций, а также учреждений, корректировки принципов регуляции деятельности институтов. Т. Парсонс считал источниками изменений экзогенные и эндогенные факторы [30, с. 469–470]. Экзогенными факторами являются воздействия культуры как носителя ценностных ориентаций и личности как субъекта новаторской деятельности. Для читателей могут оказаться полезными сообщения региональной прессы о культуре принятия решений организациями и учреждениями, об изменениях в деятельности институтов, нацеленных на удовлетворение потребностей граждан.

Таблица 4 – Соотношение количества публикаций о планах деятельности и действиях социальных институтов регионального значения (2019 год, в процентах)

Количество публикаций о планах, проектах деятельности социальных институтов регионального значения	32,6
Количество публикаций о конкретных действиях социальных институтов регионального значения	67,4
(в том числе количество публикаций об изменениях в деятельности социальных институтов)	6,4

Из таблицы № 4 явствует, что примерно в двух третях материалов, посвящённых институтам регионального значения, показаны действия краевых, областных, республиканских органов государственной власти, совершённые в интересах решения социально-экономических проблем, развития системы учреждений образования, науки, культуры, здравоохранения, социального обеспечения. В трети публикаций освещены совещания, заседания, протокольные встречи. Рассмотрение руководителями органов власти, учреждений и предприятий проблем развития регионов является формой поиска оптималь-

ных решений с целью удовлетворения потребностей населения территорий. Однако чаще всего о последствиях обсуждения проблем, состоявшегося на совещаниях или заседаниях, печатные издания не сообщают, используют туманные, обтекаемые фразы: глава правительства региона «обсудил возможность», «наметил шаги», «совершил рабочую поездку для участия в мероприятиях», «участвовал в приёме», «мэры сверили часы с правительством региона ещё по двум нацпроектам».

Действия институтов регионального значения освещены в публикуемых газетами отчётах о том, что сделано в интересах жителей территорий. Констатация фактов, однако, не позволяет журналистам раскрыть процесс совершенствования деятельности институтов при решении проблем социально-экономического развития регионов. Газета «Ведомости Законодательного собрания Новосибирской области» в октябрьском материале 2019 года «Пополнение пришло» сообщила об утверждении региональным органом законодательной власти изменений, внесённых в областной бюджет, перечислила суммы, выделенные отраслям хозяйства. В публикации показано, что имеются материальные средства, а также условия, обеспечивающие успешное выполнение нормативных предписаний и осуществление социального контроля, однако не объяснено, из каких соображений и в чьих интересах определён размер дополнительных расходов.

В публикациях региональной прессы отражены элементы трансформации экономических институтов рынка, торговли, собственности, маркетинга, доверия и культуры (деловой и организационной), реальная практика хозяйствующих субъектов, их участие в конкуренции за ресурсы и рынки сбыта товаров. Если региональные газеты предпринимают попытки показать трансформацию других институтов, то сообщают, как правило, о готовности руководителей организаций и учреждений внести коррективы в деятельность социальных институтов, об изменениях в кадровом составе подразделений, образовании комиссий, фондов, нацеленных на внедрение инноваций. Сообщения о назначении кого-либо руководителем подразделения региональных органов власти, как правило, не содержат объяснение, почему принято решение, какие качества позволяют новичку занять ответственный пост, какова степень его компетентности. В качестве исключения можно воспринять отдельные публикации газеты «Нижегородская правда», в которых раскрыты данные о том, по каким причинам произошла смена руководителей в региональных организациях.

Сообщения об образовании комиссий, фондов, экспертных советов не подкреплены информацией о результатах их деятельности. «Земля нижегородская» в январе 2019 года сообщила об учреждении в регионе корпорации развития. Газета «Республика Татарстан» в октябре того же года проинформировала читателей о формировании в республиканском госсовете комитета по жилищной политике и инфраструктурному развитию. «Омская правда» в декабре 2019 года сообщила о создании совещательного органа при губернаторе – экспертного совета по экологии. Эти публикации не указывают, что создание данных

образований даст жителям регионов, как скажется на социально-экономическом развитии территорий.

Сообщения о трансформации институтов могут быть подменены общими фразами, содержащими минимум конкретной информации. В январе 2019 года газета «Земля нижегородская» опубликовала материал о том, что «важно привлекать в регион инвестиции». «Областная газета» в декабре 2019 года сообщила о том, что по инициативе губернатора Свердловской области совещания с главами муниципальных образований «в формате круглых столов проводятся ежеквартально». О результатах этих встреч не сообщено. В газете «Республика Татарстан» в октябре 2019 года опубликован материал «О долгах, налоговых льготах и резервах». Приведённая в тексте цитата из сообщения министра республиканского правительства содержит мысль о том, что в регионе «будет продолжена работа по дальнейшему совершенствованию налогового законодательства», однако в материале идёт речь о другом – о продлении действия пониженной ставки налога на имущество, предоставленной технопаркам, инновационно-технологическим центрам, а также о государственном долге региона.

Процесс трансформации институтов, насыщенный столкновением мнений, противоречиями, конфликтами интересов, возникающих в среде государственных служащих при принятии регулирующих решений, показан, пожалуй, только в октябрьской публикации «Ведомостей Законодательного собрания Новосибирской области» «Слишком простое решение». В этом материале сообщено, что правительство региона рассматривает возможность увеличения тарифа на капитальный ремонт многоквартирных домов, а депутаты Законодательного собрания области не одобряют инициативу органа исполнительной власти.

Попытки раскрыть процесс трансформации института гражданского общества сведены газетами к перечислению результатов деятельности некоммерческих объединений. Публикации не содержат анализ взаимодействия государства и объединений гражданского общества, форм и методов деятельности, позволяющих этим объединениям проявить себя в различных сферах жизни социума.

Выводы. Печатные издания формируют не целостное, а фрагментарное, отрывочное представление о деятельности социальных институтов регионального значения, ограничивая возможности осмысления аудиторией нерешённых проблем, динамики социально-экономических процессов, темпов и перспектив развития территорий. Тематика публикаций региональных газет, как сложная система, имеющая несколько целей, не согласующихся между собой, отражает несбалансированность, диспропорции в освещении деятельности социальных институтов регионального значения. Медиа недостаточно используют такие механизмы, обеспечивающие целостность тематики публикаций, как изучение интересов и потребностей читателей, анализ событий и социально-политических процессов, и эпизодически рассматривают причины неразвитости или пассивности отдельных социальных институтов, тем самым ограничено участие газет в формировании социальных норм и ценностей. Фрагментарность, отсутствие понятных аудитории объяснений причин и перспектив создания организаций и учреждений подменяют показ газетами процесса трансформации социальных институтов, насыщенного столкновением мнений, противоречиями, конфликтами интересов, возникающих в среде государственных служащих. Освещение политических кампаний, а также конфликтов, получивших широкий общественный резонанс, обостряет внимание печатных изданий к деятельности социальных институтов.

Источники

1. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1967. 240 с.
2. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 69–91.
3. Институциональное доверие // [https:// www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/](https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/)
4. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006. 138 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
6. Giddens A. Sociology. Oxford: Polity Press, 1989. 704 p.
7. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология, предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
8. Miller S. The moral foundations of social institutions: A philosophical study. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 371 p.
9. Searle J. Philosophy in a New Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 201 p.
10. Ludwig K. From plural to institutional agency: Collective action II. Oxford: Oxford University Press, 2017. 312 p.
11. Tollefsen D. Groups as agents. London: Wiley, 2015. 184 p.
12. Rawls J. A theory of justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972. 560 p.
13. Habermas J. Knowledge and human interests. Boston: Beacon Press, 1972. 368 p.
14. Kirk M. Mass media as social institution: the wired example // Gender and Information Technology. Milton Keynes: Open University Press, 2009. P. 85–118.
15. Фролов С. С. Социальные институты в современной России // Социология власти. 2010. № 6. С. 25–35.
16. Розенберг Н. В., Логинов А. В. Институт средств массовой информации и коммуникации как фактор развития социальной мобильности современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. № 4 (28). С. 78–84.
17. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. 479 с.
18. Лозовский Б. Н. Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии управления средствами массовой информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 213 с.
19. Василенко И. В., Костяев М. А. Взаимодействие средств массовой информации с социальными институтами современного российского общества // Вестн. Волгоград. ун-та. Серия 7. «Философия». 2009. № 2 (10). С. 84–90.
20. Harris R., Sanborn F. A Cognitive Psychology of Mass Communication. N.Y., L.: Routledge, 2019. 500 p.
21. Источники новостей и доверие средствам массовой информации // <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170>
22. Регистрация средств массовой информации // <http://rkn.gov.ru>

23. Stults R. Media Space. Xerox, PA: Xerox PARC, 1986. 20 p.
24. Литвинович М. Как Интернет меняет медиaproстранство // http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofi/8763-kak-internet-menyat-mediaprostranstvo.html
25. Юдина Е. Н. Развитие медиaproстранства современной России (на примере телевидения). Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. М.: Изд-во Москов. педагог. ун-та, 2008. 36 с.
26. Евдокимов В. А. Информационное и медиaproстранство: соотношение понятий // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 4. С. 47–52.
27. Правовая грамотность // <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14115>
28. Россияне не склонны защищать свои «бытовые» права / blog.amulex.ru/pravogramma
29. Пантин В. И. Политическое самоопределение российского общества (Внутренние факторы и ограничения) / В. И. Пантин, В. В. Липкин // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 78–88.
30. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц // под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Москов. ун-та. 1994. С. 464–480.

Информация об авторе

Евдокимов Владимир Анатольевич

Доктор политических наук, профессор. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8128-5690>. E-mail: evdokimovva@list.ru

V. A. Evdokimov¹

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Social institutions in the media space of Russian regions

Abstract. Social institutions establish the conditions necessary to meet the population needs, regulate the actions of people. It is of interest if regional newspapers cover to the full extent the activities of social institutions of regional significance.

The research was based on the scientific methodology of historical and philosophical analysis, the general theory of cognition, general and particular methods. The system approach is the target method in the study.

Newspapers do not form a holistic, but fragmentary, piecemeal idea of the activities of social institutions of regional significance, thereby limiting the audience's ability to grasp unresolved problems, the dynamism of socio-economic processes, the paces and prospects of territorial development. The regional press does not use enough mechanisms for ensuring the integrity of the topics of publications such as studying the interests and needs of readers, analyzing events and socio-political processes, and consider the reasons for the underdevelopment or passivity of some of social institutions.

The themes of regional newspapers publications as a complex system with several inconsistent goals reflect imbalance, disproportions in the coverage of the activities of social institutions of regional significance. Fragmentation and lack of explanations by journalists of the reasons and prospects for creating organizations substitute reflection by the regional newspapers of the process of transformation of social institutions, filled with clash of opinions, contradictions, and conflicts of interests arising among public servants. The coverage by the press of political campaigns, as well as conflicts that have caused wide public resonance, sharpens journalists' interest in the activities of social institutions.

Keywords: mass media, social institution, region, transformation.

Paper submitted: April 22, 2020

For citation: Evdokimov V. A. (2020). Social institutions in the media space of Russian regions. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 35–43. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.6

References

1. Szczepanski J. Elementarne pojecia socjologii. Moscow: Progress, 1967. 240 p.
2. North D. Institutions and economic growth: An historical introduction. Thesis. 1993. Vol. 1. Issue 2. P. 69–91.
3. Institutional trust // <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/>
4. Yadov V. A. Modern theoretical sociology as a conceptual basis for the study of Russian transformations. S.-Petersburg: Intersotsis, 2006. 138 p.
5. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow: Nachala, 1997. 180 p.
6. Giddens A. Sociology. Oxford: Polity Press, 1989. 704 p.
7. Durkheim E. Method of sociology. Durkheim E. Sociology, subject, method, purpose. Moscow: Canon, 1995. 352 p.
8. Miller S. The moral foundations of social institutions: A philosophical study. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 371 p.
9. Searle J. Philosophy in a New Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 201 p.
10. Ludwig K. From plural to institutional agency: Collective action II. Oxford: Oxford University Press, 2017. 312 p.
11. Tollefsen D. Groups as agents. London: Wiley, 2015. 184 p.
12. Rawls J. A theory of justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972. 560 p.
13. Habermas J. Knowledge and human interests. Boston: Beacon Press, 1972. 368 p.
14. Kirk M. Mass media as social institution: the wired example // Gender and Information Technology. – Milton Keynes: Open University Press, 2009. P. 85–118.
15. Frolov S. S. Social institutions in modern Russia. Sociology of power. 2010. № 6. P. 25–35.
16. Rozenberg N. V., Loginov A. V. The Institute of Mass Media and Communication as a Factor in the Development of Social Mobility of Modern Youth. News of Higher educational institutions. Volga region. 2013. № 4 (28). P. 78–84.
17. Dzyaloshinsky I. M. Russian media space: communication strategies of social institutions. Moscow: Publishing House of Academy for Continuing Education and Professional Retraining of Education Workers, 2013. 479 p.
18. Lozovsky B. N. Who and how manipulates journalists. Manipulative media management technologies. Yekaterinburg: Ural university publishing house, 2011. 213 p.
19. Vasilenko I. V., Kostyaev M. A. The interaction of the media with social institutions of modern Russian society. Bulletin of Volgograd university. Series 7. "Philosophy". 2009. № 2 (10). P. 84–90.
20. Harris R., Sanborn F. A Cognitive Psychology of Mass Communication. N.Y., L.: Routledge, 2019. 500 p.
21. News Sources and Trust in the Mass Media // <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170>
22. Mass Media Registration // <http://rkn.gov.ru>
23. Stults R. Media Space. Xerox, PA: Xerox PARC, 1986. 20 p.

24. Litvinovich M. How the Internet is changing the media space// http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8763-kak-internet-menyaet-mediaprostranstvo.html
25. Yudina E. N. The development of the media space of modern Russia (on the example of television). Dissertation Abstract for the degree of doctor of sociological science. Moscow: Moscow pedagogical university publishing house, 2008. 36 p.
26. Evdokimov V.A. Information space and media space: correlation of concepts. Science of a person: humanitarian researches. 2018. № 4. P. 47–52.
27. Legal literacy // <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14115>
28. Russians are not inclined to defend their “everyday” rights/ blog.amulex.ru/pravogramma
29. Pantin V.I. Political self-determination of Russian society (Internal factors and limitations) / V.I. Pantin, V.V. Lipkin. Social sciences and contemporary world. 2006. № 4. P. 78–88.
30. Parsons T. Functional theory of change. American sociological thought: R. Merton, J. Mead, T. Parsons, A. Schützю Ed. V. Dobrenkov. Moscow: Moscow university publishing house. 1994. P. 464–480.

Information about the author

Vladimir A. Evdokimov

Dr. Sc. (Political), Professor. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: evdokimovva@list.ru

© В. А. Евдокимов, 2020

O. K. Mzhelskaya¹

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Proper names derivatives as a diachronic aspect of textology

Abstract. Research Problem. Nomination questions are still among the most popular ones and a large number of scientific papers are devoted to their study. However, the problem of semantic word formation, being the key one when studying the processes of nomination, does not receive a broad reporting in the scientific literature. Hence it is an integral part of diachroneity in textology.

Research hypothesis. It is obvious in linguistics that toponyms as well as other proper names can be considered as a prominent reference point in text analysis. The research hypothesis is whether proper names can transfer to the category of words combining the nominative function with the connotative one or not.

Full description of the sample. Onomastic derivatives are the empirical material of the study. Currently, it is possible to break up the collected empirical material into four groups.

Features of Research Methodology. The study was conducted on the material of the modern Russian language using English to highlight some necessary specific features. It was performed in a diachronic aspect, taking into account the existence and interaction of word-formation units within one time sample and the linguistic description method was adopted as the main one. Analyzed linguistic facts survey, generalization of theoretical studies concerning the issues of modern derivation, a comparative examination of the names of persons created using various methods of word production, helped to identify the specifics of their formation and scope of use, to classify the linguistic material taking into account structural and semantic features.

Brief description of results. It is also possible to extend the methodology of word-formation analysis to units originated as a result of semantic derivation i.e. by means of metaphor, metonymy, conversion, contraction and expansion of the concept. If different lexemes could be organized in separate dictionary entries, it eliminated errors in the distinction between polysemy and homonymy.

Main conclusion, findings, significance of the study. Many new nominations i.e. compound names of a person show a tendency to enter the commonly used vocabulary of the language and are already fixed in explanatory dictionaries as neutral lexemes. There is a great potential in the word-formation system of the Russian language.

Keywords: text analysis, methods of word formation, semantic word formation, derivatives, appellation, proper names, etymology.

Paper submitted: June 12, 2020

For citation: Mzhelskaya O. K. (2020). Proper names derivatives as a diachronic aspect of textology. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 44–48. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.7

Introduction. New words appear regularly in the language, and their study seems necessary and relevant at different stages of language system development.

Pavol Štekauer and Rochelle Lieber provided the historical development of theories of word formation within generative grammar, and afforded a solid introduction to the treatment of word formation in cognitive grammar, natural morphology, optimality theory, Lexeme Morpheme Base Morphology, onomasiological theory, and other recent frameworks. It looks specifically at individual English word formation processes (derivation, compounding, conversion) and reviews some of the ways in which they have been analyzed since Marchand's comprehensive treatment nearly five decades ago [1].

In addition, the trends of sense inheritance in chains of derivatives across open word-classes in English are explored in "Sense Inheritance in English Word-Formation" by Laurie Bauer and Salvador Valera. Recent decades have seen both extensive and intensive development of various theories of word-formation, however, the semantic aspects of complex words have, with a few notable exceptions, been rather neglected. This volume fills that

gap by offering articles written by leading experts in the field from various theoretical backgrounds [2].

One of distinguishing features of personal names is their great ability to form variants or derivatives. "Derivatives combine all derived names: short forms, hypocoristic forms, diminutives, familiar forms that cannot be clearly differentiated" [3]. In our opinion, any fact of secondary use of a name can be presented as an explication of one or several components of its meaning [4]. The names of a person help a native speaker to understand at the present stage of development of society certain fragments of the native world language picture.

For example, Sabine Lappe concerns the structure of truncated personal names in English. Truncations have received a lot of attention in recent years. Previously judged a highly irregular and idiosyncratic class of word-formation processes, truncatory processes have now become an important test case for the research program of prosodic morphology [5].

Robin Jeshion argues that a proper name, as it occurs in a sentence in a context of use, refers to a specific individual that is its referent and has just that individual as its semantic content, its contribution

to the proposition expressed by the sentence. Furthermore, a proper name contributes its referent to the proposition expressed by virtue of mechanisms of direct reference to individuals, not by virtue of expressing properties. Predicativists embrace an opposing view according to which proper names are just a special kind of common noun. Their semantic function is to designate properties of individuals. A proper name, as it occurs in a sentence in a context of use, expresses a property, and that property is its contribution to the proposition [6].

Linguists studying derivation focus their attention to the problems derivation structure, articulation and formality of the fundamentals, the multiplicity of motivations of derived words, the morphological processes associated with word formation, the issues of determining the specificity of the word formative meaning, and studying the semantic structure of the derived word.

The classical theory developed by Frege, Church, and Searle [7], says that naming, and reference in general, consists in our mentally connecting a set of properties with a name, our identifying something as having each of these properties, and our applying the name to the object by virtue of this identification. So, when concerning the theory of onyms maximum significance, the actual linguistic meaning is often replaced by the encyclopedic one [8].

Research program. The following research methods have been used to achieve the goal of the study:

- theoretical methods: study and analysis of literature on the research problem, generalization, comparative analysis, synthesis, analogy, comparison, generalization;
- empirical methods: a comparative examination of the names of persons created using various methods of word production, helped to identify the specifics of their formation and scope of use, to classify the linguistic material taking into account structural and semantic features.

The study was conducted on the material of the modern Russian language using English to highlight some necessary specific features. It was performed in a synchronous aspect, taking into account the existence and interaction of word-formation units within one time sample and the linguistic description method was adopted as the main one. Analyzed linguistic facts survey, generalization of theoretical studies concerning the issues of modern derivation, a comparative examination of the names of persons created using various methods of word production, helped to identify the specifics of their formation and scope of use, to classify the linguistic material taking into account structural and semantic features.

The study of word formation confronts the researcher with a wide range of problems causing the complex use of scientific methods. The methods of component analysis was used in addition to the descriptive one. To identify the features of the relationship between the generating and derived stems, the definition of implicit and explicit composites, the values of derived person names, and the method of component analysis was used.

Results and their interpretation. During the study, it became possible to make several groups of persons' names formed from proper names:

Names of the rulers.

For example, the word король (a king) was derived from the name of Charlemagne (Charles the Great, Karl der Große) who was king of the Franks 768–814 and Holy Roman emperor, the founder of the Carolingian dynasty. The word Karl transformed to король / каролъ / каролъ through the vocalization phenomenon in the Old Slavonic language and it led the name Karl to the form кралъ / кралъ because the Slavic languages used a permutation to provide an open syllable. The very name Карл (Karl, Carl) in the Middle High German language meant “man, husband”. In Germanic languages it was a word with the meaning “peasant, a person of low origin” and in Old English it had the form ceorl, in Old Frisian - zerr, in the Middle Low German - kerle, in the Old Norse – karl having the meaning of “an old man, a male”.

The same origin has the word царь (a tsar); its roots can be traced back to the Old Slavonic цѣсарь and to the Serbo-Croatian цѣсар. These word forms came from the Latin Caesar through the Gothic Káisar. All these words have the same meaning “an emperor, ruler, lord, sovereign”. It is noteworthy that in modern Russian there are several types to interpret derivatives from the Latin Caesar: царь, кесарь, цезарь, цесарь. As well as the words цесаревич or цесаревна as the title of heir (heirress) of the royal throne. Moreover, the word is used to name a person bearing this title but царевич and цесаревна root words having the same etymology are used to designate all royal children.

In translation practice from Russian into foreign languages, having in mind English in particular, these subtleties of the original are missed in the translation, and, therefore, the only transliteration variant (tsarevitch, czarevitch) or simply the analogue word prince is used. If the latter example is chosen for translation but there is a need to specify it, it is common to use crown prince variant being clear to everyone. In all fairness, it is worth noting that formally, there is a transliteration variant (cesarevitch) but one can hardly find examples of its use in English.

Names of scholars or politicians followers.

One can find a lot of examples for this group: гегельянец, кантлянец, марксист, ленинец (Hegelian, Kantian, Marxist, Leninist). This group is of particular interest for several reasons. First, because there are practically no corresponding feminine word forms with the similar meaning in this group, e.g. сталинист (a Stalinist) - an exemplary follower was called this way during the lifetime of I.V. Stalin, nowadays this word is used to name the successor of Stalin's crimes. On the contrary, сталинка is the colloquial name of apartment houses built in “Stalin's Empire style” in the 1930–1950s, this word also nominates the type of tunic that Stalin used to wear as well as people modelled themselves on Stalin.

The same group includes the word хулиган (hooligan) probably derived from the Irish surname Houlihan. It was the surname of a fictional rowdy Irish family in a music-hall song of the 1890s, also of a cartoon character in humorous articles in newspapers in the 1880–1890s. The word was internationalized in the 20th century in communist rhetoric as Russian khuligan, opprobrium for «scofflaws, political dissenters, etc.»

The word альпинист (Alpinist, mountain-climber) stands apart in this group, since it means not a follower of any ideas, but an occupation (this is not a person who studies the Alps, but a person who likes climbing high mountains). It is necessary to note that in English there are two meanings of the word Alpinist: 1) a mountain climber specializing in high, difficult ascents; 2) an Alpine skier. But in Russian this word does not correspond with skiers.

A group of individuals under somebody's command.

For example, буденовец - a soldier of the First Cavalry Army commanded by S.M. Budyonny, and again, the female counterpart of this word has a completely different meaning - it is a headdress made of felt and decorated with a red star. The same group includes such onyms as панфиловец, суворовец and others have no variants in the feminine gender.

Often a metaphor in language is "created" by breaking the rules of grammar and syntax. Thus, the metaphorical meaning would be very different from the sentence meaning. A metaphor is always focused on an object, but interprets the properties of this object in its own way. This circumstance may affect the manifestation of new figurative meanings. So, interpretation normally has to be based partly on the utterance itself, otherwise it hardly counts as interpretation. It is possible to imagine situations in which an utterance is totally incomprehensible in its own right (whether through, say, corruption or unfamiliar vocabulary) but nevertheless its context is so definite that the meaning of the utterance can be guessed anyway. This fringe possibility aside, interpretation rests in some way both on information from the utterance and information from context [9]. Metaphorization is reasonably considered as a way of semantic word-formation by a number of scientists. Metaphorization can occur both within one class of words, and be accompanied by a "syntactic shift", for example, a transition from a nominal position to a predicate one or from a description of a subject feature to its nomination [10].

According to A.P. Chudinov, metaphorization is the main mental operation that unites conceptual spheres and creates opportunities to use the potential of the source sphere conceptualizing a new sphere [11]. Associative relations arising from metaphoric transference take place due to fundamental concepts that are "innate", that is, they are originally conditioned by human existence, but their realization depends on language as an instrument of culture. Nowadays, when the issue of intercultural similarities and differences is relevant, it is interesting how the layer of culture expressed in metaphorical word formation reflects these similarities and differences.

There is a complex, not unidirectional dialectic relationship between the language world picture as a reflection of reality and the language map as the fixation of this reflection indicating a shift in the world picture categorization, the emergence of new concepts. As a rule, the appearance of a new fragment of the native speakers' activity experience is automatically recorded on the lexical map. However, sometimes new units of nomination arise to fix a fragment of the world picture which has long been existing and reflected in the minds of native speakers, but have not been verbalized yet.

The same fragment in the world picture can be fixed on the lexical map with two nominative units; one of them is a neologism. As a result of rivalry, a new unit wins due to, as a rule, greater expressiveness, rationality, economy, compactness, which is associated with a tendency to eliminate excessive means of expression, as well as a tendency to save language effort.

It is worthwhile to elaborate on the word афганец (Afghan), because it has several meanings, and when it is understood as "a person participated in active combat operations in the territory of Afghanistan", it also does not have a female variant. But, in this case we deal with semantic word formation. This word with a constant morphemic structure means also "a resident of Afghanistan"; in this case there is also a feminine gender variant (афганка), which is also not unambiguous, because it is the name of a field military uniform of the Soviet Army servicemen in Afghanistan; in addition this feminine variant means cannabis or hashish brought from Afghanistan.

Афганец (Afghan) is also a very strong westerly or southwesterly wind in the eastern Kara Kum.

Afghans are camel drivers who worked in Australia from the 1860s to the 1930s. They were called Afghans, although not all camel drivers came from Afghanistan, but they supported the spread of Islam in Australia. The Ghan is an Australian passenger train service from Adelaide to Alice Springs, on the locomotive there is an emblem depicting an Afghan riding a camel. The service's name is an abbreviated version of its previous nickname, The Afghan Express. The nickname is reputed to have been bestowed in 1923 by one of its crews. Some suggest the train's name honours Afghan camel drivers who arrived in Australia in the late 19th century to help the British colonizers find a way to reach the country's interior. A contrary view is that the name was a veiled insult. In 1891, the railway from Quorn reached remote Oodnadatta where an itinerant population of around 150 cameleers were based, generically called «Afghans». «The Ghan Express» name originated with train crews in the 1890s as a taunt to officialdom because, when an expensive sleeping car was put on from Quorn to Oodnadatta, on the first return journey the only passenger was an Afghan, mocking its commercial viability.

In addition, colloquially, people use this name for the Afghan Hound dog breed.

In turn, the words тимуровец (a participant of the children's patriotic movement organized in the USSR during the Great Patriotic War to help the families of soldiers, to the disabled and elderly people) and стахановец (an exemplary worker, a person who works productively and exceeds normal production rates; it was common in the USSR in the 30s-70s; the word was derived from the surname of a Donetsk miner A. Stakhanov. Nowadays this word is frequently used as an ironic remark on a person working in order to draw the boss' attention) have variants in the feminine gender with a similar meaning. Тимуровец is an exemplary pioneer who helps people; the word originated in the Soviet time on behalf of the hero of the book Timur and His Squad by A. Gaidar;

over time, the word received another meaning i.e. a person who intervenes in everything, he is actively engaged in other people's business, especially when he is not asked.

It becomes obvious that metaphors could arise directly in the derivation act itself, bypassing the stage of the direct meaning of the derivative, which in many cases exists only potentially. The loss of the primary meaning also leads to establishment of metaphorical connections between the derivative and the original word. An increase in the use of the figurative meaning is a concomitant factor of the fact that the semantic structure of the word loses its primary meaning.

Michael P. Marks underlines that all forms of thought are metaphorical in nature. They cannot be anything else, for language itself is a series of metaphors through which we make sense of the world that surrounds us. And since we need language not only to communicate, but also to form our opinions of social phenomena, we inevitably think, live and criticize through a series of metaphors [12].

Further consideration of the compositional semantics of proper names in the naming construction also shows that they have another argument slot, that of the naming convention. As a result, we will be able to account for the indexicality of proper names in argument positions and provide compositional semantics of complex and modified proper names [13].

All proper names from Group 2 as well as from Group 3 are characterized by a low degree of implicitness, since combining the stem of a proper name (last name / surname) with *-ец*, *-ист* suffixes (formants) meaning ideological, political trend, direction clearly implies the formation of a derivative lexical unit with the new meaning - "a supporter of any person, his activity".

Findings. It was discovered that when a source text A is transferred into a target text B it must relate to semantic, pragmatic, language neutral parameters of meaning that become apparent

when contrasting semantically and pragmatically equivalent texts. One of the most important conclusions from the analyzed lexical units is the one that proper names are capable to produce derivatives and appellatives. Besides a proper name is borrowed by another language along with its symbolic meaning, which fundamentally distinguishes it from the common name borrowing process.

Language acts as a way to consolidate the reflective activity of thinking - activity, which in turn is inextricably linked with the practical activities of man, with his personal experience.

Proper names can be used not only to nominate a person, but also to express an emotional assessment of certain human qualities, and this fact indicates the possibility of the proper names transition to the category of words combining nominative function with connotative one. The most effective form of such a transition is a semantic transformation, as a result of which the proper name can be used in set expressions i.e. in phraseological units or idioms.

The transformation of a proper name meaning occurs under the influence of a number of factors, both linguistic and extralinguistic ones. Appellatives are a specific vocabulary class in which the cultural component of meaning is obligatory.

It is also possible to extend the methodology of word-formation analysis to units originated as a result of semantic derivation i.e. by means of metaphor, metonymy, conversion, contraction and expansion of the concept. If different lexemes could be organized in separate dictionary entries, it eliminated errors in the distinction between polysemy and homonymy.

Many new nominations i.e. compound names of a person show a tendency to enter the commonly used vocabulary of the language and are already fixed in explanatory dictionaries as neutral lexemes. There is a great potential in the word-formation system of the Russian language. It is especially true concerning the ways of forming persons names and their implementation is practically unlimited.

References

1. P. Štekauer, R. Lieber (eds.), *Handbook of word-formation*. (= *Studies in Natural Language and Linguistic Theory* 64). Dordrecht: Springer, 2005. pp. 466.
2. L. Bauer, S. Valera. *Sense Inheritance in English Word-Formation*. In: Bauer L., Körtvélyessy L., Štekauer P. (eds) *Semantics of Complex Words*. *Studies in Morphology*, vol 3. Springer, Cham. pp 67-84
3. A. Rybakina, *English Personal Names Dictionary*. Moscow, 2000. p. 8.
4. L. Feoktistova, *Methodology for the analysis of associative-derivational meaning of a personal name*. *Voprosy onomastiki*, 2016. Vol. 13. p. 89.
5. S. Lappe, *Monosyllabicity in prosodic morphology: the case of truncated personal names in English*. 2003. Springer, Dordrecht. pp 135-186.
6. R. Jeshion, *Referentialism and Predicativism About Proper Names*. *Erkenntnis*, May 2015, Volume 80, Supplement 2, pp 363-404.
7. G. Frege, *On Sense and Reference*, in *Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege*, P. Geach & M. Black, eds., Basil Blackwell, Oxford, 1952, pp. 56-78;
8. N. Bubnova, *Systematic approach to the research of the associative-cultural background of onyms: from regional to nationwide level*. *RUDN Bulletin, Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2016, № 4. p. 27.
9. J. A. Barnden, *Metaphor, Semantic Preferences and Context-Sensitivity*. In: Ahmad K., Brewster C., Stevenson M. (eds) *Words and Intelligence II. Text, Speech and Language Technology*, 2007. Vol. 36. Springer, Dordrecht. pp 39-62.
10. O. Mzhelskaya, *Linguistic world picture influence on the borrowed proper names conceptualization*. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University. Philology*. Irkutsk: IGLU Publishing House, 2009. №1. pp. 37-44.
11. A. Chudinov, *Dynamics of Conceptual Metaphor Models*. *Speaking and Listening: Language Person, Text, Learning Problems*. *International Scientific and Methodological Conference* (St. Petersburg, February 26-28, 2001). SPb.: Union, 2001. p. 227.
12. M. Marks, *Thoughts on Metaphor*. In: *Metaphors in International Relations Theory*. Palgrave Macmillan, New York, 2011. pp 9-27.
13. O. Matushansky, *On the linguistic complexity of proper names*, *Linguistics and Philosophy*. October 2008, Volume 31, Issue 5, pp 573-627.

Information about the authors

Olga K. Mzhelskaya

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: mzhelskaya@yandex.ru

О. К. Мжельская¹

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Производные имён собственных в диахроническом аспекте текстологии

Аннотация. Проблема исследования. Вопросы номинации до сих пор остаются одними из самых актуальных, поэтому большое количество научных работ посвящено их изучению. Однако проблема семантического словообразования, являющаяся ключевой при изучении процессов номинации, не получила широкого освещения в научной литературе, хотя она является неотъемлемой частью диахронии в текстологии.

Гипотеза исследования. В лингвистике очевидно, что топонимы, как и другие собственные имена, можно рассматривать в качестве важного ориентира при анализе текста. Исследовательская гипотеза заключается в том, могут ли имена собственные переходить в категорию слов, сочетающих номинативную функцию с коннотативной или нет.

Описание выборки. Ономастические производные являются эмпирическим материалом исследования. В ходе исследования собранный эмпирический материал был разбит на три группы.

Методология исследования. Исследование проводилось на материале современного русского языка с использованием английского языка, с целью выделения некоторых специфических особенностей. Исследование было выполнено в диахроническом аспекте, принимая во внимание существование и взаимодействие единиц формирования слова в пределах одной временной выборки; метод лингвистического описания был принят в качестве основного. Проведенный анализ лингвистических фактов, обзор, обобщение теоретических исследований по вопросам происхождения, сравнительный анализ имен лиц, созданных с использованием различных методов словообразования, позволил выявить специфику их формирования и сферы использования, классифицировать лингвистический материал с учетом структурных и семантических особенностей.

Краткое описание результатов. Представляется возможным распространить методологию анализа словообразования на единицы, возникшие в результате семантической деривации, то есть посредством метафоры, метонимии, преобразования, сокращения и расширения концепта. Если бы разные лексемы могли быть организованы в отдельных словарных статьях, то это устранило бы ошибки в различии между полисемией и омонимией.

Выводы, значимость исследования. Многие новые номинации, то есть составные имена собственные, имеют тенденцию входить в широко используемый словарь языка и уже зафиксированы в толковых словарях как нейтральные лексемы. В системе словообразования русского языка есть большой потенциал.

Ключевые слова: анализ текста, методы словообразования, семантическое словообразование, производные, наименование, имена собственные, этимология.

Дата поступления статьи: 12 июня 2020 г.

Для цитирования: Мжельская О. К. (2020). Производные имён собственных в диахроническом аспекте текстологии // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 44–48. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.7

Источники

1. P. Štekauer, R. Lieber (eds.), Handbook of word-formation. (= Studies in Natural Language and Linguistic Theory 64). Dordrecht: Springer, 2005. pp. 466.
2. L. Bauer, S. Valera. Sense Inheritance in English Word-Formation. In: Bauer L., Körtvélyessy L., Štekauer P. (eds) Semantics of Complex Words. Studies in Morphology, vol 3. Springer, Cham. pp 67–84
3. Рыбакин А., Английский словарь личных имен. Москва, 2000. с. 8
4. Феоктистова Л., К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. – 2016. Вып. 13. стр. 89.
5. S. Lappe, Monosyllabicity in prosodic morphology: the case of truncated personal names in English. 2003. Springer, Dordrecht. pp 135–186.
6. R. Jeshion, Referentialism and Predicativism About Proper Names. Erkenntnis, May 2015, Volume 80, Supplement 2, pp 363–404.
7. G. Frege, On Sense and Reference, in Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege, P. Geach & M. Black, eds., Basil Blackwell, Oxford, 1952, pp. 56–78;
8. Бунова Н., Системный подход к исследованию ассоциативно-культурного фона ономастических единиц: от регионального к общенациональному уровню. Вестник РУДН, Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016, № 4. с. 27.
9. J. A. Barnden, Metaphor, Semantic Preferences and Context-Sensitivity. In: Ahmad K., Brewster C., Stevenson M. (eds) Words and Intelligence II. Text, Speech and Language Technology, 2007. Vol. 36. Springer, Dordrecht. pp 39–62.
10. Мжельская О. В. Влияние языковой картины мира на концептуализацию заимствованных имен. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Филология. Иркутск: Издательство ИГЛУ, 2009. №1. С. 37–44.
11. A. Chudinov, Dynamics of Conceptual Metaphor Models. Speaking and Listening: Language Person, Text, Learning Problems. International Scientific and Methodological Conference (St. Petersburg, February 26–28, 2001). SPb.: Union, 2001. p. 227.
12. Чудинов А. П. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. Международная научно-методическая конференция (Санкт-Петербург, 26–28 февраля 2001 г.). СПб.: Союз, 2001. с. 227.
13. M. Marks, Thoughts on Metaphor. In: Metaphors in International Relations Theory. Palgrave Macmillan, New York, 2011. pp 9–27.
14. O. Matushansky, On the linguistic complexity of proper names, Linguistics and Philosophy. October 2008, Volume 31, Issue 5, pp 573–627.

Информация об авторе

Мжельская Ольга Кировна

Кандидат филологических наук, доцент. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6885-9159>. E-mail: mzhelskaya@yandex.ru

© О. К. Мжельская, 2020

УДК 371.7(077)

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.8

Н. В. Шишарина¹, Т. А. Ромм², О. Л. Подлиняев¹¹Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация²Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

Междисциплинарная модель апробации параметров, показателей и критериев гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовании

Аннотация. Изменение и усложнение содержания образования в современном цифровом и виртуальном мире актуализирует научную проблематику, связанную с поиском подходов к разработке модели апробации параметров, показателей и критериев гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовательных организациях с позиций междисциплинарного подхода. Разработка и теоретическое обоснование междисциплинарной модели процесса апробации гигиенической оценки инновационных педагогических технологий. Исследование опирается на методологические идеи междисциплинарного подхода в синергетике, социологическом, педагогическом и историческом исследованиях (О. Б. Божков, Е. Б. Гуревич, Е. А. Долгова, Г. Г. Ершова, Л. И. Новикова, И. Пригожин). Использовались методы моделирования, диагностирования, интерпретации, классификации и апробации. Область применения исследования лежит в практическом использовании междисциплинарной модели оценки инновационных педагогических технологий в практике работы современных образовательных организаций в контенте цифрового образования. Надёжность применения междисциплинарного подхода к решению проблемы разработки модели апробации гигиенической оценки инновационных педагогических технологий заключается в его научном ядре, которое направлено на расширенный поиск точек взаимосвязи отдельных социогуманитарных дисциплин, таких как физическая педагогика, психология, социальные и другие науки, и их диагностических инструментов.

Ключевые слова: модель гигиенической оценки, междисциплинарный подход, инновационные педагогические технологии.

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00298 А. «Гигиеническая оценка инновационных педагогических технологий в образовательных организациях»

Дата поступления статьи: 12 марта 2020 г.

Для цитирования: Шишарина Н. В., Ромм Т. А., Подлиняев О. Л. (2020). Междисциплинарная модель апробации параметров, показателей и критериев гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовании // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 49–56. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.8

Проблема и цель. Изменение и усложнение содержания образования в современном цифровом и виртуальном мире актуализирует научную проблематику, связанную с поиском подходов к разработке модели апробации параметров, показателей и критериев гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовательных организациях с позиций междисциплинарного подхода [1–4]. Вопрос о модели апробации оценки инновационных педагогических технологий, определения параметров, критериев, содержания диагностических процедур с педагогических позиций остаётся открытым.

Обзор зарубежной (США, Германия, Бельгия, Китай и др.) и отечественной литературы показал, что модели гигиенической оценки в образовании широко представлены в работах следующих исследователей: В. И. Агарков, Р. И. Айзман, И. Э. Александрова, П. А. Байгужин, О. Б. Божков, С. Л. Валина, С. М. Громбах, Е. К. Глушкова, Н. В. Ефимова, В. Р. Кучма, М. И. Степанова, Н. П. Гребняк, М. А. Поленова, О. Л. Подлиняев, Т. А. Ромм, М. И. Степанова, Л. М. Текшева, Е. А. Ткачук, Ц. П. Усищева, М. Б. Федорцева, С. А. Щудро, Н. В. Шишарина, Lai H.-R., Chou W.-L., Sundaravadhanan G., Selvarajan H. G., McPherson, M., Chen J. A. D., Datu, M. G. Chen,

A. K. Hollman, T. J. Hollman, F. Shimerdla, M. R. Bice, S. Y. Kim, M. S. Kim, B. Park, H. G. Choi, H.-R. A. Lai, S. M. Leahy, C. Holland, F. Ward, V. Siegrist, W. Langewitz, R. Mata, D. Maiori, R. Hertwig, R. Bingisser [1–9, 11–25]. Анализ показал, что используемые диагностические процедуры О. Ю. Милушкина, Н. А. Скоблина, С. Meilstrup, L. Nielsen, M. Edraki, N. Parvizi, S. Montaseri, S. Pourahmad носят зачастую узко направленный, дисциплинарный характер, чаще всего с позиций медицинской гигиены (В. Р. Кучма, Е. А. Ткачук, Н. В. Ефимова) [5–7], оставляя за пределами внимания иные аспекты оценки безопасности инновационных средств, применяемые в образовательном процессе. В представленных выше работах выделялись параметры напряжённости учебного труда: интеллектуальные, сенсорные, эмоциональные нагрузки, степень монотонности нагрузок, режим работы.

Достаточно широкое исследование с позиций медицинской гигиены, представление модели апробации гигиенической оценки образовательных технологий как педагогического явления остаётся слабо изученным: отсутствует сущностная и содержательная характеристика, сформированное представление о параметрах, показателях и критериях. Актуальность ис-

следования тесно связана с научной педагогической проблемой обоснования модели апробации гигиенической оценки инновационных образовательных технологий.

Современное воспитание и обучение в условиях цифрового образования сопровождаются неоднозначностью процессов, связанных с формированием сетевой культуры, логики, личности и сетевого общества, всё это новые формы развития сетевого образовательного контента для сложного общества (А. Асмолов, П. Лукша Т. А. Ромм, П. Рабинович) [8]. «Инфляция» компетенций, сетевая социализация, онлайн идентичность, персонификация сети, социальный продукт цифровой культуры, лишённый границ для взаимодействия и коммуникации, всё это вызовы сегодняшнего цифрового образования (В. И. Блинов, М. В. Дулинов, Е. Ю. Есенина, И. С. Сергеев). С одной стороны, инновационные педагогические технологии повышают мотивацию к образованию в целом, с другой – интенсификация нагрузок обуславливает негативную динамику здоровья обучающихся, которая чаще всего рассматривается как результат влияния гигиенических, физиологических и других факторов.

Цель: теоретико-методологическая аргументация модели апробации гигиенической оценки инновационных образовательных технологий с позиций междисциплинарного подхода. Гигиеническая оценка инновационных образовательных технологий будет эффективной, если обоснована модель апробации инновационных педагогических технологий с позиций междисциплинарного подхода.

Методология. В основу представленного исследования положена методология междисциплинарного подхода [1–4], который характеризуется установлением структурно-логических связей между различными циклами дисциплин и формированием целостного взгляда на процессы и явления, при этом границы между дисциплинами становятся более гибкими и подвижными. Раскрывая сущность понимания междисциплинарного подхода, Е. Б. Гуревич представляет его как поле интеграции, синтеза, трансфер идей, теорий, методов, конечным результатом которых оказывается общий теоретический консенсус [3]. Эти два образца являются гармоничным дополнением, уточняющим смысл и главную идею междисциплинарности, которая широко представлена в науке (R. J. Lawrence; T. McGinley; A. Otto, J. Serido; О. Б. Божков; С. Н. Игнатова и др.).

Проблема ограниченности предметной методологии, на которую обращают внимание философы, исследователи конца XIX – начала XX вв. (В. И. Вернадский, В. М. Бехтерев, А. А. Ухтомский, А. А. Богданов, Б. Ф. Поршнев, Ю. В. Кнозоров, Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Дильтей и др.), вылилась в признание непродуктивности дисциплинарного разграничения в науке. Анализ существующих форм междисциплинарной кооперации позволил выявить потенциал и ограничения взаимодействия социо-гуманитарных и естественнонаучных наук. Речь идёт о гуманизации естественнонаучного познания, а с другой стороны, проникновении естественных наук в социально-гуманитарное знание (М. М. Бахтин). Взаимодействие гуманитарных

и естественных наук заметно в применении идей синергетики в социологическом, педагогическом, историческом исследованиях (И. Пригожин, Л. И. Новикова, Е. А. Долгова, Г. Г. Ершова и др.).

Методология апробации модели гигиенической оценки инновационных педагогических технологий строится на комплексе идей, связанных с процессами развития научной рациональности неклассической науки (В. С. Стёпин, К. Хукер, Д. Шейпир). Прежде всего, это научная концепция конвергенции наук (Р. Гир, Ф. Китчер, Н. Кэртрайт, Л. Лаудан, У. Ньютон-Смит), постулирующая интеграцию, дифференциацию, математизацию, индустриализацию, информатизацию исследовательских процессов. Синергетический подход (И. Пригожин) ставит в качестве стратегической задачи познание общих принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах самой разной природы, в том числе и в социальных системах. Концепция герменевтики (Г. Гадамер, Э. Гуссерль, П. Рикер, М. Хайдеггер, Ф. Шлейермахер) оказывается полезной с точки зрения положений о диалогичности и бинарности метода гуманитарных наук, феномене интерпретации в социально-гуманитарном знании, познании человека и общества с помощью языковых структур.

В контексте методологии исследования актуализируются идеи «мягкой» регуляции научной деятельности (Томас Кун), направленности научного познания (Карл Поппер), политеоретичности характера научной деятельности (И. Лакатос), методологического плюрализма теоретического знания (Пол Фейерабенд). Методологическим импульсом в исследовании стал нормативно-интерпретативный подход к научному познанию (М. В. Ромм, Т. А. Ромм и др.), ведущий к отказу от универсалистских претензий навязать науке какие-либо стандарты и изучение текущих, конкретно-ситуационных параметров рациональности научной деятельности [8].

Итак, междисциплинарный подход позволил подойти к обоснованию апробации модели параметров, показателей и критериев гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовательных организациях и объединить ресурсы различных дисциплин, сфокусировав эвристический потенциал на совместном решении научных задач.

Результаты. Опираясь на методологию междисциплинарного подхода и принцип безопасности, в исследовании мы предприняли попытку дать определения феномену «модель апробации гигиенической оценкой инновационных образовательных технологий», под которой понимаем процесс изучения соотношения и взаимообусловленности реальных результатов диагностики различных междисциплинарных внешних и внутренних параметров оценки безопасности с позиций благополучия и защищённости жизненно важных интересов обучающихся при воздействии на них инновационных образовательных технологий. В процессе исследования стояла задача выбора и обоснования параметров гигиенической оценки инновационных педагогических технологий, где под параметром следует понимать величину, которую можно качественно и количественно измерить.

Безопасность как принцип деятельности предполагает создание таких условий, в которых действие внешних и внутренних факторов не влечёт отрицательные действия и соответствует существующим на данном этапе потребностям, знаниям и представлениям. В основу концепции безопасности (Г. Моргент-тау) положен системный подход: любой объект, безопасность которого рассматривается и для которого вырабатываются средства защиты, рассматривается как некая система. В нашем контексте инновационная образовательная технология должна рассматриваться как система, совокупность взаимосвязанных компонентов, параметров, которые необходимо выявить и обосновать с точки зрения состояния безопасности, что возможно при условии, если данная система находится реально и потенциально в состоянии стабильности. Реальное состояние стабильности связано с сохранением основных качественных и количественных параметров в процессе функционирования. Состояние стабильности зависит от прогнозируемости внешних воздействий по всем параметрам (количественным, качественным, временным, пространственным, ситуационным); от способности изменения системы внутри себя в лучшую сторону. Таким образом, в самой системе заложено нечто, что при воздействии на неё извне, вынудит её атрибуты изменяться с улучшением характеристик при сохранении стабильности: уменьшение ресурсных затрат, усиление некоторых элементов, повышающих прочность системы в целом. Опираясь на данную позицию, можно предположить, что для стабильной деятельности и реализации инновационной образовательной технологии как безопасной системы необходимы ресурсы адаптации, которыми в нашем контексте могут быть параметры гигиенической оценки инновационных образовательных технологий.

Методы обеспечения безопасности могут в пространственном или временном разделении пространства, в котором находится человек, снижать или устранять опасности, устранять вредные и опасные факторы и адаптировать человека к соответствующей среде и повышению его защищённости.

Основанием для выделения параметров гигиенической оценки инновационных образовательных технологий является раскрытие сущности безопасных инновационных образовательных технологий – благотворно, положительно влияющих на обучающихся и исключающих негативное воздействие различных внутренних и внешних факторов. В связи с этим утверждением можно предположить, что такими параметрами могут быть: физиологический, социальный, личностный, психологический.

Для систематизации и удобства восприятия параметры, показатели, критерии и диагностический инструментальный гигиенической оценки инновационных образовательных технологий представлены в таблице.

Описание научного дизайна, общей концептуальной рамки параметров при гигиенической оценке инновационной образовательной технологии в образовательных организациях осуществлено с позиций ресурсов адаптации к ним обучающихся в процессе включения их во взаимодействия с инновационной образовательной технологией.

Основанием для включения физиологического параметра в междисциплинарную структуру гигиенической оценки инновационных образовательных технологий послужила разработанная методология медицинской оценки напряжённости учебной деятельности обучающихся, представленная в работах И. Э. Александровой, Н. В. Ефимовой, В. Р. Кучмы,

Таблица – Междисциплинарная модель апробации параметров, показателей и критериев гигиенической оценки инновационных педагогических технологий, их результативность и уровни

Параметры	Показатель	Критерии	Результативность	Уровни-маркеры
Физиологический	Контейнирование	1) <i>Безопасность</i> → 2) <i>Надёжность</i> →	Расслабление/Зажим Позитивные/Отрицательные эмоции	Первый уровень: Опасно (вредно)
Социальный	Коммуникативная толерантность	1) <i>Ценностные установки</i> → 2) <i>Опыт гуманистического взаимодействия в деятельности</i> →	Личная культура смыслов Когнитивный опыт личности	
Личностный	Качества личности	1) <i>Идентичность личности</i> → 2) <i>Культура личности</i> → 3) <i>Индивидуальный успех</i> →	Психические свойства личности Индивидуальные качества личности Результат сильной стороны деятельности личности	Третий уровень: Полезно (выгодно)
Психологический	Адекватность и рефлексивность	1) <i>Соответствие</i> → 2) <i>Осмысление</i> →	Адекватность самооценки Понимание целей и мотивов	
Подбор диагностического инструментария и методик для гигиенической оценки инновационных педагогических технологий (на выбор образовательной организации)				

Е. А. Ткачук. Монотонность, режим учебной деятельности, сенсорные и эмоциональные нагрузки. Заметим, что учёные-медики делали акцент на диагностику данного параметра в пределах совокупности факторов учебного процесса и образовательной среды, в которой осуществляется деятельность обучающихся. Речь идёт об оценке физиологического состояния обучающегося в процессе учебного труда. Предлагая данный параметр в контексте педагогического анализа, обращаем внимание на то, что вектором его оценки будет не физиологическое состояние обучающегося, а инновационная образовательная технология с позиций её физиологической безопасности для обучающегося.

Данный параметр позволяет оценить показатели уровня безопасного «нетоксичного» влияния образовательной технологии на физиологическое состояние организма обучающегося в пределах нормы жизненных процессов, его здоровья в процессе внутреннего и внешнего взаимодействия со средой инновационной образовательной технологии. Показатель параметра – контейнирование (У. Бюн, Великобритания) – понимается как способность безопасно выдерживать и проживать напряжение, переживания, импульсы, чувства, эмоции, энергии, способность человека не раниться, не разрушаться в данном случае в процессе применения инновационных образовательных технологий. Модель контейнирования в контексте представляемого исследования может быть проецирована в виде двух основных критериев, через которые обучающийся адаптируется к инновационной образовательной технологии:

1) безопасность – с позиций демобилизации стрессовых состояний тела и эмоций (результат – расслабление);

2) надёжность – выработка гормона «доверия» (результат – позитивные эмоции).

В качестве основания для включения социального параметра в междисциплинарную структуру гигиенической оценки инновационных образовательных технологий с позиций безопасности послужила разработанная методология социального воспитания в процессе социализации А. В. Мудрика. Социальный параметр описывает гуманистическое взаимодействие участников образовательных отношений (обучающиеся, педагоги, родители) в процессе применения инновационных образовательных технологий. В фокус анализа попадает феномен толерантности как показатель социализированности, проявляющийся в терпении к людям, к идеям, к стилям жизни, присвоении ценностной установки и опыта толерантности, проявлении этой ценности в деятельности гуманистическом взаимодействии. Речь идёт о так называемом социальном здоровье всех участников образовательных отношений в процессе реализации инновационных педагогических технологий. Толерантность как социальная норма партнёрских отношений проявляется, как считает А. В. Мудрик, через эмоциональную стабильность, доброжелательность, вежливость, социальную ответственность. Результаты многочисленных исследований (А. Г. Асмолов, С. К. Бондырева, В. В. Бойко, Б. С. Гершунский, М. Т. Громкова, П. Ф. Комогоров, А. Н. Лутошкин, Л. И. Мален-

кова, А. В. Мудрик, Л. И. Уманский, Г. П. Щедровицкий и др.) показали, что именно толерантность является главным условием эффективного взаимодействия между людьми. А. В. Мудрик предлагает выделять четыре основных ракурса толерантности: психологическая устойчивость; система позитивных установок; совокупность индивидуальных качеств; системы личностных и групповых ценностей [9].

Важнейший показатель данного (социального) параметра – коммуникативная толерантность. Её критериями как ресурса адаптации обучающихся к инновационной образовательной технологии будут являться:

1) ценностные установки как готовность, предрасположенность субъекта к определённой активности и действию по отношению к какому-либо объекту. Функции установки: адаптивная, защитная, экспрессивная, познавательная, координационная: результат – «личная культура смыслов» (Г. Фреге, М. В. Гуреев), мир смыслов человека, самовыражение как гарант успешности современного человека и его интеллектуальных инвестиций;

2) опыт гуманистического взаимодействия в деятельности по проявлению ценностных установок, это умения и навыки, которые формируются в деятельности: результат – когнитивный опыт личности, ментальные структуры, отвечающие за эффективную переработку информации, в том числе способы кодирования информации, когнитивные схемы, семантические структуры и понятийные структуры как результат интеграции этих компонентов когнитивного опыта (Дж. Келли, М. А. Холодная).

Основанием для включения личностного параметра в междисциплинарную структуру гигиенической оценки инновационных образовательных технологий как ресурса адаптации является теория воспитания личности, разработанная Л. И. Новиковой и Н. Л. Селивановой. В фокус изучения этого параметра попадают качества личности, которые проявляют обучающиеся в процессе деятельности в реализации той или иной инновационной образовательной технологии: показатель параметра – качества личности обучающегося, свойства, компоненты личности, такие как самостоятельность, уверенность, творческая индивидуальность, общительность. В процессе взаимодействия обучающегося с инновационной образовательной технологией происходит процесс «формирования социокультурной идентичности личности школьника» (М. В. Шакурова). Критериями проявления качеств личности как ресурса адаптации обучающихся к инновационной образовательной технологии будут:

1) идентичность личности – свойство личности, как он себе представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, профессиональным и другим группам и сообществам, иными словами отождествление себя с иным человеком: результат – «психические свойства личности»;

2) культура личности – комплекс характеристик, качеств, привычек, способов достижения задуманного, ценностных ориентаций, творческих успехов, который позволяет личности жить в гармонии с общечеловеческой национальной культурой,

развивать и общество, и индивидуальное своеобразие своей личности: результат – «индивидуальные качества личности»;

3) индивидуальный успех – это осознанное намерение себя утвердить, возможность делать то, что у вас лучше всего получается, проявление сильной стороны личности: результат – «результат сильной стороны деятельности личности».

Представленные критерии и есть составляющие новых целе-ценностных ориентиров в пространстве цифрового воспитания личности, которые необходимо учитывать в контексте оценки применяемых образовательных технологий как ресурсов адаптации (Н. Л. Селиванова).

Основанием для включения психологического параметра в междисциплинарное пространство гигиенической оценки инновационных образовательных технологий является методология Л. С. Выготского о двух взаимосвязанных линиях развития: биологической и социально-психической [10, с. 81–95]. Психологический параметр как ресурс адаптации двух линий: биологической и социально-психической. Показатель параметра – адекватность и рефлексивность инновационной образовательной технологии для обучающегося. Такая технология должна соответствовать ожиданиям обучающегося, его представлению об успешном образовательном результате от их применения как продукта собственной осмысленности и активности. Критериями проявления адекватности и рефлексивности как ресурса адаптации обучающихся к инновационной образовательной технологии будут:

1) соответствие – степень адекватности, равный, согласующийся, соотносящийся с требованием ситуации в контексте совести и разума: результат – «адекватность самооценки»;

2) осмысление – понимание и анализ человеком своего внутреннего мира: знаний и эмоций, целей и мотивов, поступков и установок, а также понимание и оценка отношения окружающих: результат – «понимание целей и мотивов».

Исходя из предложенных параметров, показателей и критериев гигиенической оценки инновационных образовательных технологий с позиций принципа педагогической безопасности, можно выделить уровни-маркеры оценки педагогических технологий: опасно (вредно); безопасно (защищено); полезно (выгодно).

Проведённое исследование теоретического обоснования междисциплинарной модели апробации гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовательных организациях позволяет:

1) представить процесс гигиенической оценки инновационных образовательных технологий, в их органичном сочетании с позиций безопасности комплексно, в междисциплинарном контексте;

2) чётко и прозрачно понять логику процесса апробации модели гигиенической оценки инновационных технологий с позиций педагогики;

3) подобрать показатели и базовые методики измерения данных параметров с учётом специфики образовательной организации, контингента обучающихся и спрогнозировать результат.

Сочетание предложенных параметров, показателей и критериев гигиенической оценки инновационных педагогических технологий позволит педагогам-практикам при экспертизе данных технологий снизить уровень их негативного, токсичного влияния на обучающихся и с позиций безопасности подходит к их выбору.

Выводы. В результате разработки междисциплинарной модели апробации гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовательных организациях был выявлен и обоснован методологический подход к конструированию концепции модели гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовательных организациях; разработана модель гигиенической оценки инновационных педагогических технологий, которая включает в себя методологический подход, принципы, параметры, методы оценки.

Междисциплинарность рассматривается нами как форма организации научного познания, основанного на определённых связях между научными дисциплинами: гигиена, биология, физиология, педагогика, психология, методами и технологиями, которые обеспечивают решение комплексных научных проблем. В нашем контексте междисциплинарность характеризуется свойствами интегративности дисциплин, их междисциплинарного синтеза, основанными на переносе методов исследований по одной дисциплине в другую (из гигиены в педагогику и психологию). Разработка данной идеи как одна из возможностей эффективного ответа на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных, социальных наук и других наук.

Ориентация исследования на разработку междисциплинарной модели гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовательных организациях как феномен, который может быть представлен через диагностические методики оценки инновационных педагогических технологий в представленной модели и который может быть подобран самой образовательной организацией с позиций параметров, показателей, критериев, результативности и уровней оценки.

Результаты исследования могут быть использованы в процессе апробации образовательной организацией обоснования оптимальной системы профилактики здоровья обучающихся в образовательных организациях, применяющих инновационные педагогические технологии; в ходе изучения факторов и опасностей инновационных педагогических технологий в процессах воспитания, обучения, социализации и определения возможностей образовательной организации по минимизации, компенсации и коррекции их влияния на здоровье обучающихся; для разработки целей, содержания, форм, методов, средств и приёмов инновационных педагогических технологий по минимизации и нивелированию здоровьеразрушающих факторов; при разработке в образовательной организации системы эффективных ресурсов оптимизации применения инновационных педагогических технологий в образовательных организациях.

Источники

1. Благополучие детей в цифровую эпоху: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / А. А. Бочавер, С. В. Докука, М. А. Новикова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. 34, [2] с. 250 экз. ISBN 978-5-7598-1969-1 (в обл.). ISBN 978-5-7598-1893-9 (e-book).
2. Божков О. Б., Игнатов С. Н. Междисциплинарность в исследовании (авто)биографических данных // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 4. С. 89–103. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5530>
3. Гуревич Е. Б. Конструкция междисциплинарной интеграции знания по проблеме социализации // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 3. С. 58–70. DOI: [10.15293/1813-4718.1903.06](https://doi.org/10.15293/1813-4718.1903.06)
4. Пястолов С. М. Генезис и перспективы трансдисциплинарности // TERRA ECONOMICUS. Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону). 2016. Т. 14. № 2 с. 139–158. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1594133> (дата обращения: 09.08.2016).
5. Кучма В. Р., Степанова М. И., Шумкова Т. В., Александрова И. Э. Гигиеническое моделирование в предэксплуатационной экспертизе зданий и оборудования общеобразовательных организаций // Здоровье населения и среда обитания. 2018. № 4 (301). С. 27–30. DOI: <http://dx.doi.org/10.35627/2219-5238/2018-301-4-27-30>
6. Кучма В. Р., Ткачук Е. А., Шишарина Н. В., Подлинный О. Л. Гигиеническая оценка инновационных образовательных технологий в начальной школе // Гигиена и санитария. 2019. Т. 98, № 3. С. 288–294. DOI: [10.18821/0016-9900-2019-98-3-288-293](http://dx.doi.org/10.18821/0016-9900-2019-98-3-288-293)
7. Кучма В. Р., Ткачук Е. А., Ефимова Н. В. Гигиеническая оценка напряжённости учебной деятельности обучающихся. Методические рекомендации. Иркутск: ИИПКРО, 2014. 24 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=3524121290>
8. Ромм М. В. Нормативно-интерпретативный подход к изучению индетерминистских социальных феноменов // Философия образования. 2010. № 3 (32). С. 5–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17839475>
9. Siegrist V., Langewitz W., Mata R., Maiori D., Hertwig R., Bingisser R. The influence of information structuring and health literacy on recall and satisfaction in a simulated discharge communication // Patient Education and Counseling. 2018. Vol. 101, Issue 12. P. 2090–2096. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pec.2018.08.008>
10. Выготский Л. С. Педагогическая психология. Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 536 с. ISBN 5-7155-0747-2 (e-book). (In Russian).
11. Айзман Р. И., Рубанович В. Б., Лебедев А. В., Айзман Н. И. Комплексная оценка здоровья участников образовательного процесса. М., 2020. Сер. 76 Высшее образование URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41565541>
12. Байгузин П. А., Шибкова Д. З., Айзман Р. И. Факторы, влияющие на психофизиологические процессы восприятия информации в условиях информатизации образовательной среды // Science for Education Today. 2019. № 5. С. 48–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1905.04>
13. Валина С. Л., Штина И. Е., Ошева Л. В., Устинова О. Ю., Эйфельд Д. А. Гигиеническая оценка учебного процесса в школах с различными образовательными программами // Гигиена и санитария. 2019. Т. 98, № 2. С. 166–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0016-9900-2019-98-2-166-170>
14. Сегура-Роблес А., Парра-Гонсалес М. Е. Активные методологии здоровья: научная продукция по геймификации в науках о здоровье [In English] // Science for Education Today. 2019. № 3. С. 223–237. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1903.13>
15. Степанова М. И. Гигиеническая безопасность цифровой образовательной среды для детей и подростков // Педагогика. 2018. № 12. С. 38–46. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=36693944>
16. Шаруха Г. В., Марченко А. Н., Михайлова Р. Р. Разработка гигиенических рекомендаций по оптимизации условий инклюзивного обучения детей в школе // Медицинская наука и образование Урала. 2019. Т. 20, № 3 (99). С. 158–161. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=41007875>
17. Шишарина Н. В., Ромм Т. А., Подлинный О. Л. Гигиеническая оценка инновационных образовательных технологий как актуальное педагогическое понятие // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 4 (32). С. 304–313. DOI: <http://dx.doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-304-312>
18. Шишарина Н. В., Ромм Т. А., Подлинный О. Л. Методология исследования гигиенической оценки инновационных педагогических технологий в образовательных организациях // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 1 (35). С. 73–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.17238/issn1998-5320.2019.35.73>
19. Akimova L. A., Chikeneva I. V. Safe educational environment as an object of pedagogical design // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, № 5. С. 510–515. DOI: <http://dx.doi.org/10.18510/hssr.2019.7558>
20. Chen M. Improving website structure through reducing information overload // Decision Support Systems. 2018. Vol. 110. P. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dss.2018.03.009>
21. Datu J. A. D., Yuen M., Chen G. The triarchic model of grit is linked to academic success and well-being among Filipino high school students // School Psychology Quarterly. 2018. Vol. 33, № 3. P. 428–438. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/spq0000234>
22. Hollman A. K., Hollman T. J., Shimerdla F., Bice M. R., Adkins M. Information technology pathways in education: interventions with middle school students // Computers and Education. 2019. Vol. 135. P. 49–60. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.02.019>
23. Kim S. Y., Kim M. S., Park B., Kim J. H., Choi H. G. The associations between internet use time and school performance among Korean adolescents differ according to the purpose of internet use // PloS one. 2017. Vol. 12, № 4. DOI: <http://doi.org/e0174878>
24. Lai, H.-R. A Comparison of Actual and Preferred Classroom Environments as Perceived by Middle School Students / H.-R. Lai, W.-L. Chou, N.-F. Miao, et al. // Journal of School Health. 2015. N 85. P. 388–397. DOI: [10.1111/josh.12263](https://doi.org/10.1111/josh.12263)
25. Leahy S. M., Holland C., Ward F. The digital frontier: envisioning future technologies impact on the classroom // Futures. 2019. Vol. 113. P. 102422. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.04.009>

Информация об авторах

Шишарина Наталья Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Педагогический институт. Иркутский государственный университет (6644003, РФ, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2246-3407>. E-mail: nshisharina@yandex.ru

Ромм Татьяна Александровна

Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии ИИГСО. Новосибирский государственный педагогический университет (630126, РФ, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5566-0418>, SPIN-код: 5346-9431, AuthorID: 219106. E-mail: tromm@mail.ru

Подлинный Олег Леонидович

Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Педагогический институт. Иркутский государственный университет (6644003, РФ, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6633-3997>. E-mail: podlinyaev@inbox.ru

N. V. Shisharina¹, T. A. Romm², O. L. Podlinaev¹¹Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation**Interdisciplinary model of parameters, indicators and criteria approbation for hygienic evaluation of innovative pedagogical technologies in education**

Abstract. Alteration and complication of educational content in the modern digital and virtual world updates the scientific problems associated with the search for approaches to develop a model of parameters, indicators and criteria approbation for hygienic evaluation of innovative pedagogical technologies in educational organizations from the standpoint of an interdisciplinary approach.

The purpose of the article is development and theoretical justification of an interdisciplinary model of the approbation process of the hygienic assessment of innovative pedagogical methods.

The research is based on the methodological ideas of an interdisciplinary approach in synergetics, sociological, pedagogical, and historical research (O. B. Bozhkov, E. B. Gurevich, E. A. Dolgova, G. G. Ershova, L. I. Novikova, and I. Prigozhin). Methods of modeling, diagnostics, interpretation, classification, and testing were used.

The field of application of the research lies in the practical use of an interdisciplinary model for evaluating innovative pedagogical technologies in the practice of modern educational organizations in the content of digital education.

The reliability of using an interdisciplinary approach to solve the problem of developing a model for testing the hygienic assessment of innovative pedagogical technologies lies in its scientific core aimed at an extended search for interaction points between individual socio-humanitarian disciplines, such as physiology, pedagogy, psychology, social sciences etc. and their diagnostic tools.

Keywords: model of hygienic assessment, interdisciplinary approach, innovative pedagogical technologies.

Funding: The research is financially supported by the Russian Foundation for, basic research project No. 19-013-00298 A.

Paper submitted: March 12, 2020

For citation: Shisharina N. V., Romm T. A., Podlinaev O. L. (2020). Interdisciplinary model of parameters, indicators and criteria approbation for hygienic evaluation of innovative pedagogical technologies in education. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 2, pp. 49–56. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.8

References

1. Children's well-being in the digital age: report to the XX April international scientific. conf. on the problems of economic and social development, Moscow, 9-12 Apr. 2019 / A. A. Bocharov, S. V. Dokuka, M. A. Novikova et al.; "Higher school of Economics" National Research University. Moscow: HSE Publishing House, 2019. 34, [2] p. 250 copies. ISBN 978-5-7598-1969-1 (in the region). ISBN 978-5-7598-1893-9 (e-book). (In Russian).
2. Bozhkov O. B., Ignatova S. N. Interdisciplinarity in the study of (auto)biographical data. *Sociological journal*, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 89–103. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5530> (In Russian).
3. Gurevich E. B. Construction of interdisciplinary integration of knowledge on the problem of socialization. *Siberian pedagogical journal*. 2019, no. 3, pp. 58–70. Doi: <http://dx.doi.org/10.15293/1813-4718.1903.06>. (In Russian).
4. Pyastolov S. M. Genesis and perspectives of transdisciplinarity. *TERRA ECONOMICUS*. Southern Federal University, 2016. T. 14. № 2 p. 139–158. URL: <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1594133> (In Russian).
5. Kuchma V. R., Stepanova M. I., Shumkova T. V., Alexandrova I. E. Hygienic modeling in pre-operational expertise of buildings and equipment of educational organizations. *Population Health and habitat*, 2018, no. 4 (301), pp. 27–30. DOI: <http://dx.doi.org/10.35627/2219-5238/2018-301-4-27-30> (In Russian).
6. Kuchma V. R., Tkachuk E. A., Shusharina N. V., Podlivaev O. L. Hygienic assessment of innovative educational technologies in primary schools. *Hygiene and sanitation*, 2019, vol. 98, no. 3, pp. 288–294. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0016-9900-2019-98-3-288-293> (In Russian).
7. Kuchma V. R., Tkachuk E. A., Efimova N. V. Hygienic assessment of the intensity of students' educational activity. *Methodical Guidelines*. Irkutsk: IIPCRIO, 2014. 24 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=3524121290> (In Russian).
8. Romm M. V. Regulatory and interpretive approach to the study of indeterministic social phenomena. *Philosophy of Education – 2010*. № 3 (32). P. 5–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17839475> (In Russian).
9. Siegrist V., Langewitz W., Mata R., Maiori D., Hertwig R., Bingisser R. The influence of information structuring and health literacy on recall and satisfaction in a simulated discharge communication. *Patient Education and Counseling*, 2018, vol. 101, Issue 12, pp. 2090–2096. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pec.2018.08.008>
10. Vygotzky L. S. *Pedagogical psychology*. Edited by V.V. Davydov. Moscow: Pedagogika-Press, 1999. 536 p. ISBN 5-7155-0747-2 (e-book). (In Russian).
11. Aizman R. I., Rubanovich V. B., Lebedev A. V., Aizman N. I. Health comprehensive assessment of educational process participants. *Moscow, 2020. Ser. 76 Higher education* URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41565541> (In Russian).
12. Baiguzhin P. A., Shibkova D. Z., Aizman R. I. Factors affecting the psychophysiological processes of information perception in the conditions of Informatization of the educational environment. *Science for Education Today*, 2019, no. 5, pp. 48–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1905.04> (In Russian).
13. Valina S. L., Shtina I. E., Osheva L. V., Ustinova O. Yu., Eisfeld D. A. Hygienic assessment of the educational process in schools with various educational programs. *Hygiene and sanitation*, 2019, vol. 98, no. 2, pp. 166–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0016-9900-2019-98-2-166-170> (In Russian).
14. Segura-Robles A., Parra- González M. E. Active methodologies in health. *Scientific production on gamification in health sciences*. *Science for Education Today*, 2019, no. 3, pp. 223–237. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1903.13> (In English)
15. Stepanova M. I. Hygienic safety of digital educational environment for children and teenagers. *Pedagogy*, 2018, no. 12, pp. 38–46. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=36693944> (In Russian).
16. Sharukho G. V., Marchenko A. N., Mikhailova R. R. Development of hygienic recommendations to optimize the inclusive education conditions for children in school. *Medical science and education of the Urals*, 2019, vol. 20, no. 3 (99), pp. 158–161. (In Russian). URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=41007875> (In Russian).
17. Shisharina N. V., Romm T. A., Podlinaev O. L. Hygienic evaluation of innovative educational technologies as a relevant pedagogical concept. *Proceedings of the Saratov University. Series: Acmeology of education. Developmental psychology*, 2019, vol. 8, no. 4 (32), pp. 304–313. DOI: <http://dx.doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-304-312> (In Russian).
18. Shisharina N. V., Romm T. A., Podlinaev O. L. Research methodology of hygienic assessment of innovative pedagogical technologies in educational institutions. *Science about person: humanitarian researches*, 2019, no. 1 (35), pp. 73–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.17238/issn1998-5320.2019.35.73> (In Russian).

19. Akimova L. A., Chikeneva I. V. Safe educational environment as an object of pedagogical design. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, no. 5, pp. 510–515. DOI: <http://dx.doi.org/10.18510/hssr.2019.7558>
20. Chen M. Improving website structure through reducing information overload. *Decision Support Systems*, 2018, vol. 110, pp. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dss.2018.03.009>
21. Datu J. A. D., Yuen M., Chen G. The triarchic model of grit is linked to academic success and well-being among Filipino high school students. *School Psychology Quarterly*, 2018, vol. 33, no. 3, pp. 428–438. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/spq0000234>
22. Hollman A. K., Hollman T. J., Shimerdla F., Bice M. R., Adkins M. Information technology pathways in education: interventions with middle school students. *Computers and Education*, 2019, vol. 135, pp. 49–60. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2019.02.019>
23. Kim S. Y., Kim M. S., Park B., Kim J. H., Choi H. G. The associations between internet use time and school performance among Korean adolescents differ according to the purpose of internet use. *PloS one*, 2017, vol. 12, no. 4. DOI: <http://doi.org/e0174878>
24. Lai, H.-R. A Comparison of Actual and Preferred Classroom Environments as Perceived by Middle School Students / H.-R. Lai, W.-L. Chou, N-F. Miao, et al. *Journal of School Health*. 2015. Vol. 85. P. 388–397. DOI: <https://doi.org/10.1111/josh.12263>
25. Leahy S. M., Holland C., Ward F. The digital frontier: envisioning future technologies impact on the classroom. *Futures*, 2019, vol. 113, pp. 102422. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.04.009>

Information about the authors

Natalia V. Shisharina

Cand. Sc. (Pedagogy), Assistant professor. Irkutsk State University (1 Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation). E-mail: nshisharina@yandex.ru

Tatiana A. Romm

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyujskaya st., Novosibirsk, 630126, Russian Federation).

E-mail: tromm@mail.ru

Oleg L. Podlinyaev

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Irkutsk State University (1 Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation). E-mail: podlinyaev@inbox.ru

© Н. В. Шишарина, Т. А. Ромм, О. Л. Подлиняев, 2020

УДК 374.1

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.9

Р. А. Свиридон¹

¹Сибирский государственный университет науки и технологий им. ак. М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Российская Федерация

Педагогический дизайн как важное условие эффективности массовых открытых обучающих курсов

Аннотация. Массовые открытые обучающие курсы (МООК) становятся все более популярными в образовательной среде. Наряду с их преимуществами в научной литературе все чаще обозначается проблема завершения данных курсов. Тот факт, что сравнительно небольшое количество (10 %) участников заканчивают своё обучение с получением сертификата, наводит на мысль, что важное значение с точки зрения эффективности МООК может иметь педагогический дизайн этих курсов. В исследовании анализируется влияние компонентов педагогического дизайна МООК, таких, как его структура, возможность взаимодействия и оценки качества обучения слушателями, на успешное их завершение. Методологической базой для исследования послужили системный и личностно-деятельностный подходы. Для решения поставленных задач применялись теоретические и эмпирические методы. Полученные данные подтвердили гипотезу о том, что педагогический дизайн курса, разработанный в соответствии с дидактическими принципами обучения, способствует более эффективному усвоению участниками учебного материала, появлению чувства удовлетворенности от самостоятельного обучения и успешному завершению курсов.

Ключевые слова: массовые открытые обучающие курсы, МООК, педагогический дизайн МООК, эффективность и успешность МООК.

Дата поступления статьи: 2 февраля 2020 г.

Для цитирования: Свиридон Р. А. (2020). Педагогический дизайн как важное условие эффективности массовых открытых обучающих курсов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 57–62. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.9

Введение. Стремительное развитие массовых открытых обучающих курсов (МООК) в настоящее время значительно опережает количество научных исследований, которые пытаются оценить их качественную составляющую, а также эффективность этих курсов с точки зрения обучения участников. Практические преимущества использования МООК уже не вызывают сомнений. С одной стороны, такие курсы обладают потенциалом предоставлять широкие образовательные возможности для глобальной аудитории, однако, с другой стороны, данные свидетельствуют о том, что лишь небольшая часть слушателей успешно заканчивает свои курсы.

В современной научной литературе указываются несколько достоинств МООК, которые позволяют:

- обеспечить высокое качество, низкую стоимость и высокий уровень образования для слушателей;
- расширить доступ к высшему образованию;
- содействовать автономному, независимому и гибкому обучению;
- сосредоточиваться на обучении, а не на получении квалификации;
- стимулировать поставщика образовательных услуг – учреждение, преподавателя или учебные программы [1, с. 234].

МООК определяют как виртуальные образовательные среды, которые предоставляют возможность любому человеку брать уроки у элитных университетов и преподавателей посредством видеолекций и презентаций через открытые и бесплатные курсы с целью углубления знаний и улучшения компетенций в конкретной области. [2, с. 16] Большой интерес с точки зрения анализа эффективности

МООК представляют работы российских (А. А. Андреев, А. Д. Вьюшкина, И. Б. Готская, С. Д. Григорьев, Т. Г. Иванова, Л. В. Каракозов, В. Н. Курзаева, С. Ю. Кухаренко, О. П. Панкратова, И. М. Осмоловская, А. Ю. Уваров, С. Б. Федуллина) и зарубежных учёных (S. Downs, M. Ebben, Y. Gerber, D. Kassabian, S. Kellog, M. Kesim, T. Lewin, R. Moe, J. S. Murphy, G. Siemens), в которых анализируются реализуемые и перспективные модели МООК, проблемы их функционирования и возможные трансформации, их инновационный потенциал и влияние на развитие системы образования. Однако до настоящего времени было проведено недостаточно исследований, чтобы определить, как компоненты педагогического дизайна МООК влияют на учебный опыт обучающихся. Другими словами, эмпирических данных о педагогической эффективности дизайна МООК на сегодняшний день, по нашему мнению, недостаточно.

Цель исследования – конкретизировать педагогический дизайн массовых открытых онлайн-курсов относительно его структуры, взаимодействия слушателей с его элементами и их собственной оценкой обучения на курсе.

Данные исследования будут иметь практическое значение для стратегий разработки обучающих курсов, чтобы гарантировать эффективность МООК. В целом это исследование руководствуется следующими вопросами.

1. Какие компоненты педагогического дизайна (структура, взаимодействие и оценка) являются наиболее влиятельными при прогнозировании контроля над обучаемым в курсе МООК?
2. Какие компоненты дизайна являются наиболее влиятельными при прогнозировании чувства успеваемости у учащихся в курсе МООК?

3. Какие компоненты дизайна являются наиболее влиятельными при прогнозировании воспринимаемой эффективности самостоятельного обучения на курсе MOOK?

Методы. Методологической базой исследования послужили системный и личностно-деятельностный подходы. Для решения поставленных задач применялись теоретические (анализ, синтез, сравнение и обобщение при изучении психолого-педагогической литературы по исследуемой проблеме, метод интерпретации, педагогическое моделирование) и эмпирические методы (наблюдение, тестирование, беседа, опрос, анализ результатов деятельности обучающихся, педагогический эксперимент, метод экспертной оценки).

Обзор литературы. За последние годы дидактические свойства электронных образовательных ресурсов претерпевают значительные изменения, поэтому вопрос об их изучении остается актуальным.

Данные научных работ, посвящённых изучению перспективных обучающих технологий, позволяют сделать вывод о том, что если они выстраиваются на научно выверенной дидактической основе, то успешно реализуются [3, с. 129].

Многочисленные исследователи подчёркивают, что в основу создания курсов MOOK заложена теория коннективизма, которая акцентирует внимание на цифровом и глобальном обучении и признании того, что обучение происходит в контексте, в котором участники находят возможности для обмена опытом и развития новых знаний, умений и навыков [4, с. 31]. Педагогический дизайн требует гибкой учебной программы, разнообразных практик и различных уровней вовлечённости обучаемых, а также сложности с точки зрения содержания и самовыражения учащихся. Такой дизайн расширяет спектр возможностей обучения с целью разработки курсов в соответствии с потребностями всех учащихся и использования преимуществ технологий, таких, как универсальность, потенциал для преобразования имеющегося опыта и взаимодействия обучаемых как между собой, так и с содержанием курса.

Современные исследования отмечают, что дизайн MOOK является важным показателем удержания студентов и предполагаемой эффективности обучения [5, с. 380]. В ответ на неизменно низкий уровень участия обучающихся в работе на курсах в целом авторы начали фокусироваться на важности факторов учебного дизайна для разработки оптимального опыта обучения, который поддерживает успешное самостоятельное обучение в среде MOOK. Внедрение в учебный курс высококачественных стратегий разработки учебного дизайна позволит участникам почувствовать контроль за своим прогрессом в обучении, что, в свою очередь, может привести к успешному опыту MOOK и положительным результатам обучения [6, с. 137].

Российские ученые И. Б. Готская, В. М. Жучков видят решение этой проблемы в проведении исследований с целью выявления взаимосвязи занимательности, структуры (соотношение теории и практики) и форматов представления содержания. Это позволит значительно улучшить образовательный контент,

в том числе и видеоконтент, наполнить его практическими заданиями определённых типов, тем самым повысить интерес к онлайн-обучению [7, 5].

Прежде в исследованиях акцент делался на высоком качестве содержания, а не обучения и на компонентах педагогического учебного дизайна (Conole, 2014; Margaryan et al., 2015). Важность дизайна MOOK практически не исследовалась. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что обучающиеся на курсах демотивированы из-за отсутствия обратной связи с инструктором, отсутствия командной работы и группового взаимодействия или плохой коммуникации (H. E. Said, 2016). Все это, на наш взгляд, можно предотвратить с помощью качественного педагогического дизайна курса.

И. А. Шаршов и Е. А. Белова отмечают учебно-методическую проблему как главную с точки зрения внедрения электронных курсов в систему образования. Она заключается в отсутствии качественных и апробированных методик и технологий внедрения и использования электронных образовательных ресурсов в учебном процессе. [8, с. 168]

В онлайн-курсах их содержание, учебные материалы и задания служат основным методом интерактивной учебной деятельности. Многие исследователи подчеркивают (Drake, J. R., O' Hara, M., Seeman, E., 2015), что дизайн курса, так же, как и его содержание, является одним из условий успешного обучения онлайн. Растущее количество литературы по MOOK подтверждает эту точку зрения и отмечает данный подход как решающий фактор успеха и удержания студентов на курсах (H. E. Said, 2016, McGill, Klobas, Renzi, 2014, L. H. Nieves et. al, 2019, M. Yang, Z. Shao, Q. Liu, C. Liu, 2017).

Многие исследователи (М. А. Бовтенко, 2005, Е. В. Захарова, 2008, С. Г. Иванова, 2013, Р. А. Свиридон, 2016, 2017, и др.) выделяют ряд педагогических условий, повышающих эффективность организации самостоятельного обучения в электронно-образовательных средах. К ним относятся:

- развитие мотивации студентов в учебно-профессиональной деятельности, готовности к саморазвитию и самосовершенствованию;
- обучение студентов способам обработки и трансформации информации (критическому мышлению, скорочтению, аннотированию, реферированию, конспектированию, составлению плана, тезисов и др.);
- обучение навыкам планирования своей учебной деятельности;
- создание комплекса дифференцированных разноуровневых модульных заданий (репродуктивных, продуктивных, проектных, творческих);
- использование балльно-рейтинговой системы оценки самостоятельной работы обучающихся;
- применение программно-методического обеспечения с заданиями, содержащими памятки, инструкции, алгоритмы, рекомендации по их выполнению;
- организация консультативной помощи при выполнении долгосрочных заданий;

- ознакомление обучающихся с содержанием программно-методического обеспечения по самостоятельной работе, сроками его выполнения и системой балльно-рейтинговой оценки [9, с. 86, 87].

В некоторых других исследованиях (Y. Kali, P. M. Goodyear, L. Markauskaite, 2011) описана важность контроля над учащимися в сетевой среде обучения. В отличие от традиционных сред обучения, онлайн-обучение позволяет учащимся самостоятельно принимать решения: какое количество видеороликов нужно посмотреть в день, когда нужно остановиться и прекратить работу с очередным заданием, – а также даёт возможность свободно контролировать свой темп обучения. С помощью этого контроля обучающиеся могут определить для себя, как учиться, когда они принимают подобные решения, и как достичь более эффективных результатов обучения [10, с. 130]

На данный момент необходимы исследования, чтобы понимать, как дизайн таких курсов может удовлетворять потребности обучающихся. Чтобы заполнить пробел в работах об эффективности педагогического дизайна, на наш взгляд, необходимо проанализировать связь компонентов учебного дизайна с воспринимаемым контролем участников над собственным обучением, также с эффективностью курса и с достижением целей в предметной области слушателями.

Компоненты педагогического дизайна, которые учитывались в данной работе:

- лекция: внешняя навигация по интернет-источникам, внутренняя навигация по курсу, видео- и аудиоматериалы по дисциплине;
- практические задания: электронные практикумы, тренажёры с настраиваемыми параметрами;
- самостоятельная работа: тренажёры, обучающие модули, тестовые системы в режиме самопроверки подготовки;
- рубежный и итоговый контроль: удалённое тестирование с использованием банка задач с открытыми, вычисляемыми и пр. ответами;
- методические рекомендации: интерактивные инструкции;
- консультации: общение в режимах онлайн, офлайн.

Результаты работы. Исследование проводилось на платформе Сибирского регионального центра компетенций в области онлайн-обучения. Нами был проанализирован опыт обучения студентов 2-3 курсов Сибирского государственного университета науки и технологий им. ак. М. Ф. Решетнева по дисциплине «Иностранный язык» на MOOK “English for Successful Careers”. В исследовании приняли участие 56 человек, проходивших данный курс в весеннем семестре 2018/2019 учебного года. Подписано на курс было 193 обучаемых, успешно освоили его с получением сертификата 56 студентов. Для ответа на поставленные вопросы исследования студентам было предложено пройти анкетирование и предоставить свою оценку обучения по данному курсу (таблица 1). Также учитывались отзывы, полученные в форме обратной связи во время курса (40 отзывов).

Отвечая на первый вопрос нашего исследования – какие компоненты учебного дизайна являются наиболее влиятельны-

ми при прогнозировании контроля обучаемого над процессом обучения в рамках самостоятельного курса MOOK? – следует отметить, что наибольшее количество участников сочли самыми значимыми для оценивания следующие критерии:

- 1) внешняя навигация по интернет-источникам и внутренняя – по курсу: «возможность быстрого доступа к онлайн-ресурсам» – 91 %;
- 2) видео- и аудиоматериалы по дисциплине, электронные практикумы, тренажёры с настраиваемыми параметрами: «возможность самоорганизации и ответственности за собственное обучение» – 85 %, «курс способствовал осмыслению того, что я изучаю» – 82 %;
- 3) удаленное тестирование с использованием банка задач с открытыми, вычисляемыми и пр. ответами: «возможность отслеживать собственный прогресс в обучении» – 85 %, «соотношенность тестов и других заданий с целями курса» – 79 %;
- 4) тренажёры, обучающие модули, тестовые системы в режиме самопроверки подготовки: «возможность учиться без регулярного личного контакта» – 85 %, «интересные и увлекательные задания» – 76 %, «возможность оценить, как подходит учебный материал к тому, что необходимо узнать» – 73 % респондентов.

Однако, как показали результаты, существует необходимость постоянного обновления учебного материала и включения проблемных задач в обучение – 55 % и 52 % респондентов отметили данный фактор.

Ответы на второй вопрос – какие компоненты учебного дизайна являются наиболее влиятельными в прогнозировании чувства успеваемости учащихся в самостоятельном курсе MOOK? – показали следующие результаты:

- 1) аудио- и видеoinструкции по работе с курсом: «с самого начала было ясно, что нужно усвоить в каждом разделе» – 85 %;
- 2) методические рекомендации по организации самостоятельной работы: «применение теоретического материала к практическим проблемам или к новым проблемным ситуациям» – 76 %, «синтез и интеграция знаний, информации и опыта с новыми, более сложными формами и отношениями» – 70 %;
- 3) организация учебного материала: «последовательное изложение без необходимости самостоятельного определения последовательности обучения» – 70 %, «ясность в использовании учебных онлайн-ресурсов» – 67 %.

Тем не менее компоненты, способствующие осмыслению учебной информации, присутствовали недостаточно – 58 % участников отметили данный недостаток. К тому же только 30 % респондентов готовы самостоятельно определять последовательность прохождения учебного материала в рамках курса.

На третий вопрос – какие компоненты учебного дизайна являются наиболее влиятельными при прогнозировании воспринимаемой эффективности в самостоятельном курсе MOOK? – были получены следующие отзывы:

- 1) обратная связь: 76 % участников отметили, что «добились прогресса в достижении своей цели», 70 % отметили как плюс «отзывы, которые помогли улучшить стратегии обучения

Таблица – Результаты опроса по итогам обучения на <https://online.sfu-kras.ru> MOOK “English for Successful Careers”

№ вопроса	Критерии оценки дизайна	Варианты ответов	%
I	1.1. Оценивание	1. Я мог оценить, как подходит учебный материал к тому, что мы должны были узнать	73
		2. Отзывы о моей работе помогли мне улучшить мои стратегии обучения	70
		3. Отзывы помогли мне уяснить вопросы, которые я не до конца понял	70
	1.2. Контент	1. Этот курс способствовал осмыслению того, что я изучаю	82
		2. Задания были интересными и увлекательными	76
		3. Курс предоставил самую свежую информацию в данной области	55
		4. Методы оценки студентов, такие как тесты, задания, напрямую соотносились с целями обучения этого курса	79
		5. Этот курс включал задания на решение учебных проблем	52
	1.3. Организация обучения	1. Возможность быстрого доступа к онлайн / цифровым учебным ресурсам.	91
		2. Возможность учиться без регулярного личного контакта	76
		3. Возможность самоорганизации и ответственности за собственное обучение	85
	1.4. Самоконтроль в обучении онлайн	1. Я мог отслеживать собственный прогресс в обучении	85
		2. Я не отвлекался на другие онлайн-действия при обучении (мгновенные сообщения, поиск в Интернете)	55
		3. Я повторял учебные онлайн-материалы, исходя из своих потребностей	70
II	2.1. Структура курса	1. С самого начала мне было ясно, что я должен усвоить в каждом разделе	85
		2. С самого начала мне было ясно, как я должен использовать различные онлайн / цифровые учебные ресурсы	67
	2.2. Взаимодействие между студентом и контентом	1. Этот курс подчеркивал синтез и интеграцию знаний, информации и опыта с новыми, более сложными формами и отношениями	70
		2. В этом курсе подчёркивалось вынесение суждения о ценности учебной информации, аргументов или методов, таких, как изучение способов сбора других данных и интеграция их с имеющимися, оценка данных, а также обоснованность выводов	58
		3. В этом курсе особое внимание уделялось применению теоретического учебного материала к практическим проблемам или к новым проблемным ситуациям	76
	2.3. Организация учебного материала	1. Мне нравилось последовательное изложение учебного материала без необходимости самостоятельно определять последовательность его изучения	70
		2. Я предпочёл бы самостоятельно определять последовательность прохождения учебного материала	30
III	3.1. Чувство удовлетворённости от обучения	1. Я добился прогресса в достижении своей цели в предметной области этого курса	76
	3.2. Эффективность онлайн-курса	1. Посоветую этот курс друзьям / знакомым	64
		2. Я многому научился благодаря этому курсу	64
		3. Мне понравилось проходить этот курс	73

и уяснить вопросы, необходимые для освоения», 73 % заявили, что удовлетворены своим обучением, и 64 % респондентов считают, что «многому научились благодаря данному курсу» и «порекомендуют курс друзьям и знакомым».

Заключение. Мы рассмотрели, как компоненты педагогического дизайна способствуют контролю за обучением со стороны участников MOOK, их чувству прогресса и воспринимаемой эффективности данных курсов. Полученные результаты подтверждают нашу точку зрения, согласно которой компоненты учебного дизайна, позволяющие оценить своё обучение, ясность и доступность изложения учебного материала, полезность получаемой информации, степень вовлечённости преподавателя и уровень администрирования курса, а также степень удовлетворенности личным участием и полученными знаниями по окончании курса,

являются значимыми показателями самоконтроля обучающихся, чувства прогресса и воспринимаемой эффективности обучения.

Результаты показали, что эффективный педагогический дизайн требует гибкой учебной программы, разнообразных практик и различных уровней вовлечённости обучаемых, сложности и самовыражения учащихся. Он расширяет диапазон возможностей обучения с целью проектирования курса в соответствии с потребностями всех студентов и использования преимуществ современных технологий, таких, как универсальность, способность преобразовывать имеющийся и генерировать новый опыт в обучении. В виртуальных курсах необходимо учитывать факторы, которые мотивируют участников к продолжению обучения, чтобы уменьшить их отсев и способствовать успешному окончанию курсов.

Part 2. Pedagogical Science

Наше исследование продемонстрировало, что, хотя процент обучающихся, успешно окончивших курс “English for Successful Careers” оказался на уровне 29 %, многие вопросы, касающиеся компонентов дизайна данного курса, еще нуждаются в дальнейшем изучении. Прежде всего это касается возможности построения индивидуальных траекторий обучения, способствующих мотивации

слушателей и успешному завершению самостоятельных электронных обучающих курсов. В целом эти выводы предполагают, что, хотя содержание может быть отправной точкой для привлечения потенциальных слушателей MOOC, педагогический дизайн является краеугольным камнем для удержания студентов на курсах и фактором, обеспечивающим достижения успеха в обучении.

Источники

1. Azevedo J., Marques M.M. MOOC success factors: Proposals of an Analysis Framework [Electronic resource] / Journal of Information Technology Education: Innovation in Practice. V. 16, 2017. P. 233–250 URL: <http://www.informingscience.org/Publications/3861>
2. Kesim M., Altinpulluk H. A. Theoretical Analysis of Moocs Types From a Perspective of Learning Theories [Electronic resource] / 5th World Conference on Learning, Teaching and Educational Leadership (WCLTA 2014). Procedia-Social and Behavioral Sciences 186, 2015. P. 15–19. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.04.056. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815023162>
3. Осмоловская И. М. Роль педагогической науки в развитии образования // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург, 2017. № 10. С. 127–131
4. Nieves L. H., Moya E. C., Soldado R. M. A MOOC on Universal Design for Learning Designed Based on the UDL Paradigm [Electronic resource] / Australasian Journal of Educational Technology, 2019, V. 35 (6). P. 30–47. URL: <https://ajet.org.au/index.php/AJET/issue/view/140>
5. Jung E., Kim D., Yoon M., Park S., Oakley B. (2019). The Influence of Instructional Design on Learner Control, Sense of Achievement, and Perceived Effectiveness in a Supersize MOOC Course [Electronic resource] / Computers and Education, V. 128, P. 377–388. URL: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2018.10.001>
6. Drake J. R., O' Hara M., Seeman E. Five Principles for MOOC Design: With a case study [Electronic resource] / Journal of Information Technology Education: Innovations in Practice, 2015, V. 14. P. 125–143. URL: <https://www.informingscience.org/Publications/2250>
7. Готская И. Б., Жучков В. М. Современное состояние, проблемы и перспективы развития массовых открытых онлайн курсов [Электронный ресурс] // Преподаватель XXI в. 2016. № 1 (ч.4). С. 117–127. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27633947>
8. Шаршов И. А., Белова Е. А. Анализ педагогических возможностей электронных образовательных ресурсов с элементами автодидактики [Электронный ресурс] // Интеграция образования. 2018. № 1. С. 166–176. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32612738>
9. Бовтенко М. А. Компьютерная лингводидактика: теория и практика: курс лекций / М. А. Бовтенко и др. М.: РУДН. 2006. 211 с.
10. Kali Y., Goodyear P. M., Markauskaite L. (2011). Researching Design Practices and Design Cognition: Contexts, Experiences and Pedagogical Knowledge-in-pieces [Electronic resource] / Learning, Media and Technology, 2011, V. 36 (2). P. 129–149. URL: <https://doi.org/10.1080/17439884.2011.553621>

Информация об авторе

Свиридон Радость Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры технического иностранного языка Института социального инжиниринга. Сибирский государственный университет науки и технологий им. ак. М. Ф. Решетнева (660037, РФ, г. Красноярск, пр. им. газеты Красноярский рабочий, 31). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-8533>, SPIN-код: 7976-7810. E-mail: sviridonra@yandex.ru

R. A.Sviridon¹

¹Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russian Federation

Pedagogical design as an essential factor of MOOCs successfulness

Abstract. Massive Open Online Courses (MOOCs) are becoming increasingly popular in the educational environment. In addition to their advantages, the problem of completing these courses is increasingly identified in the scientific literature. The fact that a relatively small percentage (10%) of participants who complete their studies with a certificate suggests that the pedagogical design of these courses may be important in terms of the effectiveness of the MOOCs. This study analyses the impact of MOOC pedagogical design components, such as its structure, ability to interact and evaluate the quality of learning by students, on their successful completion. The methodological basis for the study is a system and a personal-activity approaches. Theoretical and empirical methods are used to solve the stated problems.

In the research 56 students of Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, out of 193 people assigned for the course, successfully completed the massive open online course “English for Successful Careers”. Their feedback is analysed to work out efficient strategies of working out a successful pedagogical design of MOOCs.

The obtained data confirmed the hypothesis that the pedagogical design of the course, developed in accordance with didactic principles of teaching, contributes to more effective learning of the participants of the educational material, creation a sense of satisfaction from self-training and successful completion of the courses.

The research highlighted the perspective issues of further studies, such as possibilities to build individual learning strategies, which contribute to motivation of participants and successful completion of massive open online courses. The findings suggest that while content may be a starting point for attracting potential MOOC participants, pedagogical design is a cornerstone for keeping students on courses and a factor in ensuring learning success.

Keywords: massive open online courses, MOOC, pedagogical design of MOOCs, effectiveness of MOOCs, successfulness of MOOCs.

Paper submitted: February 2, 2020

For citation: Sviridon R. A. (2020). Pedagogical design as an essential factor of MOOCs successfulness. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 57–62. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.9

References

1. Azevedo J., Marques M. M. MOOC success factors: Proposals of an Analysis Framework . Journal of Information Technology Education: Innovation in Practice, 2017, V. 16. P. 233-250 URL: <http://www.informingscience.org/Publications/3861>
2. Kesim M., Altinpulluk H. A. Theoretical Analysis of Moocs Types From a Perspective of Learning Theories / 5th World Conference on Learning, Teaching and Educational Leadership (WCLTA 2014). Procedia - Social and Behavioral Sciences 186, 2015. P. 15 – 19. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.04.056 URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815023162>

3. Osmolovskaya I. M. The Role of Pedagogy in the Development of Education. Vestnik of Orenburg State University. 2017, no 10, pp. 127-131. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30764278> (accessed: 10.10.2019). (In Russian).
4. Nieves L. H., Moya E. C., Soldado R. M. A MOOC on Universal Design for Learning Designed Based on the UDL Paradigm. Australasian Journal of Educational Technology, 2019, V. 35(6). P. 30-47. URL: <https://ajet.org.au/index.php/AJET/issue/view/140>
5. Jung E., Kim D., Yoon M., Park S., Oakley B. The Influence of Instructional Design on Learner Control, Sense of Achievement, and Perceived Effectiveness in a Supersize MOOC Course. Computers and Education, 2019, V. 128, P. 377-388. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2018.10.001>
6. Drake J. R., O'Hara M., Seeman E. Five Principles for MOOC Design: With a case study. Journal of Information Technology Education: Innovations in Practice, 2015, V. 14. P. 125-143. URL: <https://www.informingscience.org/Publications/2250>
7. Gotskaya I. B. The Contemporary State, Problems and Perspectives of Massive Open Online Courses. The Teacher of the XXIst Century. 2016, no 1(part 4), pp. 117-127. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27633947> (accessed: 03.01.2020). (In Russian)
8. Sharshov I. A. The Analysis of Pedagogical Capabilities of Electronic Teaching Resources with the Elements of Autodidactics. Integration of Education. 2018, no 1, pp. 166-176. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32612738> (accessed: 05.01.2020). (In Russian)
9. Bovtenko M. A. et. al. Computer Linguodidactics: Theory and Practice: a course of lectures. 2006, 211 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36883442> (accessed: 28.01.2020). (In Russian)
10. Kali Y., Goodyear P. M., Markauskaite L. Researching Design Practices and Design Cognition: Contexts, Experiences and Pedagogical Knowledge-in-pieces. Learning, Media and Technology, 2011, V. 36(2), P. 129-149. URL: <https://doi.org/10.1080/17439884.2011.553621>

Information about the author

Radost' A. Sviridon

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Technical Foreign Language, Institute of Social Engineering, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (31 Krasnoyarskii Rabochii ave., Krasnoyarsk, 660037, Russian Federation). E-mail: sviridonra@yandex.ru

© P. A. Свиридон, 2020

УДК 37.01+159.99

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.10

Н. Н. Князева¹

¹Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Феномен современного детства и понимание его границ

Аннотация. Отмечается неизменный интерес к феномену современного детства специалистов различных научных направлений. Многомерность и многоаспектность феномена детства ставит ряд вопросов, связанных с пониманием его особого статуса и границ, которые изменяются. Детство рассматривается как социально-историческая и культурно-историческая категория, как сложный феномен, имеющий свою ёмкость, структуру и продолжительность. Традиционно границы детства связывают с феноменом взросления; отмечено, что мир детства нацелен на взросление, в ходе которого происходит освоение, присвоение взрослости. По результатам проведённого анализа литературы выявлена тенденция к смещению границ детства. Сложившаяся социокультурная ситуация приводит к качественному изменению взросления и смещению границ, отделяющих мир детства и мир взрослых. В настоящее время границы детства начинают изменяться в сторону удлинения. Показано, что в современной действительности существует проблема стирания границ между миром детства и миром взрослости. Ведущей тенденцией развития взглядов на понимание детства становится изменение статуса детства, понимание необходимости пересмотра взрослым сообществом традиционного положения детства, что является свидетельством наступления новой социокультурной эпохи в жизни ребёнка, отличительной чертой которой являются утрата детством самостоятельного статуса в мире взрослых, смещение границ, отделяющих мир детей от мира взрослых. Выделены функции границ, разделяющих мир детства и взрослый мир.

Ключевые слова: детство, кидалты, взросление, границы детства, мир детства, мир взрослых.

Дата поступления статьи: 13 ноября 2019 г.

Для цитирования: Князева Н. Н. (2020). Феномен современного детства и понимание его границ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 63–66. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.10

Проблема и цель. Появление этнографии, истории и экологии детства, экологической и социально-генетической психологии детства, виртуальной педагогики и психологии детства свидетельствует о неизменном интересе к данной проблематике специалистов различных научных направлений и значимости феномена детства. При всей многомерности и многоаспектности феномена детства перед исследователями встаёт ряд непростых вопросов, связанных с пониманием детства как особого явления. Детство имеет определённый статус, направлено на освоение социального мира, освоение исторически заданных форм обращения мира детей с миром взрослых, в то же время современные изменения общества приводят к переосмыслению как самого детства, так и его границ, которые могут заметно изменяться, что и определило наш интерес к данной проблеме.

Результаты. Детство можно рассматривать как сложное явление. В науках медико-биологического цикла ребёнка рассматривают как представителя *Homo sapiens*, не завершившего свое морфологическое и физиологическое развитие, период детства понимается как период активного роста, созревания человека. В большом психологическом словаре находим: «детство (англ. childhood) – этап онтогенетического развития индивида между рождением ребенка и началом подросткового периода...» [1, с. 132]. И всё же достижение зрелости, перехода к взрослому состоянию в нашей культуре связано с сочетанием биологического, социального и психического созревания.

Более того, детство можно рассматривать как социально-историческую и культурно-историческую категорию. В разные

эпохи в разных культурах понятие детства наполнялась разным содержанием. «Ребенок присваивает общество, – писал Д. Б. Эльконин. – Всё, что должно появиться у ребёнка, уже существует в обществе, в том числе потребности, общественные задачи, мотивы и даже эмоции» [2, с. 496]. В данном случае в индивидуальном развитии ребенка, в процессе социализации, в различные периоды его становления как представителя культуры прослеживаются понимаемые, осмысленные, а зачастую просто скопированные бессознательно различные аспекты поведения, деятельности, которые присущи данной культуре, данному этапу развития общества.

В своих работах Д. Б. Эльконин также указывает, что детство исключает возможность овладения подрастающим поколением орудиями труда, в силу их сложности, и возможность включения ребёнка в систему общественного производства.

Анализируя развитие в период детства, Д. И. Фельдштейн отмечает, что детство функционально и его следует рассматривать «как объективно необходимое состояние в динамической системе общества, состояние процесса вызревания подрастающего поколения и поэтому подготовки к воспроизводству будущего общества» [3, с. 28]. И далее: «...сущностно – детство представляет собой форму проявления, особое состояние социального развития, когда биологические закономерности, связанные с возрастными изменениями ребёнка, в значительной степени проявляют свое действие, «подчиняясь», однако, во всё большей степени регулирующему и определяющему действию закономерностей социальных» [3, с. 29].

Детство, как социальное явление, имеет определённое временное протяжение. Принято считать, что «возрастные границы детства изменяются преимущественно в сторону удлинения, что объясняется, прежде всего, усложнением содержания и задач обучения и воспитания детей, которые, в свою очередь, являются следствием прогресса экономических и социальных технологий» [1, с. 132]. В соответствии с вышеуказанными представлениями встаёт принципиальный вопрос о границах, отделяющих мир детства от мира взрослых.

Традиционно в психологии взросление понималось как некая граница, которая отделяет детство от взрослости. Взросление происходит постоянно, на каждом этапе развития личности ребёнка, оно связано с интенсивным развитием самосознания, появлением новых мотивационно-потребностных аспектов деятельности и открывающихся возможностей. Проводимые исследования убеждают, что благодаря взрослению осуществляется присвоение и освоение взрослости, и тем самым, реализуется главная внутренняя цель детства [4]. Мир детства постоянно нацелен на будущее, такую нацеленность инициируют и взрослые, и сам ребёнок, стремясь преодолеть настоящее.

Взросление, по мнению Д. И. Фельдштейна, есть «процесс постоянного изменения объективно направленного структурирования определённых качеств и свойств, составляющих взрослость, посредством формирования тех отношений и связей, которые уже имеются во взрослом мире» [5, с. 218]. «Осмысление процесса взросления подразумевает и понимание того, что у ребёнка есть некая перспектива (в силу своего местоположения визи к остальным), не вполне доступная взрослым, — перспектива, в которой заключено знание не только о различии в органике, но и о позиционировании в социальном мире с его властными отношениями, и в природной среде» [5, с. 225].

В данном контексте мы можем говорить о противопоставлении детей взрослым. Общество предстаёт как два взаимосвязанных мира: мир взрослых и мир детей. Два мира, дополняя друг друга, не могут существовать изолированно, они обеспечивают своим существованием и взаимодействием процесс передачи социокультурного опыта, опираясь на который, общество способно развиваться как целостная структура.

Социокультурные границы детства, которые могут быть зримыми или символическими, воплощаются в основных видах деятельности, которые осваивает ребёнок, и которые, в свою очередь, имеют культурно-исторический контекст; находят они своё воплощение и в возрастной субкультуре детства, проявляющейся в особом способе поведения, играх, специфическом «детском» языке, «детской» моде и т. п. Во многом границы детства определяются основным вектором развития, содержанием того или иного периода развития, основными задачами, которые необходимо ребёнку решить. В свою очередь, особенности психического и психосоциального развития опираются на особенности психофизиологического развития.

Вместе с тем мир взрослых, прививая ребёнку систему социокультурных норм, не принимает во внимание меньшую ва-

риативность жизненных целей, необходимость творческого осмысления правил, а не просто слепого следования им в детстве. Социокультурная среда мира детства в реальности оказывается миром скорее взрослых, нежели детей.

В своё время Д. Б. Эльконин говорил о существовании подобных парадоксов в развитии детей и о необходимости исторического подхода к их пониманию. Современные исследователи, продолжая развивать идеи учёного, утверждают, что в настоящее время можно говорить о таких парадоксах, как: 1) пролонгация периода детства в связи с нарушением механизмов и форм социализации детей в современном обществе; 2) возрастание требований к социализации; 3) установка на гармоничное развитие ребенка; 4) идеи унификации, стандартизации и технологизации мира детства [6].

Кроме этого, традиционно в педагогике границы детства и периоды детского развития принято разделять в соответствии с теми образовательными учреждениями, в которые поступает или переходит ребёнок. Детство — это такой период в жизни человека, когда активно осуществляются процессы обучения и воспитания. Такие границы детства, где рубежом, отделяющим один период от другого, служат сроки воспитания в дошкольных учреждениях, начало обучения в школе, переход из начального образовательного звена в среднее, диктуются практикой обучения. Однако в этом случае возникает вопрос, связанный с тем, какое же образовательное звено является границей, знаменующей переход от детства к взрослости? Получение среднего образования? Или же можно говорить о других границах мира детства?

Н. Постман в книге «Исчезновение детства» утверждает, что ключевой фактор, определяющий различия между детьми и взрослыми, — грамотность, которая распространялась в связи с книгопечатанием. Соответственно, вытесняются непосредственные, «детские» и возникают новые, более сложные, аналитически-рефлексивные, способы понимания мира. Соответственно, детство возникает «с появлением грамотности, а сегодня мы вынуждены признать его исчезновение». Далее исследователь рассматривает детство как культурно-исторический феномен и предполагает, что «идея детства» появилась на одном этапе развития человечества, но она может исчезнуть или сменить свою форму в будущем [7].

Ч. Ноксон рассматривает такое явление американской и европейской культуры, как кидалты, или «взрослые, которые заботятся о своём внутреннем ребенке», — это молодые люди, 20–30 лет, которые построению карьеры, созданию семьи предпочитают компьютерные игры, просмотр мультфильмов и т. п. [8]. Данное явление свидетельствует о том, что часть молодых людей не желает взрослеть, брать ответственность на себя за собственное поведение и свою судьбу, сохраняя «детские» интересы и формы поведения.

Данная проблема (disappearing of childhood) в зарубежной психологии, социологии, философии за последние два десятилетия стала предметом научных дискуссий. Затронутые в книге «Исчезновение детства» аспекты развития общества указывают на происходящие в культуре перемены. В частности,

отмечается, что уровень материального развития человечества напрямую взаимосвязан с возможностью разграничения понятий «ребёнок» и «взрослый». Тем не менее предполагается, что детство имеет свои определённые идентификационные характеристики, которые в теории присущи всем детям.

«Сам по себе термин «исчезновение» указывает на происходящие в культуре перемены и на реакцию самой культуры на них. Прежде всего, предполагается наличие некоего нормативного феномена под названием «детство», имеющего определённые идентификационные характеристики, по крайней мере, потенциально присущие всем детям. Предполагается также, что сам феномен носит культурно-исторический характер, который может как исчезнуть вовсе, так и непредсказуемо поменять форму. Таким образом, если детство есть временное и исчезающее состояние, значит, оно присуще и «взрослости». Следовательно, перемена в любом из этих состояний неизбежно означает возможность изменения и в другом, поскольку их возникновение и культурно, и исторически неразрывно связано» [9, с. 172].

Выводы. Таким образом, детство предстаёт в многообразии культурных, исторических, социальных, психолого-педагогических подходов. Ведущей тенденцией развития современного общества стало изменение социального и культурно-историче-

ского статуса детства во взаимоотношениях двух миров: мира детства и мира взрослых. Взрослое сообщество пересматривает традиционное положение детства в сферах воспитания, обучения, экономических отношений и т. п. Очевидно, можно говорить о наступлении принципиально новой социокультурной эпохи жизни ребёнка в современном обществе, отличительной чертой которой являются наличие новых, неклассических институтов социализации, утрата детством самостоятельного статуса в мире взрослых, смещение границ, отделяющих мир детей от мира взрослых.

В настоящее время существуют нечёткие границы, отделяющие мир взрослых и мир детей. Между тем необходимо определить ряд важнейших функций, которые выполняют границы, разделяющие детский и взрослый мир: 1) выделение ребёнка как представителя отдельного поколения, существующего в системе социокультурного обмена с другими поколениями; 2) возможность проявления ребёнка в качестве субъекта культуры; 3) поддержание иерархии отношений между поколениями; 4) обеспечение психологической и социальной безопасности детства. Кроме того, устойчивость и адекватность данных границ зависит от уровня развития человеческой культуры, её стабильности и постоянства.

Источники

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
2. Эльконин Д. Б. Взрослость, ее содержание и формы проявления у подростков-пятиклассников // Хрестоматия по детской психологии: от младенца до подростка : учеб. пособие / ред. Г. В. Бурменская. 2-е изд., расшир. М.: МПСИ, 2005. С. 323–335.
3. Фельдштейн Д. И. Современное детство: проблемы и пути взросления // Вестник практической психологии образования. М.: МГППУ, 2009. № 2 (19). С. 28–32.
4. Поливанова К. Н. Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] / Современная зарубежная психология: электронный журнал. 2016. Том 5. № 2. С. 5–10. URL: http://psyjournals.ru/files/82357/jmfp_2016_n_2_Polivanova.pdf (дата обращения: 29.10.2019).
5. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса взросления личности : избр. труды. М.: МПСИ ; Флинта, 1999. 672 с.
6. Поливанова К. Н. Периодизация психического развития как проблема // Другое детство : сб. науч. статей. М.: МГППУ, 2009. С. 326–339.
7. Postman N. The Disappearance Of Childhood. Vintage Books, A Division of Random Houses, inc. N.Y., 1994. P. 69.
8. Noxon Ch. Rejuvenile: Kickball, Cartoons, Cupcakes, and Reinvention of the American Grown-up. N.Y., 2006. 296 p.
9. Юлина Н. С. О статье Д. Кеннеди «Воссоздавая детство» // История философии. М.: Инст-т философии РАН, 2005. № 12. С. 170–172.

Информация об авторе

Князева Наталья Николаевна

Кандидат биологических наук, доцент. Омский государственный педагогический университет (644099, РФ, г. Омск, Наб. Тухачевского, 14).
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2433-7399>. E-mail: natalia_kn_2010@mail.ru

N. N. Knyazeva¹

¹Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Modern childhood phenomenon and understanding of its boundaries

Abstract. There is a constant interest of specialists in various scientific fields in the phenomenon of modern childhood. The multidimensional nature of the childhood phenomenon raises a number of questions related to of its changing special status and boundaries understanding.

Childhood is considered as a socio-historical and cultural-historical category, as a complex phenomenon that has a certain capacity, structure and duration. Traditionally, the boundaries of childhood are associated with the phenomenon of growing up, it is noted that the childhood world is aimed at growing up, during which there is a development, appropriation of adulthood.

According to the results of the literature analysis it became possible to reveal a tendency of the childhood boundaries shift. The current socio-cultural situation leads to a qualitative change in growing up and shifting the boundaries separating the world of childhood and the world of adults. At present, the boundaries of childhood are beginning to change in the direction of their lengthening. It is shown that in modern reality there is a problem of blurring the boundaries between the world of childhood and the world of adulthood.

There are several boundaries separating the world of childhood and the adult world. Understanding of the need for the adult community to revise the traditional position of childhood and the onset of a fundamentally new socio-cultural era of the child's life in modern society.

Keywords: childhood, kidalty, growing up, the boundaries of childhood, the world of childhood, the world of adults.

Paper submitted: November 13, 2019

For citation: Knyazeva N. N. (2020). Modern childhood phenomenon and understanding of its boundaries. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 63–66. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.10

References

1. Large psychological dictionary / compiled and edited by B. Meshcheryakov, V. Zinchenko. SPb.: PRIME-EUROZNAK, 2003. 672 p.
2. Elkonin D. B. Adulthood, its content and forms of manifestation in adolescents-fifth graders. D. B. Elkonin. Textbook on child psychology: from baby to teenager: textbook. Edited by G. V. Burmenskaya. 2nd edition, expanded. Moscow: MPSI, 2005. P.323–335.
3. Feldstein D. I. Modern childhood: problems and ways of growing up. Bulletin of practical psychology of education. Moscow: Moscow State Pedagogical University. No. 2 (19) April-June 2009. P.28-32.
4. Polivanova K. N. Childhood in a changing world. Electronic journal Modern foreign psychology. 2016. Volume 5.No. 2. P. 5-10. doi: 10.17759/jmfp.2016050201 ISSN: 2304-4977 (online) URL: http://psyjournals.ru/files/82357/jmfp_2016_n_2Polivanova.pdf (accessed 29.10.2019).
5. Feldstein D. I. Psychology of growing up: structural and content characteristics of the process of personal maturation: Elected. proceedings. Moscow: MPSI; Flinta, 1999. 672p.
6. Polivanova K. N. Periodization of mental development as a problem. Other childhood. Collection of scientific articles. Moscow: MGPPU, 2009. P. 326-339.
7. Postman, N. The Disappearance Of Childhood. Vintage Books, A Division of Random Houses, inc. N. Y, 1994. P. 69.
8. Noxon Ch. Rejuvenile: Kickball, Cartoons, Cupcakes, and the Reinvention of the American Grown-up. N. Y., 2006. 296 p.
9. Yulina N. S. About D. Kennedy's article "Recreating childhood". History of philosophy. Moscow. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 2005. No. 12. P. 170-172.

Information about the author

Natal'ya N. Knyazeva

Cand. Sc. (Biology), Associate Professor. Omsk State Pedagogical University (14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation). E-mail: natalia_kn_2010@mail.ru

© Н. Н. Князева, 2019

О. Л. Осадчук¹, Н. Н. Рыбакова¹

¹Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, г. Омск, Российская Федерация

Развитие у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности

Аннотация. Проблема исследования – развитие у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности. Цель исследования – теоретическое обоснование и опытно-экспериментальная апробация деловых игр как педагогических средств развития у студентов саморегуляции. Использованы субъектный подход к обоснованию исследования саморегуляции как компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности, компетентностный подход к выбору педагогических средств развития саморегуляции. Проведены анкетирование, педагогический эксперимент, психологическое тестирование. Определены критерии развития саморегуляции – регулятивные действия. Представлен сценарий деловой игры, позволяющей студентам осуществлять регулятивные действия. Описаны результаты анкетирования, подтверждающие необходимость формирования у студентов психологической готовности к профессиональной деятельности, а также результаты психологического тестирования, свидетельствующие о положительной динамике саморегуляции вследствие проведения деловых игр. Саморегуляция является компонентом психологической готовности студентов к профессиональной деятельности. Деловые игры оказывают положительное влияние на развитие у студентов саморегуляции.

Ключевые слова: деловая игра, регулятивные действия, саморегуляция, психологическая готовность к профессиональной деятельности.

Дата поступления статьи: 18 мая 2020 г.

Для цитирования: Осадчук О. Л., Рыбакова Н. Н. (2020). Развитие у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 67–74. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.11

Введение. В связи с новым требованием к качеству высшего образования (необходимости развития профессионально значимых качеств субъекта деятельности) осознаётся актуальность формирования у студентов психологической готовности к самостоятельной профессиональной деятельности. Мы разделяем мнение Л. Ю. Субботиной, что готовность характеризует предрасположенность субъекта действовать на достаточно высоком профессиональном уровне [1].

Проблеме формирования психологической готовности к будущей профессиональной деятельности у студентов разных направлений подготовки посвящено значительное количество работ отечественных исследователей [2–6] и зарубежных исследователей [7–9]. В их работах внимание уделяется изучению различных компонентов психологической готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности (мотивационного, когнитивного, операционального, рефлексивного и др.).

Ряд исследователей [8–13] отмечает высокую значимость саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности. Так, И. В. Мешкова предлагает использовать саморегуляцию как критерий личностно-профессионального развития студентов [10].

Исследованию проблемы развития у студентов вуза саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности в настоящее время посвящают свои научные работы, по преимуществу, психологи. Их интересуют вопросы, связанные с изучением корреляции показателей саморегуляции с другими компонентами психологической готовности к профессиональной деятельности, с разработкой форм и

методов психологической помощи студентам в осознании роли саморегуляции в будущей профессиональной деятельности и необходимости её совершенствования в период подготовки и др. Отсюда актуальность исследований, направленных на поиск педагогических средств развития у студентов саморегуляции.

Методология. Объект исследования: процесс развития у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности; предмет исследования: деловые игры как педагогические средства развития у студентов саморегуляции.

Цель исследования: теоретическое обоснование и опытно-экспериментальная апробация деловых игр как педагогических средств развития у студентов саморегуляции. Гипотеза исследования: процесс развития у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности будет результативным, если на учебных занятиях по дисциплинам психолого-педагогической подготовки будут проводиться деловые игры, в ходе которых студенты, решая профессиональные задачи, будут иметь возможность осуществлять регулятивные действия.

Методологическая база исследования:

– субъектный подход (В. И. Моросанова), с позиции которого саморегуляция рассматривается как компонент психологической готовности к профессиональной деятельности, так как «саморегуляция является функциональным средством субъекта и психологическим механизмом, позволяющим ему мобилизовать свои личностные и когнитивные ресурсы для реализации собственной активности» [14, с. 38];

– компетентностный подход (А. А. Вербицкий), с позиции которого деловые игры признаются педагогическими средствами развития у студентов саморегуляции, поскольку в деловых играх, «овладевая нормами компетентных предметных действий и отношений людей в ходе индивидуального и совместного анализа и разрешения «профессионально-подобных» ситуаций, студент развивается как личность, профессионал, член общества» [15, с. 4].

Задачи исследования:

1) осуществить теоретический анализ проблемы развития у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности;

2) разработать сценарии деловых игр по дисциплинам психолого-педагогической подготовки, предполагающие возможность осуществления студентами регулятивных действий, и апробировать их на учебных занятиях;

3) оценить результативность развития у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности.

Программа исследования. Исследование проводилось в Сибирском государственном автомобильно-дорожном университете. В исследовании участвовали 3 преподавателя кафедры инженерной педагогики и 28 студентов-выпускников (12 студентов – очной формы обучения, 16 – заочной формы обучения).

Для изучения теоретического состояния проблемы развития у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности использовались теоретические методы исследования.

Для оценки психологической готовности студентов к профессиональной деятельности проводилось их анкетирование. Была использована разработанная авторами анкета, предполагающая три варианта ответов: «да», «нет», «не знаю, затрудняюсь ответить». Анкетирование проводилось дважды (до и после педагогического эксперимента).

Для апробации в реальном учебном процессе разработанных деловых игр по дисциплинам психолого-педагогической подготовки, позволяющих студентам осуществлять регулятивные действия, проводился педагогический эксперимент.

Критериями развития у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности были выбраны регулятивные действия. Для оценки результативности развития у студентов саморегуляции применялось психологическое тестирование по методике Н. М. Пейсахова [16], включающей 48 вопросов и два варианта ответов: «да» и «нет». Выбор данной методики определялся её возможностью оценить уровень развития у студентов большего числа регулятивных действий по сравнению с методикой В. И. Моросановой. Психологическое тестирование также проводилось дважды (до и после педагогического эксперимента).

Результаты исследования и их интерпретация. Согласно первой задаче исследования было изучено теоретическое состояние проблемы развития у студентов саморегуляции как

компонента психологической готовности к профессиональной деятельности. Анализ литературы показал, что в современной науке под готовностью к профессиональной деятельности понимается интегральное свойство личности. С. Н. Петрова выделяет три составляющих готовности к профессиональной деятельности: специальную, физическую и психологическую [17].

В понимании психологической готовности субъекта к профессиональной деятельности мы опирались на представления К. А. Платонова, который трактует готовность как «результат психологической мобилизации» [18, с. 28].

В своих исследованиях авторы понимают под психологической готовностью к профессиональной деятельности сложный объект. При этом количество и перечень выделяемых компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности у разных авторов различно. Так, Е. В. Гребенникова, Е. Ю. Закотнова в теоретическую модель психологической готовности к профессиональной деятельности включают 3 компонента: когнитивный, эмоциональный и мотивационно-ценностный [4].

И. А. Ганичева, А. В. Мирук структуру психологической готовности к профессиональной деятельности также представляют 3 компонентами: когнитивным, рефлексивным и мотивационным [2].

Т. В. Калинина, А. В. Першина считают, что психологическая готовность к профессиональной деятельности имеет 4-компонентную структуру, содержащую ценностно-мотивационный, учебно-компетентностный, личностный и предметно-функциональный компоненты [19]. Представленная в работе Л. М. Попов, Р. N. Ustin модель психологической готовности к профессиональной деятельности тоже включает 4 блока: блок профессиональной «Я-концепции», блок мотивации, блок личностных свойств и качеств, блок деятельностно-значимых свойств и качеств [20].

Р. Zh. Yerofeyeva, N. E. Pfeyfer, E. A. Basharkina рассматривают психологическую готовность к профессиональной деятельности как целое, состоящее из 5 компонентов: личностно-смыслового, мотивационно-ценностного, информационно-теоретического, эффективно-практического, рефлексивно-оценочного [8].

С точки зрения Р. Д. Санжаевой структура психологической готовности к профессиональной деятельности содержит 5 компонентов: мотивационный, ориентационный, операциональный, волевой и оценочный [21].

По мнению С. В. Кузьминой, психологическую готовность к профессиональной деятельности образуют также 5, но несколько иных компонентов: когнитивный, мотивационно-целевой, операциональный, рефлексивный и ценностно-смысловой [22]. Наконец, Л. Serdiuk, N. Petruchenko предложена 8-компонентная структура психологической готовности к профессиональной деятельности, которая объединяет мотивационный, когнитивный, операционный, личностный, оценочный, целеполагающий, творческий, мобилизующий компоненты [9].

Таким образом, разные концепции психологической готовности к профессиональной деятельности объединяет её признание готовности комплексом компонентов, между которыми имеются функциональные зависимости.

В работе Z. Ke, N. U. Borakova, G. V. Valiullina показано, что психологическая готовность к профессиональной деятельности представляет собой динамическое, т. е. изменяющееся образование [23].

Е. Р. Korablina, N. B. Lisovskaya, S. B. Pashkin, S. M. Shingaev подчёркивают, что динамичный характер психологической готовности выражается в профессиональной деятельности субъекта [24].

У. S. Seryapina выделяет этапы формирования психологической готовности к профессиональной деятельности в соответствии с 3 основными этапами становления личности как субъекта профессиональной деятельности: 1) обучение в начальной и средней школе; 2) профессиональное образование; 3) самостоятельная профессиональная деятельность [25].

О. Aimaganbetova, T. Sagnayevab, M. Zholdassovac, M. Ahmetovad, Zh. Nurbekovae, D. Naurzalina считают, что психологическую готовность будущих специалистов к профессиональной деятельности необходимо формировать в период их обучения в вузе [7].

Ряд исследователей отмечает высокую значимость саморегуляции в психологической готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности. Так, Е. В. Соловьёва указывает, что «успешность учебной и будущей профессиональной деятельности обучающихся во многом определяется уровнем развития осознанной саморегуляции» [12, с. 3].

В работе О. Uhrnyn получены результаты, свидетельствующие о высоком значении способности к саморегуляции в готовности студентов к профессиональной деятельности [26].

И. М. Пучкова, В. В. Петрик в теоретическую модель психологической готовности студентов к профессиональной деятельности включают (помимо мотивационного, эмоционального и оценочного) блок саморегуляции, «который представляет умение эффективно использовать собственные ресурсы для решения профессиональных задач и проявляется в способности успешно ставить цели и достигать их, планировать, распределять время» [11, с. 247].

Л. И. Старовойтова, Э. С. Аришина в качестве одного из путей формирования психологической готовности к профессиональной деятельности предлагают развитие у студентов осознанной саморегуляции [13].

«Произвольная осознанная саморегуляция, по определению В. И. Моросановой, – это системный многоуровневый процесс психической активности человека по выдвижению целей и управлению их достижением» [14, с. 38]. О. Л. Осадчук определяет саморегуляцию как показатель профессионального развития специалиста [27].

Исследователи указывают, что процесс развития саморегуляции по сути является процессом становления субъекта деятельности. В связи с этим формирование психологической готовности к профессиональной деятельности они связывают с созданием специальных педагогических условий, позволяющих студентам сформировать навыки целенаправленной регуляции собственной активности. Так, Л. М. Попов, Р. Н. Устин подчёркивают, что одним из вариантов решения данной про-

блемы является использование в учебном процессе инновационных технологий, при которых студент является субъектом учебно-профессиональной деятельности [20].

Е. М. Иванова предлагает использовать интерактивные методы обучения, направленные на применение полученных знаний в различных профессиональных ситуациях [28].

В исследовании, проведённом И. В. Мешковой, Л. П. Завьяловой, сделан вывод о том, что обучение студентов использованию адаптивных стратегий копинг-поведения может рассматриваться как личностный ресурс формирования психологической готовности к профессиональной деятельности [29].

И. М. Пучкова, В. В. Петрик считают, что для формирования у студентов умений саморегуляции следует использовать психологический тренинг [11].

А. В. Мирук разработана программа формирования психологической готовности у студентов вуза, включающая задачу развития способности к саморегуляции [3].

В работе Л. В. Зубовой, А. Н. Гириной показано, что формирование психологической готовности у будущих специалистов к профессиональной деятельности происходит эффективно при работе над проектом, при проведении работы в командах по решению проблемы, связанной с будущей профессией [5].

Концептуальным основанием развития у студентов саморегуляции может выступать контекстное обучение, обеспечивающее в процессе деловых игр формирование готовности к компетентному выполнению профессиональной деятельности. «Контекстным, – указывает А. А. Вербицкий, – является такое обучение, в котором на языке наук с помощью всей системы традиционных и новых педагогических технологий в формах учебной деятельности, всё более приближающихся к формам профессиональной деятельности, динамически моделируется предметное и социальное содержание профессионального труда. Тем самым обеспечиваются условия трансформации учебной деятельности студента в профессиональную деятельность специалиста» [15, с. 2].

В результате исследования теоретической литературы была осознана необходимость развития у студентов саморегуляции как одного из компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности. В качестве педагогических средств развития у студентов способности к саморегуляции были выбраны деловые игры.

Вторая задача исследования заключалась в разработке сценариев деловых игр по дисциплинам психолого-педагогической подготовки, предполагающих возможность осуществления студентами регулятивных действий, и апробировании их на учебных занятиях. Ниже представлен сценарий одной из деловых игр, проведённых в период педагогического эксперимента.

Учебная дисциплина: «Психология профессионального образования».

Тема деловой игры: «Возрастная психология обучающихся» (демонстрация слайда 1-й презентации).

Место проведения: учебная аудитория.

Длительность игры: 60 мин.

Оборудование: компьютер, проектор, экран, презентация, бланки с заданиями и протоколы для каждой команды.

Ход игры:

1 этап. Подготовка к игре.

Ознакомление ведущим (преподавателем) участников (студентов группы) с целью игры (демонстрация слайда 2-й презентации): формирование способности осуществлять педагогическую деятельность на основе научных знаний о возрастной психологии студентов.

Определение задач игры (устно студентами совместно с преподавателем): обобщить знания о возрастной психологии студентов; сформировать умения применять знания о возрастной психологии студентов для решения практических педагогических задач; развивать профессионально важные качества педагога (педагогическое мышление, эмпатию, рефлексивность).

Ознакомление с регламентом игры (демонстрация слайда 3-й презентации):

Подготовка к игре (10 мин).

Проведение игры (40 мин).

Подведение итогов игры (10 мин).

Ознакомление участников с правилами игры (демонстрация слайда 4-й презентации): во время игры запрещено отказываться от порученной роли, пассивно относиться к игре, подавлять активность других участников игры (смехом, грубостью и т. д.), нарушать регламент игры, использовать ненормативную лексику, пользоваться электронными устройствами, выходить из игры.

Обсуждение критериев оценивания деятельности участников игры (демонстрация слайда 5-й презентации): 1) ориентация в ситуации и установление проблемы; 2) научная психолого-педагогическая обоснованность варианта решения

проблемы; 3) оригинальность решения проблемы; 4) осуществление действий, определяемых ролью; 5) экспертиза решения проблемы, анализ достижения игровой цели.

Формирование игровых команд по 2 человека в команде.

Роли в команде: преподаватель и обучающийся колледжа.

Получение каждой командой бланка с заданием: вы должны прочитать описание конкретной педагогической ситуации; проанализировать эту ситуацию и выделить в ней проблему; сформулировать педагогическую задачу; выбрать конструктивный вариант решения этой задачи; распределить роли в команде; инсценировать в соответствии с выбранными ролями это решение.

2 этап. Проведение игры.

Инсценировка каждой командой по очереди выбранного варианта решения педагогической задачи, которое оценивается ведущим игры (преподавателем) и другими командами (выставляются баллы в протоколы в соответствии с критериями).

3 этап. Подведение итогов игры.

Подсчёт баллов, полученных командами.

Предложение каждой команде обсудить прошедшую игру: указать, что нового они узнали из сегодняшнего занятия, выделить успешные и неудачные решения педагогической задачи, поделиться своими впечатлениями от работы.

Поддержание ведущим игры дискуссии её участников.

Подведение итогов работы команд (выставление оценок).

Объявление об окончании игры.

Третья задача исследования состояла в оценке результативности развития у студентов саморегуляции как компонента психологической готовности к профессиональной деятельности.

Результаты оценки психологической готовности студентов к профессиональной деятельности, полученные с помощью их анкетирования, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты оценки психологической готовности студентов к профессиональной деятельности, %

Вопросы	Форма обучения	Варианты ответов до/после эксперимента		
		«да»	«нет»	«не знаю»
1) Считаете ли вы себя психологически готовыми к профессиональной деятельности?	Очная	80/90	8/4	12/6
	Заочная	74/82	10/3	16/15
	В среднем	77/86	9/3,5	14/10,5
2) Научились ли к завершению вузовского обучения правильно распределять свои силы при выполнении профессиональной деятельности?	Очная	65/71	11/5	24/24
	Заочная	55/62	7/3	38/35
	В среднем	60/66,5	9/4	31/29,5
3) Испытываете ли тревогу, думая о начале предстоящей самостоятельной профессиональной деятельности после окончания вуза?	Очная	16/5	72/91	12/4
	Заочная	26/3	68/95	6/2
	В среднем	21/4	70/93	9/3

Согласно полученным данным, до педагогического эксперимента в среднем 77 % студентов считали, что психологически готовы к профессиональной деятельности. При этом студенты очной формы обучения оценили свою психологическую готовность выше, чем студенты заочной формы обучения.

В то же время лишь в среднем 60 % опрошенных студентов указали, что научились к завершению вузовского обучения правильно распределять свои силы при выполнении профессиональной деятельности.

Достаточно большая часть участвующих в анкетировании студентов (в среднем 21 %) признались, что испытывают тревогу, думая о начале предстоящей самостоятельной профессиональной деятельности после окончания вуза.

Анализ результатов анкетирования показал, что, несмотря на то, что большинство студентов достаточно высоко оценили собственную психологическую готовность к профессиональной деятельности, значительная часть из них не научилась рационально использовать свои силы (внутренние ресурсы) и сохранять при этом эмоциональное равновесие.

Таким образом, результаты анкетирования подтвердили необходимость развития у студентов саморегуляции как одного из компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности.

Результаты развития у студентов саморегуляции, критериями которой выступали регулятивные действия, полученные с помощью психологического тестирования, представлены в таблице 2.

Полученные данные демонстрируют наличие у студентов обеих форм обучения до педагогического эксперимента преимущественно среднего уровня развития регулятивных действий, после педагогического эксперимента – преимущественно высокого уровня.

Из таблицы видно, что более высокие показатели саморегуляции после педагогического эксперимента отмечены у студентов заочной формы обучения по сравнению со студентами очной формы обучения.

Сравнительный анализ показателей развития отдельных регулятивных действий выявил, что у студентов обеих форм обучения после педагогического эксперимента более совершенными оказались действия планирования и самоконтроля. Мы предполагаем, что это можно объяснить спецификой содержания педагогического эксперимента, состоящей в регламентировании деловых игр, т. е. введении организационных положений, обязательных для исполнения участниками. В соответствии с этим у студентов возникала необходимость приведения собственного игрового поведения в соответствии с взятой ролью, подчинения игровых действий определённым правилам, соблюдения временного регламента игры и др.

Согласно данным анкетирования, после педагогического эксперимента в среднем 86 % студентов отметили собственную психологическую готовность к профессиональной деятельности. При этом значительно увеличилось количество студентов, считающих, что они научились к завершению вузовского обучения правильно распределять свои силы при выполнении профессиональной деятельности, а также уменьшилось число студентов, испытывающих тревогу по поводу начала предстоящей самостоятельной профессиональной деятельности после окончания вуза.

Сравнение результатов тестирования с результатами анкетирования позволило сделать вывод, что студенты заочной формы обучения были более критичны в оценке собственной психологической готовности к профессиональной деятельности, чем студенты очной формы. В то же время объективно студенты заочной формы обучения обнаружили более высокий

Таблица 2 – Результаты развития у студентов регулятивных действий, баллы

Регулятивные действия (уровень)	Очная форма обучения	Заочная форма обучения	В среднем
	до / после эксперимента	до / после эксперимента	до / после эксперимента
Анализ ситуации	3 (средний) / 5 (выше среднего)	4 (средний) / 5 (выше среднего)	3,5 (средний) / 5 (выше среднего)
Прогнозирование	3 (средний) / 4 (средний)	3 (средний) / 5 (выше среднего)	3 (средний) / 4,5 (выше среднего)
Целеполагание	4 (средний) / 5 (выше среднего)	3 (средний) / 5 (выше среднего)	3,5 (средний) / 5 (выше среднего)
Планирование	5 (выше среднего) / 6 (высокий)	5 (выше среднего) / 6 (высокий)	5 (выше среднего) / 6 (высокий)
Выработка критериев оценки	3 (средний) / 4 (средний)	3 (средний) / 4 (средний)	3 (средний) / 4 (средний)
Принятие решения	3 (средний) / 4 (средний)	3 (средний) / 5 (выше среднего)	3 (средний) / 4,5 (выше среднего)
Самоконтроль	4 (средний) / 6 (высокий)	4 (средний) / 6 (высокий)	4 (средний) / 6 (высокий)
Коррекция	3 (средний) / 5 (выше среднего)	4 (средний) / 5 (выше среднего)	3,5 (средний) / 5 (выше среднего)
Общий показатель саморегуляции	28 (средний) / 39 (выше среднего)	29 (средний) / 41 (высокий)	28,5 (средний) / 40 (высокий)

уровень развития саморегуляции. Можно предположить, что это объясняется большим опытом студентов заочной формы обучения по организации самостоятельной учебной работы.

Выводы. Исследование процесса формирования психологической готовности студентов вуза к будущей профессиональной деятельности достаточно широко отражено в работах современных исследователей. Саморегуляция признаётся важ-

ным компонентом психологической готовности студентов к профессиональной деятельности. Развитие у студентов саморегуляции может обеспечиваться путём проведения на учебных занятиях деловых игр, в ходе которых студенты будут иметь возможность осуществлять регулятивные действия. Результаты анкетирования и тестирования подтверждают положительное влияние деловых игр на развитие у студентов саморегуляции.

Источники

1. Субботина Л. Ю. Формирование профессиональной готовности студентов к самостоятельной деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. II. С. 295–298. URL: https://www.koob.ru/platonov/short_dictionary
2. Ганичева И. А., Мирук А. В. Развитие психологической готовности студентов к будущей профессиональной деятельности // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2. С. 235–241. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26186945>
3. Мирук А. В. Формирование психологической готовности к профессиональной деятельности студентов-психологов // Приволжский научный вестник. 2014. № 12–4 (40). С. 83–86. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22927195>
4. Гребенникова Е. В., Закотнова Е. Ю. Психологическая готовность студентов-психологов к профессиональной деятельности в условиях инклюзивного образования // Вестник ТПИУ. 2015. № 3 (156). С. 3–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23199546>
5. Зубова Л. В., Гирина А. Н. Формирование психологической готовности специалиста к профессиональной деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 4 (222). С. 134–138. DOI: 10.25198/814-6457-222-34. URL: http://vestnik.osu.ru/2019_4/18.pdf
6. Sadovaya V., Khakhlova O., Reznikov A. The Formation of Professional Readiness of a Social Teacher to Organization of Children's Leisure Time Activities // International Journal of Environmental & Science Education, 2015, no. 10(4), p. 595–602. DOI: 10.12973/ijese.2015.274a. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1081886.pdf>
7. Aimagambetova O., Sagnayevab T., Zholdassovac M., Ahmetovad M., Nurbekovae Zh., Naurzalina D. Empirical Research of Psychological Readiness for Student Psychologists' Professional Activity // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2015, no. 171, p. 190–197. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.106. URL: https://www.researchgate.net/publication/271710650_Empirical_Research_of_Psychological_Readiness_for_Student_Psychologists'_Professional_Activity
8. Yerofeyeva R. Zh., Pfeyfer N. E., Basharkina E. A. Formation of readiness of the physical education teacher of schoolchildren in Kazakhstan // Opción, 2019, vol. 35, no. 90–2, p. 755–771. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41752364>
9. Serdiuk L., Petruchenko N. Characteristic of Different Components Development of Psychological Readiness to Professional Activities For Students with Somatic Disorders // Social Welfare interdisciplinary approach, 2012, no. 2(2), p. 58–69. URL: <http://socialwelfare.eu/index.php/sw/article/view/202>
10. Мешкова И. В. Способность самоуправления как диагностический критерий личностно-профессионального развития студентов педагогического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 1(154). С. 16–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22894077>
11. Пучкова И. М., Петрик В. В. Диагностика психологической готовности студентов к профессиональной деятельности // Учёные записки Казанского университета. 2015. Т. 157. № 4. С. 245–252. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24332706>
12. Соловьёва Е. В. Развитие личностной саморегуляции студентов колледжа в структуре психологической готовности к педагогической деятельности [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 1. URL: <https://ppip.idnk.ru/index.php/-1-2011/3-2011-02-24-12-27-14/-1-2011/37>
13. Старовойтова Л. И., Аришина Э. С. Методика формирования психологической готовности студентов социального университета к профессиональной деятельности // ЦИТИСЭ. 2019. № 2 (19). С. 47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38506017>
14. Моросанова В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 36–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-osobennosti-osoznannoy-samoregulyatsii-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka>
15. Вербицкий А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. № 4. С. 3–6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontekstno-kompetentnostnyy-podhod-k-modernizatsii-obrazovaniya/viewer>
16. Пейсахов Н. М. Методика «Способность самоуправления» [Электронный ресурс] // Мультиурук. URL: <https://karpolya.ru/uploads/psiholog/samoupravlenie.doc> (дата обращения 04.05.2020).
17. Петрова С. Н. Педагогическая технология формирования готовности к профессиональной деятельности у студентов технических вузов // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2010. № 6(64). С. 59–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15002826>
18. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М. : Высшая школа, 1984. 176 с. URL: https://www.koob.ru/platonov/short_dictionary
19. Калинина Т. В., Першина А. В. Проблема формирования психологической готовности студентов-психологов к профессиональной деятельности в условиях вуза // Молодой учёный. 2015. № 11. С. 1728–1730. URL: <https://moluch.ru/archive/91/19751/>
20. Popov L. M., Ustin P. N. (Russia) Formation of psychological readiness for higher educational institutions student professional activity // The Social Sciences. 2015, vol. 10, no. 4, p. 418–420. <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/105845>. DOI: 10.3923 / sscience.2015.418.420. URL: https://www.researchgate.net/publication/286467283_Formation_of_psychological_readiness_for_higher_educational_institutions_student_professional_activity
21. Санжаева Р. Д. Психологическая готовность личности к деятельности как метакатегория // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2012. № 1. С. 127–140. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26330312>
22. Кузьмина С. В. Формирование психологической готовности студентов к эффективной профессиональной деятельности в сфере физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2011. № 10. С. 24–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19326277>
23. Ke Z. (China), Borakova N. U., Valiullina G. V. (Russia) Peculiarities of Psychological Competence Formation of University Teachers in Inclusive Educational Environment // EURASIA Journal of Mathematics Science and Technology Education, 2017, no. 13(8), p. 4701–4713. DOI: 10.12973/eurasia.2017.00947a. URL: <https://www.ejmste.com/article/peculiarities-of-psychological-competence-formation-of-university-teachers-in-inclusive-educational-4901>
24. Korablina E. P., Lisovskaya N. B., Pashkin S. B., Shingaev S. M. (Russia) Psychological Readiness For Professional Activity Of Future Psychologists // Psychological Readiness For Professional Activity Of Future Psychologists // 19th PCSF 2019 Professional Culture of the

Specialist of the Future, 2019, vol. LXXIII, p. 476–484. DOI: 10.15405 / epsbs.2019.12.51. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/19THPCSF2019F051.pdf>

25. Seryapina Y. S. The concept of «Readiness for pedagogical activity»: motivational readiness, psychological readiness, readiness to innovative activity // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2018. Т. 10. № 4. С. 77–86. DOI: 10.14529/ped180410. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/8095-18386-1-SM.pdf>

26. Uhryn O. (Ukraine) Psychological readiness of students to work in a professional field // Journal of Education Culture and Society, 2020, no. 4(2), p. 97–107. DOI: 10.15503/jecs20132.97.107. URL: <https://journals.indexcopernicus.com/search/article?articleId=1126651>

27. Осадчук О. Л. Формирование профессиональной надёжности специалиста // Фундаментальные исследования : Научно-теоретический журнал. 2005. № 1. С. 86–88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10435346>

28. Иванова Е. М. Формирование психологической готовности студентов-психологов к профессиональному становлению // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 1. С. 152–159. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18906093>

29. Мешкова И. В., Завьялова Л. П. Адаптивный копинг как ресурс формирования психологической готовности будущих педагогов к профессиональной деятельности // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2019. № 3 (49). С. 163–171. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2019-49-3-152>. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41223926>

Информация об авторах

Осадчук Ольга Леонидовна

Кандидат педагогических наук, доцент. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ) (644080, РФ, г. Омск, пр. Мира, 5). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1749-6087>, ResearcherID: Q-9198-2018, SPIN-код: 9059-5385, PII Author ID: 401371. E-mail: ool58@mail.ru

Рыбакова Наталья Николаевна

Кандидат педагогических наук, доцент. Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ) (644080, РФ, г. Омск, пр. Мира, 5). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-7572>. E-mail: mat-rb@list.ru

O. L. Osadchuk¹, H. H. Rybakova¹

¹Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, Russian Federation

Self-regulation progress in students as a component of psychological readiness for professional activity

Abstract. In connection with the new requirement for the quality of higher education (the need to develop significant qualities for professional activity), it is urgent to shape students' psychological readiness for independent professional activity considering self-regulation as one of important components. At the same time, the problem of research of pedagogical means for self-regulation progress in students is fixed. In accordance with this, the purpose of the study was to provide theoretical justification and experimental testing of business games as pedagogical means supporting students' self-regulation progress as a component of psychological readiness for professional activity.

The methodological base consists of a subjective approach to substantiate the study of self-regulation as a component of psychological readiness for professional activity, a competency-based approach to choose business games as pedagogical means of students' self-regulation progress. Theoretical and empirical research methods were used (questionnaires, pedagogical experiment, psychological testing). SibADI teachers and students participated in the pedagogical experiment.

A theoretical analysis of the state of the problem of students' self-regulation progress as a component of psychological readiness for professional activity in Russian and foreign pedagogical science was carried out. The criteria for the development of students' self-regulation as a component of psychological readiness for professional activity-regulatory actions were defined. An example of a scenario of a business game in psychological and pedagogical training, tested in a pedagogical experiment, is presented. The article describes the results of a survey confirming the need for students to develop self-regulation as a component of psychological readiness for professional activity, as well as the results of psychological testing, indicating a positive dynamics of self-regulation due to the implementation of regulatory actions in the course of business games.

The study of the process of psychological readiness shaping in University students for future professional activity is widely reflected in the works of modern researchers. Self-regulation is recognized as an important component of students' psychological readiness for professional activity. The development of students' self-regulation can be ensured by conducting business games in educational classes in the disciplines of psychological and pedagogical training, where students will be able to carry out regulatory actions. The conducted experimental work confirmed the positive impact of business games on the development of students' self-regulation; it provides psychological readiness for professional activity.

Keywords: business game, regulatory actions, self-regulation, psychological readiness for professional activity.

Paper submitted: May 18, 2020

For citation: Osadchuk O. L., Rybakova H. H. (2020). Self-regulation progress in students as a component of psychological readiness for professional activity. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 67–74. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.11

References

1. Subbotina L. Yu. Formation of professional readiness of students for independent activity. Yaroslavl pedagogical Bulletin. 2011, vol. II, no. 4, pp. 295–298. (In Russian).
2. Ganicheva I. A., Miruk A. V. Development of students' psychological readiness for future professional activity. Modern research on social problems. 2016, no. 3–2, pp. 235–241. (In Russian).
3. Miruk A. V. Formation of psychological readiness for professional activity of students-psychologists. Privolzhsky scientific Bulletin. 2014, no. 12–4 (40), pp. 83–86. (In Russian).
4. Grebennikova E. V., Zakotnova E. Yu. Psychological readiness of students-psychologists for professional activity in the conditions of inclusive education. Bulletin of TGPU. 2015, no. 3 (156), pp. 3–37. (In Russian).
5. Zubova L. V., Girina A. N. Formation of psychological readiness of a specialist for professional activity. Bulletin of Orenburg state University. 2019, no. 4 (222), pp. 134–138. DOI: 10.25198/814-6457-222-34. (In Russian).
6. Sadovaya V., Khakhlova O., Reznikov A. The Formation of Professional Readiness of a Social Teacher to Organization of Children's Leisure Time Activities. International Journal of Environmental & Science Education. 2015. no. 10(4), pp. 595–602. DOI: 10.12973/ijese.2015.274a. (in English).
7. Aimaganbetova O., Sagnayevab T., Zholdassovac M., Ahmetovad M., Nurbekovae Zh., Naurzalina D. Empirical Research of Psychological Readiness for Student Psychologists' Professional Activity. Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2015, no. 171, pp. 190–197. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.106. (in English).
8. Yerofeyeva R. Zh., Pfeyfer N. E., Basharkina E. A. Formation of readiness of the physical education teacher of schoolchildren in Kazakhstan // Opción, 2019, vol. 35, no. 90–2, pp. 755–771. (in English).

9. Serdiuk L., Petruchenko N. Characteristic of Different Components Development of Psychological Readiness to Professional Activities For Students with Somatic Disorders. Social Welfare interdisciplinary approach, 2012, no. 2(2), pp. 58–69. (in English).
10. Meshkova I. V. Ability of self-government as a diagnostic criterion of personal and professional development of students of a pedagogical University. Bulletin of Tomsk state University. 2015, no. 1(154), pp. 16–21. (In Russian).
11. Puchkova I. M., Petrik V. V. Diagnostics of students' psychological readiness for professional activity. Scientific notes of Kazan University. 2015, vol. 157, no. 4, pp. 245–252. (In Russian).
12. Solov'eva E. V. Development of personal self-regulation of College students in the structure of psychological readiness for pedagogical activity. Available at: <https://ppip.idnk.ru/index.php/-1-2011/3-2011-02-24-12-27-14/-1-2011/37> (accessed 04.05.2020). (In Russian).
13. Starovojtova L. I., Arishina E. S. Methods of formation of psychological readiness of students of social University for professional activity. CYTIS. 2019, no. 2 (19), pp. 47. (In Russian).
14. Morosanova V. I. Individual peculiarities of conscious self-regulation of the arbitrary activity of the person. Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. 2010, no. 1, pp. 36–45. (In Russian).
15. Verbitskiy A. A. Context-competence approach to the modernization of education. Innovative projects and programs in education. 2011, no. 4, pp. 3–6. (In Russian).
16. Pejsahov N. M. The technique is "The Ability of self-government". Available at: <https://karpolya.ru/uploads/psiholog/samoupravlenie.doc> (accessed 04.05.2020). (In Russian).
17. Petrova S. N. Pedagogical technology of formation of readiness for professional activity in students of technical universities. Scientific notes of University named after P. F. Lesgaft. 2010, no. 6(64), pp. 59–63. (In Russian).
18. Platonov K. K. Short dictionary of the system of psychological concepts. Moscow, Higher school, 1984. 176 p. (In Russian).
19. Kalinina T. V., Pershina A. V. The problem of forming psychological readiness of students-psychologists for professional activity in the conditions of higher education. Young scientist. 2015, no. 11, pp. 1728–1730. (In Russian).
20. Popov L. M., Ustin P. N. Formation of psychological readiness for higher educational institutions student professional activity. The Social Sciences. 2015, vol. 10, no. 4, pp. 418–420. <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/105845>. DOI: 10.3923 / ssience.2015.418.420. (in English).
21. Sanzhaeva R. D. Psychological readiness of a person for activity as a metacategory. Bulletin of the Buryat state University. Education. Personality. Society. 2012. no. 1, pp. 127–140. (In Russian).
22. Kuz'mina S. V. Formation of psychological readiness of students for effective professional activity in the field of physical culture and sports. Theory and practice of physical culture. 2011. no. 10, pp. 24–28. (In Russian).
23. Ke Z., Borakova N. U., Valiullina G. V. Peculiarities of Psychological Competence Formation of University Teachers in Inclusive Educational Environment. EURASIA Journal of Mathematics Science and Technology Education, 2017, no. 13(8), pp. 4701–4713. DOI: 10.12973/eurasia.2017.00947a. (in English).
24. Korablina E. P., Lisovskaya N. B., Pashkin S. B., Shingaev S. M. Psychological Readiness For Professional Activity Of Future Psychologists. Psychological Readiness For Professional Activity Of Future Psychologists. 19th PCSF 2019 Professional Culture of the Specialist of the Future, 2019, vol. LXXIII, pp. 476–484. DOI: 10.15405 / epsbs.2019.12.51. (in English).
25. Seryapina Y. S. The concept of «Readiness for pedagogical activity»: motivational readiness, psychological readiness, readiness to innovative activity. Bulletin of the South Ural state University. Series: Education. Pedagogical science. 2018, vol. 10, no. 4, pp. 77–86. DOI: 10.14529/ped180410. (in English)
26. Uhryn O. Psychological readiness of students to work in a professional field. Journal of Education Culture and Society, 2020, no. 4(2), pp. 97–107 DOI: 10.15503/jecs20132.97.107. (in English)
27. Osadchuk O. L. Formation of professional reliability of a specialist. Fundamental study. 2005, no. 1, pp. 86–88. (In Russian).
28. Ivanova E. M. The formation of the psychological readiness of students-psychologists for professional development. Bulletin of the Moscow University, Series 14: Psychology, 2013, no. 1, pp. 152–159. (In Russian).
29. Meshkova I. V., Zav'yalova L. P. Adaptive coping as a resource for forming the psychological readiness of future teachers for professional activity. Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev. 2019. no. 3(49), pp. 163–171. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2019-49-3-152>. (In Russian).

Information about the authors

Olga L. Osadchuk

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. Siberian State Automobile and Highway University (5 Mira Ave., Omsk, 644080, Russian Federation). E-mail: ool58@mail.ru

Natalya N. Rybakova

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. Siberian State Automobile and Highway University (5 Mira Ave., Omsk, 644080, Russian Federation). E-mail: mat-rb@list.ru

© О. Л. Осадчук, Н. Н. Рыбакова, 2020

УДК 378.046.4

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.12

Н. В. Герова¹

¹Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация

Совершенствование содержания курса переподготовки муниципальных служащих в области цифровых технологий при повышении квалификации

Аннотация. Проблема исследования обусловлена противоречием между сложившимися подходами к переподготовке муниципальных служащих в области освоения цифровых технологий, не обеспечивающей обновление содержания курсов, построения моделей учебного процесса в системе повышения квалификации и необходимостью совершенствования содержания дисциплин на курсах повышения квалификации в области использования цифровых технологий в профессиональной деятельности для муниципальных служащих. Цель статьи – выявление особенностей совершенствования содержания курсов переподготовки муниципальных служащих в области использования цифровых технологий в профессиональной деятельности при повышении квалификации. Исследование проводится на основе анализа и обобщения фундаментальных работ в области непрерывного профессионального образования, теории образования взрослых, компетентностного подхода. Результаты заключаются в разработке содержания курсов переподготовки муниципальных служащих в области использования цифровых технологий в профессиональной деятельности при повышении квалификации. Система повышения квалификации является неотъемлемой составной частью непрерывного профессионального образования и представляет собой сложную организационную систему. Совершенствование содержания курсов переподготовки муниципальных служащих в области использования цифровых технологий в профессиональной деятельности, включающее теоретическую и практическую подготовку, обеспечит условия для совершенствования и развития цифровой компетентности служащего муниципального управления. Полученные результаты исследования могут быть использованы в практике организации курсов повышения квалификации для муниципальных служащих в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: квалификационные требования, непрерывное образование, повышение квалификации, муниципальные служащие, цифровая компетенция, цифровые технологии, цифровая экономика.

Дата поступления статьи: 18 мая 2020 г.

Для цитирования: Герова Н. В. (2020). Совершенствование содержания курса переподготовки муниципальных служащих в области цифровых технологий при повышении квалификации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 75–78. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.12

Комплексная модернизация системы органов государственного и муниципального управления, связанная с внедрением цифровых технологий, обуславливает необходимость постоянного повышения квалификации муниципальных служащих. Цифровизация профессиональной деятельности муниципальных служащих представляет собой организационный процесс, направленный на разработку и внедрение цифровой среды, и позволяет оптимизировать трудозатраты и временные ресурсы органов власти различных уровней, взаимодействующих с ними организаций и граждан. В условиях цифровой экономики вопрос о цифровой компетентности муниципальных служащих остаётся открытым, поскольку уровень выпускников вузов не в полной мере соответствует квалификационным требованиям к специалисту, что обуславливает необходимость совершенствования содержания обучения студентов, обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», и муниципальных служащих на курсах повышения квалификации в условиях цифровой экономики.

В ряде нормативных документов Российской Федерации об образовании организация системы повышения квалификации для специалистов в различных сферах является одной из приоритетных задач обеспечения непрерывного образования. В условиях цифровой экономики организация системы повышения

квалификации для муниципальных служащих является одним из главных условий формирования и совершенствования компетенций в области использования цифровых технологий в профессиональной деятельности.

Анализ работ отечественных исследователей в области непрерывного образования (С. Г. Вершловский, А. П. Владиславлев, С. И. Змеев, В. Г. Онушкин и др.) показал, что непрерывное образование является процессом личного, социального и профессионального развития человека на протяжении всей его жизни. Вместе с тем работы отечественных исследователей в основном посвящены переподготовке и повышению квалификации учителей и работников управления образованием.

В исследованиях В. В. Огурцова, В. С. Нурғалиева, В. В. Левшина и др. авторы отмечают, что современная система повышения квалификации претерпевает кардинальные изменения, например: модульное построение программ повышения квалификации; предоставление выбора слушателям (заказчику) и индивидуализация в программах обучения; активное внедрение информационных и коммуникационных технологий в учебный процесс на курсах повышения квалификации, включая элементы дистанционного обучения; проектный подход при выполнении заданий слушателями; компетентностный подход в программах обучения; формирование заказа на повышение квалификации и т. д.

В ряде научных исследований (В. В. Сериков, Д. Равен, Г. К. Селевко и др.) рассматриваются основные положения компетентностного подхода в образовании. Авторами приводятся определения компетентности и компетенции, классификация ключевых компетенций, среди которых обязательной составляющей является информационная или информационно-коммуникационная компетентность (ИКТ-компетентность).

Анализ ряда исследований в области формирования ИКТ-компетентности (Л. Л. Босова, Я. А. Ваграменко, Ю. А. Варданын, А. А. Кузнецов, М. П. Лапчик, О. Г. Смолянинова, Е. А. Ракитина, И. В. Роберт и др.) показал, что она понимается как комплекс качеств личности, обеспечивающих гибкость; готовность личности быстро приспосабливаться к любым изменениям в профессиональной деятельности в условиях информатизации; интеграцию идей из одной области в другую; стремление к творческому самовыражению и является необходимым условием для решения профессиональных задач. При этом основное внимание уделяется формированию и совершенствованию ИКТ-компетентности учителей и специалистов в области управления образованием.

Исследуя проблему организации курсов повышения квалификации для муниципальных служащих, можно констатировать, что на современном этапе цифровизации экономики наиболее актуальным является обновление содержания образовательных программ; совершенствование форм и методов обучения в системе повышения квалификации для муниципальных служащих. Однако сложившиеся подходы к организации курсов повышения квалификации для муниципальных служащих в области формирования цифровых компетенций не позволяют в полной мере обеспечить должного взаимодействия на базе средств цифровых технологий между органами государственной, муниципальной власти, гражданами (электронное правительство; государственные, муниципальные информационные системы; интерактивные службы и т. д.); удовлетворение потребности слушателей в актуальной и своевременной информации адекватно развитию средств цифровых технологий; обновление содержания курсов, построения моделей учебного процесса в системе повышения квалификации.

Одной из стратегических целей государственной политики является создание современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров, в том числе и для муниципальных служащих, в соответствии с требованиями цифровой экономики, современными потребностями общества и каждого гражданина. Повышение требований к уровню подготовки и квалификации муниципальных служащих обуславливает необходимость обновления знаний, совершенствования навыков и освоения ими новых способов решения профессиональных задач в условиях цифровой экономики.

Система повышения квалификации представляет собой сложную организационную систему, является составной частью непрерывного профессионального образования и должна отвечать следующим требованиям: адаптивность – подразумевает способность системы сохранять свои функции с целью обеспечения планируемого результата обучения в условиях развития

научно-технического прогресса и цифровой экономики при разработке образовательных программ; мобильность системы – подразумевает использование современных средств, способов и организационных форм организации образовательного процесса; мультивариативность системы подразумевает различные виды программ повышения квалификации в зависимости от сроков их прохождения, например краткосрочные (не менее 72 часов), тематические и проблемные семинары (от 72 до 100 часов); длительные (свыше 100 часов) программы обучения.

На ступени последиplomного образования осуществляется совершенствование профессиональной подготовки через повышение квалификации, основной задачей которого является совершенствование профессионализма для служащих муниципального управления. В. И. Байденко выделяет следующие социально-экономические причины, которые требуют активного развития образования в течение всей жизни: ускорение темпов глобализации; стремительный научно-технический прогресс, ведущий к развитию общества знаний; изменение характера труда, вызывающее необходимость постоянного совершенствования и обновления компетенций; растущая поляризация между интеллектуальными работниками и лицами, не имеющими достаточного уровня знаний; необходимость социальной ответственности человека и т. д. [1]. Вслед за И. О. Котляровой под системой повышения квалификации будем понимать специально организованный процесс, включающий деятельность, взаимодействия и соответствующие средства, благоприятствующие развитию квалификации служащего, реализуемый субъектами, наделёнными соответствующими компетенциями [2]. Целью повышения квалификации муниципальных служащих является создание условий для реализации права каждого слушателя на образование в соответствии с его потребностями и возможностями в соответствии с требованиями цифровой экономики. Потребность в повышении квалификации служащих муниципального управления в области использования средств цифровых технологий в профессиональной деятельности обусловлена как внутренними, так и внешними обстоятельствами: требования работодателя к повышению уровня образованности; внедрение таких цифровых ресурсов, как государственные услуги, электронное правительство, государственные и муниципальные информационные системы, интерактивные службы взаимодействия государства с гражданами и т. д.; необходимость освоения современных методов решения профессиональных задач; личная потребность слушателя в самообразовании и т. д.

Дополнительные профессиональные программы реализуются на базе организаций дополнительного профессионального, высшего образования, научных и иных организаций, осуществляющих обучение. При организации курсов повышения квалификации применяется индивидуальный подход, при котором определяются конкретные цели и задачи, стоящие перед слушателями. В целом повышение квалификации представляет собой планируемый и управляемый систематический процесс, направленный на совершенствование знаний, умений, взглядов и производительности труда на уровне отдельного сотрудника, рабочей группы и всей организации [3]. В Федеральных государственных стандартах к

дополнительным профессиональным образовательным программам требования не предусмотрены, однако федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, могут устанавливать специальные квалификационные требования к служащим в соответствии с профессиональной деятельностью. Так, в приложении к Приказу Министерства информационных технологий и связи Российской Федерации от 27 декабря 2005 г. № 147 описываются квалификационные требования к государственным и муниципальным служащим Российской Федерации в области использования информационных технологий. Основными целями и принципами построения системы квалификационных требований в данном приложении являются ориентация на знания и навыки использования технологий общего пользования; ориентация на знания и навыки, необходимые конечным пользователям; модульность структуры перечня требований; наличие нескольких уровней квалификационных требований; независимость от производителей программного и аппаратного обеспечения; соблюдение одновременности требований к теоретическим знаниям и к практическим навыкам. Одной из особенностей квалификационных требований к государственным и муниципальным служащим в области цифровых технологий является модульность структуры, что позволяет учитывать специфику деятельности служащих федеральных и муниципальных органов [4].

При составлении квалификационных требований для специалистов, замещающих определённые должности, формирование программ повышения квалификации основано на модульном принципе, что позволяет изменять структуру и содержание программы в зависимости от поставленной цели обучения. Формирование цифровой компетентности будущих государственных и муниципальных служащих происходит на ступени обучения в вузе. Однако не в полной мере обеспечивается за счёт низкого уровня связи теории и практики (энциклопедичность знаний); недостаточной мотивации студентов; высокой стоимости внедрения программных продуктов управления и т. д. Совершенствованию цифровой компетентности служащих муниципального управления способствует разработка и внедрение в систему непрерывного образования – курса повышения квалификации «Цифровые технологии в муниципальном управлении». При разработке курса «Цифровые технологии в муниципальном управлении» будем опираться на традиционные (целостности, последовательности, научности, наглядности и т. д.) и следующие специфические принципы: периодичности проведения курса, который предполагает модернизацию структуры и содержания курса адекватно развитию технических средств и программного обеспечения; интеграции с практикой, которая предполагает использование современного программного обеспечения, взаимосвязь теоретических знаний в области управления и цифровых технологий; вариативности образовательных форм и методов, которые предполагают внедрение модульной системы обучения; изби-

рательности при выборе учебных программ, форм и видов получаемого образования, который предполагает отбор методов, форм и программ, наиболее соответствующих целям и задачам конкретного курса повышения квалификации.

При разработке курса повышения квалификации «Цифровые технологии в муниципальном управлении» учитывалось следующее: теоретический и практический материал разбит на модули, содержание которых соответствует уровням подготовки служащих муниципального управления «базовому», «расширенному» и «специальному», и последовательно преподаётся слушателям; учитываются различные виды восприятия информации слушателями; внедрение практических примеров из опыта применения цифровых технологий в профессиональной деятельности; описывается взаимосвязь курса с профессиональной деятельностью служащего муниципального управления и т. д.

Курс «Цифровые технологии в муниципальном управлении» содержит базовый и два вариативных модуля с предоставлением выбора дисциплин, причём без изучения базового модуля невозможно освоение вариативных модулей. Для каждого модуля семантические единицы определены с учётом логики построения всего курса повышения квалификации и возможностей слушателей усваивать материал последовательно, логично, осмысленно и глубоко. Объём курса составляет 144 часа с возможностью увеличения количества часов в зависимости от запросов организации и группы слушателей.

Модуль 1. Базовый модуль (24 часа лекции, 56 часов лабораторные работы). Офисные технологии в профессиональной деятельности.

Модуль 2. Вариативный модуль (12 часов лекции, 28 часов лабораторные работы). Управление проектами в деятельности муниципальных служащих. Предоставляется возможность выбора одной из дисциплин: Использование локальных и глобальных сетей в профессиональной деятельности; Специализированное программное обеспечение в проектной деятельности.

Модуль 3. Вариативный модуль (12 часов лекции, 28 часов лабораторные работы). Цифровые технологии в профессиональной деятельности муниципальных служащих. Предоставляется возможность выбора одной из дисциплин: Информационные системы в государственном и муниципальном управлении; Анализ данных в профессиональной деятельности; Информационная безопасность в условиях цифровой экономики.

В результате обучения служащий муниципального управления овладеет следующими цифровыми компетенциями:

- способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения;
- способностью применять методы математической обработки информации, теоретического и экспериментального исследования;
- готовностью использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, работать с компьютером как средством управления информацией;
- способностью работать с информацией в локальных и глобальных компьютерных сетях;
- способностью использовать знания в области цифровых технологий при решении профессиональных задач;

– способностью самостоятельно приобретать новые знания и умения и использовать в практической деятельности, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных с профессиональной деятельностью;

– готовностью исследовать, проектировать, организовывать и оценивать реализацию управленческого процесса с использованием цифровых технологий управления, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития управляемой системы;

– владеть современными технологиями управления проектами и проектной деятельности на базе цифровых технологий;

– соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны.

В заключение отметим, что система повышения квалификации является неотъемлемой составной частью непрерывного профессионального образования и представляет собой сложную ор-

ганизационную систему. Совершенствование содержания курсов переподготовки муниципальных служащих в области использования цифровых технологий в профессиональной деятельности, включающее теоретическую и практическую подготовку, обеспечит условия для совершенствования и развития цифровой компетентности служащего муниципального управления. Полученные результаты исследования могут быть использованы в практике организации курсов повышения квалификации для муниципальных служащих в условиях цифровой экономики. Целенаправленное обучение муниципальных служащих при повышении квалификации в области применения цифровой экономики в профессиональной деятельности, включающее теоретическую и практическую подготовку, обеспечит условия для совершенствования цифровой компетентности служащего муниципального управления, а также её развития в дальнейшей профессиональной деятельности.

Источники

1. Болонский процесс: 2007–2009 годы. Между Лондоном и Левеном / Лувен-ла-Невом / Под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора В. И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 302 с.
2. Котлярова И. О. Инновационные системы повышения квалификации: монография. Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2008. 320 с.
3. Шорникова Н. Ю. Система повышения квалификации. Инновационный подход: монография. М.: ЮНИТИДАНА: Закон и порядок, 2011. 143 с.
4. Приложение к Приказу Министерства информационных технологий и связи Российской Федерации от 27 декабря 2005 г. № 147. platonov/short_dictionary

Информация об авторе

Герова Наталья Викторовна

Доктор педагогических наук, профессор кафедры информатики, вычислительной техники и методики преподавания информатики. Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (390000, РФ, г. Рязань, ул. Свободы, 46). E-mail: nat.gerova@gmail.com

N. V. Gerova¹

¹Ryazan State University named after S. A. Esenin, Ryazan, Russian Federation

Course content improvement for municipal employees retraining in the field of digital technologies at professional development courses

Abstract. The problem of the study is determined by a contradiction between the existing approaches to municipal employees retraining in the field of digital technology, they do not ensure the updating of the courses content, the construction of the educational process models in the system of advanced training and the need to improve the content of disciplines at professional development courses in the field of digital technologies use in professional activities for municipal employees. The purpose of the article is to identify the peculiarities of the retraining courses content improvement for municipal employees in the field of digital technologies use in professional activity.

The study is carried out basing on analysis and generalization of fundamental works in the field of continuous vocational education, theory of adult education, competency approach.

The results consist in the content design of municipal employees retraining courses in the field of digital technologies use in professional activities at professional development courses.

The system of professional development courses is an integral part of continuing vocational education and is a complex organizational system. Content improvement of the of municipal employees retraining courses in the field of digital technologies in professional activity (including theoretical and practical training) will provide conditions for improvement and development of digital competence of municipal administration employees. The results of the study can be used in the practice of professional development course organization for municipal employees in the digital economy conditions.

Keywords: qualification requirements, continuing education, advanced training, municipal employees, digital competence, digital technologies, digital economy.

Paper submitted: May 18, 2020

For citation: Gerova N. V. (2020). Course content improvement for municipal employees retraining in the field of digital technologies at professional development courses. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 75–78. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.12

References

1. The Bologna process: 2007–2009. Between London and Leuven. Louvain-la-Neuve. Under the scientific editorship of Doctor of pedagogical sciences, Professor V. I. Baidenko. Moscow: Research Center for the Problems of Quality of Training of Specialists, 2009. 302 p.
2. Kotlyarova I. O. Innovative systems for continuing education: a monograph. Chelyabinsk, 2008. 320 p.
3. Shornikova N. Yu. Further education system. Innovative Approach: Monograph. M.: UNITIDANA: Law and Order, 2011. 143 p.
4. The Appendix to the Order of the Ministry of Information Technologies of the Russian Federation of December 27, 2005 No. 147.

Information about the author

Natalia V. Gerova

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Department of Informatics, Computer Engineering and Methods of Computer Science Teaching Ryazan State University named after S. A. Esenin (46 Liberty st., Ryazan, 390000, Russian Federation). E-mail: nat.gerova@gmail.com

УДК 378:004

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.13

Е. А. Носков¹

¹Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, г. Москва, Российская Федерация

Принципы подготовки студентов в области обеспечения национальной безопасности в образовании в контексте информатизации образования

Аннотация. В современных условиях развития информатизации образования принципиальное значение приобретает подготовка студентов в области обеспечения национальной безопасности в сфере образования, что требует построения соответствующей системы учебного содержания и обоснования принципов подготовки студентов к профессиональной деятельности. Исходными положениями в определении методических и дидактических требований к формированию и развитию компетенций являются дидактические и методические принципы, выделенные В. В. Краевским, В. С. Ледневым, А. М. Пышкало, В. А. Сластениным, а также дидактико-технологическая парадигма информатизации образования. В результате выделяются и обосновываются основные и дополнительные методические принципы отбора содержания дидактического материала в контексте развития информатизации образования в соответствии с основными направлениями подготовки студентов в области обеспечения национальной безопасности в сфере образования.

Ключевые слова: подготовка студентов в области обеспечения национальной безопасности в сфере образования; развитие информатизации образования; принципы подготовки студентов в области обеспечения национальной безопасности в образовании.

Дата поступления статьи: 1 июня 2020 г.

Для цитирования: Носков Е. А. (2020). Принципы подготовки студентов в области обеспечения национальной безопасности в образовании в контексте информатизации образования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 78–83. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.13

Проблема и цель. Согласно основополагающим понятиям дидактика рассматривается как части педагогики, разрабатывающей теорию обучения, его закономерности, принципы, цели, содержание, организационные формы, методы и средства, обучения и достигаемые результаты [1]. Под «принципами обучения», вслед за О. В. Насс [2, с. 195], будем понимать основополагающие дидактические положения, отражающие закономерности образовательного процесса и определяющие развитие личности обучающегося; при этом они могут выступать в качестве базовых требований к практической организации образовательного процесса.

Методология. В настоящее время идет развитие дидактики периода информатизации образования, характерные особенностями которого связаны с использованием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательных целях. При условии, что применение ИКТ осуществляется адекватно научно-техническим достижениям информатизации, массовой глобальной сетевой коммуникации современного общества конца XX – начала XXI века. [1].

В современной интерпретации (И. В. Роберт, О. В. Насс, Н. В. Герова и др.) содержание педагогической науки в условиях информатизации образования рассматривается как система знаний о процессах обучения, воспитания в условиях реализации дидактических возможностей ИКТ и при обеспечении социально-психологических, педагогико-технологических и здоровьесберегающих условий их использования в образовательном процессе адекватно требованиям современного информационного общества массовой коммуникации и глобализации.

Результаты. Адекватно дидактическим подходам, разработанным В. В. Краевским [3], В. С. Ледневым [4], А. М. Пышкало [5], В. А. Сластениным [6, 7], в соответствии с позициями

современной дидактики в условиях информатизации образования перейдем к формулированию основных и дополнительных принципов подготовки студентов в области обеспечения национальной безопасности в сфере образования

К основным принципам отнесём традиционные принципы, в соответствии с особенностями современной дидактики периода информатизации образования:

- принцип соответствия содержания подготовки современному уровню фундаментальных и прикладных исследований науки, техники, технологии, развивающихся в информационном обществе периода массовой коммуникации и глобализации;
- принцип единства содержания подготовки современным методам, формам и средствам обучения, реализующим возможности ИКТ, в процессе обучения;
- принцип структурного единства содержания подготовки на разных уровнях его формирования;
- принцип фундаментализации содержания подготовки адекватно современным достижениям научно-технического прогресса в области использования средств ИКТ в современном обществе массовой сетевой коммуникации и глобализации;
- принцип гуманизации содержания подготовки, ориентация на социальные и личностные потребности обучающихся;
- принцип доступности и посильности усвоения содержания подготовки на основе дифференциации и индивидуализации обучения.

На основе вышеперечисленных основных принципов и в соответствии с основными направлениями подготовки студентов в области обеспечения национальной безопасности в сфере образования, а также учитывая теоретико-методические подходы к структуре и содержанию подготовки кадров в условиях информа-

тизации образования (И. В. Роберт, О. А. Козлов, М. В. Лапенков, Е. В. Лопанова, О. В. Насс, Л. П. Мартиросян и др.), сформулируем дополнительные принципы подготовки студентов в области обеспечения национальной безопасности в сфере образования.

1. Принцип опережающего характера подготовки предполагает определение условий реструктурирования содержания подготовки в соответствии с отходом от линейных форм представления учебного материала и введением организационных форм и методов обучения, ориентированных на:

- реализацию содержательного потенциала информационных ресурсов Интернет образовательного назначения;
- применение баз и банков учебно-методической информации, использование информационных систем образовательного назначения.

Реализация принципа опережающего характера подготовки предполагает опережающее образование, когда при анализе тех или иных аспектов подготовки в условиях информатизации образования делается прогноз их развития на ближайшие годы и уже с учетом этого оцениваются их возможные применения в образовании. При этом предполагается непрерывное самосовершенствование обучающегося в области владения ИКТ в контексте обеспечения национальной безопасности в сфере образования при учете следующих позиций:

- реализация возможностей систем искусственного интеллекта при использовании экспертных систем, базы данных, базы знаний, ориентированных на некоторую профессиональную предметную область;
- использование современных средств коммуникаций, реализующих информационное взаимодействие и общения через социальные сети, в информационно-образовательной среде, в информационно-образовательном пространстве.

Таким образом, принцип опережающего характера подготовки обеспечивает соответствие содержания подготовки перспективам развития средств ИКТ на перспективу.

2. Принцип модульности содержания подготовки предполагает реализацию базовой и углубленной подготовки, в том числе дифференцированного подхода к подготовке на основе блочно-модульной структуры построения программ обучения, которая имеет следующие особенности:

- отражение состояния процесса информатизации и глобальной массовой коммуникации современного общества;
- отражение основных компонентов информационной деятельности современных обучающихся в области использования информационных и коммуникационных технологий;
- обеспечение основы для самостоятельного повышения уровня знаний и умений в области использования современных информационных и коммуникационных технологий.

Блочно-модульный подход к разработке программ учебных курсов, обеспечивающих подготовку в области обеспечения национальной безопасности в сфере образования при активном использовании информационных и коммуникационных технологий основывается на следующих особенностях:

- каждое направление подготовки представлено в виде отдельного блока;
- каждый блок представлен в виде модулей, отражающих конкретные темы, подлежащие изучению;
- построенная программа обучения из набора модулей учитывает требования к подготовке студента на конкретном этапе его обучения с элементами опережающей подготовки;
- содержание блоков может быть скорректировано в зависимости от личных предпочтений и возможностей обучающихся;
- различные комбинации модулей могут быть использованы для обучения на различных этапах подготовки;
- обеспечивается открытость программ базовой и профильной подготовки для внесения новых направлений обучения – блоков и корректировка содержания обучения (модулей);
- дифференцированность подготовки, её ориентация на личностные предпочтения, профессиональные потребности и особенности обучающегося.

Таким образом, принцип модульности позволяет реализовать профильную дифференциацию подготовки обучающихся в области национальной безопасности в сфере образования с учетом будущей профессиональной деятельности. Принцип модульности подготовки позволяет менять структуру и содержание подготовки с учетом уровня подготовки студента, количества часов, выделенных на подготовку; позволяет совершенствовать структуру и содержание подготовки в соответствии с совершенствованием средств ИКТ, обеспечивает профильную дифференциацию подготовки.

3. Принцип прикладной направленности подготовки предполагает обеспечение самостоятельных практических действий для осуществления информационной деятельности и информационного взаимодействия при четком понимании конкретных целей и задач учебной деятельности, при самостоятельном выборе способа информационной деятельности. Реализация этого принципа предполагает практическую организацию образовательного процесса, ориентированного на реализацию содержательных аспектов национальной безопасности в сфере образования: государственных стратегических целей обеспечения национальной безопасности; информационной безопасности субъектов образовательного процесса; условий сохранения физического и психического здоровья обучающихся-пользователей ИКТ; интеллектуализации образовательной деятельности субъектов образовательного процесса; легитимной педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ, удовлетворяющей педагогико-эргономическим требованиям. Реализация этого принципа предполагает обучение студентов всех специальностей основным содержательным направлениям в области обеспечения национальной безопасности в сфере образования через создание курса подготовки и привлечения компетентного подхода к оценке знаний, умений в заявленной области и опыта их реализации.

Реализация этого принципа направлена на:

- организацию и осуществление, стимулирование и мотивацию учебно-познавательной деятельности обучающихся в условиях осуществления информационной деятельности по сбору, хранению, передаче, обработке, продуцированию, тиражированию информации;

– контроль и самоконтроль ее результатов и эффективности при использовании развивающего социокультурного потенциала.

4. Основываясь на практико-ориентированном подходе к формированию компетентности [2], реализуемом посредством выявления практических аспектов учебного процесса на основе формирования совокупности знаний, умений и опыта различных видов учебной деятельности, сформулируем принцип практико-ориентированной направленности подготовки в области национальной безопасности в сфере образования. Согласно данному принципу, при формировании содержания подготовки необходимо учитывать требования, связанные с будущей профессиональной деятельностью студента и с существующими государственными образовательными стандартами ПО, а также с необходимостью учитывать общие тенденции развития содержания преподаваемых дисциплин при включении в них тех или иных содержательных аспектов национальной безопасности в сфере образования.

5. В исследовании В. А. Шершневой [8] выделяются принципы: профессионального контекста (последовательного моделирования в обучении различным предметам контекста профессиональной деятельности выпускника той или иной специальности); и прикладной значимости (связи учебного материала с практическими вопросами, выходящими за пределы предметного поля той или иной учебной дисциплины). В работе О. А. Булавенко [9] подчеркивается, что накопленные знания должны образовывать систему, а новые знания должны войти в контакт с уже усвоенными предметными представлениями. Автор утверждает, что если связей нет или их недостает, то нет ассоциации, а знания могут быть использованы лишь для экзаменов или сдачи ЕГЭ, но не для решения прикладных задач.

Основываясь на исследованиях О. А. Булавенко, О. В. Насс, В. А. Шершневой, сформулируем принцип профессиональной ориентации обучения в контексте обеспечения национальной безопасности в сфере образования. При этом для реализации этого принципа необходима разработка программ-образцов, обеспечивающих их соответствие основным направлениям обеспечения национальной безопасности в сфере образования.

6. Принцип обеспечения единства способов доступа к образовательным ресурсам, обмену, передаче и транслированию информации предполагает, что применяемые технологические решения должны обеспечивать доступ к образовательным ресурсам в любое удобное субъектам учебного процесса, для управления учебным процессом и контроля достижений обучающихся, ведения базы данных по проблемам национальной безопасности в сфере образования. Этот принцип предполагает предоставление образовательного ресурса в соответствии со статусом субъекта образовательного процесса (обучающий или обучающийся) и предполагает совместное использование образовательных ресурсов субъектами образовательного процесса.

7. Принцип обеспечения единства форм и методов осуществления информационного взаимодействия с субъектами образовательного процесса предполагает, что применяемые

технологические решения должны обеспечивать обучающимся и обучающим оперативность их коммуникации согласно установленным регламентам как на основе ИКТ, так и совместно с традиционными технологиями и методами обучения, принятыми в образовательной организации. При этом средства коммуникации, обеспечивающие информационное взаимодействие как между субъектами образовательного процесса, так и между ними и интерактивным электронным образовательным ресурсом в области национальной безопасности в сфере образования, унифицированы по формированию структуры электронного образовательного ресурса, выбору типа представления учебных материалов, режимам доступа к ним, выполнение действий с учебными и учебно-методическими материалами.

Представим в виде таблицы реализацию принципов в содержательной и в методической составляющих подготовки как отражение основных направлений подготовки (Основные положения Государственных документов и материалов по стратегическим целям национальной безопасности в сфере образования; Теории обучения современного периода развития образования на базе цифровых информационных технологий; Интеллектуализация учебной деятельности субъектов образовательного процесса; Информационная и технологическая безопасность личности в условиях сохранения здоровья субъектов образовательного процесса; Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе информационных и коммуникационных технологий).

Выводы. Таким образом, формирование структуры и содержания подготовки студентов всех специальностей в области национальной безопасности в сфере образования строится на базе основных принципов (соответствия содержания подготовки современному уровню фундаментальных и прикладных исследований науки, техники, технологии, развивающихся в информационном обществе периода массовой коммуникации и глобализации; единства содержания подготовки современным методам, формам и средствам обучения, реализующим возможности ИКТ, в процессе обучения; структурного единства содержания подготовки на разных уровнях его формирования; фундаментализации содержания подготовки адекватно современным достижениям научно-технического прогресса в области использования средств ИКТ в современном обществе массовой сетевой коммуникации и глобализации; гуманизации содержания подготовки, ориентация на социальные и личностные потребности обучающихся; доступности и посильности усвоения содержания подготовки на основе дифференциации и индивидуализации обучения) и дополнительных принципов (опережающего характера подготовки, модульности содержания подготовки, прикладной направленности подготовки, практико-ориентированной направленности подготовки, профессиональной ориентации обучения в контексте обеспечения национальной безопасности в сфере образования, обеспечения единства форм и методов осуществления информационного взаимодействия с субъектами образовательного процесса).

Раздел 2. Педагогические науки

№	Принципы подготовки студентов в области обеспечения национальной безопасности в образовании	Реализация принципов в основных направлениях подготовки	Реализация принципов в содержательной составляющей подготовки	Реализация принципов в методической составляющих подготовки
1.	Опережающего характера подготовки	– Теории обучения современного периода развития образования на базе цифровых информационных технологий – Интеллектуализация учебной деятельности субъектов образовательного процесса – Информационная и технологическая безопасность личности в условиях сохранения здоровья субъектов образовательного процесса	– Теории обучения современного периода развития образования на базе цифровых информационных технологий – Интеллектуализация учебной деятельности субъектов образовательного процесса	Информационная и технологическая безопасность личности в условиях сохранения здоровья субъектов образовательного процесса
2.	Модульности содержания подготовки	– Основные положения Государственных документов и материалов по стратегическим целям национальной безопасности в сфере образования – Информационная и технологическая безопасность личности в условиях сохранения здоровья субъектов образовательного процесса – Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ	Информационная и технологическая безопасность личности в условиях сохранения здоровья субъектов образовательного процесса	Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ
3.	Прикладной направленности подготовки	– Основные положения Государственных документов и материалов по стратегическим целям национальной безопасности в сфере образования – Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ	Информационная и технологическая безопасность личности в условиях, сохранения здоровья субъектов образовательного процесса	– Основные положения Государственных документов и материалов по стратегическим целям национальной безопасности в сфере образования; – Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ
4.	Практико-ориентированной направленности подготовки	– Основные положения Государственных документов и материалов по стратегическим целям национальной безопасности в сфере образования – Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ		– Основные положения Государственных документов и материалов по стратегическим целям национальной безопасности в сфере образования; – Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ
5.	Профессиональной ориентации обучения в контексте обеспечения национальной безопасности в сфере образования	– Интеллектуализация учебной деятельности субъектов образовательного процесса; – Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ	Интеллектуализация учебной деятельности субъектов образовательного процесса	Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ
6.	Обеспечения единства способов доступа к образовательным ресурсам	– Интеллектуализация учебной деятельности субъектов образовательного процесса – Информационная и технологическая безопасность личности в условиях сохранения здоровья субъектов образовательного процесса	Интеллектуализация учебной деятельности субъектов образовательного процесса	Информационная и технологическая безопасность личности в условиях сохранения здоровья субъектов образовательного процесса
7.	Обеспечения единства форм и методов осуществления информационного взаимодействия с субъектами образовательного процесса	– Теории обучения современного периода развития образования на базе цифровых информационных технологий – Интеллектуализация учебной деятельности субъектов образовательного процесса; – Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ	Теории обучения современного периода развития образования на базе цифровых информационных технологий	Педагогико-эргономические требования к педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ

Источники

1. Роберт И. В. Дидактика эпохи цифровых информационных технологий // Профессиональное образование. 2019. № 3. С. 16–26.
2. Насс О. В. Теоретико-методические основания формирования компетентности преподавателей в области создания электронных образовательных ресурсов: на базе адаптивных инструментальных комплексов : Дисс. ... доктора пед. наук. М.: 2013. 374 с.
3. Краевский В. В. Методология педагогического исследования : Пособие для педагога-исследователя. Самара, 1994. 165 с.
4. Леднев В. С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы. М.: Высшая школа, 1991. 224 с.
5. Пышкало А. М. Методическая система обучения геометрии в начальной школе : Авторский доклад по монографии «Методика обучения элементам геометрии в начальных классах», представленной на соискание ... д-ра пед. наук. М.: Академия пед. наук СССР, 1975. 60 с.
6. Сластенин В. А. Подготовка педагогических кадров: опыт, проблемы, перспективы// Формирование личности учителя в системе высшего педагогического образования. М.: 1981. 235 с.
7. Сластенин В. А., Подымова Л. С. Педагогика: Инновационная деятельность. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. 224 с.
8. Шершнева В. А. Формирование математической компетентности студентов инженерного вуза на основе полипарадигмального подхода : Дисс. ... д-ра пед. наук. Красноярск, 2011. 401 с.
9. Булавенко О. А. Проектирование содержания и технологии непрерывного экономического образования в профессиональных учебных заведениях : Дисс. ... д-ра пед. наук. Брянск, 2007. 434 с.

Информация об авторе

Носков Евгений Алексеевич

Кандидат военных наук. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (127994, РФ, г. Москва, Садовая-Сухаревская ул., 16, К-51, ГСП-4). E-mail: ensv73@yandex.ru

E. A. Noskov¹

¹Federal Education and Science Supervision Agency, Moscow, Russian Federation

Principles of students training in the field of national security in education in the context of education informatization

Abstract. In modern conditions of education informatization development, the students training in the field of national security in education is of fundamental importance, it requires the construction of an appropriate system of educational content and justification of the principles of students training for professional activities.

The starting points in the definition of methodological and didactic requirements for the formation and development of competencies are the didactic and methodological principles highlighted by V.V. Kraevsky, V.S. Lednev, A.M. Pyshkalo, V.A. Slastenin, as well as the didactic-technological paradigm of education informatization.

The main and additional methodological principles of selecting the didactic material content in the context of education informatization development in accordance with the main directions of training students in the field of ensuring national security in education are identified and substantiated.

Keywords: students training in the field of national security in education; education informatization development; principles of training students in the field of national security in education.

Paper submitted: June 1, 2020

For citation: Noskov E. A. (2020). Principles of students training in the field of national security in education in the context of education informatization. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 78–83. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.13

References

1. Robert I. V. Didactics of the era of digital information technology. Professional Education. 2019, no. 3, p. 16–26.
2. Nass O. V. Theoretical and methodological grounds for the formation of teachers' competence in the field of creating electronic educational resources: on the basis of adaptive instrumental complexes: Dissertation for the degree of doctor of pedagogical science. Moscow: 2013. 374 p.
3. Kraevsky V. V. Methodology of pedagogical research: A manual for a teacher-researcher. Samara, 1994. 165p.
4. Lednev V. S. The content of education: essence, structure, prospects. Moscow: Higher School, 1991. 224 p.
5. Pyshkalo A. M. Methodical system of teaching geometry in elementary school: Author's report on the monograph «Methodology of teaching elements of geometry in primary grades», submitted for the competition ... Recommended for the degree of doctor of pedagogical science. Moscow: Academy of pedagogical Sciences of the USSR, 1975. 60p.
6. Slastenin V. A. Training of teaching staff: experience, problems, prospects. Teacher's personality shaping in the system of higher pedagogical education. Moscow: 1981. 235 p.
7. Slastenin V. A., Podymova L. S. Pedagogy: Innovative activity. Moscow: Publishing House Magister, 1997. 224 p.
8. Shersheva V. A. Formation of the mathematical competence of engineering university students based on a polyparadigm approach: Dissertation for the degree of doctor of pedagogical science. Krasnoyarsk, 2011. 401 p.
9. Bulavenco O. A. Designing the content and technology of continuing economic education in vocational schools: Dissertation for the degree of doctor of pedagogical science. Bryansk, 2007. 434 p.

Information about the author

Evgenij A. Noskov

Cand. Sc. (Military). Federal Education and Science Supervision Agency (16 Sadovaya-Suharevskaya st., Moscow city, K-51, GSP-4, Moscow, 127994, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9852-6531>. E-mail: ensv73@yandex.ru

©E. A. Носков, 2020

УДК 37.016:811.111

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.14

С. А. Рассада¹, О. В. Фрезе¹

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Теория и практика обучения иностранному языку посредством мультимедийных ресурсов

Аннотация. Цель статьи: представить способы оптимизации учебного процесса преподавания иностранных языков посредством использования мультимедийных ресурсов. Проблематика статьи: в связи с современными требованиями государства и общества к уровню освоения обучающимися базовых навыков и умений по иностранному языку, в связи с необходимостью повышать мотивацию обучающихся и их вовлечённость в образовательный процесс существенно важно внедрение современных мультимедийных ресурсов в процесс преподавания иностранного языка. В статье приведены примеры мультимедийных ресурсов, описаны возможности интерактивных тренажеров, мобильных приложений в процессе формирования у обучающихся языковых и речевых навыков и умений на иностранном языке.

Методы исследования: анализ литературы по лингвистике, методике обучения иностранным языкам, метод пробного обучения.

Результатом исследования является заключение о том, что рассмотренные мультимедийные ресурсы, а именно интерактивные тренажеры и мобильные приложения, имеют множество достоинств, являются релевантным средством оптимизации процесса обучения иностранному языку. Интерактивные тренажеры, мобильные приложения вписываются в структуру учебного процесса, наиболее полно удовлетворяют дидактическим требованиям и максимально приближают процесс обучения английскому языку к реальным условиям.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, мультимедийные ресурсы, интерактивные тренажеры, мобильные приложения, пробное обучение.

Дата поступления статьи: 16 января 2020 г.

Для цитирования: Рассада С. А., Фрезе О. В. (2020). Теория и практика обучения иностранному языку посредством мультимедийных ресурсов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 84–88. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.14

Проблема и цель: На сегодняшний день в связи с наступлением эпохи информатизации образования радикальное изменение технологии обучения и формы представления образовательной информации является требованием времени. Первой задачей национального проекта РФ «Образование» на 2019–2024 гг. является внедрение на уровнях основного общего и среднего общего образования новых методов обучения и воспитания, образовательных технологий, обеспечивающих освоение обучающимися базовых навыков и умений, повышение мотивации обучающихся и их вовлечённости в образовательный процесс [1].

Важной проблемой в методике преподавания иностранных языков является проблема оптимизации учебного процесса. Одним из путей решения этой проблемы является использование мультимедийных ресурсов на занятиях иностранного языка. Иностранный язык – учебный предмет, который в силу своей специфики, а именно необходимости создания для обучающихся искусственной языковой среды из-за отсутствия естественной, предполагает наиболее широкое использование различных технических средств обучения. В этой связи внедрение информационных технологий в преподавательскую деятельность является предметом пристального внимания и обсуждения учёных, методистов, педагогов-практиков, а новые возможности, открываемые благодаря информационным технологиям, находят самое разнообразное применение на уроках иностранного языка [2].

Методы и методология. Методологической основой исследования являются положения дидактико-технологической парадигмы информатизации образования (И. В. Роберт) [3],

раскрывающей возможности использования информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам (Е. С. Полат, П. В. Сысоев, С. В. Титова и др.). В качестве методов исследования выступили: метод теоретического анализа литературы по лингвистике, психологии и методике обучения иностранным языкам в аспекте темы исследования, эмпирические методы (анкетирование учителей, наблюдение, пробное обучение), количественный и качественный анализ результатов исследования.

Основная часть. В своем исследовании вслед за Р. Р. Шафрутдиновой мы понимаем под мультимедиа – информационные технологии, использующие различные программные и технические средства для эффективного воздействия на пользователя, который становится читателем, слушателем и зрителем в одно и то же время [4]. Программные средства позволяют работать с различными данными (графикой, текстом, аудио и видеофайлами, анимацией и др.), организованными в виде единой информационной среды. К мультимедийным ресурсам относятся электронные учебники, аудио, видео, анимация, интернет-ресурсы, интерактивные программы и тренажеры, мобильные приложения, электронные словари и справочники, слайдовые презентации, виртуальные стенды и т. д. [5]. В европейских странах применение мультимедиа в сфере образования имеет такие направления, как: видеоэнциклопедии; интерактивные путеводители; тренажеры; ситуационно-ролевые игры; электронные лектории; персональные интеллектуальные гиды по различным научным дисциплинам; системы тестирования

знаний учащихся и т. д. [6]. Современные мультимедийные ресурсы обладают большими возможностями в отображении информации, значительно отличающимися от привычных, и оказывают непосредственное влияние на мотивацию обучающихся, скорость восприятия материала, утомляемость и, таким образом, на эффективность учебного процесса в целом. Мультимедийные ресурсы обогащают процесс обучения, вовлекая в процесс восприятия учебной информации большинство чувственных компонентов обучающихся. Кроме того, использование мультимедийных ресурсов в учебной и внеурочной деятельности позволяет решить проблемы индивидуализации и дифференциации обучения, дефицита времени на уроке иностранного языка [7].

Мультимедийные ресурсы стали объективной реальностью нашего времени, они наилучшим образом «вписываются» в структуру учебного процесса, наиболее полно удовлетворяют дидактическим требованиям и максимально приближают процесс обучения английскому языку к реальным условиям, поэтому преподаватель иностранного языка не может не пользоваться ими для формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся [8–9]. В данной статье более подробно остановимся на использовании таких медиаресурсов, как интерактивные тренажеры и мобильные приложения.

Под интерактивным тренажером мы вслед за Н. В. Шаровой понимаем программу, предназначенную для самостоятельного освоения, повторения материала по определённой теме. Интерактивные тренажеры разрабатывают сами педагоги в программах Microsoft Power Point либо Microsoft Excel при поддержке внутренней системы управляющих элементов, макроккоманды языка программирования Visual Basic Application. Колоссальное количество тренажеров для школы также выпускается специализированными фирмами [10].

В процессе формирования навыков разговорной речи учащихся можно использовать интерактивный тренажер под названием «ОГЭ. Английский язык. Устная речь» (<https://speaking.svetlanaenglishonline.ru/>). Тренажер представляет собой презентацию, в которой отражены все основные задания, присутствующие в устной части ОГЭ: 1. Задание на чтение текста. 2. Условный диалог-расспрос с опорой на услышанные в аудиозаписи вопросы телефонного опроса. 3. Законченное монологическое высказывание с опорой на вербальную ситуацию и план, представленный в виде косвенных вопросов. Выполнение всех заданий проходит по времени в автоматизированном режиме. Для работы с интерактивным тренажером необходим ноутбук и гарнитура.

Тренажер «Английская практика» (<http://www.learn-english.ru/downloads.php>), в основу которого положены англоязычные неадаптированные аудиотексты, тренажер предназначен для постановки английского произношения; развития навыков свободного восприятия англоязычной речи на слух; развития навыков спонтанной речи. Озвучивание текстов осуществляется исключительно носителями языка. Коллекция текстов тренажёра «Английская практика» состоит из следующих разделов: рассказы, юмор, новости, диалоги, песни, разговорник, грам-

матика. Благодаря детальному переводу и тщательной синхронизации звука программа может быть использована начинающими изучение английского языка. Управление аудиотекстами построено по принципу «одно касание», т. е. для того, чтобы прослушать любое слово или фразу и получить к ним перевод и пояснения, достаточно просто щёлкнуть на них мышкой.

Тренажер «английских слов в карточках» по темам: Irregular verbs, TOEFL words, Phrasal verbs на сайте (<https://your-teachers.ru/english-cards> – HYPERLINK «<https://your-teachers.ru/english-cards-buy>»buy) представляет широкий выбор карточек, принцип работы которых заключается в том, что изучающий может сосредоточиться на тех словах, которые он не знает и быстро заучить их.

Интерактивный тренажер “Free English Tests and Exercises Online for ESL, TOEFL, TOEIC, GRE, SAT, GMAT”, расположенный на сайте (<https://englishteststore.net>), содержит сотни тематических карточек для изучения языка, задания на развитие всех видов речевой деятельности, тесты, проходя которые обучающиеся допускают ошибки, анализируют их, приобретают опыт и уверенность в собственных знаниях.

Интерактивные тренажеры имеют много достоинств: они могут быть использованы на разных этапах урока, для фронтальной или индивидуальной работы учащихся, для самостоятельной работы вне урока, для ликвидации пробелов, накопления опыта решения элементарных заданий; использование тренажеров значительно сокращает время, затраченное на отработку навыков; обучающиеся всех возрастов с удовольствием работают с тренажерами, так как такая работа создает ситуацию успеха, а учитель доводит до автоматизма их навыки и умения; использование тренажеров возможно на обобщающих уроках, когда важно не только систематизировать знания и умения обучающихся, но и акцентировать внимание на важнейших моментах изучаемой темы, необходимых для восприятия последующих тем; использование иллюстраций дает дополнительную возможность для запоминания материала визуалами; тренажер можно использовать и для работы вне урока индивидуально: например для подготовки к экзамену или во время болезни, при дистанционном обучении дома; тренажеры могут быть использованы при работе с интерактивной доской или при работе с проектором и экраном. Однако, использование интерактивных тренажеров в учебном процессе должно происходить на регулярной основе, иначе они не окажут столь положительного влияния на результаты обучения.

В последнее время роль мобильных телефонов как устройств для обучения иностранному языку значительно возросла. Мобильные приложения для изучения иностранного языка – это не только захватывающие игры, но и неограниченные возможности для совершенствования языковых и речевых умений. Существует огромное количество мобильных приложений (более 250), нацеленных на изучение иностранных языков.

Нами совместно со студентами факультета иностранных языков, обучающихся по направлению «Лингвистика», профиль «Теория и методика преподавания иностранных язы-

ков и культур», Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского в рамках написания выпускных квалификационных работ было проведено исследование, целью которого являлось проанализировать текущее состояние по использованию мобильных приложений на уроках иностранного языка, выявить отношение учителей-предметников к мобильным приложениям, интегрировать их в серию уроков английского языка и апробировать эти уроки во время педагогической практики.

Анкетирование учителей гимназии № 84 г. Омска показало, что учителя знают хотя бы одно мобильное приложение для изучения английского языка. Самым популярным приложением оказалось – LinguaLeo. Также некоторые учителя называли такие приложения, как DuoLingo, Words, Quizlet.com. Однако в своей педагогической деятельности мобильные приложения использует лишь 15 % учителей. Молодые преподаватели склонны чаще использовать мобильные приложения, чем учителя, чей стаж 10 и более лет. Также процент школьных учителей, которые используют элементы мобильного обучения на своих уроках значительно меньше, чем среди учителей частных языковых школ. Это обусловлено тем, что учителя в частных языковых школах имеют больше возможностей при выборе мобильных приложений, поскольку работают либо один на один со своим учеником, либо в малых группах и могут контролировать то, чем занимаются ученики в своих телефонах на уроках. Безусловно, учителя считают, что современным детям учить английский язык с помощью мобильных приложений интересно и это может способствовать повышению мотивации к изучению английского языка. Все опрошенные учителя отметили, что использование мобильных приложений в обучении способствует повышению индивидуализации и дифференциации обучения. Таким образом, учителя выражают позитивное отношение к внедрению мобильных приложений в традиционную модель обучения, несмотря на то, что это невозможно реализовать на современном этапе в полном объеме, поскольку существует слабая техническая оснащенность школ Интернетом и отсутствует оптимальное приложение, которое отвечало бы всем требованиям программы и являлось бы доступным для всех.

Для того чтобы обучение иностранному языку с помощью мобильных устройств не превратилось в стихийный процесс, нужны критерии оценивания мобильных приложений. Благодаря им учителя могут выбрать качественный учебный инструмент. Вслед за профессором С. В. Титовой нами были отобраны следующие группы критериев для отбора оптимального мобильного приложения для пробного обучения на среднем этапе в школе [11]:

1. Технические: доступность в разных оперативных системах и на портативных устройствах; возможность работы в офлайн-режиме.
2. Организационно-финансовые: бесплатные / платные версии приложений; наличие демоверсии.
3. Психолого-педагогические: общедидактические критерии к выбору учебных материалов (учет возрастных особенностей); специфические дидактические критерии для мобильных

приложений (аудиальная / визуальная поддержка информации, реализация различных форм интерактивности, например, система проверки, пояснений, комментариев; возможность многократного выполнения заданий; формат упражнений).

Основываясь на представленных критериях, мы выбрали несколько приложений, таких как WoordHunt, Quizlet.com и DuoLingo. Они были апробированы на уроках английского языка в гимназии № 84 в 6 классе.

Результаты. В качестве тренировки работы с онлайн-словарем было предложено приложение WoordHunt. Учащиеся познакомились со следующими словами по теме “Features of a town / city”: traffic jam, zebra crossing, bridge, tunnel, bus line, level crossing, cycle lane, bus stop, pavement, road sign. Учащиеся должны были, используя свои мобильные телефоны, найти значения этих слов, а также транскрипцию и записать их в тетрадь. Несмотря на то, что учащиеся первый раз выполняли подобное задание, им удалось с ним успешно справиться. Следующее приложение, которое мы предъявили учащимся, было Quizlet.com. С помощью приложения можно создать собственный набор карточек. Мы установили приложение Quizlet на телефоны, создали аккаунты, рассмотрели с учащимися как пользоваться приложением, какие существуют режимы в приложении для изучения слов. Учащиеся получили доступ к набору слов по теме “Features of a town / city”. Далее учащиеся знакомы с приложением DuoLingo. Курс в Duolingo разбит на 7 учебных блоков, каждый из блоков содержит задания на развитие языковых навыков, умений аудирования и составления предложений. Большинство заданий в приложении – открытые вопросы. В таких заданиях учащимся необходимо ввести текст с клавиатуры или составить его из блоков. Лишь небольшая часть заданий – это закрытые вопросы с вариантами ответов. Все задания построены по принципу от простого к сложному. Все ученики занимаются по одной линейной программе, проходя одни и те же уроки и задания. Разница только в скорости прохождения материала.

В рамках работы с приложением обучающиеся активизировали такие лексические темы, как животные, семья, отношения, одежда, еда, и грамматические темы (множественное число существительных, глагол to be, Present Simple, Present Continuous). Учащиеся выполняли тренировочные упражнения: имитационные, подстановочные, трансформационные и перевод.

На заключительном этапе пробного обучения был проведен итоговый грамматический тест. Этот же тест проходила контрольная подгруппа 6 «1» класса, которая повторяла материал с учителем без использования мобильных приложений. Тест проверял умение правильно выбирать и употреблять настоящие времена (Present Simple, Present Continuous). Результаты показали, что в экспериментальной группе учащиеся лучше справились с тестом, количество оценок отлично и хорошо было больше, чем в контрольной группе. Кроме того, в ходе опроса учащихся в конце пробного обучения мы выявили, что у большинства учащихся есть желание дальше продолжать работать с данным мобильным приложением. Все учащиеся отме-

тели, что им понравилась работа с мобильным приложением на уроке, а также они охотно работали с мобильным приложением во внеурочное время.

Таким образом, положительная динамика, прослеживаемая в результатах итогового теста, позволяет говорить, что использование мобильных приложений на практике служит средством для развития прежде всего иноязычных языковых навыков (лексических, грамматических), что положительно сказывается на формировании иноязычной коммуникативной компетенции учащихся в целом. Без сомнения, мобильные приложения имеют большой дидактический потенциал, однако для его реализации необходимо формировать у учащихся умения самостоятельно учиться, критически мыслить, быть ответственными за результаты своей учебы.

Выводы. Обобщая опыт применения мобильных приложений и мультимедийных технологий на уроках иностранного языка и во внеурочное время, можно сделать вывод, что они:

- ускоряют процесс обучения;
- способствуют резкому росту интереса учащихся к предмету;
- улучшают качество усвоения материала;

- позволяют индивидуализировать процесс обучения;
- дают возможность избежать субъективности оценки.

В качестве перспективы исследования можно выделить необходимость:

- разработки методического сопровождения по работе с разными приложениями для учителей школ;
- создания базы существующих приложений, где они были бы систематизированы по темам для удобства работы с ними и экономии времени преподавателей.

Таким образом, внедрение мультимедийных технологий создает предпосылки для интенсификации образовательного процесса. Они позволяют на практике использовать психолого-педагогические разработки, обеспечивающие переход от механического усвоения знаний к овладению умением самостоятельно приобретать новые знания. И все же, как бы ни было заманчиво постоянно применять смартфоны и мультимедийные технологии на уроках, ничто не может заменить самого учителя. Ведь только разумное комплексное сочетание всех имеющихся в его распоряжении методических приемов и технических средств может дать желаемый результат.

Источники

1. Национальный проект Образование [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie>.
2. Соболева А. В. Использование мультимедийных технологий в обучении иностранным языкам // Педагогика: традиции и инновации: материалы IV Междунар. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 119–123.
3. Robert I. V. Didactic-technological paradigms in informatization of education. // SHS Web of Conferences. Vol. 47. Article No: 01056-62
4. Шарафутдинова Р. Р. Мультимедиа в образовательном процессе. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimedia-v-obrazovatelnom-protsesse>
5. Нечкин Д. Б. Использование мультимедиа технологий в образовании. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-multimedia-tehnologiy-v-obrazovanii>
6. Смолянинова О. Е. Мультимедиа для ученика и учителя // ИНФО. 2002. № 2. С. 48–54.
7. Богословская Т. А. Использование ИКТ и материалов сети Интернет на уроках английского языка [Электронный ресурс] URL: <http://openclass.ru/wiki-pages/33086>
8. Комарова Ю. А. Использование видео в процессе обучения иностранному языку в старшей школе / Ю. А. Комарова // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. Модернизация общего образования. СПб, 2006. 224 с.
9. Дворжец О., Таруная Ю. (2015). Развитие медиаграмотности студентов в контексте преподавания английского языка // Procedia-Social and Behavioral Sciences, Vol. 200. С. 192–198.
10. Шарапова Н. В. Использование интерактивных тренажеров на уроках английского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/statya-na-temu-ispolzovanie-interaktivnih-trenazherov-na-urokah-angliyskogo-yazika-2052207.html>
11. Титова С. В. Дидактические проблемы интеграции мобильных приложений в учебный процесс [Текст] / С. В. Титова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 21, вып. 7-8. С. 159–160.

Информация об авторах

Рассад Светлана Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а).
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2143-6180>. E-mail: rassada55@gmail.com

Фрезе Ольга Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а).
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4794-3167>. E-mail: ofreze@rambler.ru

S. A. Rassada¹, O. V. Freze¹

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Theory and practice of teaching a foreign language by means of multimedia resources

Abstract. The purpose of the article is to present ways to optimize the educational process of teaching foreign languages through the use of multimedia resources. The problems of the article: in connection with the modern requirements of the state and society to the level of students' basic skills in foreign languages, in connection with the need to increase students' motivation and their involvement in the educational process, it is essential to introduce modern multimedia resources in the process of teaching a foreign language. The article provides examples of multimedia resources, describes the capabilities of interactive simulators, mobile applications in the process of forming various language and speech skills in a foreign language.

Research methods: analysis of literature on linguistics, methods of teaching foreign languages, the method of trial teacher training.

The result of the study is the conclusion that the considered multimedia resources, namely, interactive simulators and mobile applications, have many advantages in teaching a foreign language, are a relevant means of optimizing the process of learning a foreign language. Interactive simulators,

mobile applications «fit» into the structure of the educational process, most fully satisfy the didactic requirements and maximize the process of learning English to real conditions.

Keywords: foreign language teaching methodology, multimedia resources, interactive simulators, mobile applications, trial teacher training.

Paper submitted: January 16, 2020

For citation: Rassada S. A., Freze O. V. (2020). Theory and practice of teaching a foreign language by means of multimedia resources. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 84–88. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.14.

References

1. National project «Education» [Electronic resource] URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie>.
2. Soboleva A. V. The use of multimedia technologies in teaching foreign languages. Pedagogy: traditions and innovations: materials of the IV international conference. scientific Conf. Chelyabinsk: Two Komsomolets, 2013. Pp. 119–123.
3. Robert I. V. Didactic-technological paradigms in informatization of education. SHS Web of Conferences. Vol. 47. Article No: 01056-62
4. Sharafutdinova R. R. Multimedia in the educational process. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimedia-v-obrazovatelnom-protsesse>
5. Nechkin D. B. Use of multimedia technologies in education. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-multimedia-tehnologii-v-obrazovanii>
6. Smolyaninova O. E. Multimedia for students and teachers. INFO. 2002, no 2, p. 48–54
7. Bogoslovskaya T. A. Use of ICT and Internet materials in English lessons [Electronic resource] URL: <http://openclass.ru/wiki-pages/33086>
8. Komarova Y. A. the Use of video in the process of learning a foreign language in high school. Y. A. Komarova. Methods of teaching foreign languages in secondary schools. Modernization of General education. Saint Petersburg, 2006, 224 p.
9. Dvorghets O., Shaturnaya Y. (2015). Developing students' media literature in the English language teaching context. Procedure-Social and Behavioral Sciences, vol. 200, pp. 192–198.
10. Sharapova N. V. Use of interactive simulators in English lessons [Electronic resource] URL: <https://infourok.ru/statya-na-temu-ispolzovanie-interaktivnih-trenazherov-na-urokah-angliyskogo-yazika-2052207.html>
11. Titova S. V. Didactic problems of integration of mobile applications in the educational process [Text]. S. V. Titova. Bulletin of Tambov University. Series Humanities. 2016, vol. 21, issue 7–8, pp. 159–160.

Information about the authors

Svetlana A. Rassada

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. Dostoevsky Omsk State University (55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: rassada55@gmail.com

Olga V. Freze

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. Dostoevsky Omsk State University (55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: ofreze@rambler.ru

© С. А. Рассада, О. В. Фрезе, 2020

УДК 37.013

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.15

В. М. Жуков¹, Д. В. Пивоваров¹, О. О. Осипов¹

¹Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация

Формирование морально-нравственных качеств курсантов образовательных организаций МВД России как часть профессионального воспитания

Аннотация. Личностные качества сотрудника органов внутренних дел должны способствовать выполнению служебных обязанностей, возложенных на него действующим законодательством. Одним из способов формирования требуемых качеств является профессиональное воспитание, выступающее как педагогический процесс, помогающий сотруднику стать личностью, стремящейся к саморазвитию и самоактуализации. Цель статьи – выявить личностные качества, которыми, по мнению курсантов, должны обладать сотрудники полиции, и наличие этих качеств у самих обучающихся. Исследование проводится на основе анализа научной литературы, посвящённой проблематике профессионального воспитания, а также на основе опроса и интервьюирования курсантов образовательных организаций системы МВД России. В результате проведённого анкетирования выявлены качества, которыми, по мнению курсантов, сотрудник органов внутренних дел должен обладать, а также качества, которыми, по их же мнению, наделены действующие сотрудники. На основе проведённого исследования авторы приходят к выводу о том, что курсанты не уделяют должного внимания таким качествам, как гуманность, профессионализм, патриотизм, честь, аккуратность. Действующие сотрудники не отличаются соблюдением законности, образованностью, воспитанностью. Предлагаются способы развития этих качеств.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, подготовка кадров, образовательные организации, профессиональное воспитание, личностные качества, морально-нравственные качества.

Дата поступления статьи: 17 октября 2019 г.

Для цитирования: Жуков В. М., Пивоваров Д. В., Осипов О. О. (2020). Формирование морально-нравственных качеств курсантов образовательных организаций МВД России как часть профессионального воспитания // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 89–94. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.15

Проблема и цель. Существенные изменения, обусловленные реформированием системы МВД России в рамках совершенствования организационных, технических, технологических процессов, внедрения инноваций в сферу образования, постоянно возрастающей сложности различных направлений профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), актуализирует социальный заказ на грамотных, высококвалифицированных специалистов, обладающих глубокими знаниями и высоким уровнем образования, общей и профессиональной культуры, нравственными, морально-этическими и волевыми качествами. А это, в свою очередь, предполагает наличие возрастающих требований к профессиональной подготовке курсантов образовательных организаций системы МВД России со стороны государства.

В указе Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» отмечена насущная необходимость повышения качества обучения и подготовки сотрудников ОВД, т. к. именно оно во многом определяет настоящее и будущее российского гражданского общества в рамках обеспечения законности, безопасности, правопорядка, конституционных прав и свобод граждан [1].

Ведущая роль в повышении уровня профессионализма сотрудников полиции отводится образовательным организациям системы МВД России [2, 3], в которых процесс обучения и сама

среда направлены на подготовку высококвалифицированных, компетентных кадров. Исходя из положений Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» можно сделать вывод о том, что система образования соотносится:

- с пониманием общественного и личного значения образования, что обуславливает личную мотивацию обучающихся; это подтверждается проведёнными ранее исследованиями мотивации поступающих на обучение, что, несомненно, оказывает положительное влияние на развитие профессиональной идентичности и в конечном итоге отразится на уровне их профессиональной подготовки [4];
- с утверждением комплексного результата образования «интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека»;
- с признанием тесной взаимосвязи (триединства) обучения, воспитания и развития личности, в рамках которой получаемые знания, умения и навыки соотносятся с целенаправленно развиваемыми ценностными установками, компетенциями и личностными качествами обучающихся.

Анализируя профессиональную подготовку курсантов, следует обратить внимание на такую категорию, как компетентность. На это нацеливает и Федеральный государственный образовательный стандарт (далее – ФГОС) высшего образования, в котором оговорены актуальные в рамках исследуемой проблемы компетенции выпускника вуза, связанные с его наце-

ленностью на выполнение профессиональных задач применительно к нормам морали и профессиональной этики, толерантного восприятия социальных, культурных, конфессиональных и иных различий; способностью осуществлять эмоционально-психологическое саморегулирование, знать и защищать права граждан Российской Федерации и т. п. [5].

Вместе с тем необходимо признать и учесть изменение экономических и социокультурных условий осуществления образовательной деятельности в современных вузах МВД России. В контексте проводимого исследования важно подчеркнуть, что происходящие изменения затрагивают вопросы гражданской и духовно-нравственной составляющих воспитания личности курсанта. Следует отметить, что общие тенденции принижения духовно-нравственных идеалов прошлого в российском обществе, появление новых кумиров, утрата в сознании молодых людей отдельных духовных ценностей, разрыв между поколениями по мироощущению, жизненным установкам и ценностям, по представлениям о смысле жизни и нормам поведения в обществе сказываются на моральном облике и поведении курсантов вузов МВД России.

Методы. Исследование проходило на базе Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Омской академии МВД России, Омской академии МВД России, Барнаульского юридического института МВД России и Восточно-Сибирского института МВД России. Выборку составили обучающиеся первого курса. Всего в исследовании приняли участие 158 курсантов. Возраст респондентов – 18–20 лет.

Результаты. В 2018 г. проведён опрос по составленной авторами анкете (n=158 курсантов) по вопросам выявления личностных качеств, которые должны быть присущи полицейскому. Анкета носила открытый характер. Респонденты имели право дать несколько ответов на каждый из поставленных вопросов, поэтому сумма ответов в процентном отношении не равняется 100 %. В результате получены следующие ответы (табл. 1):

Таблица 1 – Распределение ответов курсантов на вопросы о качествах, которые должны быть присущи сотруднику ОВД

№ п/п	Указанные качества	Количество и % ответов
1	стрессоустойчивость	43 (27,2 %)
2	честность	41 (25,9 %)
3	дисциплинированность	40 (25,3 %)
4	храбрость, смелость, отвага, мужество	39 (24,7 %)
5	не знаю, не задумывался над этим	33 (20,9 %)
6	трудолюбие	19 (12 %)
7	ответственность; опрятность	18 (11,4 %)
8	образованность	16 (10,1 %)
9	хорошая физ. подготовка	13 (8,2 %)
10	решительность	12 (7,6 %)
11	справедливость	11 (7 %)
12	гуманность; профессионализм	9 (5,7 %)
13	внимательность	8 (5 %)
14	патриотизм	5 (3,1 %)
15	чувство долга; воспитанность	4 (2,5 %)
16	честь	3 (1,9 %)
17	коммуникабельность; аккуратность	2 (1,2 %)
18	пунктуальность; мудрость	1 (0,6 %)

На первое место респонденты поставили стрессоустойчивость. С этим сложно не согласиться, т. к. в современных условиях служба в ОВД требует от сотрудника значительных затрат психических, моральных и физических сил. Служба сопряжена с риском, давлением со стороны средств массовой информации, формирующих общественное мнение, и т. д. – всё это является стрессогенными факторами. Кроме того, у 43,5 % опрошенных родственники являются действующими сотрудниками ОВД, что, несомненно, сказывается на их мнении. Также в качестве важных качеств были выделены честность, дисциплинированность, храбрость, смелость, отвага и мужество. При этом курсанты не уделяют должного внимания гуманности, профессионализму, патриотизму, чести, аккуратности, хотя эти качества не менее важны для сотрудника полиции [6, 7, 8].

В следующем анкетировании был задан вопрос о том, какие качества, по мнению респондентов, в настоящее время присущи сотрудникам ОВД (табл. 2).

Из полученных ответов следует, что, по мнению курсантов, действующие сотрудники обладают такими качествами, как стрессоустойчивость, храбрость, смелость и дисциплинированность, но, к сожалению, не отличаются соблюдением законности, образованностью, воспитанностью (табл. 2). По-видимому, в образовательном процессе необходимо акцентировать внимание обучающихся на строгом соблюдении законодательства, т. к. деятельность сотрудников ОВД связана с применением мер государственного принуждения, которое «осуществляется в целях воспитания личности в духе уважения закона и осознания возможности применения мер принудительного характера в отношении лиц, допустивших отклонение от правового поведения и нарушивших правовое предписание» [9, с. 14]. Сотрудник ОВД должен быть примером для граждан в соблюдении законности. В противном случае он не может иметь морального права продолжать службу и к нему должны быть применены меры в соответствии с действующим законодательством.

Заметим, что качества, которыми должен обладать сотрудник ОВД, не абстрактны, а непосредственно направлены на выполнение конкретных обязанностей, возложенных на полицию действующим законодательством. В Федеральном законе «О полиции» деятельность сотрудников ОВД рассматривается в контексте требований к их нравственной готовности к уважению прав и свобод человека, реализации принципов законности и беспристрастности. Это свидетельствует о необходимости особого внимания к такой важной составляющей образовательного процесса в вузах системы МВД России, как профессиональное воспитание.

Исследованию сущности понятия «профессиональное воспитание» на протяжении длительного времени в научном сообществе уделяется значительное внимание. Так, например, В. И. Белов и Б. С. Патралов в своих трудах соотносят профессиональное воспитание с внутриличностным процессом, включающим формирование регуляторов социально-профес-

Таблица 2 – Распределение ответов курсантов на вопрос о качествах, которые в настоящее время присущи сотрудникам ОВД

№ п/п	Указанные качества	Количество и % ответов
1	стрессоустойчивость	49 (31 %)
2	храбрость, смелость	34 (21,5 %)
3	дисциплинированность	28 (17,7 %)
4	честность	27 (17,1 %)
5	ответственность	24 (15,1 %)
6	человечность, доброжелательность, отзывчивость	19 (12 %)
7	опрятность, уверенность, решительность	12 (7,6 %)
8	профессионализм, трудолюбие, нет ответа	10 (6,3 %)
9	коммуникабельность	9 (5,7 %)
10	хорошая физическая подготовка, целеустремленность	7 (4,4 %)
11	справедливость	6 (3,8 %)
12	пунктуальность	5 (3,1 %)
13	грубость, соблюдение законности, сосредоточенность, внимательность	4 (2,5 %)
14	образованность	3 (1,9 %)
15	безответственное отношение к работе, плохая физическая форма, аккуратность, чувство долга, воспитанность	2 (1,2 %)
16	незнание законов, эгоизм, недисциплинированность, корысть, властность, низкая эффективность работы, несправедливость, хитрость, требовательность, патриотизм	1 (0,6 %)

сионального поведения, механизмов, разумного управления потребностями, действиями и поступками личности [10, 11].

Научный интерес для нашего исследования представляют определения профессионального воспитания, предложенные в работах Н. М. Борытко и Е. Г. Залюбовской [12, 13]. Авторы под профессиональным воспитанием понимают педагогическую деятельность по управлению процессом профессионально-личностного становления студента, что при воспитании выпускника вуза, будущего профессионала, способствует:

- освоению им норм общества и профессии (социально-нормативный аспект профессионального воспитания);
- творческому саморазвитию, стремлению к успешности в выбранной деятельности, профессии (индивидуально-смысловой аспект профессионального воспитания);
- осознанию профессионально-личностных ценностей, способствующих самоутверждению в профессиональной сфере (ценностно-деятельностный аспект профессионального воспитания).

Таким образом, профессиональное воспитание, будучи педагогическим процессом, помогает будущему сотруднику ОВД приобрести личностные профессиональные ценности, а также стать успешной личностью, стремящейся к саморазвитию и самоактуализации. И. Кант в своих трудах писал, что педагогический процесс можно соотнести с двумя направлениями: обучением и дисциплинированием [14]. Действительно, в период обучения у курсанта важно сформировать привычку подчиняться служебной дисциплине, порядку, которые определяют в том числе гражданско-правовое и нравственное поведение. Но не менее важным представляется воспитание в нём осознанной социальной и профессиональной ответственности.

Достаточно подробный анализ теоретических подходов к профессиональному воспитанию в рамках интересующей

нас проблемы представлен в работах психологов и педагогов И. Т. Андреева, А. Я. Анцупова, Б. У. Бадмаева, П. А. Корчемного, П. Н. Городова и др. Проблемам воспитания и развития сотрудников системы МВД России посвящены научные труды Б. Ю. Дерешко, В. Я. Кикотя, В. Л. Кубышко, Д. В. Резепина и др. Указанные учёные придают огромное значение созданию в специализированном вузе особой воспитывающей среды, при которой морально-этические, гражданско-патриотические, профессионально-служебные и личностно-развивающие ценности будут максимально учитываться при организации образовательного процесса.

С учётом вышеизложенного одним из актуальных направлений воспитательного процесса может стать гражданско-патриотическое воспитание курсантов. Неслучайно на общественное обсуждение на государственном уровне вынесен вопрос о признании патриотизма духовным основанием российской национальной идеи и гражданской идентичности – в рамках обсуждения государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 годы» [15]. Об актуальности гражданско-патриотического воспитания свидетельствуют и результаты проведённого опроса (табл. 1–3). Среди ценностей профессии и качеств, которыми должны обладать сотрудники ОВД, патриотизм указали всего 5 (3 %) опрошенных, а среди качеств, присущих действующим сотрудникам, патриотизм отметил лишь один респондент. Вслед за А. Ф. Поляковым мы склоняемся к мнению, что гражданственность и патриотизм как ценностные основания «полицейского» образования чрезвычайно важны, но недостаточны для формирования комплексной личностной модели сотрудника ОВД, профессионализм которого является также ценностным основанием обучения в вузах системы МВД России [16]. Мы солидарны с авторами, утверж-

дающими, что высокие нравственные начала, включающие такие качества, как порядочность, честность, самоотверженность, готовность прийти на помощь, должны быть отличительными свойствами сотрудников полиции. Нравственное и духовное воспитание – обязательная составляющая образовательной деятельности, в том числе и в системе МВД России [17].

Проблемным вопросом профессионального воспитания в образовательных организациях системы МВД России является общая для российского образовательного пространства тенденция к снижению доли и роли гуманитарного знания. Хотя если обратиться к истории военного образования, в том числе и в России (а обращаемся мы к истории именно военных вузов по причине отсутствия в Российской империи ведомственных образовательных организаций, занимающихся подготовкой кадров для службы в полиции [18]), то можно отметить в образовательном процессе военных вузов не только серьезную долю гуманитарных предметов, но и целенаправленное эстетическое воспитание.

В связи с этим особое значение приобретает проблема выявления и применения в практике вуза оптимальных педагогических методов и форм воспитания и развития личности курсантов образовательных организаций системы МВД, формирования у

будущих сотрудников лучших духовно-нравственных качеств и ценностных ориентаций, а также гражданской и национальной идентичности [19], что имеет не менее важное значение в профессиональной подготовке сотрудников органов правопорядка.

Выводы. Анализ научной литературы, посвященной проблематике профессионального воспитания сотрудников правоохранительных органов, а также проведенный опрос и интервьюирование курсантов образовательных организаций системы МВД России позволили сделать вывод о том, что, с позиции респондентов, действующие сотрудники обладают такими качествами, как стрессоустойчивость, храбрость, смелость и дисциплинированность, но имеют проблемы с соблюдением законности, образованностью и воспитанностью. При этом сотрудники полиции должны быть примером для граждан применительно к выполнению законодательных норм. Это свидетельствует о необходимости особого внимания к такой составляющей образовательного процесса вузов системы МВД России, как профессиональное воспитание, выступающее в качестве одного из важных направлений формирования нравственных, моральных и иных качеств, необходимых сотруднику полиции для грамотного и высококвалифицированного выполнения своих обязанностей.

Источники

1. Президент Российской Федерации (26.03.2000–07.05.2008, с 07.05.2012 до настоящего времени – В. В. Путин). Указы. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : от 24 декабря 2009 г. № 1468 : в ред. Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 254 // Рос. газета. 2009. 28 дек. ; 2011. 2 марта.
2. Жевлакович С. С. Место ведомственной образовательной системы в кадровой политике МВД России // Вестник экономической безопасности. М.: Мос. ун-т МВД им. В. Я. Кикотя, 2017. № 4. С. 230–235.
3. Братчиков В. А. Социальная идентификация курсантов вузов МВД России : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 : заш. 03.06.2003 : [место защиты : Саратов. гос. тех. ун-т.]. Саратов, 2003. 145 с.
4. Жуков В. М. Актуальность развития профессиональной идентичности курсантов образовательных организаций системы МВД России // Наука о человеке : гуманитарные исследования. Омск, 2018. № 4. С. 135–142.
5. Министерство образования и науки РФ. Приказы. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета) [Электронный ресурс]: от 16 ноября 2016 г. № 1424 : в ред. приказа Министерства образования и науки РФ от 13 июля 2017 г. № 653. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71458878/>
6. Бабичев И. В. Акмеологические факторы развития профессионально важных качеств оперативных сотрудников правоохранительных органов : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.06 : заш. 09.06.2011 : [место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. М., 2011. 24 с.
7. Хлудова О. В. Развитие профессиональных качеств сотрудников ОВД в экстремальных ситуациях деятельности : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.13 : заш. 03.07.2004 : [место защиты : Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. Тамбов, 2004, 24 с.
8. Осинцева А. В., Гарманова О. В. Профессионально важные качества личности сотрудника ОВД в зависимости от вида деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. № 4. Омск : Омская академия МВД, 2009. С. 16–19.
9. Пивоваров Д. В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, применяемые сотрудниками полиции : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 191 с.
10. Белов В. И. Система профессионального воспитания в современных социально-экономических условиях развития образования : автореф. дис. д-ра пед. наук : 13.00.08 : заш. 23.11.2006, [место защиты : Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования. - Санкт-Петербург] СПб, 2006. 42 с.
11. Патралов Б. С., Гейжан Н. Ф. Профессиональное воспитание учащихся. СПб, 1994. 43 с.
12. Борытко Н. М. Профессиональное воспитание студентов вуза. Волгоград, 2001. 120 с.
13. Залюбовская Е. Г. Внеаудиторная воспитательная работа в вузе как средство формирования профессиональной и личной компетентности специалиста-менеджера : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 : заш. 16.06.2009 : [место защиты: С.-Петерб. политехн. ун-т]. СПб, 2009. 24 с.
14. Кант И. Критика практического разума : [пер. с нем.] ; вступ. ст. Я. А. Силина. СПб, 1995. 528 с.
15. Правительство РФ. Госпрограммы. Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 годы : утв. постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthedu.ru/obraz/14526-gosudarstvennaya-programma-patrioticheskoe-vospitanie-grazhdan-rossiyskoy-federacii-na-2016-2020-gody.html>
16. Поляков А. Ф. Осуществление ранней профессиональной ориентации на службу в органы внутренних дел на этапе комплектования переменного состава в суворовских военных училищах МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск: Омская академия МВД, 2018. № 4. С. 11–16.
17. Бучакова М. А., Дизер О. А. Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск, Омская академия МВД, 2017. № 3. С. 16–17.
18. Жуков В. М. О необходимости развития профессиональной идентичности курсантов образовательных организаций системы МВД России // 300 лет на страже закона и правопорядка : материалы всероссийской научно-практической конференции / Дальневосточный юридический институт МВД России. Хабаровск, 2018. С. 146–151.
19. Семенова Л. А. Формирование российской национальной идентичности студентов в условиях поликультурного образовательного пространства вуза : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 : заш. 16.04.2016 : [место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. Тюмень, 2015. 292 с.

Информация об авторах

Жуков Виктор Михайлович

Старший преподаватель. Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации (644092, РФ, г. Омск, пр. Комарова, 7). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0790-9893>, SPIN-код: 2504-6416. E-mail: vizhu100872@gmail.com

Пивоваров Данила Владимирович

Кандидат юридических наук, начальник кафедры огневой подготовки. Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации (644092, РФ, г. Омск, пр. Комарова, 7). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9353-8648>, SPIN-код: 2320-3476. E-mail: pivovarov-off@yandex.ru

Осипов Олег Олегович

Заместитель начальника кафедры огневой подготовки. Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации (644092, РФ, г. Омск, пр. Комарова, 7). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4651-726X>, SPIN-код: 8533-5138. E-mail: osipov_o55@mail.ru

V. M. Zhukov¹, D. V. Pivovarov¹, O. O. Osipov¹

¹Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Shaping moral qualities of cadets of the educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia as part of professional education

Abstract. Personal qualities of a police officer should contribute to his official duties assigned by current legislation. Professional education is one of methods shaping required qualities. It is the pedagogical process helping an employee to become a person aspiring to self-development and self-actualization. The purpose of the article is to specify personal qualities the police officers should possess (according to cadets point of view) and if cadets have these qualities.

The authors conduct this research on the basis of the scientific literature analysis devoted to professional education problematics and basing on questioning and interviewing of cadets of the educational organizations of the Ministry of Internal Affairs system of Russia.

The authors found out the qualities a police officer should possess, and also the qualities the current staff members have possessed according to cadets' opinion.

On the basis of the conducted research the authors come to a conclusion that cadets do not give necessary attention to such qualities as humanity, professionalism, patriotism, honour, accuracy. Current police officers do not possess the necessary level of observance of legality and erudition. The authors offer some methods shaping these qualities.

Keywords: professional identity, a professional training, educational organizations, professional education, personal qualities, moral qualities.

Paper submitted: October 17, 2019

For citation: Zhukov V. M., Pivovarov D. V., Osipov O. O. (2020). Shaping moral qualities of cadets of the educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia as part of professional education. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 2, pp. 89–94. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.15

References

1. President of the Russian Federation (03/26/2000 - 07/07/2008, from 07/05/2012 to the present - V. V. Putin). Decrees. On measures to improve the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation: dated December 24, 2009 No. 1468: Decree of the President of the Russian Federation dated 1, March, 2011 No. 254 // *Rossiyskaya gazeta*. 28 Dec. 2009.; 2011.2. March.
2. Zhelakovich S. S. The role of departmental educational system in personnel policy of the Ministry of internal Affairs of Russia/Bulletin of economic security. Moscow : Moscow University of Internal Affairs named after V. Ya. Kikotya, 2017. No. 4. P. 230–235.
3. Bratchikov V. A. Social identification of MIA cadets: Dissertation for the degree of candidate of sociological science: 20.00.04, Saratov, 2003, 145 p.
4. Zhukov V. M. Relevance of professional identity development for cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//*The science of person: humanitarian researches*. Omsk, 2018. No. 4(34). P. 135-142.
5. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Orders. On the approval of the federal state educational standard of higher education in the specialty 40.05.02 Law enforcement activities (specialty level) [Electronic resource]: November 14, 2016 No. 1424: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of July 13, 2017 No. 653. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71458878/>
6. Babichev I. V. Akmeological factors in development of professionally important qualities of operative law enforcement officers: Dissertation abstract for the degree of candidate of psychological science. Moscow, 2011. P.24;
7. Hludova O. V. Development of professional qualities of the police officer in extreme situations of activity: Dissertation abstract for the degree of candidate of psychological science. Tambov, 2004, P.24.
8. Osintseva A. V., Garmanova O. V. Professionally important personal qualities of the police officer depending on an activity kind// *Psychopedagogy in law enforcement bodies*. No. 4. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2009. P. 16–19.
9. Pivovarov D. V. Measures applied by police officers to ensure the proceedings in cases of administrative offences which endangered public order and safety. Dissertation for the degree of candidate of legal science. Omsk, 2017, - 191 p.
10. Belov V. I. System of professional education in modern social and economic conditions of a development of education: Dissertation abstract for the degree of doctor of pedagogical science. SPb, 2006. P. 42.
11. Patralov B. S., Gejzhan N. F. Professional education of University students. SPb, 1994. P/ 43.
12. Borytko N. M. Professional education of University students. Volgograd, 2001. 120 p.
13. Zaljubovsky E. G. Out-of-class educational work in high school as means of shaping professional and personal competence of the specialist-manager: Dissertation abstract for the degree of candidate of pedagogical science. SPb, 2009. 24 p.
14. Kant I. *The Critique of Practical Reason*: [translation from German]; introductory article by Ya. A. Slinina/ Saint-Petersburg, 1995, 529 p.
15. Government of the Russian Federation. State programs. Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020: approved. Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493 [Electronic resource]. URL: <http://www.orthedu.ru/obraz/14526-gosudarstvennaya-programma-patrioticheskoe-vozpitanie-grazhdan-rossiyskoy-federacii-na-2016-2020-gody.html>.
16. Polyakov A. F. Implementation of early professional orientation for service in the internal Affairs bodies at the stage of recruitment of variable staff in Suvorov military schools of the Ministry of internal Affairs of Russia. // *Psychopedagogics in law enforcement*. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2018. No. 4. P. 11–16. DOI: 10.21411/1999-6241-2018-14002.
17. Buchakova M. A., Dizer O. A. Psychopedagogics in law enforcement. Protection of honor and dignity, business reputation of ATS employees // *Psychopedagogics in law enforcement*. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2018. No. 3 (70). 2017. P. 16-17.
18. Zhukov V. M. About necessity of development of professional identity of cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia// 300 years on guard of law and order: Proceedings of the all-Russian scientific and practical conference/ Far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. Khabarovsk, 2018. P. 146-151.

19. Semenova L. A. Formation of the Russian national identity of students in the conditions of multicultural educational space of the Universities: Dissertation for the degree of candidate of pedagogical science .Tyumen, 2015. 292 p.

Information about the authors

Victor M. Zhukov

Senior lecturer of the Departments of Shooting Training. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (7 Komarova ave., Omsk, 644092, Russian Federation). E-mail: vizhu100872@gmail.com.

Danila V. Pivovarov

PhD in Juridical Sciences, Head of the Department of Fire Training. Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova ave., Omsk, 644092, Russian Federation). E-mail: pivovar-off@yandex.ru

Oleg O. Osipov

Deputy Head of the Department of Fire Training. Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova ave., Omsk, 644092, Russian Federation). E-mail: osipov_o55@mail.ru

© В. М. Жуков, Д. В. Пивоваров, О. О. Осипов, 2019

УДК 37.013

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.16

И. И. Новикова¹, Н. А. Зубцовская¹, С. П. Романенко¹, А. И. Кондращенко¹, М. А. Лобкис¹¹Новосибирский НИИ гигиены Роспотребнадзора, г. Новосибирск, Российская Федерация

Исследование влияния мобильных устройств связи на здоровье детей и подростков

Аннотация. В статье рассматриваются существующие проблемы использования современными школьниками мобильных телефонов и других устройств во время нахождения в школе как в Российской Федерации, так и за рубежом. Целью исследования является обобщение результатов научных работ, международного опыта по данной проблематике, а также анализ общественного мнения в РФ в отношении вопросов введения ограничений по использованию мобильных телефонов в школе и их влиянию на здоровье детей. В статье представлен обзор научных исследований по вопросам возможного негативного влияния мобильных устройств связи на детский организм, приводятся примеры ограничительных и запретительных мероприятий использования мобильных телефонов в образовательных организациях в разных странах. В течение двух недель с помощью программного средства, выставленного на сайтах Министерства просвещения РФ, ФС Росособнадзора и ФБУН «Новосибирский НИИ» гигиены Роспотребнадзора, проводился опрос общественного мнения среди родителей, педагогов и учащихся образовательных организаций по вопросам осведомленности о возможных рисках для здоровья при использовании мобильных устройств, а также введения ограничительных мероприятий в школах РФ по использованию мобильных телефонов. Всего приняли участие в опросе 3014 респондентов. В среднем удельный вес респондентов, ответивших утвердительно на предлагаемые вопросы, составил от 74,3 % до 85,2 %. Наиболее готовыми к введению ограничений на использование личных средств мобильной связи детьми в школе являются педагоги и родители (88,8-90,2 % от числа принявших участие в опросе), по группе «обучающиеся» данный показатель составил 61,1 %.

Ключевые слова: мобильные телефоны, риски для здоровья, опрос, школьники.

Дата поступления статьи: 27 сентября 2019 г.

Для цитирования: Новикова И. И., Зубцовская Н. А., Романенко С. П., Кондращенко А. И., Лобкис М. А. (2020). Исследование влияния мобильных устройств связи на здоровье детей и подростков // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 95–103. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.16

Проблема использования мобильных устройств связи в образовательных организациях активно и широко обсуждается в обществе, на различных площадках с участием органов законодательной и исполнительной власти, в том числе субъектов Российской Федерации, педагогической и родительской общественности. В настоящее время отмечается всеобщая озабоченность неупорядоченным широким использованием школьниками мобильных устройств в повседневной жизни, а также их влиянием на здоровье и успеваемость. Мобильные устройства используются обучающимися на уроках не только для поиска необходимой информации, но и для развлечения, просмотра социальных сетей, СМС-переписки. Это приводит к снижению концентрации внимания. Приходящие СМС-сообщения и уведомления, звонки на мобильные устройства во время учебного процесса отвлекают учителей и обучающихся. Все эти факторы в конечном итоге сказываются на эффективности образовательного процесса.

Несмотря на это, существует и много противников всеобщего запрета использования мобильных телефонов в школах, т. к. родителей прежде всего беспокоят вопросы безопасности своего ребенка, педагогов – возможность использования интернет-ресурсов в образовательном процессе, администрацию школы – реализация условий для временного надежного хранения мобильных телефонов школьников.

Цель исследования заключалась в обобщении результатов научных работ по влиянию использования мобильных

устройств связи на здоровье и успеваемость ребенка, международного опыта запрета или ограничения использования средств мобильной связи в школах, а также изучение общественного мнения в РФ в отношении осведомленности о рисках для здоровья использования средств мобильной связи школьниками, вопросов введения ограничений по использованию мобильных телефонов в школе.

Под устройствами мобильной связи (далее – мобильные устройства) понимаются: мобильные телефоны, планшеты с функцией мобильной передачи данных, смарт-часы и иные устройства с функцией мобильной передачи данных.

Этиология и патогенез эффектов воздействия мобильных устройств на здоровье детей определяется двумя видами реакций растущего организма – острые реакции (имеющие короткий латентный период от момента воздействия до момента клинического проявления) и реакции, отсроченные во времени (имеющие значительный латентный период от момента воздействия до момента клинического проявления).

Неблагоприятные реакции растущего организма на воздействие мобильных устройств обусловлены:

- электромагнитным излучением в микроволновом диапазоне, обладающим свойством проникновения через ткани организма, вызывающим повышение их температуры, изменяющим метаболизм глюкозы в клетках мозговой ткани, нарушающим синтез мелатонина и соматотропина;

- высокими уровнями сенсорной стимуляции мобильных устройств растущего организма за счет интенсивного потока цифровой информации, что способствует снижению чувствительности структур мозга ребенка к дофамину;

- повышенной нагрузкой на орган зрения, что обусловлено недостаточным размером шрифта и высокой концентрацией объектов различения на единицу площади экрана.

Мобильные устройства генерируют электромагнитное излучение в микроволновом диапазоне с частотой 450–3800 МГц и 24–80 ГГц – в 5G мобильной связи.

В 2011 г. решение Международного агентства исследования рака (IARC) ВОЗ классифицировало воздействие ЭМП РЧ мобильных телефонов как возможное канцерогенное излучение для людей [1].

Согласно информации Американского онкологического общества, мобильные телефоны формируют риск возникновения опухолей мозга и других видов опухолей в области головы и шеи [2].

Исследованиями, проведенными американскими учеными, установлено, что значение поглощенной дозы у ребенка практически в 2 раза превышает таковое у взрослого и имеет большую глубину проникновения в структуры головного мозга.

Это обусловлено следующими особенностями детского организма: ткани мозга обладают более высокой проводимостью, кости черепа – тонкие; размер головы ребенка – меньше, чем у взрослого; ушная раковина мягкая, практически не имеет хрящевого слоя; головной мозг имеет высокую способность к накоплению неблагоприятных реакций в условиях повторных воздействий ЭМП РЧ [3].

Американская академия педиатрии и Канадское общество педиатрии рекомендуют детям в возрасте от 0 до 2 лет категорически запретить использование гаджетов, детям 3–5 лет сократить время использования мобильного устройства до 1 часа в день (AAP 2001/13, CPS 2010).

Учеными Швеции установлено, что чем выше поглощение радиочастотной энергии в единицу времени, тем выше чувствительность мозга и риск развития опухоли головного мозга. Соответственно, риск развития глиомы во многом определяется возрастом первого активного контакта с мобильным телефоном: чем младше ребенок, тем выше вероятность [4].

Результаты эпидемиологических исследований, проведенных в Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции и Юго-Восточной Азии, свидетельствуют о большей распространенности астроцитомы и акустической невриномы среди детей – активных пользователей мобильных телефонов (при длительности их использования более 10 лет). Особенно высокий риск развития опухоли мозга получен у детей, которые стали пользователями мобильных телефонов в возрасте 8–10 лет: у них риск возникновения опухоли мозга увеличивается до 5 раз [5].

В Таиланде в ходе научных исследований изучены эффекты электромагнитного поглощения, генерируемого мобильными устройствами от голосового вызова, видеовызова и текстового

сообщения. В ходе исследования установлено, что голова ребенка в отличие от взрослого имеет более высокую скорость поглощения излучения; мощность излучения увеличивается в зависимости от диэлектрических и тепловых свойств тканей; скорость поглощения существенно увеличивается с уменьшением расстояния между мобильным телефоном и головой. Следовательно, голосовой вызов определяет наибольший эффект электромагнитного поглощения [6].

По мнению членов Российского национального комитета по защите от неионизирующих излучений, опасность воздействия ЭМП РЧ мобильных телефонов на детский организм характеризуется неблагоприятным прогнозом развития отсроченных патологических реакций, в том числе к 25–30 годам – опухолей головного мозга, слухового и вестибулярных нервов [7].

Подтверждением выводов Российского национального комитета по защите от неионизирующих излучений послужили результаты выполнения национальных программ США по оценке динамики развития рака головного мозга у населения различных возрастных групп, опубликованные в 2015 г. Результаты свидетельствуют о статистически значимом росте количества случаев развития первичных опухолей мозга у детей и подростков в США за период 2008–2012 гг.: у детей (0–14 лет) годовая прибавка показателя частоты первичных злокачественных опухолей мозга и центральной нервной системы составляла 0,6 %; у подростков (15–19 лет) – 1,0 % [8].

В научных исследованиях, опубликованных в Китае, получены данные об увеличении проницаемости гематоэнцефалического барьера к альбумину под воздействием ЭМП РЧ. Установлена роль альбумина в изменении биохимии клеток головного мозга и формировании психосоматических реакций быстрого типа у детей [9].

Исследования, проведенные в США, выявили, что при контакте с мобильным телефоном и при просмотре информации с экрана у ребенка интенсивнее вырабатывается дофамин, а общая реакция организма на количественное содержание дофамина снижается, что способствует формированию у детей психологической зависимости от использования мобильных устройств [10].

Ранний возраст начала использования мобильных устройств и длительное накопленное время их использования являются факторами, ведущим к нарушениям психики, что проявляется у ребенка гиперактивностью, повышенной раздражительностью, снижением долговременной памяти и умственной работоспособности, нарушением коммуникативных способностей, расстройством сна [11].

Дополнительным механизмом неблагоприятного воздействия является подавление выработки мелатонина под воздействием ЭМИ РЧ, генерируемых мобильным устройством, которые воспринимаются организмом как дневной свет. Это приводит к нарушению у детей восприятия времени суток и задержке начала сна, накоплению свободных радикалов, снижению иммунитета и противоопухолевой защиты. Нарушения сна, как правило, проявляются в сокращении общего времени ночного

го сна, прерывистом сне и повышении дневной сонливости. Во время медленной фазы сна вырабатывается гормон роста, стимулирующий размножение и рост клеток (соматотропин) [12].

Следовательно, нарушения сна определяют у ребенка дисбаланс в выработке гормона роста. В результате у детей существенно повышается риск нарушений роста и развития. Исследования, представленные в работах российских ученых, выявили негативные реакции у детей, использующих мобильные телефоны в образовательной организации, существенно отличающие их от сверстников, не использующих мобильные устройства. Негативные реакции проявлялись в виде ослабления смысловой памяти, снижения внимания, скорости аудиомоторной реакции, нарушений фонематического восприятия, раздражительности, нарушений сна, склонности к депрессивным состояниям.

В ходе исследований сделаны выводы о негативном влиянии электромагнитных полей на психическое здоровье детей. Данные эффекты существенно отражались на успешности ребёнка при обучении в образовательной организации. Нарушения фонематического восприятия вызывало множественные ошибки у детей в речи и в письме [7, 13, 14].

Аналогичные нарушения фонематического восприятия, по данным исследования в Индии, выявлены даже у взрослых пользователей мобильных телефонов [15].

Исследования, проведённые в США, свидетельствуют об отрицательной зависимости времени пользования смартфоном и успеваемостью у обучающихся: чем больше времени ежедневно он тратит на смартфон, тем хуже справляется с учебными тестами. Таким образом, интенсивное использование телефона даже для решения учебных задач может отрицательно сказываться на учебной деятельности. Объяснение полученной зависимости исследователи связывают с феноменом многозадачности. Многофункциональность телефона, наличие множества приложений неизбежно создают ситуацию многозадачности, требующую постоянных переключений с одного вида активности на другой, в том числе в процессе обучения. Это ведет к ухудшению усвоения материала и снижению успеваемости [16].

Для оценки роли использования смартфонов в учебной деятельности в Великобритании было проведено исследование, которое показало, что запрет на использование телефона в школе у 16-летних школьников повышает успешность сдачи тестов на 6,4% [17].

Существует целый ряд научных исследований, которые отмечают отрицательные последствия чрезмерного использования мобильного телефона: тревога, потеря чувства безопасности, частые изменения настроения, беспокойство из-за проблем с доступом к сервисам, чувство изоляции и покинутости в случае неполучения ожидаемых сообщений, нарушения сна, частые пробуждения для проверки поступивших СМС-сообщений или звонков, физические симптомы (боль в шее, эффект сухих глаз, нарушения зрения и др., слуховые и тактильные галлюцинации, бред, номофобия (страх остаться без телефона) и др.) [18].

Следующая сторона проблемы – связь между значительным суммарным временем, затрачиваемым на контакт с гаджетами и

детским ожирением. Дети, которые более 5 часов в день заняты с гаджетами, чаще имеют избыточный вес, чем их сверстники.

В 2001 г. Российский национальный комитет по защите от неионизирующих излучений (РНКЗНИ) рекомендовал не использовать мобильные телефоны детьми и подросткам до 18 лет.

Вопрос о чувствительности детского организма к воздействию ЭМП РЧ неоднократно поднимался на международных конгрессах, конференциях по вопросам воздействия ЭМП РЧ на организм человека (Сеул, Корея, 2001; Стамбул, Турция, 2004; Санкт-Петербург, Россия, 2005; Лондон, Великобритания, 2008; Брюссель, Бельгия, 2013).

В 2003 г. ВОЗ определила свою точку зрения на восприимчивость детей к воздействию факторов внешней среды: «Дети отличаются от взрослых. Дети имеют уникальную уязвимость, когда они растут и развиваются. У детей имеются “окна восприимчивости”: периоды, когда их органы и системы, возможно, приобретают особую чувствительность к воздействию определенных экологических угроз» [19].

Риски срочных и отсроченных неблагоприятных эффектов здоровью детей от воздействия ЭМП РЧ, генерируемых мобильными устройствами, определяют необходимость незамедлительного установления ограничений в их использовании в образовательных организациях.

В Австралии, Бельгии, Великобритании, Канаде, Малайзии, Нигерии, Франции, Узбекистане, Уганде по результатам эпидемиологических исследований выработаны рекомендации по режиму использования мобильной связи детьми, в том числе в образовательных учреждениях.

Так, во Франции принят закон, запрещающий в школах все виды мобильных телефонов, а также планшеты и смарт-часы [20].

В Бельгии [21] и Великобритании [22] вопрос запрета на использование мобильных телефонов решается по каждой школе индивидуально. Общего разрешительного или запретительного правила не установлено.

С 2019 г. запрещено пользоваться мобильными телефонами в школах провинции Онтарио (Канада) [23] и в штате Новый Южный Уэльс (Австралия) [24].

Запрещено пользоваться мобильными телефонами с 2012 г. в Малайзии и Нигерии, с 2013 г. – в Уганде [25].

В Республике Узбекистан на законодательном уровне утверждено Положение о порядке использования мобильных телефонов в образовательных учреждениях [26].

Материалы и методы. Материалами исследования явились результаты опроса общественного мнения населения 8 федеральных округов Российской Федерации. Опрос проводился Федеральной службой Роспотребнадзора совместно с Министерством Просвещения РФ и Рособрнадзором, с использованием кроссплатформенного программного средства, выставленного на сайтах Министерства Просвещения РФ, ФС Рособрнадзора и ФБУН «Новосибирский НИИ гигиены» Роспотребнадзора за период с 22.07.2019. по 10.08.2019. Всего приняли участие в опросе 3014 респондентов, в том числе 401

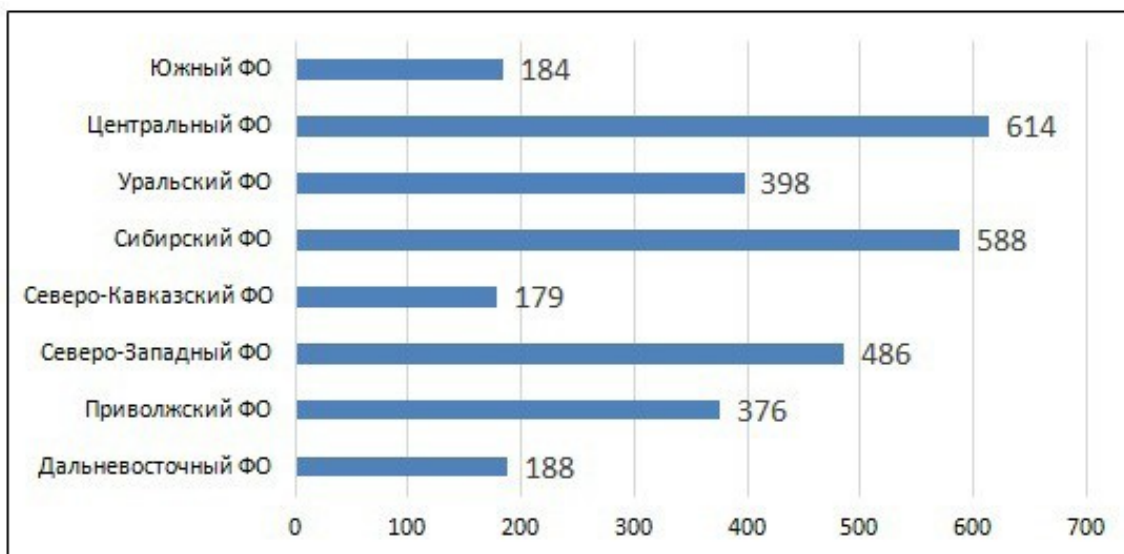

Рис. 1. Количество респондентов, ответивших на все вопросы опросника

Рис. 2. Средний показатель удельного веса респондентов, ответивших утвердительно (%)

обучающийся, 1568 родителей, 845 педагогических работников и 200 человек по группе «иные респонденты».

Результаты. Опрос общественного мнения проводился по 5 вопросам: «Считаете ли Вы риски здоровью от неупорядоченного использования сотовых телефонов в повседневной жизни значимыми для себя (ребенка-школьника)?»; «Согласны ли Вы с утверждением, что использование школьниками мобильных телефонов на уроке отвлекает и мешает усвоению учебного материала?»; «Считаете ли Вы, что введение ограничений на использование мобильных телефонов в школе требует широкого обсуждения?»; «Поддерживаете ли Вы ограничения по использованию мобильных телефонов школьниками во время уроков?»; «Как Вы считаете, должны ли преподаватели ограничивать себя в использовании сотового телефона в школе в личных целях в присутствии учащихся?».

Наиболее активно принимали участие в опросе жители Центрального ФО (614 респондентов), Сибирского ФО (588) и Северо-Западного ФО (486) (рис. 1).

Все респонденты изначально были разделены на 4 группы – обучающиеся, родители обучающихся (законные представители), педагоги, иные участники опроса.

В среднем удельный вес респондентов, ответивших утвердительно на предлагаемые вопросы, составил от 74,3 % до 85,2 % (рис. 2).

Группа «Обучающиеся» продемонстрировала наименьшие показатели удельного веса положительных ответов на вопрос осознания значимости влияния сотовых телефонов на здоровье – 53,5 % (при среднем показателе по всем респондентам – 78,7 %); а также влияния сотовых телефонов на усвояемость учебного материала в связи с отвлечениями во время урока на СМС-переписку, телефонные звонки, просмотр социальных сетей – 55,1 % (при среднем показателе по всем респондентам – 85,2 %), о необходимости широкого обсуждения введения ограничений на использование мобильных телефонов – 72,8 % (при среднем показателе по всем респондентам – 82 %), о необходимости ограничения использования мобильного телефона

учителями – 61,3 % (при среднем показателе – 74,3 %) (рис. 3, рис. 4, рис. 5). Следовательно, именно с детьми предстоит большая, многогранная организационно-методическая и разъяснительная работа.

Среди обучающихся наименьший удельный вес школьников, осознающих риски здоровью от неупорядоченного использования сотовых телефонов, отмечен в Уральском ФО (39,1 %), Северо-Западном ФО (43,2 %), и Центральном ФО (44,4 %); в среднем по РФ данный показатель составил 53,5 %. Наименьший удельный вес детей, согласных с утверждением, что сотовый телефон мешает усвоению учебного материала во время урока в связи с отвлечениями на СМС-переписку, телефонные звонки, просмотр социальных сетей, отмечался в Дальневосточном ФО (39,1 %), Центральном ФО (44,4 %), Уральском

ФО (45,7 %), Северо-Кавказском ФО (45,9 %); в среднем по РФ данный показатель составил 55,5 %.

Наиболее готовыми к введению ограничений на использование личных средств мобильной связи детьми в школе являются педагоги и родители (88,8-90,2 % от числа принявших участие в опросе), по группе «обучающиеся» данный показатель составил 61,1 %, т. е. каждый второй-третий ребенок сегодня не готов отказаться от сотового телефона во время нахождения в школе, в том числе во время уроков (рис. 6).

Коэффициент детерминации мнений респондентов о необходимости введения ограничений в использовании сотовых телефонов в школе и осознанием рисков здоровью составил 65,6 %-77,4 %; с отвлечениями на сотовый телефон во время уроков 60,8 %-73,9 % соответственно.

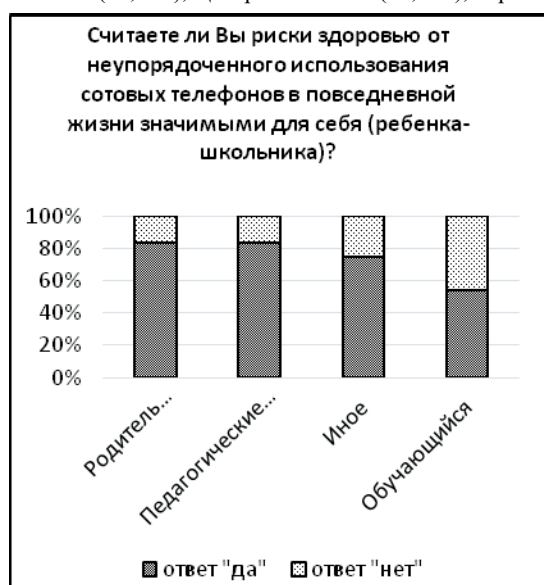

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос № 3 опросника (%)

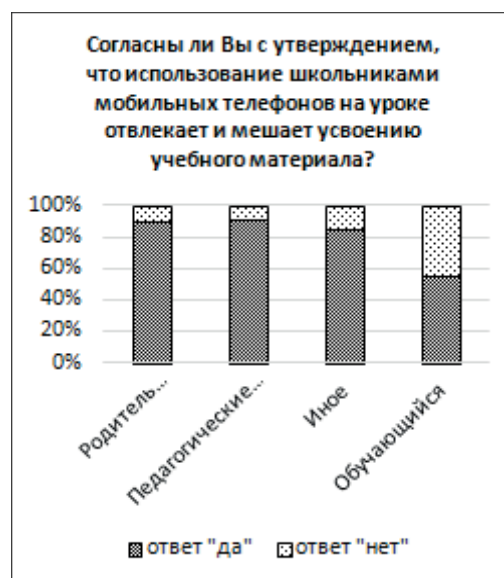

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос № 2 опросника (%)

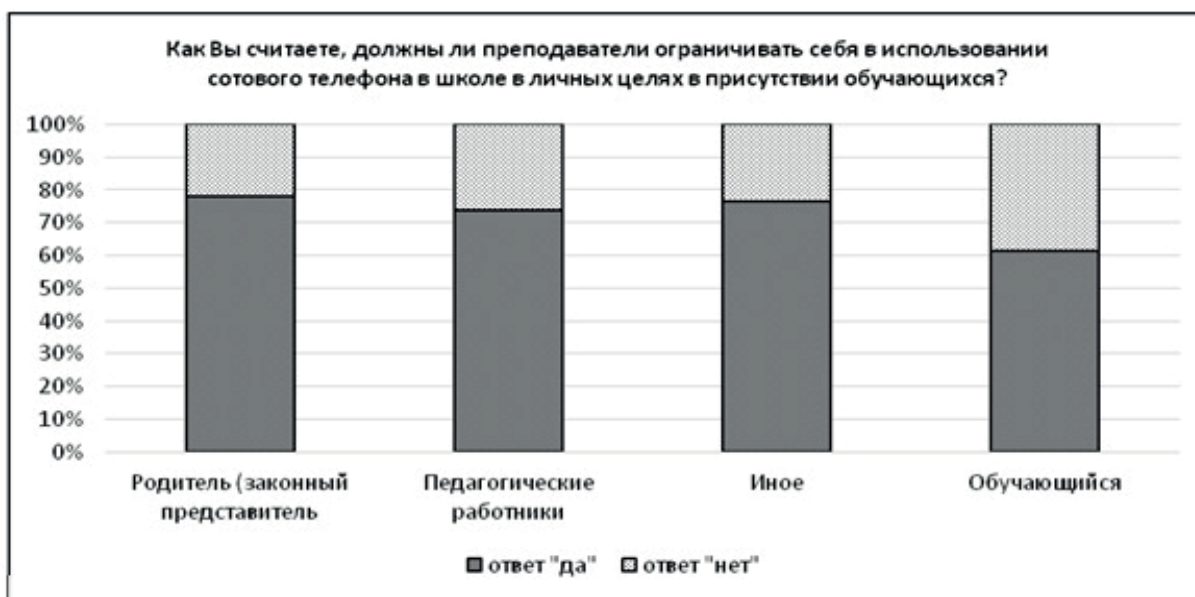

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос № 5 опросника (%)

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос № 4 опросника

Выводы:

1. Результаты научных исследований российских и зарубежных авторов свидетельствуют о необходимости родителей, педагогов, представителей государственной власти принимать во внимание возможные неблагоприятные эффекты и риски при использовании мобильных устройств детьми с целью пропаганды безопасного использования данных устройств.

2. Практика введения ограничительных или запретительных мероприятий на использование мобильных устройств детьми в период нахождения их в школах в некоторых зарубежных странах осуществляется с 2012 г. и свидетельствует об актуальности принимаемых решений о запрете или ограничении, при этом зачастую администрации школ предлагается вводить такие мероприятия на свое усмотрение.

3. Достаточно большое количество респондентов, участвующих в вопросе общественного мнения, характеризует выборку

как репрезентативную ($DI = 99 \% \pm 5 \%$) и позволяет считать результаты опроса как отражающие мнения заинтересованных групп населения РФ о запрете мобильных телефонов в школах.

4. Данные опроса свидетельствуют о том, что наиболее осведомленными в части рисков неблагоприятных эффектов при использовании мобильных телефонов школьниками и наиболее готовыми к введению ограничительных мероприятий оказались педагоги и родители. Школьники, наоборот, продемонстрировали наименьший удельный вес положительных ответов по всем вопросам и представляют собой именно ту группу, с которой предстоит проводить разъяснительную работу.

5. Результаты проведенного опроса демонстрируют достаточно большую заинтересованность населения в обсуждении введения ограничений на использование мобильных телефонов в школах и поддержке данного запрета.

Источники

1. IARC WHO. Classifies radiofrequency electromagnetic fields as possibly carcinogenic to humans. Press release № 208. 31 May 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iarc.fr/wp-content/uploads/2018/07/pr208_E.pdf
2. American Cancer Society [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cancer.org/research.html>
3. Gandhi P. d'Arsonval medal: address. Some bioelectromagnetics research at the University of Utah: acceptance speech on the occasion of receiving the d'Arsonval medal // Bioelectromagnetics. 1996. Vol.17. № 1. P.3–9. [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/AAP.2001/13, CPS 2010>
4. Lennart Hardella, Michael Carlberga, Kjell Hansson Mild. Use of mobile phones and cordless phones is associated with increased risk for glioma and acoustic neuroma // Pathophysiology № 20 (2013). P.85–110. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0928468012001101>
5. Hardell L., Carlberg M., Sderqvist F., Mild H. Pooled analysis of case-control studies on acoustic neuroma diagnosed 1997–2003 and 2007–2009 and use of mobile and cordless phones // Int. J. Oncol. 2013. Vol. 43. № 2. P. 1036–1044. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spandidos-publications.com/ijo/43/4/1036>
6. Deepshikha B. Leeprechanon N., Rattanadecho P., Wessapan T. Specific absorption rate and temperature elevation in the human head due to overexposure to mobile phone radiation with different usage patterns // International Journal of Heat and Mass Transfer № 130. 2019. P.1178–1188. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0017931018321604>
7. Григорьев Ю.Г., Самойлов А.С., Бушманов А.Ю., Хорсева Н.И. Мобильная связь и здоровье детей: проблема третьего тысячелетия // Медицинская радиология и радиационная безопасность. 2017. Т. 62, № 2. С. 39–46.
8. Ostrom Q.T., Gittleman H. et. al. Statistical Report: Primary brain and central nervous system tumors diagnosed in the United States in 2008–2012 // Neuro Oncol. 2015. Oct.17. Suppl. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/neuro-oncology/article/17/suppl_4

9. Salford, L., Brun A., Eberhardt J. et al. Nerve cell damage in mammalian brain after exposure to microwaves from GSM mobile phones // Proc. 3rd Int. EMF seminar in China EMF and biological effects. Guilin (China). Oct. 2003. P. 33–34. [Электронный ресурс]. URL: <https://ehp.niehs.nih.gov/doi/abs/10.1289/ehp.6039>
10. Day J.J., Roitman M.F., Wightman R.M., Carelli R.M. Associative learning mediates dynamic shifts in dopamine signaling in the nucleus accumbens // Nat. Neurosci. 2007. № 10. P. 1020–1028. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/nn1923>
11. Nathanson A.I., Alade F., Sharp M.L., Rasmussen E.E., Christy K. The relation between television exposure and executive function among preschoolers // Dev. Psychol. 2014. № 50. P. 1497–1506. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01833/full>
12. Owens, J.A. Adolescent Sleep Working Group, Committee on Adolescence. Insufficient sleep in adolescents and young adults: An update on causes and consequences // Pediatrics 2014. №134. P. 921–932. [Электронный ресурс]. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content>
13. Черненко, Ю.В., Гуменюк О.И. Гигиенические аспекты изучения влияния мобильных телефонов и персональных компьютеров на здоровье школьников // Гигиена и санитария. 2009. № 3. С. 84–86;
14. Хорсева Н.И., Григорьев Ю.Г., Горбунова Н.В. Психофизиологические показатели детей-пользователей мобильной связью. Сообщение 2. Результаты четырехлетнего мониторинга // Радиационная биология. Радиоэкология. 2011. Т. 51. № 5. С. 617–623.
15. Panda N. Jain R., Bakshi J. et al. Disturbances in long-Term Mobile phone users // J. Otolaryngology-Head and Neck Surgery. 2010. Vol. 39. № 1. P. 5–11. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/20122338>
16. Lepp A., Barkley J. E., Karpinski A. C. The relationship between cell phone use and academic performance in a sample of U. S. college students // SAGE Open. 2015. № 1–9. DOI: 10.1177/2158244015573169
17. Beland L.-P., Murphy R. Ill communication: technology, distraction and student performance // CEP Discussion Paper. 2015. № 1350. [Электронный ресурс]. URL: <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp1350.pdf>
18. Taneja C. The psychology of excessive cellular phone use // Delhi Psychiatry J. 2014. № 17. P. 448–451.
19. Медицинская радиология и радиационная безопасность. 2017. Том 62. № 2, с. 39–46. [Электронный ресурс]. URL: http://medradiol.ru/journal_medradiol/abstracts/2017/2/Grigorjev_full.pdf
20. LOI n° 2018-698 du 3 août 2018 relative à l'encadrement de l'utilisation du téléphone portable dans les établissements d'enseignement scolaire // Legifrance. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000037284333&dateTexte=&categorieLien=id>
21. Караева Е. Мобильные телефоны в школах: запреты и разрешения // Euronews. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.euronews.com/2018/09/03/ru-school-phones>.
22. Schools that ban mobile phones see better academic results // The Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/education/2015/may/16/schools-mobile-phones-academic-results>
23. Cell phones in the classroom: learning tool or distraction // Oxford Learning. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearning.com/should-cell-phones-be-allowed-classrooms/>
24. Should mobile phones be banned from schools? // Kidspot. [Электронный ресурс]. URL: <https://kidspot.co.nz/school-age/back-to-school/should-mobile-phones-be-banned-from-schools/>
25. Banning and unbanning phones in schools // World Bank Blogs. [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.worldbank.org/edutech/banning-and-unbanning-phones-schools>
26. Установлены правила пользования мобильными телефонами в образовательных учреждениях // NORMA. [Электронный ресурс]. URL: https://www.norma.uz/novoe_v_zakonodatelstve/ustanovleny_pravila_polzovaniya_mobilnymi_telefonami_v_obrazovatelnyh_uchrejeniyah

Информация об авторах

Новикова Ирина Игоревна

Доктор медицинских наук, профессор, директор ФБУН «Новосибирский НИИ гигиены» Роспотребнадзора (630108, РФ, г. Новосибирск, ул. Пархоменко, 7). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1105-471X>. E-mail: novik_ir70@rambler.ru

Зубцовская Нина Александровна

Младший научный сотрудник организационно-методического отдела ФБУН «Новосибирский НИИ гигиены» Роспотребнадзора (630108, РФ, г. Новосибирск, ул. Пархоменко, 7). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6817-200X>. E-mail: zubtsovskaya_na@niig.su

Романенко Сергей Павлович

Младший научный сотрудник отдела гигиенических исследований с лабораторией физических факторов ФБУН «Новосибирский НИИ гигиены» Роспотребнадзора (630108, РФ, г. Новосибирск, ул. Пархоменко, 7). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1375-0647>. E-mail: romanenko_sp@niig.su

Кондращенко Артур Игоревич

Младший научный сотрудник организационно-методического отдела ФБУН «Новосибирский НИИ гигиены» Роспотребнадзора (630108, РФ, г. Новосибирск, ул. Пархоменко, 7). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2864-1582>. E-mail: kondrashenko_ai@niig.su

Лобкис Мария Александровна

Младший научный сотрудник отдела гигиенических исследований с лабораторией физических факторов ФБУН «Новосибирский НИИ гигиены» Роспотребнадзора (630108, РФ, г. Новосибирск, ул. Пархоменко, 7). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8483-5229>. E-mail: lobkis_ma@niig.su

I. I. Novikova¹, N. A. Zubtsovskaya¹, S. P. Romanenko¹, A. I. Kondrashenko¹, M. A. Lobkis¹

¹Novosibirsk Research Institute of Hygiene of Rosпотребнадзор, Novosibirsk, Russian Federation

Effects of mobile phones on children's and adolescents' health

Abstract. The article discusses the existing problems when modern schoolchildren use mobile phones and other devices being at school both in the Russian Federation and abroad. Examples of restrictive measures for the use of mobile phones in educational organizations in different countries are given.

The article provides an overview of scientific research on the possible negative impact of mobile communication devices on child's health. Adverse reactions of child's body to the mobile devices effect are caused by electromagnetic radiation, high levels of sensory stimulation of the growing organism, increased load on the organ of vision. Within 2 weeks, with the help of the software displayed on the websites of the Ministry of Education of the Russian Federation, FS Rosobnadzor and FBUN Novosibirsk Research Institute of Hygiene, the Russian Federation conducted a survey of public opinion among parents, teachers and students of educational organizations concerning awareness of possible health risks in the use of mobile devices, as well as the introduction of restrictive measures in schools of the Russian federation. On average, the proportion of respondents who gave positive answers to the proposed questions ranged from 74.3% to 85.2%. Teachers and parents are the most ready to impose restrictions on the use of

personal means of mobile communication by children in school (88.8-90.2% of the number of participants in the survey), this indicator was 61.1% for the students group.

Keywords: mobile phones, health risks, survey, students.

Paper submitted: September 27, 2019

For citation: Novikova I. I., Zubtsovskaya N. A., Romanenko S. P., Kondrashenko A. I., Lobkis M. A. (2020). Effects of mobile phones on children's and adolescents' health. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 95–103. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.16

References

1. IARC WHO. Classifies radiofrequency electromagnetic fields as possibly carcinogenic to humans. Press release № 208. 31 May 2011. [Electronic resource]. Available at: https://www.iarc.fr/wp-content/uploads/2018/07/pr208_E.pdf
2. American Cancer Society [Electronic resource]. Available at: <https://www.cancer.org/research.html>
3. Gandhi P. d'Arsonval medal: address. Some bioelectromagnetics research at the University of Utah: acceptance speech on the occasion of receiving the d'Arsonval medal // Bioelectromagnetics. 1996. Vol. 17. № 1. P. 3–9. [Electronic resource]. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/AAP.2001/13, CPS 2010>
4. Lennart Hardella, Michael Carlberga, Kjell Hansson Mild. Use of mobile phones and cordless phones is associated with increased risk for glioma and acoustic neuroma // Pathophysiology № 20 (2013). P. 85–110. [Electronic resource]. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0928468012001101>
5. Hardell L., Carlberg M., Sderqvist F., Mild H. Pooled analysis of case-control studies on acoustic neuroma diagnosed 1997–2003 and 2007–2009 and use of mobile and cordless phones // Int. J. Oncol. 2013. Vol. 43. № 2. P. 1036–1044. [Electronic resource]. Available at: <https://www.spandidos-publications.com/ijco/43/4/1036>
6. Deepshikha B. Leeprechanon N., Rattanadecho P., Wessapan T. Specific absorption rate and temperature elevation in the human head due to overexposure to mobile phone radiation with different usage patterns // International Journal of Heat and Mass Transfer № 130. 2019. P. 1178–1188. [Electronic resource]. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0017931018321604>
7. Grigor'ev Ju.G., Samojlov A.S., Bushmanov A.Ju., Horseva N.I. Mobil'naja svjaz' i zdorov'e detej: problema tret'ego tysjacheletija // Medicinskaja radiologija i radiacionnaja bezopasnost'. 2017. T. 62, № 2. S. 39–46. (in Russian) [Mobile communication and health of children: problem of the third millennium // Medical radiology and radiation safety. 2017. T. 62, No. 2. Page 39–46].
8. Ostrom Q.T., Gittleman H. et al. Statistical Report: Primary brain and central nervous system tumors diagnosed in the United States in 2008–2012 // Neuro Oncol. 2015. Oct. 17. Suppl. 4. [Electronic resource]. Available at: https://academic.oup.com/neuro-oncology/article/17/suppl_4
9. Salford, L., Brun A., Eberhardt J. et al. Nerve cell damage in mammalian brain after exposure to microwaves from GSM mobile phones // Proc. 3rd Int. EMF seminar in China EMF and biological effects. Guilin (China). Oct. 2003. P. 33–34. [Electronic resource]. Available at: <https://ehp.niehs.nih.gov/doi/abs/10.1289/ehp.6039>
10. Day J.J., Roitman M.F., Wightman R.M., Carelli R.M. Associative learning mediates dynamic shifts in dopamine signaling in the nucleus accumbens // Nat. Neurosci. 2007. № 10. P. 1020–1028. [Electronic resource]. Available at: <https://www.nature.com/articles/nn1923>
11. Nathanson A.L., Alade F., Sharp M.L., Rasmussen E.E., Christy K. The relation between television exposure and executive function among preschoolers // Dev. Psychol. 2014. № 50. P. 1497–1506. [Electronic resource]. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01833/full>
12. Owens, J.A. Adolescent Sleep Working Group, Committee on Adolescence. Insufficient sleep in adolescents and young adults: An update on causes and consequences // Pediatrics 2014. № 134. P. 921–932. [Electronic resource]. Available at: <https://pediatrics.aappublications.org/content>
13. Chernenkov, Ju.V., Gumenjuk O.I. Gigienicheskie aspekty izucheniya vlijaniya mobil'nyh telefonov i personal'nyh komp'yutеров na zdorov'e shkol'nikov // Gigiena i sanitarija. 2009. № 3. S. 84–86 (in Russian) [Hygienic aspects of studying the impact of mobile phones and personal computers on schoolchildren's health. Hygiene and sanitation. 2009. № 3. Page 84–86]
14. Horseva N.I., Grigor'ev Ju.G., Gorbunova N.V. Psihofiziologicheskie pokazateli detej-pol'zovatelej mobil'noj svjaz'ju. Soobshhenie 2. Rezul'taty chetyrjohletnego monitoringa // Radiac. biologija. Radiojekonomika. 2011. T. 51. № 5. S. 617–623 (in Russian) [Psychophysiological indicators of children as mobile communication users. Report 2. Results of four-year monitoring. Radiac. biology. Radio ecology. 2011. T. 51. No. 5. Page 617–623]
15. Panda N. Jain R., Bakshi J. et al. Disturbances in long-Term Mobile phone users // J. Otolaryngology-Head and Neck Surgery. 2010. Vol. 39. № 1. P. 5–11. [Electronic resource]. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/20122338>
16. Lepp A., Barkley J. E., Karpinski A. C. The relationship between cell phone use and academic performance in a sample of U. S. college students // SAGE Open. 2015. № 1–9. DOI: 10.1177/2158244015573169
17. Beland L.-P., Murphy R. Ill communication: technology, distraction and student performance // CEP Discussion Paper. 2015. № 1350. [Electronic resource]. Available at: <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp1350.pdf>
18. Taneja C. The psychology of excessive cellular phone use // Delhi Psychiatry J. 2014. № 17. P. 448–451.
19. Medicinskaja radiologija i radiacionnaja bezopasnost'. 2017. Tom 62. № 2, s. 39–46 (in Russian) [Medical radiology and radiation safety. 2017. Volume 62. No. 2, p. 39–46]. [Electronic resource]. Available at: http://medradiol.ru/journal_medradiol/abstracts/2017/2/Grigorjev_full.pdf
20. LAW n° 2018-698 of 3 August 2018 relating to the supervision of the use of the mobile phone in educational establishments. Legifrance. [Electronic resource]. Available at: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000037284333&dateTexte=&categorieLien=id>
21. Karaeva E. Mobile phones in schools: prohibitions and permissions. Euronews. [Electronic resource]. Available at: <https://ru.euronews.com/2018/09/03/ru-school-phones>
22. Schools that ban mobile phones see better academic results. The Guardian. [Electronic resource]. Available at: <https://www.theguardian.com/education/2015/may/16/schools-mobile-phones-academic-results>
23. Cell phones in the classroom: learning tool or distraction. Oxford Learning. [Electronic resource]. Available at: <https://www.oxfordlearning.com/should-cell-phones-be-allowed-classrooms/>
24. Should mobile phones be banned from schools? Kidspot. [Electronic resource]. Available at: <https://kidspot.co.nz/school-age/back-to-school/should-mobile-phones-be-banned-from-schools/>
25. Banning and unbanning phones in schools. World Bank Blogs. [Electronic resource]. Available at: <https://blogs.worldbank.org/edutech/banning-and-unbanning-phones-schools>
26. The rules for the use of mobile phones in educational institutions. NORMA. [Electronic resource]. Available at: https://www.norma.uz/novoe_v_zakonodatelstve/ustanovleny_pravila_polzovaniya_mobilnymi_telefonami_v_obrazovatelnyh_uchrejdennyh

Information about the authors***Irina I. Novikova***

Dr. Sc. (Medic.), Professor, Head of the Federal State Budgetary Institution "Novosibirsk Research Institute of Hygiene" Rospotrebnadzor (7, Parkhomenko st., Novosibirsk, 630108, Russian Federation). E-mail: novik_ir70@rambler.ru

Nina A. Zubtsovskaya

Research Assistant. Federal State Budgetary Institution "Novosibirsk Research Institute of Hygiene" Rospotrebnadzor (7, Parkhomenko st., Novosibirsk, 630108, Russian Federation). E-mail: zubtsovskaya_na@niig.su

Sergey P. Romanenko

Research Assistant. Federal State Budgetary Institution "Novosibirsk Research Institute of Hygiene" Rospotrebnadzor (7, Parkhomenko st., Novosibirsk, 630108, Russian Federation). E-mail: romanenko_sp@niig.su

Artur I. Kondrashenko

Research Assistant. Federal State Budgetary Institution "Novosibirsk Research Institute of Hygiene" Rospotrebnadzor (7, Parkhomenko st., Novosibirsk, 630108, Russian Federation). E-mail: kondrashenko_ai@niig.su

Maria A. Lobkis

Research Assistant. Federal State Budgetary Institution "Novosibirsk Research Institute of Hygiene" Rospotrebnadzor (7, Parkhomenko st., Novosibirsk, 630108, Russian Federation). E-mail: lobkis_ma@niig.su

© И. И. Новикова, Н. А. Зубцовская, С. П. Романенко, А. И. Кондращенко, М. А. Лобкис, 2019

УДК 616.89

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.17

Н. В. Александрова^{1,2}, А. М. Белкина^{1,3}

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

²Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

³Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой, г. Омск, Российская Федерация

Интегративная модель социального сопровождения воспитания детей, страдающих психическими расстройствами

Аннотация. Существующие подходы социальной работы в психиатрии затрагивают только микро- и мезоуровни. Стигматизированное отношение к детям и подросткам с расстройствами психики на макроуровне является препятствием к их адекватному сопровождению. Предложена интегративная модель социального сопровождения на основе соединения существующих методов социальной работы в детской психиатрии с авторским подходом по просвещению в области психиатрии во внеклинических социальных пространствах специалистов и родителей. Методологическая основа исследования – комплексный подход Б. Г. Ананьева, сутью которого является интеграция биологической сущности, психологического и социального в человеке. Предложена интегративная модель социальной работы с указанной категорией пациентов на разных этапах течения заболевания внутри клиники и вне ее стен. Интеграция социального сопровождения воспитания детей, страдающих психическими расстройствами, на макроуровне вместе с имеющимися подходами, охватывающими микро- и мезоуровень, делает этот процесс более результативным.

Ключевые слова: внеклинические социальные пространства, воспитание детей, страдающих психическими расстройствами, интегративная модель социального сопровождения, социальная работа в психиатрии, социальная реабилитация.

Дата поступления статьи: 8 сентября 2019 г.

Для цитирования: Александрова Н. В., Белкина А. М. (2020). Интегративная модель социального сопровождения воспитания детей, страдающих психическими расстройствами // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 104–107. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.17

Проблема и цель. Распространенность психических расстройств среди детского населения очень высока. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, 20 % детей и подростков в России имеют проблемы психического здоровья, а 40 % из них находятся в неблагоприятных для психического здоровья условиях [1].

Воспитание детей с психическими расстройствами – это не только педагогическая деятельность. Ведь формирование их высших психических функций нарушено как на психологическом и социальном, так и на биологическом (в силу болезненного процесса в субстрате психики – центральной нервной системе) уровнях. Это зачастую вызывает затруднения у специалистов психолого-педагогического профиля, получавших профессиональное образование для работы со здоровыми детьми, снижая результативность учебно-воспитательного процесса. Ведь, по канонам классической педагогики, воспитание и обучение, формирование поведенческих и социальных навыков происходит путем направленного развития – через обучение, или ненаправленного, т. е. перенимается ребенком посредством подражания. Соответственно, в тех случаях, когда специалисту или родителю не удастся гармоничное воспитание, это, по мнению не осведомленного в области проблем детского психического здоровья социума, может быть следствием их непрофессионализма или недобросовестности. Возникает глубокая профессиональная неудовлетворенность и эмоциональное выгорание педагогов и выраженная фрустрационная невротизация родителей. У детей же психическая болезнь приводит к

затруднениям в обучении, конфликтам и дезадаптации в коллективе, провоцирует социальную изоляцию и последующие трудноразрешимые проблемы взрослой жизни.

Диагностические и лечебные возможности детской психиатрии достигли достаточно высокого уровня. Однако, несмотря на существование эффективных видов лечения психических расстройств, существует стигматизация психиатрии: населения, когда-либо обращавшегося к врачам-психиатрам, врачей, методов лечения, психиатрических лечебных заведений. Дети и подростки, страдающие психическими заболеваниями, их родители, боясь неблагоприятного отношения общества, стыдятся быть психически больными, медлят с обращением за помощью к врачам-психиатрам или не обращаются совсем. Социальная ситуация вокруг этой категории пациентов практически не меняется десятилетиями, усугубляясь антипсихиатрическими течениями. Это усугубляет выраженность заболевания, повышая риск социальной дезадаптации. Известны случаи суицидальных последствий этого явления. По данным Федерального портала государственной статистики, 50 тысяч подростков ежегодно погибают в результате самоубийства [2].

В то же время имеются достаточно эффективные подходы к социальному сопровождению психиатрических пациентов, которые позволяют улучшить их социальную ситуацию во многих социальных контекстах.

С учетом актуальности макросоциальной составляющей сопровождения воспитания несовершеннолетних с психиче-

скими расстройствами, нами проведена интеграция известных направлений социальной работы в детской психиатрии на больничном этапе – на микро- и мезоуровне и просветительской деятельности во внеклинических социальных пространствах – социального сопровождения на макроуровне.

Такой подход является интегративной моделью социального сопровождения воспитания детей, страдающих психическими расстройствами. Работа ведется с пациентами в возрасте от 3-х до 18 лет и их семьями в бюджетном учреждении здравоохранения Омской области «Клинической психиатрической больнице им. Н. Н. Солодников» в периоды их амбулаторного обращения и госпитализации и за стенами этого медицинского учреждения.

Методология. Методологическая основа исследования – комплексный подход Б. Г. Ананьева, сутью которого является интеграция биологической сущности, психологического и социального в человеке.

Результаты. Предложена интегративная модель социальной работы с указанной категорией пациентов на разных этапах течения заболевания внутри клиники и вне ее стен.

С учетом междисциплинарной природы проблемы воспитания психически больных детей необходимо формирование интеграции составляющих этого процесса. Связующим звеном между семьями, воспитывающими детей с нарушениями психического здоровья, психиатрической службой и обществом является институт социальной работы. Главной особенностью оказания психиатрической помощи детям является взаимодействие трех государственных структур – медицины, социальной защиты и образования.

Социальная защита населения – система принципов, методов, законодательно установленных государством социальных гарантий, мероприятий и учреждений, обеспечивающих предоставление оптимальных условий жизни, удовлетворение потребностей, поддержание жизнеобеспечения и деятельного существования личности, различных социальных категорий и групп; совокупность мер, действий, средств государства и общества, направленных против ситуаций риска в нормальной жизни граждан; комплекс государственных мер социально-экономического и правового характера по обеспечению гарантированного государством уровня жизни социально уязвимых слоев населения в период экономических преобразований и связанного с этим снижения их уровня жизни [3].

Поэтому включение социального сопровождения воспитания указанной категории детского населения позволяет, с одной стороны, способствовать своевременному обращению их родителей за психиатрической помощью, с другой – оказывать поддержку детям и подросткам с психическими расстройствами на внебольничном этапе.

Включение специалиста по социальной работе в воспитание психически больных детей и подростков происходит на всех этапах оказываемой им помощи. При манифесте заболевания специалист по социальной работе в составе полипрофессиональной бригады совместно с врачами психиатром и психотерапевтом, а также с медицинским психологом начинает работу

с ребенком, восстанавливая нарушенные болезнью функции психики и социальные связи.

После устранения острых проявлений расстройства на первый план выходит оказание социальной помощи. Специалист на основании выявления нарушенных сфер функционирования ребенка проводит консультативные беседы и с его родителями и близким социальным окружением. В зависимости от возраста ребенка, наличия сохраненных и выявления утраченных функций организовывается творческое трудовое обучение с целью освоения основ профессии, прививаются навыки здорового образа жизни, ведения хозяйства, оказывается, совместно с педагогом, помощь в выборе образовательного маршрута. В результате происходит формирование положительного эмоционального фона, облегчающего социальную адаптацию детей и подростков [4].

На заключительном этапе производится работа по повышению социального статуса психически больного ребенка. Специалист по социальной работе проводит занятия на развитие интеллектуального и творческого потенциала ребенка, формирование навыков общения и саморегуляции. В зависимости от тяжести болезни форма занятий может быть как индивидуальной, так и групповой. Часть занятий предполагает вовлечение родителей или их законных представителей, близких родственников. На этом этапе юный пациент получает представления о различных направлениях в образовании, профориентационное психологическое консультирование, творческое трудовое обучение, у него формируются представления о доступных форматах получения образования, развивается познавательный творческий интерес [5].

Основой социального сопровождения воспитания детей с психическими расстройствами являются как можно более раннее начало осуществления реабилитационных мероприятий, непрерывность и поэтапность их проведения, системный и комплексный характер осуществляемых программ; индивидуальный подход к определению объема, характера и направленности мероприятий.

Основными видами социального сопровождения детей и подростков являются:

1. Помощь при трудоустройстве подростка; поиск для него подходящего места работы.
2. Содействие в профессиональной подготовке подростка или его переподготовке; обучение организации быта детей и подростков.
3. Обучение навыкам коммуникации, их восстановление.
4. Просвещение в сфере досуга.

Целью психосоциальной реабилитации является улучшение качества жизни и социального функционирования детей и подростков с психическими расстройствами посредством сопровождения их в преодолении социальной отчужденности [6].

На всех этапах социального сопровождения также предоставляется эмоциональная поддержка ребенку и его родственникам [3, 4]. Это понятие включает в себя индивидуальные и групповые занятия, необходимые для построения индивидуального плана социальной реабилитации, а также для решения тех социальных проблем ребенка, страдающего психическим

расстройством, которые нельзя разрешить при участии пациента в других формах работы.

Для эффективного решения возникающих проблем людям, страдающим серьезными психическими расстройствами, необходимы определенные знания, умения, навыки. В основе их выработки лежат методы, разработанные с учетом принципов социального научения. При этом используются методы активно-директивного научения – бихевиоральные упражнения и ролевые игры, последовательное формирование элементов поведения, наставничество, подсказывания, а также осуществляется обобщение приобретенных навыков. Доказано, что выработка навыков и умений развивает у людей с тяжелыми психическими расстройствами способности к независимой жизни [7]. Включение в социальное сопровождение воспитания программ по восстановлению навыков независимого проживания производится практически для каждого пациента.

Работа с семьей является одним из основных направлений социального сопровождения воспитания пациентов. В своей повседневной деятельности семьи сталкиваются с тем фактом, что и сами пациенты, и их родственники не получают четких разъяснений относительно характера и особенностей имеющегося психического расстройства, правил общения в семье с больным ребенком, многие годами носят в себе свои переживания и тревоги [8]. С целью подготовки семей к адекватному восприятию личности психически больного человека, повышения качества ухода за ним, нормализации семейных отношений и более успешной адаптации к условиям жизнедеятельности в обществе специалистом по социальной работе реализуются психолого-образовательные программы. Предоставление эмоциональной поддержки – ключевое содержание социального сопровождения воспитания психически больного ребенка. При этом функция оказания эмоциональной поддержки возложена именно на специалиста по социальной работе. Социальные вмешательства проводятся с опорой на сохранные возможности личности.

Следовательно, имеющиеся подходы к социальному сопровождению юных пациентов охватывают микроуровень – его самого, и мезоуровень – семью, родственников и образовательную среду.

Макроуровень – это общество, с которым сталкивается в разных контекстах ребенок и его семья. Работа в нашей модели на этом уровне проводится нами во внеклинических социальных пространствах. Налажено и развивается межведомственное взаимодействие детской психиатрической службы и ведомств, имеющих отношение к сопровождению психически больных детей. Проводятся мероприятия обучающего характера, мероприятия с педагогической направленностью для родителей и близкого окружения пациентов. Нами осуществляются встречи с такими категориями слушателей, как педагоги и психологи, специалисты сферы социального обслуживания населения, органов опеки и попечительства, правопорядка, комиссии по делам несовершеннолетних, родители из приемных и замещающих семей. Это те люди, которые в каких-либо жизненных или профессиональных ситуациях сталкиваются с проявлениями нарушений детского психического здоровья. Осуществляется популяризация основ психиатрии и законодательных основ этой области медицины. Это способствует снижению социальной стигматизации, имеющей глубокие корни в современном обществе, вызывает очень глубокий интерес. Ведется работа со средствами массовой информации. Такие виды деятельности формируют лучшее понимание населением региона проблем детского психического здоровья и их решения, повышают доверие к специалистам, оказывающим психиатрическую и психотерапевтическую помощь [9].

Выводы. Таким образом, специфика детских и подростковых психических расстройств, их биопсихосоциальная природа, обуславливающие проблемы их воспитания, обосновывают активное включение в этот процесс социального сопровождения на всех этапах заболевания. Работа по интегративной модели социального сопровождения воспитания детей, страдающих психическими расстройствами, представлена сопровождением ребенка и его семьи в период обращения за помощью в клинику и просветительской деятельностью во внеклинических социальных пространствах. Такой подход позволяет минимизировать препятствия к воспитанию. Это приводит к оптимизации педагогического сопровождения детей с психическими заболеваниями, выработке нового образа жизни пациента, полноценному взаимодействию с семьей и сверстниками, адекватному его восприятию обществом.

Источники

1. Всемирная организация здравоохранения. Психическое здоровье. [Электронный ресурс]. URL: https://www.who.int/topics/mental_health/ru/ (дата обращения 19.08.19).
2. Демографический ежегодник. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf. (дата обращения 20.08.19)
3. Абабнх О. Н. Социальная работа с детьми и подростками в психиатрии. [Электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/archive/244/56393/> (дата обращения: 21.08.2019).
4. Гурович И. А., Шмуклер А. Б., Сторожакова Я. А. Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии. М. 2004. 492 с.
5. Что такое психическое здоровье [Электронный ресурс]. URL: <https://wikigrowth.ru/psychologiya/psihicheskoe-zdorovie/> (дата обращения 19.08.19).
6. Российская Федерация. Законы: ст. 02.07.1992 № 3185-1 О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/.
7. Незнанов Н. Г., Кочорова Л. В., Вишняков Н. И., Борцов А. В. Организационная эволюция системы психиатрической помощи. СПб., 2006. 472 с.
8. Лиманкин О. В. Современные тенденции развития общественно-ориентированной психиатрической помощи. СПб.: Таро, 2015. 228 с.
9. Александрова Н. В. Компетентность педагогов в области проблем детского психического здоровья как условие успешного учебно-воспитательного процесса. // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 1 (31). С. 70–73.

Информация об авторах

Александрова Наталия Викторовна

Кандидат медицинских наук, доцент. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а), Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7026-7227>. E-mail: natalie_v_al@inbox.ru

Белкина Александра Михайловна

Магистрант. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, Омск, пр. Мира, 55а).

Специалист по социальной работе. Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой (644070, РФ, г. Омск, ул. Куйбышева, 30). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7563-1064>. E-mail: honey.alva@mail.ru

N. V. Alexandrova^{1,2}, A. M. Belkina^{1,3}¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation²Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation³Solodnikov Clinical Psychiatric Hospital, Omsk, Russian Federation**Integrative model of social support for education of children who have mental disorders**

Abstract. The existing approaches to social work in psychiatry affect only micro- and mesolevels. The stigmatized treatment of children and teenagers with mental disorders at macrolevel is an obstacle to their adequate support. The article proposes an integrative model of social support based on combining existing methods of social work in child psychiatry with the author's approach to education in the field of psychiatry in extra-clinical social spaces of experts and parents. The methodological foundation of the research is B. G. Ananiev's complex approach, which basis is integration of biological essence, psychological and social matters in a person. An integrative model of social work with the specified category of patients at different stages of the disease inside the clinic and outside its walls. Integration of social support for education of children having mental disorders at macrolevel together with the existing approaches, which cover micro- and mesolevels, makes this process more effective.

Keywords: extra-clinical social spaces, education of children having mental disorders, integrative model of social support, social work in psychiatry, social rehabilitation.

Paper submitted: September 8, 2019

For citation: Alexandrova N. V., Belkina A. M. (2020). Integrative model of social support for education of children who have mental disorders. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 104–107. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.17

References

1. World Health Organization. Mental health. [Electronic resource] Available at: https://www.who.int/topics/mental_health/ru/ (accessed 19.08.2019).
2. Demography yearbook. [Electronic resource] Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (accessed 20.08.2019).
3. Ababneh O. N. Social work with children and teenagers in psychiatry. [Electronic resource] Available at: <https://moluch.ru/archive/244/56393/> (accessed 21.08.2019).
4. Gurovich I. A., Shmukler A. B., Storozhakova Ya. A. Psychosocial therapy and psychosocial rehabilitation in psychiatry. Moscow, 2004. 492 p. (In Russ.).
5. Mental health: what it is. [Electronic resource] Available at: <https://wikigrowth.ru/psihologiya/psihicheskoe-zdorovie/> (accessed 19.08.2018).
6. The Law of the Russian Federation On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens Rights in Its Provision. [Electronic resource] Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (accessed 19.08.2019).
7. Neznanov N. G., Kochorova L. V., Vishnyakov N. I., Bortsov A. V. Organizational evolution of the system of psychiatric care. SPb: 2006, 472 p. (In Russ.).
8. Limankin O. V. Modern trends in the development of socially oriented psychiatric care]. SPb: Taro Publ., 2015, 228 p. (In Russ.).
9. Aleksandrova N. V. Competence of teachers in the field of children's mental health problems as a condition for a successful educational process. The Science of Person: Humanitarian Researches. Omsk, 2018, pp. 70-73.

Information about the authors

Nataliya V. Alexandrova,

Cand. Sc. (Medic.), Associate Professor. Dostoevsky Omsk State University (55a Mira ave., Omsk, 644077, Russian Federation). Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: natalie_v_al@inbox.ru

Alexandra M. Belkina

Undergraduate. Dostoevsky Omsk State University (55a Mira ave., Omsk, 644077, Russian Federation).

Social Work Specialist. Solodnikov Clinical Psychiatric Hospital (30 Kuybysheva st., Omsk, 644070, Russian Federation). E-mail: honey.alva@mail.ru

© Н. В. Александрова, А. М. Белкина, 2020

УДК 376.2

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.18

Н. Л. Харченко¹

¹ Московский государственный институт физической культуры, спорта и туризма им. Ю. А. Сенкевича, г. Москва, Российская Федерация

Основные этапы становления образования лиц с ОВЗ

Аннотация. Статья посвящена изучению основных этапов становления и развития инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в России и Европе. Образование как процесс накопления определённых знаний, умений и навыков является неотъемлемой составной частью социально-психологической адаптации и интеграции детей в социум. Инклюзия имеет цель обеспечить таким детям доступ к накопленным человечеством знаниям и культурно-историческому наследию. Исследование проводится на основе ретроспективного анализа и изучения эволюции взаимоотношений всех участников инклюзивного образовательного процесса с IX в. до н. э. до XIX в. Результаты заключаются в понимании того факта, что эволюционные изменения в отношении людей с ОВЗ имеют определённые исторические периоды. Были в истории времена, когда от людей с ОВЗ избавлялись, уничтожали; выражали сочувствие и заботу, лечили, учили. Их исключали из жизни общества, потому что они не «подходили» ему, их насильно подвергали стерилизации; когда они были объектами насмешек; их принудительно отправляли в закрытые учреждения и психиатрические больницы, где многие из них оставались на протяжении жизни. Делаются выводы, что политика многих государств в отношении людей с ОВЗ в течение длительного времени была направлена на одну цель – сделать их «незаметными» и скрыть от предвзятого общества. Необразованность, пренебрежение, предрассудки и страх – вот социальные факторы, которые на протяжении всей истории были препятствием для развития способностей людей с инвалидностью и приводили к их изоляции.

Ключевые слова: ограниченные возможности здоровья, инклюзивное обучение, инвалидность, социальные реформы.

Дата поступления статьи: 29 апреля 2020 г.

Для цитирования: Н. Л. Харченко (2020). Основные этапы становления образования лиц с ОВЗ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 108–112. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.18

Проблема и цель. Статья написана на основе изучения и сравнения материалов известных учёных, занимавшихся вопросами ретроспективного анализа эволюции взаимоотношений участников процесса реализации инклюзивного обучения. Социальные и образовательные проблемы детей с ограниченными возможностями здоровья существуют издавна и являются неотъемлемым элементом общественной жизни. Основные аспекты реализации инклюзивного образования, письменные источники и другие исторические данные содержат информацию об элементах воспитания, дидактики и места в обществе людей с особыми потребностями со времён первых цивилизаций. Вопросам исторического становления образования и медицины детей с особыми потребностями посвятили свои исследования учёные М. Н. Малофеев [1], В. И. Селиверстов [2], А. В. Безлюдова [3], А. Г. Басов [4].

Методология. Н. П. Артющенко, обобщив опыт вышеуказанных учёных, выделяет пять исторических этапов становления образования детей с ограниченными возможностями здоровья: первый этап характеризуется переходом от агрессии и нетерпимости к постепенному осознанию необходимости заботы о людях с ограниченными возможностями здоровья; второй – постепенным осознанием возможности обучения слепых и глухих детей, открытием первых приютов, где был получен опыт индивидуального обучения для открытия специальных учреждений; третий этап характеризуется переходом от осознания возможности к пониманию целесообразности обучения умственно отсталых детей и детей с нарушениями слуха и зре-

ния; четвертый этап – путь от осознания необходимости обучения части детей с ограниченными возможностями здоровья к обучению всех детей со специфическими потребностями. Последний этап включает осознание обществом необходимости отмены изоляции детей с ограниченными возможностями и интеграцию их со здоровыми детьми в рамках совместного учебного процесса [5, с. 17–18].

Давний период, связанный со становлением отношений общества и человека, который имеет ограниченные возможности здоровья, длился от IX в. до н. э. до XVIII в. н. э. Он характеризуется донаучным подходом, в котором выделяют несколько этапов позитивных изменений, которые предусматривали постепенный переход от нетерпимости к осознанию необходимости оказания социального внимания людям с ОВЗ, а впоследствии – к обучению слепых и глухих детей в специальных учреждениях.

С давних пор в европейских странах закрепилось негативное отношение к детям с врожденными пороками. Так, в древней Спарте знаменитый законодатель Ликург постановил обязательное для всех мальчиков общественное воспитание с 7 до 20 лет, зато неполноценные дети подлежали физическому уничтожению. В других античных городах-государствах, как отмечают А. Г. Басов и С. Ф. Егоров, младенцы с врожденными дефектами автоматически получали статус рабов, вне зависимости от происхождения, и были обречены либо на физическую, либо на социальную смерть [4, с. 70]. Подобное отношение к врожденным недостаткам сохранялось на

всей территории Европы не только на дохристианском этапе, но и на начальных стадиях введения христианства, когда в большинстве стран продолжало действовать римское право и были крепкими языческие традиции, и статус людей с ограниченными возможностями здоровья оставался дискриминированным.

Новым этапом оказались IV–VII века, когда в европейских странах распространились христианские гуманистические традиции. Тогда при монастырях начали открывать приюты и специальные, так называемые хосписы – медицинские учреждения, в которых больные с негативным прогнозом находились под наблюдением и получали уход. В этот период господствовала социальная амбивалентность: с одной стороны, присутствовали неприятие и предвзятость в отношении людей с ОВЗ, распространялись негативные стереотипы и отчуждённость, но с другой – во всех странах Европы, прежде всего благодаря церкви, строились светские и монастырские больницы, приюты, лепрозории. По мнению М. Н. Малофеева, переломным моментом в гуманизации европейского образования для детей с ограниченными возможностями здоровья являлось открытие первого светского убежища для слепых в Баварии, что стало первым актом государственного внимания к этой категории населения [6, с. 3].

Эпоха Возрождения принесла в Европу идеи антропоцентризма и гуманизма. В это время возникли новые благоприятные условия для интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья с обществом. Гуманизм противопоставлял теологии и схоластике светскую науку, а главное – идеал жизнерадостного, полноценного и свободного духом человека. Постепенно отходят на второй план телесные наказания, а заодно и нетерпимость и презрение к неполноценным детям. Появляются идеи «возвращения инвалидов в общество», вводится индивидуальное обучение, воспитание и «гражданская реабилитация» [4]. Важной теоретической работой того периода стала утопия Томаса Мора «Золотая книга о лучшем народе и о новом острове «Утопия», где в идеалистической манере были изложены основы равноправного образования независимо от половой принадлежности и состояния здоровья. Автор подчёркивал, что люди, которые не могут заниматься полноценным физическим трудом, предназначены для работы умственной.

Важным фактором социальных реформ эпохи Возрождения была Реформация, которая противопоставила диктатуре канонической церкви гибкую систему либеральных реформ. Вместо статуса «божьего промысла», который предусматривал обречённость и смирение, протестанты ввели новый взгляд на милосердие, начали действовать нормы общественной благотворительности, то есть наблюдалось зарождение социальной политики, распространение светской благотворительности под патронатом государства [5, с. 20]. В это время появились труды Я. А. Коменского, в частности «Великая дидактика», где впервые заложены основы адаптации непол-

ноценных детей к среде по принципу «пригодности» через индивидуальный подход в обучении согласно потребностям и возможностям ученика.

Исследователь истории инклюзивного образования Н. П. Артюшенко, кроме вышеупомянутого, выделяет в эпохе Возрождения урбанизацию, а позже – Великую французскую революцию как важные предпосылки развития социального внимания к людям с врождёнными дефектами [5, с. 20–21]. Именно рост городов и их промышленного потенциала способствовали привлечению широких слоёв населения к производственному, культурному и творческому процессам, а разделение труда дало возможность быть вовлечёнными в производство и людям с ограниченными возможностями здоровья.

Так, с урбанизацией связано становление и развитие социальных институтов (книгопечатания, университетов, школ), которые изменили психологию тогдашнего человека в сторону либерализации, повышения культурного уровня, а следовательно, и потребности в полноценном обучении и воспитании собственных детей независимо от природных способностей. На фоне идей гуманизма и приобретения прав и свобод гражданами европейских стран нетерпимость и отчуждение по отношению к инвалидам и людям с ОВЗ постепенно меняются, «смягчаются», что способствует новой волне открытия государственных школ и приютов для этой категории населения.

Великая французская буржуазная революция углубила гуманистические, либеральные и мировоззренческие тенденции европейского населения и представителей власти. В этот период европейские монархи впервые пересматривают законодательный статус инвалидов, которые с тех пор приобретают больше прав, прежде всего в образовании. Это касалось в первую очередь детей с недостатками слуха и зрения. Постепенно развивается и получает распространение индивидуальное обучение детей с ОВЗ, возникшее как результат взаимодействия, с одной стороны, родителей, пытавшихся закрепить полноценный юридический статус детей с врождёнными пороками, а с другой – священников-филантропов. Опыт индивидуального обучения постепенно влиял на общественное мнение в плане статуса и прав детей-инвалидов, в результате чего на основании принципов Декларации прав человека и гражданина, принятой после Великой французской революции, начали открываться государственные специальные школы для детей с сенсорными нарушениями (слух, зрение), в том числе такие школы были открыты в Париже (в 1784 году – для слепых, в 1770 году – для глухих) [5, с. 35].

Во Франции в 1770 г. была открыта первая в мире частная школа – Парижский институт глухонемых, организатором которого выступил Ш. М. де Эппе, создатель мимического метода. В дальнейшем идеи Ш. М. де Эппе развивал Р. А. Сикар, разработавший систему всестороннего развития личности глухого ребёнка на основе усвоения ряда общеобразо-

вательных знаний, подготовки к труду и жизни в обществе. В 1858 году была издана монография французского педагога А. Бланше для учителей народных школ «Руководство для наставника: об обучении глухонемых в народных школах», автор внес большой вклад в методику обучения глухонемых детей в массовых школах на основе использования мимики, жестов, дактильной азбуки [7].

В нашей стране социальная поддержка людей с ограниченными возможностями здоровья существовала уже во времена Киевской Руси, когда благотворительность держалась на личном контроле князей и основывалась на ментальной доброте и милосердии древних русичей. Уход от этих традиций был вызван междоусобицами и многочисленными завоеваниями Киевской Руси, что, в свою очередь, отсрочило дальнейшее развитие государственной и частной благотворительности до периода деятельности «братских школ» и реформ Петра I. В XVIII–XIX веках опыт спецшкол был заимствован с Запада в виде готовой модели.

Спецификой становления системы специального образования на территориях Московской и Киевской Руси была терпимость к людям с ограниченными возможностями здоровья. Для языческого культа было характерно сочувствие, милосердие, а также представление к лику святых людей, которые имели врождённые пороки. Князья давали пример личного милосердия и жертвовали немалые суммы на поддержание жизни калек, блаженных и социально незащищённых людей. Как отмечают В. И. Селивестров, Н. Н. Малофеев и А. Г. Басов, в Киевской Руси была организована государственная структура помощи людям с ограниченными возможностями здоровья, причём она была законодательно закреплена, финансово обеспечена и включала сеть приютов и специальных отделов при монастырях. Этот опыт быстро переняли в Западной Европе, он получил положительную оценку на восточнославянских землях.

Исторические перипетии Средневековья, связанные с многочисленными завоеваниями Руси и внутренними феодальными междоусобицами, частично разрушили традиции терпимости и государственного обеспечения инвалидов: «Увы, феодальные междоусобицы XI–XV веков, иго (XIII–XV вв.), «смутные времена» (начало XVI–XVII вв.) превратили толкование национальные традиции доброжелательного отношения к немощным и калекам, выступили своеобразным ограничителем для христианской благотворительности».

Новый этап включения детей с ОВЗ в систему образования в России начался уже после реформ Петра I, когда в связи с секуляризацией церкви ослабла её христианско-благотворительная роль. В это время общество неофициально было разделено на цивилизацию (высшее общество) и почву для неё, которая обеспечивала высокие слои населения, т. е. народ. На этом этапе исторического развития страны открываются благотворительные учреждения для людей с ограниченными возможностями здоровья за счёт приглашённых иностран-

цев-реформаторов, европейских меценатов, тогда как местные власть имущие люди и чиновники проявляют инертность в этом направлении деятельности [1].

В тогдашней России наблюдается отход от собственно интегративных тенденций педагогики в сторону общих вопросов сохранения детского здоровья при воспитании и обучении, взаимодействие педагогики с медициной получило выражение в трудах М. В. Ломоносова, Ф. Ф. Салтыкова, В. Н. Татищева и других учёных того времени.

С начала XIX в. почти отсутствуют документальные свидетельства о случаях индивидуального обучения детей с сенсорными нарушениями, что, с одной стороны, свидетельствует о том, что такие случаи оставались в основной своей массе незадокументированными, а с другой – указывает на то, что Россия, в отличие от Европы, избежала массового опыта индивидуального обучения детей с недостатками и позаимствовала институт спецшколы в виде готовой модели адаптированной специальной программы образования для детей с ограниченными возможностями здоровья. В этот период были зафиксированы конкретные случаи открытия спецшкол с приглашением зарубежных специалистов. Так, император Александр I во время одного из своих визитов в Европу перенял опыт специального обучения, пригласил известного французского тифлопедагога Валентина Гаюи и открыл спецшколы в Петербурге (1807 г. – для слепых, 1806 г. – для глухих детей).

Всего учёные выделяют пять этапов становления образования детей с ограниченными возможностями здоровья. На начальном этапе древней истории впервые пришло осознание необходимости перехода от всеобщей нетерпимости к оказанию социального внимания инвалидам. Новый толчок в развитии социальной интеграции произошёл после введения христианских гуманистических традиций (обслуживание нуждающихся и уход за ними при монастырях, больницах, в приютах, лепрозориях). Философия возвращения инвалидов в общество в полной мере развилась в эпоху Возрождения на почве идей антропоцентризма и гуманизма. В это время вводится индивидуальное обучение и воспитание. Зарождение социальной политики в рамках других институтов общества началось в эпоху Реформации, а после Великой французской буржуазной революции права инвалидов впервые были законодательно закреплены в Декларации прав человека и гражданина.

Результаты. В основе философии инклюзивного образования лежит социальная модель инвалидности, которая претендует на новую гуманитарную концепцию прав, свобод и возможностей человека [8–11]. В настоящий момент в отношении людей с ОВЗ руководством нашей страны проводится активная социальная политика, которая заключается в создании организаций, занимающихся социализацией, социальной адаптацией и реабилитацией вышеупомянутой категории граждан [12]. Исторический опыт показывает, что фундамен-

тальный принцип инклюзивного образования заключается в том, что всем детям следует учиться вместе, независимо от некоторых трудностей в процессе обучения или иных различий. Опыт социальной эксклюзии, существовавший в различные периоды истории во многих странах, не способствовал интеграции детей с ОВЗ в жизнь общества.

Выводы. Инклюзивные школы должны признавать эти различия и определённым образом реагировать на разнообразие по-

требностей учащихся, приспособляя к ним как различные стили обучения, так и систему оценки и обеспечивать качественным образованием всех детей посредством применения соответствующего учебного плана, организационных мероприятий, стратегий преподавания, использования ресурсов и сотрудничества с общинами. Для того, чтобы все школы могли конструктивно решать проблему особых потребностей, необходима комплексная комбинация поддержки и адекватность образовательных услуг.

Источники

1. Малофеев Н. Н. История становления и развития национальных систем специального образования (социокультурный контекст) / Н. Н. Малофеев // Специальная педагогика. Под ред. Н. М. Назаровой. М.: 2001. С. 87–120.
2. Селиверстов В. И. История логопедии : учебное пособие / В. И. Селиверстов. М.: Академический Проект, 2004. 385 с.
3. Безлюдова А. В. Развитие отечественной логопедии на этапе с 1860 по 1880 год / А. В. Безлюдова // Патология речи : история изучения, диагностика, преодоление. СПб.: Образование, 1992. С. 17–27.
4. Басов А. Г. История сурдопедагогики / А. Г. Басов, С. Ф. Егоров, М. : Просвещение, 1984. 295 с.
5. Артюшенко Н. П. Организационно-педагогические условия обучения детей с ограниченными возможностями здоровья средствами инклюзивного образования. / Наталья Петровна Артюшенко. Дисс. ... канд. пед. наук / 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. Томск, 2010. 164 с.
6. Малофеев Н. Н. Базовые модели интегративного обучения / Малофеев Н. Н., Шматко Н. Д. // Дефектология. 2008. № 1. С. 71–78.
7. Ратнер Ф. Л., Сигал Н. Г. История становления и развития инклюзивного образования: международный опыт. / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-2 (26). С. 162–167.
8. Романов П. В. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 44–55.
9. Скок Н. И. Биосоциальный потенциал лиц с ограниченными возможностями и социальные механизмы его регуляции / Н. И. Скок // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 124–127.
10. Ферапонтова О. И. Социальные аспекты инклюзивного образования детей-инвалидов // Вестник СамГУ. 2007. № 1(51). С. 165–171.
11. Яворская В. Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии: Сборник научных статей и научно-методических материалов. Саратов: Научная книга, 2008. С. 68–78.
12. Харченко Н. Л., Козлов О. А. Актуальная ситуация с обучением лиц с ОВЗ в России. / В сборнике: Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» Международная научно-методическая конференция «Проблемы управления качеством образования»; Международная студенческая научная конференция «Поколение будущего». Выпускающий редактор Ю. Ф. Эльзесер; Ответственный за выпуск С. В. Викторенкова, 2019. С. 183–189. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37395261>

Информация об авторе

Харченко Николай Леонидович

Старший преподаватель кафедры иностранных языков. Московский государственный институт физической культуры, спорта и туризма им. Ю. А. Сенкевича (125499, РФ, г. Москва, Кронштадтский бул., д.43а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-8169>. E-mail: m-rh@mail.ru

N. L. Kharchenko¹

¹Moscow State Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Moscow, Russian Federation

Main formation stages of disabled persons education

Abstract. This article is devoted to the study of the main formation stages of inclusive education development for children with disabilities (HIA) in Russia and Europe. Education as a process of certain knowledge and skills accumulation is an integral part of socio-psychological adaptation and integration of children in society. Inclusion aims to provide such children with access to knowledge accumulated by mankind and to the cultural and historical heritage.

The study is based on a retrospective analysis and investigation of relationship evolution of all participants in the inclusive educational process from the 9th century BC until the 19th century AD.

The result is an understanding of the fact that evolutionary changes in respect of people with disabilities have certain historical periods. There were times in history when people with disabilities were got rid of, annihilated, expressed sympathy and care, treated and taught. They were expelled from society because they did not “suit” it, they were subjected to forced sterilization; when they were objects of ridicule, they were forcibly sent to closed institutions and psychiatric hospitals where many of them stayed till the end of their lives.

It is concluded that for a long time the policy of many states regarding people with disabilities was pointed in one direction i.e. to make them «invisible» and hide from a biased society. Lack of education, neglect, prejudices and fear are social factors being an obstacle to the skills and abilities development for people with disabilities and led to their isolation.

Keywords: disabilities, inclusive education, disables, social reform.

Paper submitted: April 29, 2020

For citation: Kharchenko N. L. (2020). Main formation stages of disabled persons education. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 108–112. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.18

References

1. Malofeev N. N. Formation and development history of national systems of special education (socio-cultural context). N. N. Malofeev. Special Pedagogy. Edited by N. M. Nazarova. Moscow: 2001. pp. 87–120. (In Russian).
2. Seliverstov V. I. History of speech therapy: practical course. V. I. Seliverstov. Moscow: Academic Project, 2004. 385 p. (In Russian).
3. Bezlyudova A. V. Development of national speech therapy at the stage from 1860 to 1880. A. V. Bezlyudova. Pathology of speech: the history of study, diagnosis, overcoming. SPb. : Education, 1992. pp. 17–27. (In Russian).
4. Basov A. G. History of Sign Language Pedagogy. A. G. Basov, S. F. Egorov, Moscow: Education, 1984. 295 p. (In Russian).

5. Artyushenko N. P. Organizational and pedagogical conditions for teaching children with disabilities by means of inclusive education. Natalya Petrovna Artyushenko. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical science. 13.00.01 – general pedagogy, the history of pedagogy and education. Tomsk, 2010. 164 p. (In Russian).
6. Malofeev N. N. Basic models of integrative learning. Malofeev N. N., Shmatko N. D. Defectology. 2008. No. 1. pp. 71–78. (In Russian).
7. Ratner F. L., Seagal N. G. The history of formation and development of inclusive education: international experience. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012. No. 12-2 (26). pp. 162–167. (In Russian).
8. Romanov P. Disability Policy. Problems of accessible environment and employment opportunities. P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova. Sociological studies. 2005. No. 2. pp. 44–55. (In Russian).
9. Skok N. I. Biosocial potential of persons with disabilities and social mechanisms of its regulation. N. I. Skok. Sociological studies. 2005. No. 4. pp. 124–127. (In Russian).
10. Ferapontova O. I. Social aspects of inclusive education of children with disabilities. Bulletin of SamSU. 2007. No. 1 (51) pp. 165–171. (In Russian).
11. Yavorskaya V. N. Inclusion – a new code of social equality. Education for All: The Policy and Practice of Inclusion: A Collection of Scientific Articles and Scientific and Methodological Materials. Saratov: Scientific Book, 2008. pp. 68–78. (In Russian).
12. Kharchenko N. L., Kozlov O. A. The current situation with the training of people with disabilities in Russia. In the collection: Collection of selected articles based on materials from scientific conferences of the SRI «National Development» International Scientific and Methodological Conference «Problems of Education Quality Management»; International Student Scientific Conference «Generation of the Future». Issuing editor Yu. F. Elssesser; Responsible for the issue S. V. Viktorenkova, 2019. pp. 183–189. (In Russian).

Information about the author

Nikolay L. Kharchenko

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages. Moscow State Institute of Physical Culture, Sports and Tourism (43A, Kronstadt Boulevard, Moscow, 125499, Russian Federation). E-mail: mat-rb@list.ru

© Н. Л. Харченко, 2020

УДК 378.14

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.19

M. G. Golubchikova^{1,2}, A. A. Byshlyago³¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation² Irkutsk State Medical Academy of Postgraduate Education – a branch of the Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Ministry of Health of Russia³ Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation

Organization of independent research work of technical university students

Abstract. Research Problem – the search for effective ways to organize independent research work of technical university students considering it as the basis to shape professional competence of a future specialist. The authors suggest that the organization process for independent research work of technical university students will be effective if an integrated approach to the problem of students independence in research work is implemented in the framework of training future specialists for professional activities; a system of work shaping independent research work of technical university students has been developed and introduced taking into account the psychological nature of the mastering process.

The study involved students of Specialist Degree program at Irkutsk State Transport University going through specialty 05/23/04 “Operation of railways”, the group consisted of 30 people, including 7 girls and 21 young men.

We adapted some diagnostics developed by different authors and adjusted them to the conditions of this study. The motivational component was diagnosed using the method by O. O. Gorshkova. The cognitive component was evaluated while testing students in order to identify the level of their conceptual apparatus development, the ability to use the shaped theoretical base in the process of research activity. The activity component was studied with the use of the method by O. M. Kolomiets based on work with reference cards. The method by A. V. Karpov was used to study the reflection ability.

The ascertaining experiment results showed low and medium indicators of the maturity level of students’ independent research activities taking into consideration all components; the result could be explained by their weak willingness for this activity.

There was a positive dynamics in indicators for all diagnostic methods after the formative experiment. Intensive progress was noted in the activity component development. The degree of theoretical knowledge in a significant part of the experimental group respondents rose up to a high level. Against a backdrop of an increase in these indicators, the motivation of most students boosted.

An increase in the efficiency of the process of forming independent research work of technical university students can be achieved by introducing a system of work shaping independent research work of technical university students taking into account the psychological nature of the mastering process.

Keywords: independence, independence in research activities, mastering process, interiorization, exteriorization, competence- and activity-based approach.

Paper submitted: April 29, 2020

For citation: Golubchikova M. G., Byshlyago A. A. (2020). Organization of independent research work of technical university students. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 113–117. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.19

Introduction. Modern production and society are in desperate need of highly qualified specialists able to carry out their labor functions in a continuously and rapidly changing environment. Widespread introduction of new technologies makes high demands of specialists in any field of activity. Literacy, commitment, dynamism, the ability to independently use new scientific data, to organize one’s research and implement one’s inventions solving professional problems are becoming mandatory characteristics of a modern specialist.

Profound analysis of the “Transport Logistics Specialist” professional standard shows that the labor functions determine the research character and the research activities carried out in the process of professional activity, namely, the requirement is: “To summarize and systematize information with regard to tasks; to possess skills necessary to use analysis methods employed in practice to solve the problem of commercial policy development concerning the provision of logistics services for the cargo shipping; to forecast and analyze trends of logistics and supply chain

management development; to develop an action plan to achieve financial performance indicators of the goods transportation within the supply chain in a prompt and skillful way” [1]. A modern student as a future specialist must be ready to work in accordance with the professional standard.

But, unfortunately, the practice of future Russian specialists training indicates that their level of willingness for research work does not meet modern requirements. The educational system of technical universities does not create favorable environment for students to become independent in research work, it does not reveal their creative potential and it does not contribute to their personal and professional development to the full extent. There is a contradiction between the social requirements to train creative and forward thinking experts who are capable to solve professional problems using their independent researches, and the real specialists training in the university based on algorithmic activity.

The need to resolve this contradiction made it possible to shape the research problem: the search for effective ways to organize

independent research work of technical university students considering it as the basis to shape professional competence of a future specialist.

The purpose of the study: theoretical justification, development and implementation in the educational process the work system shaping technical university students independence in research activities.

Research hypothesis: the process of shaping technical university students independence in research activities can be effective if:

- an integrated approach to the problem of students' independence in research work is implemented as part of future specialists training for professional activities;
- a work system is developed and introduced to form technical university students independence in research activities taking into account the psychological nature of the mastering process.

Research program. The following research methods have been used to achieve the goal of the study,:

- theoretical methods: study and analysis of psychological and pedagogical literature on the research problem, analysis of dissertation researches, comparative analysis, synthesis, analogy, comparison, generalization;
- empirical methods: observation, questionnaire, testing, pedagogical experiment.

The study was carried out at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Irkutsk State Transport University". It involved students of specialty 05/23/04 «Operation of railways», the group consisted of 30 people, including 7 girls and 21 young men.

The study has been conducted for two years (2017–2019), it consisted of three stages.

1. The theoretical stage i.e. the analysis of pedagogical, psychological and methodological literature on the topic of research in order to identify the degree of problem development. As well as the definition of methodological approaches, techniques, object, subject, conceptual apparatus of the study and the working hypothesis.

2. The experimental stage means the implementation of actions related to the development of a work system shaping students' independence in research activities and also related to its experimental verification. This stage includes ascertaining, formative and control experiments.

3. The summarizing stage is the analysis and generalization of the research results, as well as their refinement, control and correction. This stage is also characterized by systematization, generalization, interpretation of the experimental activity results.

At the theoretical stage in the course of literature analysis we settled on the competence- and activity-based approach considering it as the main methodological basis [2]. Relying on this approach in the theoretical part of the work, we have framed the definition of students' independence in research activities; we understand it as the ability to independently design all stages of research activity: orientation, planning, execution, control, evaluation, correction and reflection in order to obtain new knowledge in accordance with the intellectual demands of the individual and society. Independence in research work includes a motivational, cognitive and activity components. Having analyzed the works of the representatives

of the activity-based approach (P. Ya. Halperin, Z. F. Reshetova, O. M. Kolomiets) [2–5], we came to the conclusion that shaping students' independence in the process of their own research implementation can be carried out when student's educational activities are organized according to psychological nature of the mastering process. Besides the process of exteriorization should be preceded by the interiorization stage with valuable educational, research and practical activities, though, as a rule, students take part in exteriorization stage without necessary training.

The identification of the initial maturity level of students' independence in research work was carried out according to the developed components, namely motivational, cognitive and activity ones.

The motivational component assessment was carried out by determining the level of motivational component maturity using questionnaire methods and pedagogical observation. The diagnostics developed by O. O. Gorshkova were used as a toolkit but they were adapted to the research conditions [6].

The cognitive component was evaluated by testing students to identify the degree of conceptual apparatus maturity and the ability to use the shaped theoretical base in the process of research activity. If a student had enough knowledge to give correct answers to more than 70% of the questions asked, the level of his cognitive component maturity was assessed as a high one. Hence, he had grounded knowledge of the research tasks types, knew the requirements for research results and knew research methods and conditions of their application. The level was estimated as an average one, if the number of correct answers was about 35–69 %. If a student's score was less than 34 %, his cognitive component was attributed to the low level.

The methodology based on reference cards by O. M. Kolomiets [5] was applied to assess the level of activity component maturity in research activity, this methodology made it possible to diagnose possession of all activity stages necessary to set up the research. The reflection ability is a part of the activity component; therefore, an individual measure of reflexivity was also determined using the method by A. V. Karpov [7]. Students were given a questionnaire consisted of 27 items; the items are answered on a 7-point Likert scale.

Relying on the theoretical provisions of our study, we have identified several stages of our work with students revealing in detail the process of interiorization preceding exteriorization.

1. Motivational stage i.e. the emergence of the need to be engaged in research activities carrying out graduate qualification work.

2. Goal-setting stage i.e. setting a goal for graduate qualification work with elements of scientific research work.

At this stage a student needs to determine for himself:

- skills to be mastered or automated, practical tasks to be learnt to solved;
- knowledge to be mastered to reach this goal;
- skills to be improved;
- competencies to be mastered or to be developed;
- types of activities to be improved;
- (personal, professional) qualities to be developed.

3. The stage of “reference” knowledge, skills and educational material analysis, that is, everything previously learned by a student from related subject areas acting in an indicative function in relation to the research process in the graduation project framework.

At this stage a student has to:

- to revise and evaluate the level of previously acquired knowledge, skills and abilities necessary to carry out his graduate qualification work;

- picture in reference tables and reference cards the knowledge gaps; this knowledge will be of help.

4. The stage of the educational and research activities implementation; they are aimed at acquiring a materialized image of the upcoming research activities.

At this stage a student has to:

- orientate in the structure and content of research activities;
- plan upcoming research activities;
- perform research tasks;
- reflect the research activities development.

5. The stage of generalization and systematization of new knowledge gained in educational research activities referring to research activities mastering in the reference tables (RT) and reference cards (RC).

At this stage a student has to:

- present the elements of knowledge in a systematic structural form in the reference tables;
- reveal in reference cards the structure and content of activities focused on practical problems solution.

6. The stage of educational and practical activities aimed to transfer knowledge into the mental plan; the knowledge has already been generalized and systematized in the reference tables (RT) and reference cards (RC)

At this stage a student has to carry out:

- practical problems solution on the basis of RT and RC having an indicative function;
- logical problems solution aimed to develop logical, conceptual and systemic thinking as the basis of professional thinking;
- different forms of speech (loud speech, «to oneself» speech, mental speech) in the process of practical problems solution;
- practical problems solution, first in joint activities distributed between the subjects of the educational process, then in pairs with these people, then individually.

7. The stage of determining the personalized meaning of the activity in relation to the maturity or automation of skills, the knowledge system mastering, skills development, mastering different types of activities necessary to carry out independent research as part of the final qualification work; they were determined at the goal-setting stage.

In the framework of this stage, the student will have to:

- carry out an independent research in the framework of his final qualification work;
- conduct self-control (using the key) and search for deviations from the “standard variant” (errors, inaccuracies);
- conduct the self-assessment: to determine the “nature” and “reasons” of the deviations from the “standard variant”;

- conduct self-correction of deviations basing on RT and RC: selection of another “correct” knowledge; performance of another “correct” action, etc.

8. Stage of research activities and the graduate qualification work reflection.

- what skills were formed, developed, automated (what practical problems did the student learn to solve);

- what concepts are learned.

In the framework of this stage, a student will have to determine the compliance of the work performed with the goals and answer the following questions:

- what system of new knowledge is learned;
- what skills were improved;
- what competence was shaped, developed;
- what kind of activities did you master;
- what qualities (personal, professional) did you develop;
- what personalized meaning does the performed activity have, etc.

This structure and content of the student’s educational and professional activities became the basis for the educational process organization in a technical university aimed at shaping students’ independence in research activities.

Results and their interpretation. Alterations in the maturity level of research activities independence were monitored according to the same components used at the ascertaining stage of the experiment: motivational, cognitive, and activity-based ones.

The data obtained in the process of repeated questioning showed that 20 % of students in the experimental group had a low level; it is 10 % lower than it was at the control stage; the number of students with an average level decreased by 10 % and made up 30 %, while 50 % of students showed the high level, but only 30 % of students demonstrated the high level at the control stage.

The results of the repeated “Theoretical Foundations of Research Work” testing showed a positive trend in the experimental group: the increase in the high level was 70 % and there were no students with the low level. 30 % of students demonstrated an average level; it was 10 % less than according to the ascertaining experiment results.

The data obtained in the process of repeated activity component diagnostics showed that not a single student of the experimental group showed the low level, but at the ascertaining stage of the study 40 % of students had the low level. The number of students with the high level was 80 %, at the same time 20 % of the students showed the average level, but at the ascertaining stage of the study the average level was reached by 50 % of the students.

The results obtained during the re-diagnosis of an individual measure of reflexivity according to the A. V. Karpov method did not undergo significant changes. In this case, the percentage of the high level results increased by 10 %, at the same time the average result decreased by the same 10 %.

Thus, we observe a difference between the ascertaining and control experiments results after the performance of formative experiment.

Findings. Analyzing the results obtained during the control experiment, we came to the conclusions confirming our assumption

that an increase in the efficiency of the process of forming independent research work of technical university students can be achieved by introducing a system of work shaping independent research work of technical university students taking into account the psychological nature of the mastering process.

The results of the ascertaining experiment showed low and medium indicators of the level of students' independence in research activities for all components, which was explained by their weak willingness for this activity.

In accordance with the data obtained, there was a positive dynamics of indicators for all diagnostic methods in the group of students having taken part in the experiment. The intensive progress was noted in the activity component development. The level of theoretical knowledge in a significant part of the experimental group respondents rose up to the high level. Against a backdrop of an increase in these indicators, the motivation of most students boosted.

In addition, during the formative experiment we were able to influence the creation of a favorable psychological climate in the group.

This became possible due to the active participation and personal interest of each student carrying out his final qualification work.

Thus, we can state the confirmation of the hypothesis about the increasing efficiency of the process shaping independent research work of technical university students by introducing a work system shaping independent research work of technical university students taking into account the psychological nature of the mastering process.

The theoretical significance of the study lies in the expansion of ideas about the students independence in research activities; identification of components, criteria and levels of students' independence in research activities; development and justification of a work system of shaping technical university students independence in research activities.

The practical significance of the study consists in the development of diagnostic tools fit for the research problem, in the possibility to use the presented work system shaping technical university students independence in research activities in the practice of higher education.

References

1. Professional standard Transport logistics specialist [Electronic resource]. Retrived from: URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru> (date of access January 25, 2019).
2. Reshetova Z. A. Psychological theory of activity and the activity-based approach to learning // Shaping systemic thinking in learning: training manual for universities / Edited by Z. A. Reshetova. Moscow: UNITY-DANA, 2002. P. 10–57.
3. Halperin P. Ya. Evolution of attitudes on mental activity in Soviet psychology // Introduction to Psychology: training manual for universities. Moscow: «Book house» University, 1999. P. 47–64.
4. Kolomiets O. M. Competence and activity-based approach as the methodological basis of teaching in higher education // Moscow University Bulletin. Series 20: Pedagogical Education. 2017. No. 1. P. 84–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28960593>
5. Kolomiets O.M. Pedagogical concept of teaching on the basis of the competence and activity-based approach: Dissertation for the degree of doctor of pedagogical sciences. Moscow, 2018. 525 p. URL: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/500/500da0d716ddfded72f27f2c271eb41a.pdf>
6. Gorshkova O. O. Students training for research activity in the context of competence-oriented engineering education: Dissertation for the degree of doctor of pedagogical sciences. Moscow, 2016. 394 p. URL: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie/podgotovka-studentov-k-issledovatel'skoj-deyatelnosti-v-kontekste-kompetentnostno.html>
7. Karpov A. V. Reflexivity as a mental property and the technique of its diagnosis // Psychological journal. 2003. No. 5. P. 45–57. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17315991>

Information about the authors

Marina G. Golubchikova

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. Irkutsk State University (1 Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation).

Irkutsk State Medical Academy of Postgraduate Education – a branch of the Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Ministry of Health of Russia (100 Yubileiny m., Irkutsk, 664049, Russian Federation). E-mail: mg2@bk.ru

Anastasiya A. Byshlyago

Senior Lecturer. Irkutsk State Transport University (15 Chernyshevsky st., Irkutsk, 664074, Russian Federation). E-mail: apreina@yandex.ru

М. Г. Голубчикова^{1,2}, А. А. Бышляго³

¹Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

²Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования
– филиал Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Минздрава России,
г. Иркутск, Российская Федерация

³Иркутский государственный университет путей сообщения

Формирование самостоятельности студентов технического вуза в исследовательской деятельности

Аннотация. Проблема исследования – поиск эффективных путей формирования самостоятельности студентов технического вуза в исследовательской деятельности как основы формирования профессиональной компетентности будущего специалиста. Авторы предполагают, что процесс формирования самостоятельности студентов технического вуза в исследовательской деятельности будет эффективным, если реализован комплексный подход к проблеме самостоятельности студентов в исследовательской деятельности в рамках подготовки будущих специалистов к профессиональной деятельности, разработана и внедрена система работы по формированию самостоятельности студентов технического вуза в исследовательской деятельности с учётом психологической природы процесса усвоения. В исследовании участвовали студенты специалитета Иркутского государственного университета путей сообщения, обучающиеся по специальности 23.05.04 «Эксплуатация железных дорог», в со-

ставе 30 человек, из них 7 девушек и 21 юноша. В качестве инструментария были применены диагностики, разработанные разными авторами и адаптированные под условия данного исследования. Мотивационный компонент диагностировался по методике О. О. Горшковой. Когнитивный компонент оценивался посредством тестирования студентов для выявления степени освоения понятийного аппарата, способности использовать сформированную теоретическую базу в процессе исследовательской деятельности. Деятельностный компонент изучался по методике О. М. Коломиец на основе работы с опорными картами. Для исследования способности к рефлексии использовалась методика А. В. Карпова. Результаты констатирующего эксперимента показали низкий и средний показатели уровня сформированности самостоятельности студентов в исследовательской деятельности по всем компонентам, что объяснялось их слабой готовностью к данной деятельности.

После проведения формирующего эксперимента отмечается положительная динамика показателей по всем диагностическим методикам. Интенсивный прогресс отмечен в развитии деятельностного компонента. Уровень теоретических знаний у значительной части респондентов экспериментальной группы поднялся до высокого уровня. На фоне увеличения данных показателей повысилась мотивация у большинства студентов.

Повышение эффективности процесса формирования самостоятельности студентов технического вуза в исследовательской деятельности может быть достигнуто путём внедрения системы работы по формированию самостоятельности студентов технического вуза в исследовательской деятельности с учётом психологической природы процесса усвоения.

Ключевые слова: самостоятельность, самостоятельность в исследовательской деятельности, процесс усвоения, интериоризация, экстериоризация, компетентностно-деятельностный подход.

Дата поступления статьи: 29 апреля 2020 г.

Для цитирования: Голубчикова М. Г., Бышляго А. А. (2020). Формирование самостоятельности студентов технического вуза в исследовательской деятельности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 113–117. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.19

Источники

1. Профессиональный стандарт «Специалист по логистике на транспорте» [Электронный ресурс]. URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru> (дата обращения 25.01.2019 г.).
2. Решетова З. А. Психологическая теория деятельности и деятельностный подход к обучению // Формирование системного мышления в обучении: учеб. пособие для вузов / под ред. З. А. Решетовой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 10–57.
3. Гальперин П. Я. Развитие взглядов на психическую деятельность в советской психологии // Введение в психологию : учебное пособие для вузов. М.: Кн. дом «Университет», 1999. С. 47–64.
4. Коломиец О. М. Компетентностно-деятельностный подход – методологическая основа преподавания в высшей школе // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2017. № 1. С. 84–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28960593>
5. Коломиец О. М. Педагогическая концепция преподавания на основе компетентностно-деятельностного подхода: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2018. 525 с. URL: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/500/500da0d716ddfded72f27f2c271eb41a.pdf>
6. Горшкова О. О. Подготовка студентов к исследовательской деятельности в контексте компетентностно-ориентированного инженерного образования: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2016. 394 с. URL: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie/podgotovka-studentov-k-issledovatel'skoj-deyatelnosti-v-kontekste-kompetentnostno.html>
7. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика её диагностики // Психологический журнал. 2003. № 5. С. 45–57. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17315991>

Информация об авторах

Голубчикова Марина Геннадьевна

Кандидат педагогических наук, доцент. Иркутский государственный университет (664003, РФ, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1). Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования – филиал Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Минздрава России (664049, РФ, г. Иркутск, м-н Юбилейный, 100). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7865-3031>. E-mail: mg2@bk.ru

Бышляго Анастасия Александровна

Магистр, старший преподаватель кафедры управления эксплуатационной работой. Иркутский государственный университет путей сообщения (664074, РФ, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1628-2981>. E-mail: apreina@yandex.ru

УДК 616.89

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.20

Е. А. Калиберда¹, А. М. Шабалин²

¹Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

²Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Использование современных систем виртуализации для формирования профессиональных компетенций студентов вузов при изучении DLP-систем

Аннотация. Проблема и цель статьи: формирование профессиональных компетенций будущих специалистов в области защиты информации с помощью современных систем виртуализации. Методы: применение практико-ориентированного подхода как метода преподавания и обучения в сочетании с практической деятельностью, применение цифровых инновационных технологий виртуализации в качестве обязательной составляющей практико-ориентированного подхода. Для улучшения процесса формирования профессиональных компетенций, на основании полученной лицензии от компании InfoWatch, на базе Омского государственного технического университета была организована специализированная виртуальная лаборатория, позволяющая производить настройку и проверку DLP-системы, определять политику безопасности, обеспечивать контроль информационных потоков в компании, а также анализировать выявленные инциденты. Для этого был разработан алгоритм внедрения DLP-системы в учебный процесс, в котором студентами определяются объекты информационной безопасности и разрабатываются соответствующие политики для предотвращения утечки данных и выявления возможных инцидентов, осуществляются перехваты конфиденциальной информации по контролируемым каналам связи. Использование современных средств виртуализации при изучении функциональных возможностей современных DLP-систем позволяет студентам применить теоретические знания на практике и подготовиться к решению ряда профессиональных задач по обеспечению защищённости корпоративных организаций от внутренних утечек конфиденциальных данных.

Ключевые слова: практико-ориентированные технологии, цифровые технологии в образовании, сформированность профессиональных компетенций, информационная безопасность, внутренние угрозы, DLP-система, InfoWatch, виртуальная лаборатория

Дата поступления статьи: 11 февраля 2020 г.

Для цитирования: Калиберда Е. А., Шабалин А. М. (2020). Использование современных систем виртуализации для формирования профессиональных компетенций студентов вузов при изучении DLP-систем // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 118–122. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.20

Проблема и цель. В современном образовании с недавнего времени появилось такое понятие, как skills, обозначающее базовые навыки или профессиональные компетенции выпускника, которые можно разделить на hard (жесткие) и soft (мягкие) [1]. Первые указывают на знание профессии, вторые – на умение работать в коллективе, общаться, презентовать свои наработки и т. д. Оба типа компетенций, безусловно, важны для выпускника вуза, и тем не менее относительно недавно специалисты заговорили о необходимости еще и digital skills – наборе цифровых навыков, которые нужны современным специалистам в рамках работы в сетевой цифровой экономике [2].

Цифровая парадигма образования, в том числе высшего, рассматривается в разных контекстах, но развитие digital skills – это ключевой момент в подготовке на разных уровнях образования, позволяющий готовить полноценного члена общества, готового работать с сетевыми цифровыми технологиями, которые привносит в современную экономику XXI век [3–6].

Digital skills могут рассматриваться в зависимости от направления обучения как hard skills, если эти навыки являются профессиональными для студента, или soft skills, если они рассматриваются с точки зрения общеобразовательных компетенций.

Информационная безопасность, на наш взгляд, относится именно к такой сфере профессиональной деятельности, так

как навыки безопасной работы с информацией должны быть у всех, как у специалистов, так и у рядовых пользователей, деятельность которых напрямую не связана с информационной безопасностью. Для специалистов в области информационной безопасности умения противостоять внутренним и внешним угрозам – это, несомненно, hard skills; для других же специальностей информационная безопасность рассматривается как soft skills, так как «небезопасникам» не нужно понимать все тонкости борьбы с вредоносным программным обеспечением, но они должны быть грамотными в области информационной безопасности, знать её основы, понимая, что можно сделать в определённых ситуациях, чтобы сохранить конфиденциальность, целостность и доступность важной информации.

В данной статье сделан упор на подготовку специалистов в области информационной безопасности, а значит, digital skills здесь рассматриваются на профессиональном уровне hard skills.

Одно из главных требований, которое предъявляется к современному специалисту по защите информации, – это умение решать реальные задачи информационной безопасности бизнес-процессов и менеджмента организации [7]. Информационная безопасность, «оторванная» от бизнеса, сегодня никому не нужна.

Это, в свою очередь, определяет необходимость повышения практической ориентированности специалистов по защите информации, то есть развития широкого набора профессиональных компетенций, позволяющих выпускникам направления «Информационная безопасность» быстро включаться в деятельность организации работодателя и применять знания в решении актуальных задач сохранения конфиденциальной информации.

Так, с 2017 года при подготовке специалистов в области защиты информации стали появляться рекомендации о развитии у студентов профессиональной компетенции под названием «Корпоративная защита от внутренних угроз информационной безопасности», которая направлена на защиту от внутренних утечек данных, произошедших умышленно или по неосторожности через технические каналы связи. Студенты должны знать основы противодействия от данному типу угроз, уметь применять нормативно-правовые акты при расследовании инцидентов, уметь использовать системы и методы, предназначенные для защиты данных [8].

С точки зрения digital skills будущие специалисты в области информационной безопасности должны уметь работать с современными программными комплексами, обеспечивающими защиту корпоративной информации от внутренних утечек. Такие комплексы называются DLP-системами (Data Loss Prevention).

Подготовка студентов по работе с современными DLP-системами – технически сложный процесс, успешно организовать и провести который можно только, на наш взгляд, в специально оборудованной виртуальной вузовской лаборатории [9]. Такая лаборатория вот уже два года эффективно функционирует в Омском государственном техническом университете (ОмГТУ) и помогает решить целый ряд образовательных задач при преподавании различных информационных дисциплин. Однако важнейшее значение она приобрела

после профилизации её для изучения функциональных возможностей современных DLP-систем.

Методы. В качестве методологической базы исследования выступил компетентностный подход. Исследование проводилось в ОмГТУ с привлечением студентов направления подготовки «Информационная безопасность». В работе использовались теоретические методы (сравнение, анализ, обобщение, конкретизация, моделирование) и эмпирические методы (педагогический эксперимент, анализ результатов деятельности). Основу исследования составили научные положения об организации практико-ориентированного обучения. Без применения практико-ориентированных технологий при подготовке специалистов в области защиты информации решение задачи подготовки конкурентоспособного специалиста представляется достаточно проблематичным.

Авторы работы [10] в своей статье говорят о том, что, только объединяя теорию и практику, студенты (которым обычно не хватает реального опыта работы) могут понять некоторые абстрактные понятия и принципы, сформулированные в теоретическом курсе. В работе [11] говорится о повышении мотивации у студентов в результате внедрения в процесс обучения лабораторных виртуальных стендов, способствующих формированию практических навыков у обучающихся.

Применение современных средств виртуализации в учебном процессе позволяет значительно укрепить связь студентов с изучаемой ими дисциплиной и улучшить понимание данного предмета в целом.

Выпускник высшего учебного заведения должен уметь решать сложные профессиональные задачи, поэтому формирование цифровых компетенций, безусловно, является для него обязательным и необходимым. Внедрение инновационных цифровых технологий делает доступным интерактивное взаимодействие в виртуальном формате, которое тесно связано с индивидуальным обучением [12].

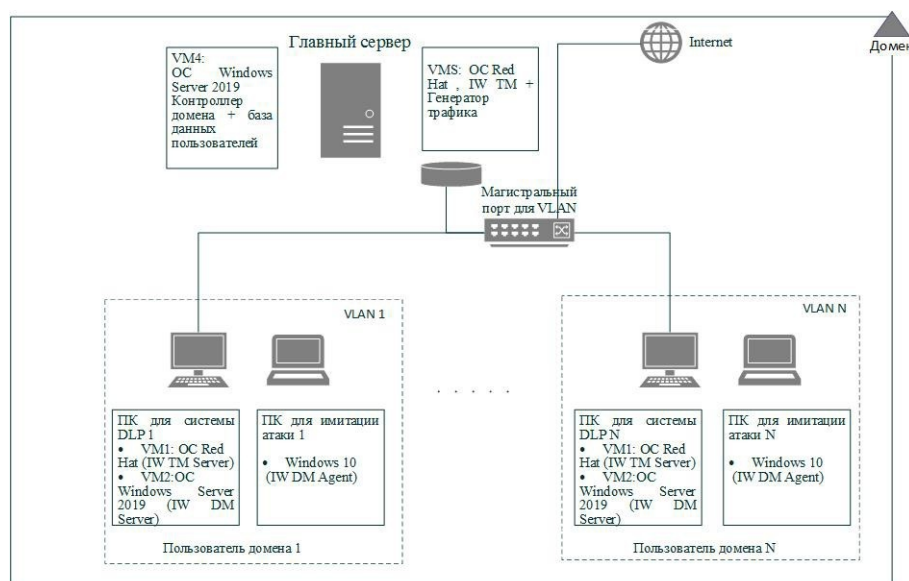

Рис. 1. Схема работы виртуальной лаборатории InfoWatch

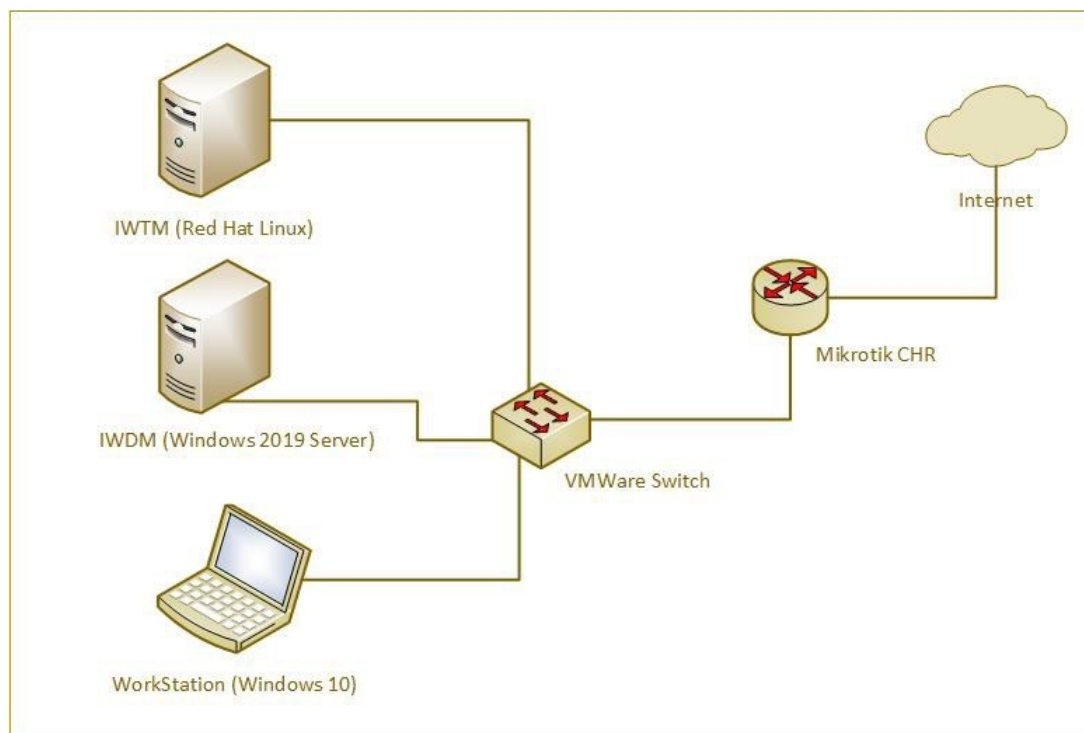

Рис. 2. Логическая топология рабочего места студента

Результаты. Для работы с современными DLP-системами, а также с целью внедрения практико-ориентированных технологий профессиональной подготовки в виртуальной лаборатории ОмГТУ были организованы специализированные стенды, где с помощью современных программных средств студенты производят настройку и проверку DLP-системы, определяют политики безопасности, обеспечивают контроль информационных потоков в компании и анализируют выявленные инциденты. В качестве средства обучения был выбран программный продукт Traffic Monitor 6 российской компании InfoWatch. Принцип работы виртуальной лаборатории представлен на рисунке 1.

Данная виртуальная инфраструктура реализуется с помощью гипервизора VMWare ESXi Server 6.5, средствами которого у каждого студента создаётся свой виртуальный стенд. Топология рабочего места студента представлена на рисунке 2.

Каждое виртуальное рабочее место студента состоит из двух серверов InfoWatch Traffic Monitor (IWTM, IWDM), а также компьютера сотрудника, с которого возможно эмулировать подозрительную активность в сети организации.

Работа в данной виртуальной лаборатории способствует организации практической подготовки студентов и формированию их профессиональных компетенций. При апробации работы стендов студентами в качестве объекта корпоративной защиты от внутренних угроз информационной безопасности рассматриваются гипотетические компании.

Для минимизации ложных срабатываний DLP-системы в сети организации следует чётко соблюдать определённый порядок действий. Алгоритм внедрения, разработанный авторами статьи (см. рис. 3), содержит четыре последовательных этапа:

1. Предпроектное исследование;
2. Установка DLP-системы;
3. Ввод в опытную эксплуатацию;
4. Ввод в промышленную эксплуатацию.

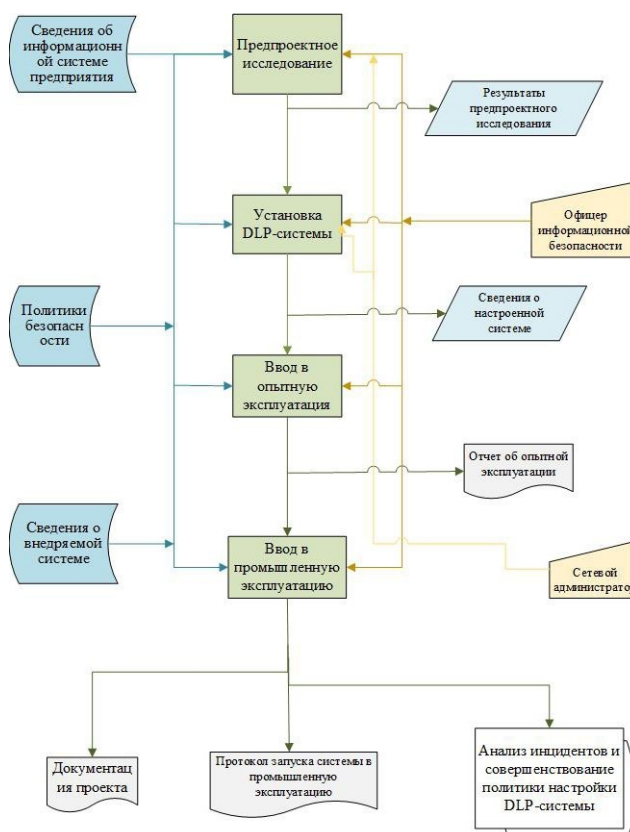

Рис. 3. Основные этапы внедрения DLP-системы, реализуемые студентами в виртуальной лаборатории

Все процессы перечисленных этапов реализуются студентами на лабораторных работах.

Моделирование ситуации, максимально приближенной к реальной профессиональной деятельности, позволяет существенно сократить или преодолеть разрыв между учебным и производственным процессом, а значит, сформировать необходимые профессиональные компетенции.

В результате теоретических и практических действий в соответствии с предлагаемым алгоритмом студенты в течение семестра создают проект качественно функционирующей DLP-системы. На виртуальном стенде ими разрабатываются и апробируются многочисленные политики безопасности для гипотетической организации. Например, студент определяет конфиденциальную информацию внутри компании и выделяет её отличительные признаки (эталонный документ, график, печать, ключевые слова и т. д.).

После разработки политик безопасности студенты проводят перехваты конфиденциальной информации. Например, имитируется отправка некоего конфиденциального документа по электронной почте, но система должна не допустить этого, выделив некоторые определённые студентом признаки конфиденциальности: наличие печати, ключевых слов и т. д. Также на клиентском компьютере им определяется список внешних устройств, с которыми можно работать пользовате-

лю, и отключается не разрешённое для использования в рабочее время программное обеспечение.

На завершающем этапе работы обучаемые используют аналитический функционал DLP-системы для создания отчётов о выявленных инцидентах и анализа полученных данных.

Следовательно, на созданных виртуальных стендах лаборатории студентами поэтапно проводятся различные подготавливающие работы, которые позволяют сформировать набор умений и определить алгоритм работы в различных критических ситуациях, максимально приближенных к практической деятельности.

Выводы. В результате работы в виртуальной лаборатории студенты успешно развивают профессиональную компетенцию «Корпоративная защита от внутренних угроз информационной безопасности»: ими апробируется функционал современных DLP-систем. Для гипотетической организации они выявляют актуальные внутренние угрозы и каналы утечек, определяют конфиденциальную информацию и этапы внедрения DLP-системы в работу компании. Таким образом, использование современных систем виртуализации при изучении DLP-систем является, на наш взгляд, обязательной составляющей образовательного процесса в вузе, которая позволяет сформировать профессиональные компетенции будущих специалистов в области защиты информации.

Источники

1. Галажинский Э. Чему не учат в университетах [Электронный ресурс] // Вестник, 2017, 2 августа, URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/03/727760-ne-uchat-v-universitetah> (дата обращения 02.03.2020).
2. Попова О. И. Трансформация высшего образования в условиях цифровой экономики // Вопросы управления. 2018. № 5 (35). С. 158–160.
3. Подольский О. Какими цифровыми компетенциями должны обладать кадры будущего? [Электронный ресурс] // Национальная техническая инициатива, 2020, 3 февраля, URL: <https://ntinews.ru/blog/publications/kakimi-tsifrovymi-kompetentsiyami-dolzny-obladat-kadry-budushchego-.html> (дата обращения 02.03.2020).
4. Istvan Simonics, Digital competency in higher education. 2013 International Conference on Interactive Collaborative Learning (ICL), 2013, pp. 88–91.
5. Тульчинский Г. В. Цифровая трансформация образования, вызовы для высшей школы // Российский журнал философских наук. 2017. № 6, С. 121–136.
6. Gaivoronskii D. V., Kutuzov V. M., Minina A. A. Digital transformation of engineering education. Strategic Partnership of Universities and Enterprises of Hi-Tech Branches (Science. Education. Innovations), 2017, pp. 3–6. DOI: 10.1109/TVForum.2017.8245954
7. Вайндорф-Сысоева М. Е., Субочева М. Л. «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. № 3. С. 25–36.
8. Информационная безопасность корпорации: актуальная компетенция Digital Skills [Электронный ресурс]. URL: <https://worldskills.ru/media-center/novosti/informacionnaya-bezopasnost-korporaczii-aktualnaya-kompetenciya-digitalskills.html> (дата обращения 02.03.2020).
9. Шабалин А. М., Калиберда Е. А. Построение виртуальной модели защиты корпоративной информации с использованием системы Infowatch Traffic Monitor // Вестник кибернетики. 2020. № 1 (37). С. 35–42.
10. Huang Shihong; Distant D. On Practice-Oriented Software Engineering Education Software, Engineering Education and Training Workshops (CSEETW), 2006, pp. 15–15. DOI: 10.1109/CSEETW.2006.11
11. Julien Broisin, Rémi Venant, Philippe Vidal All Authors A remote laboratory to leverage motivation of learners to practice: An exploratory study about system administration, Proceedings of 2015 12th International Conference on Remote Engineering and Virtual Instrumentation (REV), 2015, pp. 140–142. DOI: 10.1109/REV.2015.7087280
12. Li Bian Application of Digital Technology in Open and Distance Education, 2009 International Conference on Networking and Digital Society, 2009 (5), pp. 273–276. DOI: 10.1109/ICNDS.2009.74

Информация об авторах

Калиберда Елена Анатольевна

Кандидат технических наук, доцент кафедры «Математические методы и информационные технологии в экономике». Омский государственный технический университет (644050, РФ, г. Омск, пр. Мира, 11). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-7572>, Scopus ID: 57201735193. E-mail: elekaliberda@rambler.ru

Шабалин Андрей Михайлович

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики, математики и естественнонаучных дисциплин. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2404-9864>, Scopus ID: 57201738822. E-mail: sham.omsk@gmail.com

E. A. Kaliberda¹, A. M. Shabalin²

¹Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

²Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The impact of modern virtualization systems on university students' professional competences while studying DLP systems

Abstract. The problem and purpose of the article is to shape professional competencies of future specialists in the information security field using modern virtualization systems.

The use of a practice-based approach as a method of teaching and learning in combination with practical activities. The use of digital innovative virtualization technologies as a mandatory component of a practice-based approach.

To improve the process of shaping professional competencies, (on the basis of a license from InfoWatch) a specialized virtual laboratory was organized on the basis of the Omsk State Technical University; it allowed configuring and verifying the DLP system, determining security policies, ensuring control of information flows in the company and analyzing identified incidents. For this purpose, an algorithm for introducing a DLP system into the educational process have been developed, the students could define information security objects and develop appropriate policies to prevent data leakage and identify possible incidents, intercepts confidential information through controlled communication channels.

The use of modern virtualization tools for studying the functionality of modern DLP systems allows students to put theoretical knowledge into practice and be ready to solve different professional tasks ensuring the corporate organizations protection from internal leakage of confidential data.

Keywords: practice-oriented technologies, digital technologists in education, shaping professional competencies, information security, internal threats, DLP system, InfoWatch, virtual laboratory.

Paper submitted: February 11, 2020

For citation: Kaliberda E. A., Shabalin A. M. (2020). The impact of modern virtualization systems on university students' professional competences while studying DLP systems. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 118–122. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.20.

References

1. Galazhinsky E. The things Universities do not teach [Electronic resource]. Vedomosti, 2017, August 2, URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/03/727760-ne-uchat-v-universitetah> (accessed 02.03.2020). (In Russian).
2. Popova O. I. Transformation of higher education in the conditions of the digital economy. Management Issues. 2018, no. 5 (35). pp. 158–160. (In Russian).
3. Podolsky O. What digital competencies should the staff of the future have? [Electronic resource]. National Technical Initiative, 2020, February 3, URL: <https://ntinews.ru/blog/publications/kakimi-tsifrovymi-kompetentsiyami-dolzhen-obladat-kadry-budushchego.html> (accessed 02.03.2020). (In Russian).
4. Istvan Simonics, Digital competency in higher education. 2013 International Conference on Interactive Collaborative Learning (ICL), 2013, pp. 88–91.
5. Tulchinsky G. Digital Transformation of Education, Challenges for Higher School, Russian Journal of Philosophical Sciences. no. 6. 2017, pp. 121–136. (In Russian).
6. Gaivoronskii D. V., Kutuzov V. M., Minina A. A. Digital transformation of engineering education. Strategic Partnership of Universities and Enterprises of Hi-Tech Branches (Science. Education. Innovations), 2017, pp. 3–6. DOI: 10.1109/IVForum.2017.8245954
7. Vayndorf-Sysoeva M. E., Subocheva M. L. "Digital education" as a backbone category: approaches to definition. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Pedagogy. 2018, no. 3. pp. 25–36. (In Russian).
8. Information security of the corporation: the current competency of Digital Skills [Electronic resource]. URL: <https://worldskills.ru/media-czentr/novosti/informacionnaya-bezopasnost-korporaczii-aktualnaya-kompetenciya-digitalskills.html> (accessed 02.03.2020). (In Russian).
9. Shabalin A. M., Kaliberda E. A. Building a virtual model for protecting corporate information using the Infowatch Traffic Monitor system. Bulletin of Cybernetics. 2020, no. 1 (37), pp. 35–42. (In Russian).
10. Huang Shihong; Distant D. On Practice-Oriented Software Engineering Education Software, Engineering Education and Training Workshops (CSEETW), 2006, pp. 15–15. DOI: 10.1109/CSEETW.2006.11
11. Julien Broisin, Rémi Venant, Philippe Vidal All Authors A remote laboratory to leverage motivation of learners to practice: An exploratory study about system administration, Proceedings of 2015 12th International Conference on Remote Engineering and Virtual Instrumentation (REV), 2015, pp. 140–142. DOI: 10.1109/REV.2015.7087280
12. Li Bian Application of Digital Technology in Open and Distance Education, 2009 International Conference on Networking and Digital Society, 2009 (5), pp. 273–276. DOI: 10.1109/ICNDS.2009.74.

Information about the authors

Elena A. Kaliberda

Cand. Sc. (Engineering), Associate Professor. Omsk State Technical University (11 Mira Ave., Omsk, 644080, Russian Federation).
E-mail: elekaliberda@rambler.ru

Andrey M. Shabalin

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation).
E-mail: sham.omsk@gmail.com

© E. A. Калиберда, А. М. Шабалин, 2020

УДК 793.3: 37.02

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.21

Л. Я. Николаева¹, Т. В. Сабанцева¹

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Развитие сочинительских навыков студентов-хореографов в процессе освоения региональных особенностей русского танца

Аннотация. Проблема исследования заключается в недостаточном обосновании методов организации системы самостоятельной работы студентов-хореографов в сложившейся современной образовательной среде. Цель – анализ методов организации самостоятельной работы студентов-хореографов в процессе освоения региональных особенностей русского танца, а также разработка методических рекомендаций по формированию сочинительских навыков при самостоятельной работе. Исследование проводится на основе методов анализа научно-методической литературы и обобщения современных методик в хореографическом образовании. Выделены этапы формирования и совершенствования сочинительских навыков студентов хореографических специализаций: теоретический предполагает формирование системы знаний о структуре танцевальных форм, сложившихся в русской народной хореографии и их региональной специфике, практический – освоение и закрепление навыков сочинения хореографических композиций на практических занятиях. В ходе проведенного исследования обоснована технологическая готовность студента-хореографа к самостоятельной сочинительской деятельности. Результаты исследования могут быть использованы в практике вуза для организации самостоятельной творческой работы, а также формирования у студентов-хореографов профессиональных компетентностей.

Ключевые слова: хореографическое искусство, сочинительские навыки, виды хореографических композиций, учебная комбинация, учебный этюд.

Дата поступления статьи: 22 октября 2019 г.

Для цитирования: Николаева Л. Я., Сабанцева Т. В. (2020). Развитие сочинительских навыков студентов-хореографов в процессе освоения региональных особенностей русского танца // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 123–127. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.21

Проблема и цель исследования. На сегодняшний день система организации обучения в высшей школе предполагает не только аудиторные занятия с преподавателем, но и самостоятельную работу студента. Хореографическое образование, конечно, имеет свои особенности, принципы и определенные методы. Будущий выпускник по направлению подготовки «Хореографическое искусство» сегодня должен не только владеть навыками и умениями исполнительского и педагогического мастерства, но и обладать сочинительскими навыками в хореографическом искусстве, так как любая деятельность в сфере хореографии предполагает создание хореографических композиций.

В последнее время в системе высшего образования постоянно внедряются новые образовательные стандарты. Так, сегодня в высшей школе по направлению подготовки «Хореографическое искусство» только 30 % предусмотрено аудиторных занятий с преподавателем и 70 % отведено на самостоятельную работу студента.

Вследствие такого факта, можно утверждать, что многие вузы РФ, а также преподаватели и студенты оказались в достаточно сложной ситуации, которая требует от них новых образовательных подходов в организации как аудиторных, так и самостоятельных часов работы.

Таким образом, проблема исследования заключается в недостаточном обосновании методов организации системы самостоятельной работы студентов-хореографов в сложившейся современной образовательной среде.

Самостоятельная работа студента-хореографа имеет творческо-практический характер и должна быть максимально индивидуализирована и иметь систематический, непрерывный и усложняющийся характер, соответствующий определенному этапу освоения одной из основных образовательных программ. В процессе самостоятельной работы студент-хореограф выполняет задания, требующие сочинительских навыков. Как считает М. А. Каримов, «творчество воспроизводит органическое начало и является деятельностью, порождающей нечто качественно новое, никогда ранее не существовавшее» [1, с. 1882]

Таким образом, правильно подобранные преподавателем методы организации самостоятельной работы студента-хореографа будут положительно воздействовать на формирование профессиональных знаний, умений и навыков в процессе освоения образовательной программы.

Сегодня издается множество учебной и учебно-методической литературы в области хореографического искусства, но в основе своей издания носят практический характер, тем самым не обладая теоретическим материалом для преподавателей по организации образовательного процесса студентов-хореографов.

В научных трудах В. М. Майорова отмечает, что «действующая система профессиональной подготовки в сфере хореографического искусства не всегда позволяет в полной мере раскрыть творческий потенциал будущих специалистов» [2]. По мнению автора, в деятельности балетмейстеров наблюдается «теоретически и практически неверное исполнение региональ-

ных особенностей русского танца. Несмотря на достаточную разработанность темы в специализированной литературе (Т. А. Устинова, А. А. Климов, Н. И. и Н. А. Заикины, И. И. Веретенников, А. В. Руднева, М. П. Мурашко, М. Д. Яницкая и другие), педагоги и балетмейстеры в своей практике часто демонстрируют незнание региональных особенностей русского танца» [2].

Так же следует отметить, что в современных условиях повышаются требования к формированию у будущих специалистов в области русской народной хореографии способностей, умений и навыков к самостоятельной творческой деятельности, что подтверждает актуальность представленного исследования.

Цель исследования – проанализировать способы и методы организации самостоятельной работы студентов-хореографов в процессе освоения региональных особенностей русского танца, а также разработать методические рекомендации по формированию сочинительских навыков студентов-хореографов при их самостоятельной работе.

Задачами преподавателя при организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов-хореографов являются:

- систематизация и закрепление полученных теоретических знаний и практических умений студентов;
- развитие творческой активности студентов: самостоятельности, ответственности и организованности;
- формирование самостоятельности творческого мышления, способностей к саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации.
- формирование практических профессиональных умений и навыков в различных областях хореографического искусства;
- развитие исследовательских умений.
- выработка навыков эффективной самостоятельной профессиональной практической деятельности.

В планировании заданий для внеаудиторной самостоятельной работы студентов-хореографов используются следующие типы самостоятельной работы:

- воспроизводящая (репродуктивная), предполагающая алгоритмическую деятельность по образцу в аналогичной ситуации;
- реконструктивная, связанная с использованием накопленных знаний и известного способа действия в частично измененной ситуации;
- творческая, направленная на формирование знаний-трансформаций и способов исследовательской деятельности.

Следовательно, правильно поставленные цели и задачи, а также методические принципы организации самостоятельной работы студента-хореографа позволят сформировать профессиональные навыки и умения их творческой деятельности.

Исследование проводится на основе методов анализа научно-методической литературы и обобщения современных образовательных методик в хореографическом образовании.

Методология исследования. Исследование проводится на основе методов анализа научно-методической литературы и обобщения современных образовательных методик в хореографическом образовании.

Результаты исследования. Процесс формирования и совершенствования сочинительских навыков студентов хореографических специализаций в ходе освоения региональных особенностей русского танца складывается из двух основных этапов:

- теоретический;
- практический.

Основной целью теоретического этапа является формирование системы знаний о структуре танцевальных форм, сложившихся в русской народной хореографии и их региональной специфике.

К профессионально значимым теоретическим знаниям в области сочинения различных композиций русского танца необходимо отнести следующие:

- знание композиционной структуры русского танца;
- знание образно-содержательной основы русского танца
- знание структуры традиционной лексики русского танца;
- знание пространственного построения различных форм в русской народной хореографии;
- знание регионально-стилевых особенностей русского танца;
- знание специфики музыкального сопровождения русского танца.

Цель практического этапа – освоить и закрепить навыки сочинения хореографических композиций на практических занятиях. Практический этап предполагает выполнение студентами индивидуальных заданий по сочинению учебных комбинаций, этюдов и хореографических форм на материале региональных особенностей русского танца. При этом педагог должен подбирать индивидуальное творческое задание для каждого студента с учетом его профессиональных навыков и способностей. Кроме того, выбор творческого задания может предлагаться и самим студентам, которые ориентируются в этом случае на свои творческие интересы и собственные возможности.

Практический этап включает следующие три раздела:

- совершенствование умений и навыков создания учебной комбинации;
- совершенствование умений и навыков создания учебного этюда;
- совершенствование умений и навыков создания хореографической формы.

Следует заметить, что этапы следуют в строгой последовательности, так как практический этап опирается на знания теоретических, методических, технологических аспектов создания комбинаций, этюдов и танцевальных форм в целом.

Первый раздел. Основу хореографической лексики в русском танце составляют традиционные танцевальные движения. Как отмечают современные исследователи, «всякое танцевальное движение – это определенная структура, построенная на одном приеме исполнения» [3].

Практическое задание этого раздела включает в себя разработку одного из движений русского народного танца (например, «веревочки», «моталочки» или «доби»).

В ходе практической работы студенты должны освоить основные методы развития традиционных движений русского танца:

- механическое развитие движений – изменение движений путем добавления «шагов», «подскоков», «ударов», «хлопков», «поворотов» и пр.;

- метроритмическое развитие движений – изменение внутренней организации движений, основанных на чередовании элементов разной ритмической структуры;

- метафорическое развитие движений – создание образной лексики путем добавления подражательных танцевально-пластических элементов.

Для эффективного выполнения творческого задания студенту необходимо владеть основными принципами построения учебных комбинаций: логикой построения, последовательностью, стилевой однородностью, музыкальностью.

Второй раздел. Под учебным этюдом мы подразумеваем определенное задание по созданию хореографической композиции, которая выполняет конкретно поставленную задачу. Учебный танцевальный этюд – это законченный по форме фрагмент русского танца, составленный с использованием его региональных особенностей.

Р. В. Захаров подробно анализирует работу студента над танцевальным этюдом. Автор отмечает, что этюды «заставляют работать воображение будущего балетмейстера, развивают сочинительский дар...» [4].

Выполнение этюдной работы помогает на практике отрабатывать технологию построения русского сценического танца. Прежде чем приступить к сочинению учебного этюда студент должен решить ряд поставленных задач:

- определить региональную принадлежность учебного этюда;
- отобрать наиболее характерные движения, отражающие региональную специфику русского танца;
- изучить специфику пространственного построения русского танца, характерную для выбранного региона;
- подобрать музыкальный материал, соответствующий выбранной форме русского танца и ее региональным особенностям.

Третий раздел. Искусство русской народной хореографии – разнотанцевая система, которая складывается из отдельных хореографических произведений. При этом каждое конкретное произведение, являясь мельчайшей частицей этой системы, подчиняется специфическим требованиям (особенностям) того или иного жанра русской народной хореографии [5].

Прежде чем приступить к созданию целостного хореографического номера, студенту необходимо определить форму русского народного танца и особенности ее содержания. Большинство авторов рассматривают форму как способ воплощения художественного содержания по законам данного вида и жанра искусства. Так, Г. А. Карцева пишет: «форма – это приведенная к единству совокупность художественных средств и приемов с целью выражения содержания» [6].

Для каждого вида творчества характерны собственные формы. Л. Г. Тимошенко относит к региональным формам русского народного танца игровые хороводы, орнаментальные хорово-

ды, хороводы-танки (проходные и кривые), кадрили, групповые пляски, парно-массовые пляски, переплясы, маленькие сибирские хороводы [7]. Все названные региональные формы русского танца отличаются друг от друга содержанием, спецификой выразительных средств и стилистическими особенностями исполнения.

Известный исследователь А. М. Мехнецов выделяет в процессе формообразования четыре основных структурообразующих комплекса выразительных средств, которые характерны для различного образно-смыслового содержания отдельных видов народной хореографии [8]. К ним автор относит:

- ритмо-акцентное начало;
- семантику графически-орнаментальной формы движения;
- знаково-выразительную систему пластических средств;
- пространственно-векторную основу организации движения.

С. Н. Худеков писал: «Развитие танца можно разделить на две части: одну, относящуюся к управлению бесконечно разнообразных движений, прямых, кривых, вогнутых и во всех вообще направлениях и линиях; другая же часть заключается в гармонических сочетаниях разнообразных движений всего корпуса вообще, а также и частей его, то есть рук, шеи, головы и игры физиономии. Это, так сказать, механические элементы» [9].

Для осуществления творческого задания студенту необходимо изучить и проанализировать стилистические особенности региональных форм русского танца. М. П. Мурашко отмечает: «Немалую роль в русском танце играет стиль танца, особенно при сочинении танца, построенного на стилистических особенностях региона. Ведь русский танец, имея общую пластическую и содержательную основу, удивительно разнообразен. Каждый регион имеет свой собственный стиль с присущими чертами и особенностями манеры для этого региона» [10]. Отметим, что под региональным стилем мы подразумеваем совокупность специфических черт пространственно-композиционной структуры русского танца и приемов его исполнения, придающих своеобразие и характерные отличительные свойства формам русского народного танца определенной местности (региона).

Основными составляющими практической деятельности студента по сочинению целого хореографического произведения являются:

- выбор формы русского народного танца, ее содержания и комплекса выразительных средств;
- выбор регионально-стилевых особенностей русского народного танца;
- выбор музыкального материала, соответствующего стилю и форме танца.

Каждый раздел завершается творческим показом и анализом хореографической композиции (комбинации, этюда, формы русского танца), сочиненной студентом в ходе самостоятельной практической деятельности.

Таким образом, технологическая готовность студента-хореографа к сочинительской деятельности в области русской народной хореографии должна быть выражена:

- в освоении теоретических знаний по технологии создания учебных комбинаций, этюдов и целых хореографических форм на материале региональных особенностей русского танца;

- в приобретении умений использования теоретических знаний в практической творческой деятельности.

Следовательно, теоретическое осмысление и практическое воплощение региональных стилей русского народного танца в процессе обучения студентов-хореографов открывает большие возможности в развитии профессионального творчества будущих специалистов в области русской танцевальной культуры.

Выводы. По итогам проведенного исследования авторами утверждены этапы работы по совершенствованию сочинительских навыков в процессе самостоятельной работы студентов-хореографов по освоению региональных особенностей русского танца. Так, первый этап – теоретический, предусматривает формирование системы знаний о структуре танцевальных форм, сложившихся в русской народной хореографии и их региональной специфике. Второй этап – практический, предполагает использование полученных на первом этапе знаний в практической деятельности, выраженной в выполнении творческого задания различного уровня сложности, что является

основой их будущей профессиональной деятельности. Ведь выпускник по направлению подготовки «Хореографическое искусство» может осуществлять профессиональную деятельность в разнообразных направлениях искусства и образования, выполнять педагогические или балетмейстерские функции. И главной составляющей этих процессов является сочинительская деятельность, которая и развивается в процессе самостоятельной работы в вузе.

При организации самостоятельной работы студентов по освоению региональных особенностей русского танца вполне закономерно, что конечный результат – создание региональной формы русского танца – и сам процесс сочинительской деятельности студента-хореографа взаимосвязаны: чем глубже теоретические знания регионально-стилевых особенностей русского народного танца; основных форм, средств и методов сочинительской деятельности, тем выше художественный уровень собственных хореографических постановок.

Следовательно, теоретическое осмысление и практическое воплощение региональных стилей русского народного танца в процессе обучения студентов-хореографов открывает большие возможности в развитии профессионального творчества.

Источники

1. Каримов М. А. Развитие творческих способностей учащихся народно-сценического отделения Башкирского хореографического колледжа им. Р. Нуриева // Вестник Башкирского университета. 2012. № 4. С. 1880-1885. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18891547>
2. Майорова В. М. Значение русского танца в процессе обучения студентов хореографических специализаций // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 2. С. 100–105. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30013658>
3. Заикин Н. И., Заикина Н. А. Русский народный танец. Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2014. 550 с.
4. Захаров Р. В. Сочинение танца: Страницы педагогического опыта. М.: Искусство, 1983. 224 с.
5. Богданов Г. Ф. Работа над танцевально-музыкальной формой хореографического произведения. М.: ВЦХТ, 2008. 143 с.
6. Карцева Г. А. Содержание и форма в онтологии искусства // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов: Изд-во Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. 2011. № 11. С. 363–368. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17909379>
7. Тимошенко Л. Г. Проблемы возрождения и сохранения педагогического потенциала русской танцевальной культуры // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2017. № 3 (17). С. 71–77. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29770168>
8. Мехнецов А. М. Народная традиционная культура: статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 92.
9. Худков С. Н. Всеобщая история танца. М.: ЭКСМО, 2010. 628 с.
10. Мурашко М. П. Кризис ансамблей русского танца // журнал «Балет». М.: Искусство, 2011. № 2. С. 48–51.

Информация об авторах

Николаева Лидия Яковлевна

Доцент кафедры режиссуры и хореографии. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4480-6586>. E-mail: nikolaevalidiya@yandex.ru

Сабанцева Татьяна Виталиевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры режиссуры и хореографии. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5464-3253>. E-mail: sabtv@mail.ru

T. V. Sabantseva¹, L. Ya. Nikolaeva¹

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Shaping creative skills of student choreographers in the process of mastering regional peculiarities of Russian dance

Abstract. The system of higher choreographic education today has a large percentage of independent activity of the student, and for a student choreographer it is independent creative activity involving application of creative skills and skills in mastering practical tasks of educational program in the field of Russian folk choreography and rational organization of creative independent activity of the student is successful results of training. The problem of the study is insufficient justification of the organization methods of independent work system for student choreographers in the current modern educational environment. The aim is to analyze the ways and methods to organize student choreographers' independent work in the process of mastering regional peculiarities of Russian dance, as well as to develop methodological recommendations to shape student choreographers' creative skills during their independent work.

The study is carried out on the basis of methods of scientific and methodological literature analysis and generalization of modern educational methods in choreographic education.

The stages of shaping and improving creative skills of choreographic specialization students during mastering regional peculiarities of Russian dance are highlighted: theoretical and practical ones. During the theoretical stage, a student choreographer develops a system of knowledge about the

structure of dance forms established in Russian folk choreography and their regional specificity. The purpose of the practical stage is to master and consolidate the skills aimed to create choreographic compositions in practical classes. It involves several sections and each of them justifies the algorithm of independent work of a student choreographer. During the research, the technological readiness of the student-choreographer for independent writing activities in the field of Russian folk choreography is justified, it involves:

– Mastering theoretical knowledge on the technology of creating educational combinations, sketches and whole choreographic forms on the material of regional features of Russian dance;

– Acquisition of skills using theoretical knowledge in practical creative activity.

Therefore, theoretical thinking and practical implementation of regional styles of Russian folk dance in the process of training student choreographers opens up great opportunities in the development of professional creativity of future specialists in the field of Russian dance culture.

The results of the study can be used in the practice of higher choreographic education to improve creative skills in the process of mastering regional peculiarities of Russian dance, as well as shaping professional competences in student choreographers.

Keywords: choreographic art, creative skills, types of choreographic compositions, educational combination, educational sketch.

Paper submitted: October 22, 2019

For citation: Sabantseva T. V., Nikolaeva L. Ya. (2020). Shaping creative skills of student choreographers in the process of mastering regional peculiarities of Russian dance. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 2, pp. 123–127. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.21

References

1. Karimov M. A. Development of Creative Abilities of Students of the Folk Department of the R. Nuriev Choreography College. *Bulletin of Bashkortostan University*. 2012, no. 4. pp. 1880–1885. (In Russian)
2. Mayorov V.M. Significance of Russian Dance in the Training Course of Students of Choreographic Specializations. *Culture and Education: Scientific and Information Journal of Universities of Culture and Arts*. 2017, no. 2, pp. 100–105. (In Russian)
3. Zaikin N. I., Zaikina N. A. Russian folk dance. *Oryol: Oryol State Institute of Arts and Culture*, 2014 550 p. (In Russian)
4. Zakharov R. V. Dance composition: Pages of pedagogical experience. Moscow, Art Publ., 1983. 224 p. (In Russian)
5. Bogdanov G. F. Mastering dance-musical form of choreographic work. Moscow, WCCT Publ., 2008. 143 p. (In Russian)
6. Kartseva G. A. Content and form in ontology of art. *Socio-economic phenomena and processes*. Tambov: G.R. Volovina State University. 2011, no. 11, pp. 363–368. (In Russian)
7. Timoshenko L. G. Problems of revival and preservation of pedagogical potential of Russian dance culture. *Scientific and pedagogical review. Pedagogical Review*. 2017, no. 3, pp. 71–77. (In Russian)
8. Mehnetsov A. M. Folk traditional culture: articles and materials. To the 150th anniversary of the St. Petersburg Conservatoire. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2014. 92 p. (In Russian)
9. Khudekov S. N. Universal History of Dance. Moscow, EKSMO Publ., 2010. 628 p. (In Russian)
10. Murashko M. P. Crisis of Russian dance ensembles. *Ballet magazine*. Moscow, Art Publ., 2011, no. 2, pp. 48–51. (In Russian)

Information about the authors

Lidiya Ya. Nikolaeva

Associate Professor, Department of Directing and Choreography. Dostoevsky Omsk State University (55a Mira ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: nikolaevalidiya@yandex.ru

Tatyana V. Sabantseva

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Directing and Choreography. Dostoevsky Omsk State University (55a Mira ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: sabtv@mail.ru

УДК 330. 101
JEL B4, B5, B12, B14, B24, B31

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.22

В. В. Бирюков¹

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Время как измеритель стоимости и потребительной ценности товаров и регулятор развития экономики

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с концептуальным пересмотром представлений о роли времени в экономике. Целью статьи является разработка адекватной экономической реальности исследовательской парадигмы на основе использования междисциплинарного подхода, позволяющего изучать взаимосвязанные темпоральные характеристики экономики, а также функции времени как регулятора развития экономики. Соответствующая современной научной методологии парадигма изучения экономики как сложной системы в рамках разработанного междисциплинарного подхода будет способствовать преодолению сложившейся упрощённой версии интерпретации времени и, исходя из интересубъективной природы экономической реальности, рассмотрению феномена времени в качестве ключевого методологического инструмента анализа национальной экономики.

В статье показаны своеобразие и когнитивные границы интерпретации феномена времени в рамках экономического мейнстрима, предложена интересубъективная парадигма изучения роли времени как ключевого методологического инструмента, системообразующего фактора и регулятора развития экономики. Смена парадигмы предусматривает радикальную коррекцию исследовательской оптики, разворот к описанию временного измерения экономики как её особой проекции. Рассмотрение феномена времени как особого методологического инструмента способствует более глубокому пониманию усложняющейся экономической реальности, что предполагает отказ от доминирующей парадигмы, в рамках которой феномен времени выступает как некий экзогенный фактор. В рамках представленной парадигмы время становится выражением сложной эндогенной структуры политемпоральной экономики, системным измерителем и регулятором происходящих на всех ее уровнях процессов.

Ключевые слова: экономическое время, временные структуры, теория стоимости, рыночное равновесие, производительность труда, прибавочное время, инновационная рента.

Дата поступления статьи: 25 марта 2020 г.

Для цитирования: Бирюков В. В. (2020). Время как измеритель стоимости и потребительной ценности товаров и регулятор развития экономики // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 128–133. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.22

Проблема и цель. Время является уникальной составляющей экономической системы и особым фактором, определяющим экономическую деятельность людей. Однако используемые сегодня исследовательские подходы не позволяют удовлетворительно интерпретировать складывающиеся во времени противоречивые экономические процессы, поэтому фактор времени лежит в основе главных трудностей при решении почти любой экономической проблемы. Целью статьи является рассмотрение вопросов, связанных с концептуальным переосмыслением представлений о роли времени в экономике, и разработка исследовательской парадигмы, адекватной экономической реальности, на основе предложенного междисциплинарного подхода. В рамках данного подхода временное измерение экономики предлагается рассматривать в виде особой проекции, которая позволяет изучать взаимосвязанные темпоральные характеристики, а также функции времени как регулятора развития экономики.

Методология. Конкурирующие в настоящее время концептуальные подходы к анализу роли времени в развитии экономики опираются на экзогенную интерпретацию связи времени с экономикой, поэтому неизбежно возникает искаженное описание данных процессов в результате ограниченного видения проблемного поля. В статье в рамках современной научной

методологии предлагается парадигма исследования экономики как многомерной и нелинейно развивающейся сложной системы на основе разработанного междисциплинарного подхода, который исходит из того, что каждый элемент или процесс экономической системы обладает собственными временными ритмами, взаимодействующими с временными ритмами окружающей среды, а также из признания взаимосвязанности и иерархичности структур времени в экономике. Это позволяет в соответствии с интересубъективной природой экономической реальности рассмотреть роль феномена времени как ключевого методологического инструмента анализа противоречивых процессов развития национальной экономики.

Результаты. Сегодня в рамках смены научной парадигмы все больше внимания обращается на необходимость концептуального пересмотра представлений о времени как о специфическом социальном феномене. Кроме исследований, которые проводятся феноменологами и социальными антропологами исходя из субъективных интерпретаций времени, разрабатываются и подходы, ориентированные на изучение времени как феномена, характеризующего особенности коллективной деятельности людей и её повторения с учетом её динамических свойств (нелинейности, цикличности, неопределённости и др.). Так, Г. Гурвич, опираясь

на идеи К. Маркса, Э. Дюркгейма, П. Сорокина и Р. Мертона, показал, что в обществе возникает множество временных структур, появляются разные ритмы коллективной деятельности людей, противоречивое взаимодействие которых вызывает структуризацию, деструктуризацию и реструктуризацию социальных процессов [1].

В экономической науке сегодня в процессе поиска концепций, позволяющих более адекватно изучать качественно новые тренды в трансформации современной экономики во времени, наблюдается фокусирование внимания на анализе используемых методологических установок и идей классиков экономической науки с позиций выявления их когнитивного потенциала. В связи с этим происходит некоторый поворот в осмыслении экономической теории К. Маркса, сквозным принципом построения которой являлся феномен времени, и предлагаются более взвешенные ее оценки [2]. Вместе с тем трудности выхода из нынешней когнитивной ситуации во многом обуславливаются тем, что представители экономического мейнстрима и многих альтернативных теорий опираются на сложившуюся более ста лет назад и давно устаревшую традицию искаженного и упрощенного видения экономической реальности, соответствующего индивидуалистической парадигме [3]. В связи с этим среди сторонников данной парадигмы распространено мнение, что К. Маркс был одним из самых значимых социологов и философов, идеи которого повлияли на многие науки, включая политическую экономию. Особую роль в интеллектуальном дискурсе и политической борьбе выполняет его положение о том, что определение стоимости рабочим временем является основой изучения буржуазной системы. Данная идея способствовала поиску путей развития экономической науки, но, как показал П. Сраффа, она оказалась неубедительной. Поэтому целесообразно следовать метафоре лестницы Витгенштейна: когда достигнут более высокий уровень понимания, требуется отказаться от теорий, которые оказались «бессмысленными» [4, с. 47].

Однако утвердившиеся подходы к анализу развития экономики во времени в рамках неоклассической парадигмы экономического мейнстрима неизбежно остаются фрагментальными, так как в рамках данной парадигмы коллективные структуры времени не рассматриваются в качестве самостоятельного предмета и инструмента анализа [5]. Вместе с тем в рамках классической парадигмы, предложенной А. Смитом, Д. Рикардо и К. Марксом, были разработаны важные положения, связанные с тем, что время здесь используется как особый методологический инструмент, поскольку никакая форма организации общества не может помешать тому, чтобы время, имеющееся в его распоряжении, регулировало экономическую деятельность людей.

В связи с этим сегодня сложилось мнение о том, что предложенная в соответствии с идеями классической школы марксистская модель цены может стать основой разработки общей теории ценности. Данная модель позволяет описывать товарную экономику, не опираясь на ложные предпосылки об отсутствии прибыли или об экзогенном определении одной из факторных цен. Альтернативные теории не могут быть основой общей те-

ории: они неспособны корректно описать даже производство с одним первичным ресурсом. Квазимарксистская теория цены производства и неорикардская теория затрат производства предполагают начисление прибыли на промежуточный продукт, австрийская теория вертикальной интеграции смешивает условия ценообразования смежных периодов, а неоклассическая теория факторов производства не учитывает промежуточное потребление продуктов, но нормирует прибыль по одному из ресурсов [6, с. 128–129]. Однако ситуация осложняется тем, что интересу к наследию классической школы сопутствуют не только нерешенные проблемы, но и многообразие подходов, которые не преодолевают, а скорее затрудняют их решение [7, с. 97].

В классической парадигме феномен времени является исходным пунктом исследования экономики как сложной саморазвивающейся системы, но внимание сфокусировано на интерпретации времени лишь как фактора формирования стоимости производства товаров. На преодоление ограниченности такого подхода была направлена попытка русских экономистов начала XX в. М. И. Туган-Барановского, В. К. Дмитриева и других разработать концепцию органического синтеза теорий трудовой стоимости и предельной полезности, в рамках которой предлагается применять две разные системы измерения при анализе затрат и результатов производства. Однако при этом возникла нерешенная проблема согласования ценности единиц затрат общественно необходимого времени с субъективными оценками полезности продуктов.

Для парадигмального изменения видения роли времени в развитии экономики важно исходить из ее интересубъективной природы и принимать во внимание, что складывающиеся в процессе экономических взаимодействий различные формы экономических связей создаются ценностно-рациональными субъектами, которые обмениваются идеями и достигают согласия относительно общих ценностей и институтов. В результате этого появляются не только различные индивидуальные ритмы, но и разнообразные коллективные смысло-временные процессы. Использование феномена времени в качестве важного методологического инструмента предусматривает исследование экономической реальности и ее временных структур на основе конструирования картины путем ее усложнения по мере включения все большего количества учитываемых факторов. При этом изучение многомерных процессов развития экономики во времени предполагает учет разнообразия и асимметричности структур времени, так как существует большое количество способов, которыми в экономическое оценивание можно ввести ценностную составляющую [8, с. 59].

Вопреки сложившейся традиции интерпретации времени как экзогенного фактора развития экономики, которой придерживаются критики классической парадигмы и многие ее сторонники, установленная К. Марксом двойственная природа товара и труда производителей обуславливает появление двух способов временного измерения, которые взаимосвязаны и проявляются в денежной форме во взаимодействии спроса и предложения [5]. Для прояснения дуального механизма регу-

лирования экономическим временем взаимодействия спроса и предложения важно учитывать, что в данном взаимодействии проявляется противоречивая связь настоящего с прошлым и будущим. С одной стороны, каждый занятый в экономике на основе разделения труда производит некоторую часть стоимости валового внутреннего продукта (ВВП), величина Y которого зависит от производительности общественного труда A и совокупного времени T , т. е.: $Y = A \times T$ (1)

Стоимость товара выражает оценку затраченных ресурсов и измеряется, по Марксу, общественно необходимым рабочим временем [9, с. 47]. С другой стороны, на рынке каждый товар оценивается исходя из потребительной ценности (полезности) с помощью цен, в которых выражается часть совокупного времени, направляемого на приобретение соответствующего товара. Как отмечал К. Маркс, общество оплачивает товары частью находящегося в его распоряжении рабочего времени, следовательно, оно покупает их при помощи определённого количества рабочего времени [10, с. 204]. В рыночных условиях кривая спроса выражает снижение общественной ценности времени, направленного на приобретение продукта, с увеличением его предложения, а кривая предложения характеризует то обстоятельство, что обычно затраты совокупного времени на единицу продукции повышаются с ростом объёмов его производства. Колебание цен происходит вокруг точки равновесия, при которой общественные оценки затрат времени с точки зрения стоимости и потребительной ценности товара совпадают.

Развитие экономики предполагает непрерывное воспроизводство физического и человеческого капиталов. Потреблённый основной капитал вновь создаётся благодаря ежегодным затратам времени субъектами экономики. По мнению К. Маркса, стоимость потреблённого основного капитала может перемещаться во времени, но на продукт переходит не эта стоимость, а информация о цене капитала [11]. Поэтому затраты времени t каждого занятого в экономике делятся на затраты, которые требуются для воспроизводства основного капитала t_a и жизненных средств t_c , т. е.: $t = t_a + t_c$ (2)

Вместе с тем, в связи с разной капиталовооружённостью труда, в различных отраслях возникает потребность в распределении части создаваемой каждым субъектом стоимости в виде инвестиций для воспроизводства физического капитала в соответствии с отраслевыми особенностями экономики.

Сложность механизмов структурирования времени во многом связана с неравновесными процессами инновационного развития экономики, обуславливающими повышение производительности общественного труда: $A = Y / T$ (3) и экономию совокупного времени. В результате этого одна часть затрат времени t занятых в экономике характеризует затраты прибавочного времени Δt , другая – затраты на простое воспроизводство достигнутого ранее уровня выпуска продукта, т. е.: $t = t_a + t_c + \Delta t$, (4) где t_a и t_c – время, необходимое для простого воспроизводства соответственно физического и человеческого капиталов.

Производительность труда с общественной точки зрения возрастает при его экономии, включая экономию средств производ-

ства и устранение бесполезного труда [9, с. 539]. Формирование устойчивого повышения производительности (эффективности) общественного труда в результате применения инноваций приводит к увеличению прибавочного времени, получению прибавочной стоимости в виде инновационной ренты и является в связи с этим стратегическим ориентиром для развития национальных экономик.

Теория прибавочной стоимости является предметом острых дискуссий сторонников разных экономических школ. При этом часто не принимается во внимание, что прибавочное время и прибавочная стоимость являются формами выражения общеэкономической закономерности роста производительности труда и в разных социально-экономических условиях реализуются по-разному в зависимости от особенностей сложившихся ценностно-институциональных механизмов. Для развития экономики необходимо накопление, разным может быть экономико-социальной механизм прибавочной стоимости и способ оборота накоплений [12, с. 201]. Непрерывное развитие общества предполагает направление одной части прибавочного времени (и инновационной ренты) на накопление национального капитала, а другой – на повышение уровня и качества жизни людей. В связи с этим возникает инвестиционная часть затрат времени, на основе которой субъекты экономики в соответствии с особенностями ценностно-институциональной системы участвуют в накоплении национального капитала.

Неоклассическая теория не способна объяснить парадокс отсутствия прибыли в условиях равновесия. Однако ещё К. Маркс, опираясь на представления о времени как о регуляторе экономической жизни общества, одним из первых выявил важнейшие аспекты неравновесного развития, порождаемые ростом производительности (эффективности) труда, снижением индивидуальной стоимости и созданием в связи с этим добавочной прибавочной стоимости, которая исчезает при трансфере инноваций в масштабе экономики. Эти идеи К. Маркса получили определённое развитие в работах Й. Шумпетера и И. Кирцнера, которые показали, что внедрение различных инноваций обуславливает возникновение разных видов инновационной ренты. Так, фирмы-лидеры на основе применения радикальных инноваций разрушают равновесие в экономике и создают шумпетерианскую ренту, а в результате имитации инноваций у фирм-аутсайдеров появляется кирцнерианская рента и складывается новое динамическое равновесие. В современной экономике инновационная конкуренция превратилась в основной тип рыночной конкуренции; в этих условиях для формирования стратегических преимуществ фирмы важным является направление прибавочной стоимости на накопление физического и человеческого капиталов с учетом жизненного цикла продуктов и технологий, повышения значимости нематериальных ресурсов и фактора времени в достижении коммерческого успеха.

Феномен времени является важным методологическим инструментом исследования противоречивых макропроцессов развития современной экономики как сложной и неравновесной системы. При этом следует принимать во внимание, что

разработанные Дж. Кейнсом основы общей теории динамического макроравновесия спроса и предложения во многом опирались на идеи классической парадигмы: ему была близка мысль о том, что все производится трудом, включая личные услуги предпринимателя и его помощников [13, с. 302–303]. Поэтому учёный исходил из того, что при данных размерах производственных мощностей уровень занятости может служить показателем объёма выпускаемой продукции в масштабе экономики [13, с. 164]. Функция совокупного предложения у Кейнса, как и в классической парадигме, выступает в виде формулы $Y = A \times T$ (5), в которой уровень занятости определяется затратами совокупного времени T . При взаимодействии в масштабе экономики предложения Y и спроса Y_z , величина которого зависит от времени T_z и его денежной оценкой: $A_z (Y_z = A_z \times T_z)$ (6) могут возникнуть разные уровни использования ресурсов времени общества, что порождает разные типы макроравновесия в зависимости от уровня загрузки производственных мощностей. В связи с этим появляется необходимость применения разных инструментов государственного регулирования.

В современной экономике совокупный спрос Y_z включает расходы на потребление, инвестиции, государственные расходы и чистый экспорт и зависит от совокупных ресурсов времени: $T_z = Y_z / A_z$ (7), направляемых на личное потребление T_c , инвестиции T_i , государственные расходы T_g и чистый экспорт T_x , т. е.: $T_z = T_c + T_i + T_g + T_x$ (8).

Это связано с тем, что каждый занятый в экономике участвует в создании ВВП, а его затраты времени t с точки зрения потребления ВВП включают в себя соответствующие компоненты, т. е.: $t = t_c + t_i + t_g + t_x$ (9).

Краткосрочное равновесие в экономике формируется в процессе взаимодействия многих факторов, вызывающих сдвиги в спросе и предложении.

Время как системообразующий феномен выполняет разнообразные функции. Оно выступает как измеритель издержек и результата инновационной деятельности, регулятор спроса и предложения, а также распределения ресурсов в национальной экономике, координатор ритмов изменения производственно-технологических, организационно-институциональных и культурно-ценностных систем. Реализация общих закономерностей использования ресурсов времени в экономике, создания и распределения прибавочной стоимости, выступающей в виде инновационной ренты, во многом зависит от особенностей формирования государством ценностно-институциональной модели.

Результаты авторитетных исследований долговременного развития национальных экономик, опирающиеся на сравнительный анализ обширного исторического фактического материала, свидетельствуют о том, что особую роль в социально-экономическом развитии выполняет конфигурация политических и экономических институтов. При этом отставание стран в экономическом развитии Д. Норт и его коллеги в теории насилия связывают с построением государством порядка ограниченного доступа к ресурсам, утверждая, что про-

блема насилия является главной проблемой развития [14, с. 437]. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон отсталость стран объясняют конструированием экстрактивных институтов, которые позволяют «выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части»; развитие экономики при подобных институтах имеет определенный «потолок» [15, с. 66, 123]. Результаты данных исследований указывают на важность поддержания баланса интересов правящих групп, бизнеса и общества, но используемый в рамках неоклассической парадигмы неинституциональный подход является монокаузальным. В этих работах экономическая модель западных стран выступает как «конец истории» и предполагается, что свободная конкуренция обеспечивает равный доступ к ресурсам [16].

Смена исследовательской парадигмы предполагает радикальный пересмотр сложившихся в рамках экономического мейнстрима теорий государственного регулирования экономики, которые не позволяют адекватно изучать роль государства как макрорегулятора коллективных форм экономической деятельности и ритмов изменения технологических, институциональных и культурно-ценностных систем с учётом их жизненного цикла. Сформировавшиеся в российской экономике стагнационные процессы и нарастающие угрозы обуславливают необходимость смены исчерпавшей потенциал давно устаревшей и дисфункциональной модели, которая основана на конструировании регуляторов, ориентированных на воспроизводство глубокого дисбаланса частных и общих интересов. Институциональные регуляторы должны способствовать эффективному использованию ресурсов времени общества. При их создании следует учитывать, что капитал выступает как фонд, доверенный обществом данному лицу и идущий на пользу общества. Никто не имеет права считать его личной собственностью, ибо не он один его создал [17, с. 155]. Для разработки успешной модели развития стратегических преимуществ российской экономики важно принимать во внимание формирование новой темпоральной методологии, связанной с переходом от реактивной к проактивной модели, позволяющей конкурировать за будущее в условиях смены технико-экономической парадигмы.

Выводы. Рассмотрение феномена времени как особого методологического инструмента способствует более глубокому пониманию усложняющейся картины экономической реальности, что предполагает отказ от неоклассической парадигмы, в рамках которой феномен времени выступает как некий экзогенный фактор. Смена парадигмы предусматривает радикальную коррекцию исследовательской оптики, разворот к описанию временного измерения экономики как её особой проекции. При этом время перестаёт быть лишь одним из ограниченных ресурсов и внешней счётной единицей – оно становится выражением сложной эндогенной структуры политемпоральной экономики, системным измерителем и регулятором происходящих на всех её уровнях процессов. В связи с этим предложенная методология способствует преодолению трудностей, связанных с исследованием системного и противоречивого характера изменений в современной экономике.

Источники

1. Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 3–11
2. Роль изучения «Капитала» К. Маркса в формировании российских экономистов (Круглый стол в МГУ им. М. В. Ломоносова) // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 10–117
3. Бирюков В. В. Культурологическая парадигма видения экономической реальности: особенности формирования // Общество и экономика. 2018. Выпуск 9. С. 91–101
4. Курц Х. Д. Маркс и «закон стоимости». Критическая оценка по случаю 200-летия со дня рождения // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 27–49
5. Бирюков В. Формирование концепция экономического времени в условиях смены научной парадигмы // Общество и экономика. 2019. Выпуск 5. С. 40–52
6. Левина И. Проблема трансформации: сравнительно-исторический анализ подходов и решений: классические версии // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 123–139
7. Бодриков М. Классическая теория ценности: современное звучание нерешенных проблем // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 97–117
8. Ставерен И. ван. Этика эффективности // Вопросы экономики, 2009. № 12. С. 38–71
9. Маркс К. Капитал. Т. 1. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. 891 с.
10. Маркс К. Капитал. Т. 3. Кн. 3. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985. 508 с.
11. Маевский В. Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 65 – 85. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-3-65-85.
12. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс-Политика, 1992. 608 с.
13. Антология экономической мысли. В 2 т. / предисл., сост. И. А. Столяров. Т. 2 М.: ЭКОНОМ, 1993. 424 с.
14. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 408 с.
15. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ, 2016. 693 с.
16. Полтерович В. М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–26
17. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989. 189 с

Информация об авторе

Бирюков Виталий Васильевич

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления персоналом. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3385-3603>, Scopus Author ID: 56808949700. E-mail: sciencebv@gmail.com

V. V. Biryukov¹

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Time as a cost and use value indicator and as an economy growth controller

Abstract. The article deals with issues related to the conceptual revision of ideas concerning the role of time in economy. The purpose of the article is to develop an adequate economic reality, research paradigm basing on an interdisciplinary approach; it allows studying the interrelated temporal characteristics of economy, as well as the time functions as an economy growth controller.

According to modern scientific methodology, the paradigm studying economy as a complex system within the framework of the developed interdisciplinary approach considers the phenomenon of time as a key methodological tool for the national economy analysis reasoning from intersubjective nature of economic reality. The interdisciplinary approach helps to overcome the current pared-down version of the time interpretation.

The article shows the originality and cognitive frames for the time phenomenon interpretation in the context of economic mainstream; the article presents an intersubjective paradigm to study the role of time as a key methodological tool, as a system-forming factor and an economy growth controller. The paradigm shift involves a radical correction of research optics, a turn to describe the economy temporal measurement as its special projection.

Considering the time phenomenon as a special methodological tool contributes to a deeper understanding of the increasingly complicated economic reality, and it implies the renunciation of the prevailing paradigm, where the time phenomenon is seen as an exogenous factor. Within the framework of the presented paradigm, time becomes an expression of the complex endogenous structure of the politemporal economy, a system indicator and economy growth controller at all levels.

Keywords: economic time, temporal structures, value theory, market equilibrium, labor productivity, surplus time, innovative rent.

Paper submitted: March 25, 2020

For citation: Biryukov V. V. (2020). Time as a measure of value and use value goods and regulator of the economy. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 128–133. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.22.

References

1. Shubrt I. The concept of social time in sociology – a perspective approach or a theoretical dead end. Sociological research. 2015, no. 4, pp. 3–11. (In Russian)
2. The role of studying «Capital» by Karl Marx for Russian economists education (Round table at Lomonosov Moscow State University). Voprosy Ekonomiki. 2018, no. 8, pp. 102–117. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-8-102-117. (In Russian)
3. Biryukov V. V. Cultural paradigm of vision of economic reality: formation features. Society and economy. 2018, no. 9, pp. 91–101. DOI: 10.31857/S020736760001440-3. (In Russian)
4. Kurz H. D. Marx and the “law of value”: a critical appraisal on the occasion of his 200th birthday. Voprosy Ekonomiki. 2018, no. 11, pp. 27–49. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-3-5-27. (In Russian)
5. Biryukov V. Shaping the economic time concept in the conditions of scientific paradigm change. Economic issue. 2019, no. 5, pp. 40–52. DOI: 10.31857/S020736760004942 – 5. (In Russian)
6. Levina I. The problem of transformation: comparative-historical analysis of approaches and solutions: classical versions. Voprosy Ekonomiki. 2008, no. 9, pp. 123–139. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-9-123-139. (In Russian)
7. Bodrikov M. Classical theory of value: the modern sound of unsolved problems. Voprosy Ekonomiki. 2009, no. 7, pp. 97–117. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-7-97-117. (In Russian)
8. Staveren, I. van. Ethics of efficiency. Voprosy Ekonomiki. 2009, no. 12, pp. 38–71. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-12-58-71. (In Russian)

9. Marx K. Capital. Vol. 1. , Moscow, Publ. Politizdat, 1988. 891 p. (In Russian)
10. Marx K. Capital. Vol. 3. Part 1, Moscow, Publ. Politizdat, 1988. 508 p. (In Russian)
11. Mayevsky V. Reproduction of fixed capital and economic theory. Voprosy Ekonomiki. 2010, no. 3, pp. 65–85. DOI: 10. 32609/0042-8736-2010-3-65-85. (In Russian)
12. Aron R. Stages of development of sociological thought, Moscow, Publ. Progress-Politika, 1992. 608 p. (In Russian)
13. Anthology of economic thought: in 2 vols. Vol 2. , Moscow, Publ. EKONOV, 1993, 424 p. (In Russian)
14. North D.C., Wallis J.J , Weingast B.R. Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history, Moscow, Publ. Instituta Gajdara, 2011, 408 p. (In Russian)
15. Acemoglu D. , Robinson J. A. Why are some countries rich and others poor, Moscow, Publ. AST, 2016, 693 p. (In Russian)
16. Polterovich V.M. Concerning the general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture? Voprosy Ekonomiki. 2018, no. 11, pp. 5–26. DOI: 10. 3332609/0042-8736-2018-11-5-26.
17. Ford G. My life, my achievements, Moscow, Publ. Finansy i statistika, 1989. 189 p. (In Russian)

Information about the author***Vitalij V. Biryukov***

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the Department of Economy and Personnel Management. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: sciencebv@gmail.com

© Б. В. Бирюков, 2020

УДК 339.138
JEL M37, Z33

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.23

В. И. Благоев¹, Е. П. Шустова², И. В. Мищенко³

¹Университет менеджмента Варна, г. София, Болгария

²Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей, Республика Казахстан

³Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Эффективная реклама и её влияние на потребительское поведение населения (на примере регионов Казахстана, России, Болгарии)

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу влияния различных видов рекламы на потребительское поведение населения отдельных регионов. Исследование проведено с использованием методов экономической теории, анализа и синтеза, а также с использованием социологического опроса населения. Выявлены различия в восприимчивости определённых видов рекламы у мужчин и женщин на примере анализируемых регионов, а также какой вид рекламы является наиболее эффективным с точки зрения мужчин и женщин. Предложена матрица различных видов рекламы по степени влияния на мужскую и женскую аудитории. В данном исследовании выявлено, что степень влияния рекламы на женщин выше, чем на мужчин, так как женщины в целом более эмоциональны и больше открыты для коммуникаций. Преобладающим каналом получения информации и коммуникаций становятся Instagram, Twitter, Facebook, «ВКонтакте», и наиболее эффективной является реклама в социальных сетях и интернете. Установлено, что достаточно большая аудитория опрошенных респондентов, особенно женская, положительно воспринимает рекламу на телевидении и печатную рекламу в виде различных информационно-рекламных буклетов и баннеров. Мужская аудитория во всех трёх анализируемых регионах имеет низкую восприимчивость рекламы на радио – аудиорекламы, а также печатной рекламы в газетах, буклетах. По мнению авторов, результаты данного исследования могут быть полезны с практической точки зрения руководителям предприятий, организаций при разработке маркетинговой стратегии и продвижения различной продукции, услуг в данных регионах.

Ключевые слова: реклама, влияние рекламы, потребительское поведение населения, гендерный признак, культурные факторы.

Дата поступления статьи: 8 апреля 2020 г.

Для цитирования: Благоев В. И., Шустова Е. П., Мищенко И. В. (2020). Эффективная реклама и её влияние на потребительское поведение населения (на примере регионов Казахстана, России, Болгарии) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 134–141. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.23

Проблема и цель. В современном мире человек постоянно сталкивается с рекламой. Шагаем по городу – видим баннерную рекламу, заходим в магазины, офисы – видим стенды с информационно-рекламными буклетами, садимся в машину – слышим рекламу на радио, приходим домой – видим рекламу во время просмотра телепередач либо чтения газет и журналов, заходим в социальные сети и также сталкиваемся с рекламой. Множество видов рекламы оказывает постоянное воздействие на сознание и подсознание людей, оказывает влияние на его потребительское поведение, формирует потребительский спрос.

Какова же степень воздействия различных видов рекламы на потребителя? Одинаково ли реагируют мужчины и женщины на различные виды рекламы? Отличается ли степень влияния рекламы на потребителей в разных регионах? Ответы на данные вопросы, по мнению авторов, являются наиболее актуальными.

Основная цель деятельности любой компании, производящей какой-либо товар или оказывающей услугу, является максимизация дохода за счёт продвижения и реализации своей продукции, услуг при минимально возможных расходах. И в этом огромная роль принадлежит рекламе [1–4]. Новые форматы потребления в условиях экономики совместного потребления предопределили новые инструменты рекламы [5], контуры мирового финансового кризиса сопряжены с изменениями на рекламном рынке [6].

Самым главным принципом рекламы является адресность. Именно направленность на целевую аудиторию, привлекательный и правильно подобранный для данной аудитории контент сделает самый заурядный товар легко продаваемым. При этом важно правильно выбрать вид рекламы, который будет легко восприниматься конкретной целевой аудиторией [3].

Всем известная американская компания Walmart, крупнейшая в мире сеть розничной торговли, оборот которой составляет более 5 % ВВП США, использует более 500 разных каналов для продвижения своих товаров по всему миру, если учитывать отдельные страны [7].

В современном мире огромное количество различных видов рекламы, каналов коммуникаций общения с существующими и потенциальными клиентами. В научной литературе предлагаются методики эффективности рекламы [8].

В данной статье мы не будем останавливаться на исследовании дефиниций «реклама», «канала коммуникаций», так как существует достаточно много публикаций по данному направлению, как в отечественной, так и зарубежной научной литературе [2, 3, 9].

С точки зрения авторов, наиболее интересным представляется анализ восприимчивости и влияния определённого вида рекламы на потребительское поведение населения с учётом влияния гендерного признака в современных условиях.

Понятия «пол» и «гендер» неравнозначные понятия. Так, один из исследователей [10] отмечает, что дефиниция «пол»

раскрывается через биологические различия между мужчиной и женщиной. В то время как «гендер» – это больше социальная дефиниция, включающая в себя гендерные роли, стереотипы и черты поведения. Однако в данном исследовании мы будем использовать данные понятия взаимозаменяемо.

Методология. Для достижения цели исследования был проведён социологический опрос населения с использованием электронной формы анкеты Google Drive. Респонденты заполняли вопросник в формате онлайн на самой платформе. Так гарантировалась полная анонимность исследования и объективность статистических результатов.

Особенно важно то, что такой метод исследования даёт возможность его вторичного проведения.

Данный опрос проводился в трёх различных регионах: г. Семей в Восточно-Казахстанской области (Республика Казахстан), г. Барнаул в Алтайском крае (Российская Федерация), г. София и г. Варна (Республика Болгария).

Авторы приняли решение о включении третьего региона вне России и Казахстана в качестве референтного района со схожим потенциалом производства и экспорта. Кроме того, мы отмечаем, что уровень жизни в данных регионах примерно одинаковый, поэтому мы можем говорить о сопоставимости полученных результатов исследования.

С другой стороны, мы решили сделать сравнительный анализ влияния разных видов рекламы на потребительское поведение жителей трёх регионов с различающейся национальной культурой. Существует множество исследований на тему влияния культурных факторов на потребительское поведение населения различных стран [4, 11, 12]. Это обусловлено интересом оценить, насколько процессы глобализации сказались на формировании схожего потребительского поведения в ис-

следуемых регионах. Мы выбрали для исследования два приграничных региона – Восточный Казахстан и Алтайский край. Болгария была выбрана как референтный Европейский регион со значимым влиянием европейских культурных факторов при формировании потребительского поведения. Эвентуальное совпадение статистических результатов исследования регионов Восточного Казахстана и Алтайского края с результатами в Болгарии было бы доказательством того, что глобализация повлияла на соответствующие национальные культуры в значительной степени. Если результаты отличаются значительно – национальная культура играет решающую роль.

Выборка респондентов включает людей от 18 лет и выше. В рамках данного социологического опроса приняло участие в среднем 58 % женщин и 42 % мужчин.

Выборка представлена преподавателями, студентами вузов трёх университетов, которые проводили анкетирование – Алтайский Государственный Университет (Барнаул, Россия), Казахский Гуманитарно-Юридический Инновационный Университет (Семей, Казахстан) и Варненский Университет Менеджмента (Болгария), а также представителями бизнес-структур данных регионов.

В анкетировании приняли участие 112 респондентов из г. Семей, Восточный Казахстан, 125 респондентов из г. Барнаул, Алтайский край, и 119 человек в Болгарии (г. София и г. Варна).

Настоящее исследование проведено при использовании комбинации научных методов сбора и обработки информации (анализ, синтез, сравнительный анализ).

Для получения данных использовано вторичное исследование источников релевантной информации, в т. ч. законы, статистические данные о продажах и информация предыдущих исследований.

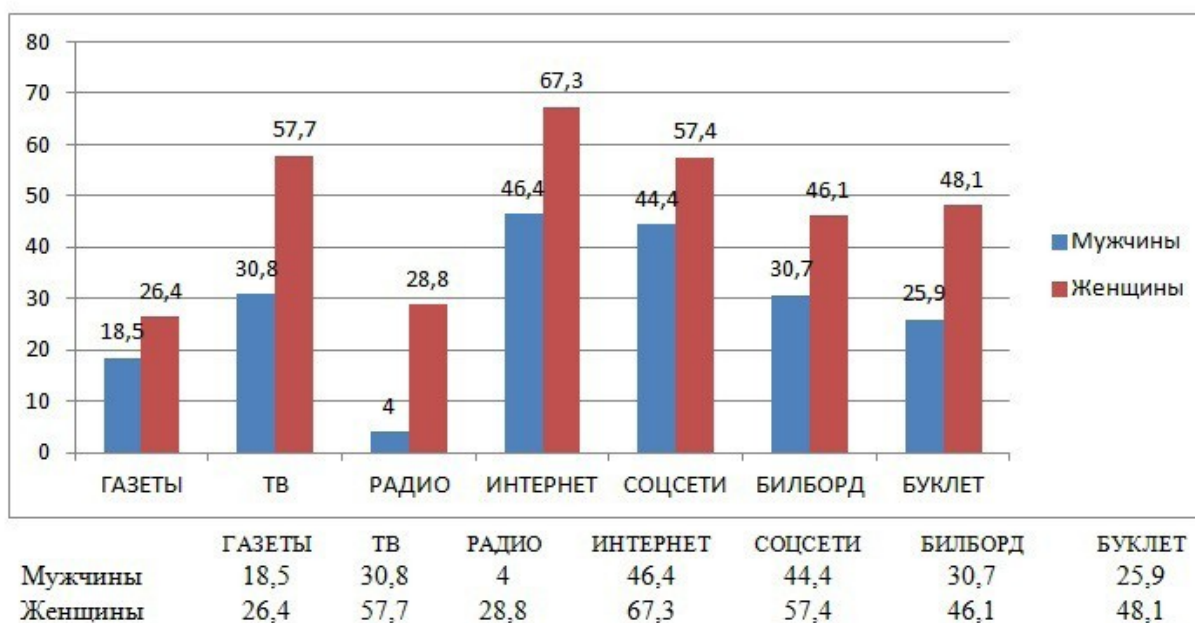

Рис. 1. ВКО: Положительное влияние рекламы на мужчин и женщин в % респондентов *

*составлено авторами по результатам социологического опроса

Результаты исследования. В рамках данного исследования для нас важным было выявить различия в восприимчивости определённых видов рекламы у мужчин и женщин на примере анализируемых регионов, а также какой вид рекламы является наиболее эффективным с точки зрения мужчин и женщин.

Статистическая обработка результатов анкетирования дала весьма интересные результаты как в отношении регионов – в сравнительном плане, так и по половому признаку (мужчины и женщины).

Необходимо отметить, что наиболее популярными видами рекламы в настоящее время являются онлайн-реклама с использованием сети Интернет и социальных сетей, а также офлайн-реклама, как наиболее традиционная – реклама на телевидении, радио, в газетах, буклетах, билбордах.

Итак, на вопрос «Какой вид рекламы оказывает на вас наибольшее воздействие», большинство респондентов во всех трёх анализируемых регионах ответило, что большее влияние на них в настоящее время оказывает реклама на телевидении, в социальных сетях и интернете, в меньшей степени реклама на радио и печатная реклама (в газетах, рекламные буклеты) (рисунок 1-3). Однако авторов исследования в большей степени интересует, существует ли разница в восприятии определённого вида рекламы на мужчин и женщин в анализируемых регионах и есть ли какие-то общие характеристики.

исследования также важно отметить тот факт, что традиционно вопросами покупки продуктов питания, бытовых товаров для дома, одежды для членов семьи занимается женщина.

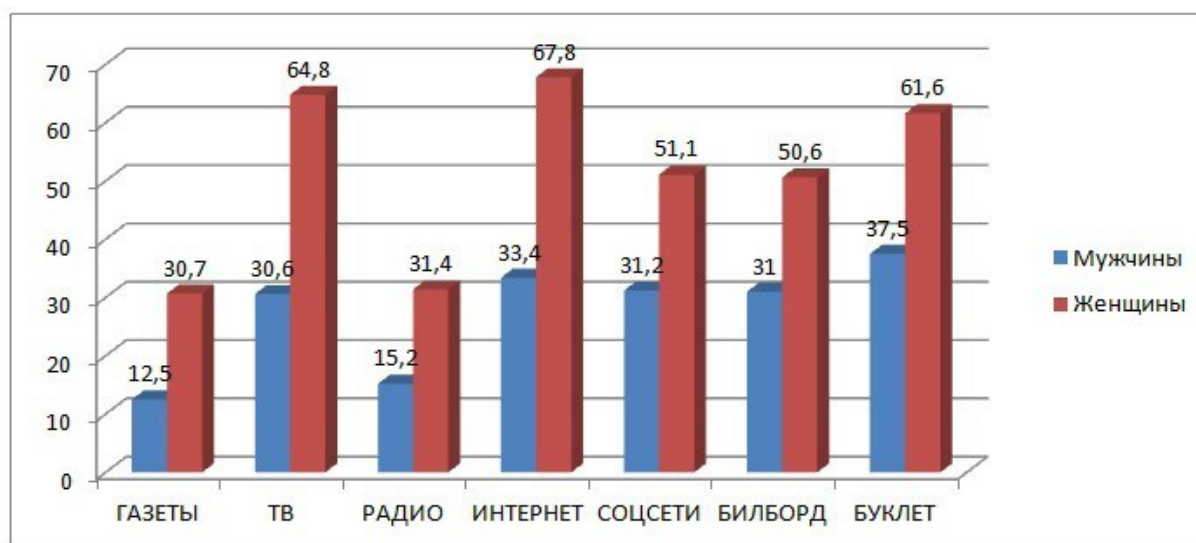
Так, наиболее эффективной, по мнению женщин, является реклама в интернете, социальных сетях и ТВ (положительно влияет на 67,3 %, 57,4 % и 57,7 % респондентов соответственно) (рисунок 1). При этом женщины ВКО также обращают внимание на рекламные буклеты (48,1 % респондентов) и билборды (46,1 %). Наименее привлекательной является реклама в газетах и радио (26,4 % и 28,8 % соответственно).

Мужская аудитория также отдаёт предпочтение рекламе в интернете, ТВ, социальных сетях, а также билбордах, печатная реклама в газетах и рекламных буклетах наименее интересна.

Необходимо отметить, что данное исследование продемонстрировало на примере ВКО самую низкую привлекательность рекламы на радио для мужской аудитории – всего 4 % опрошенных респондентов её положительно воспринимают. Неожиданный результат, так как считается, что реклама, например, на авторadio один из самых эффективных каналов воздействия на мужскую часть потребителей.

Алтайский край

Посмотрим влияние видов рекламы на примере Алтайского края (рис. 2).

	ГАЗЕТЫ	ТВ	РАДИО	ИНТЕРНЕТ	СОЦСЕТИ	БИЛБОРД	БУКЛЕТ
Мужчины	12,5	30,6	15,2	33,4	31,2	31	37,5
Женщины	30,7	64,8	31,4	67,8	51,1	50,6	61,6

Рис. 2. Алтайский край: Положительное влияние рекламы на мужчин и женщин (в % респондентов)*

Анализ результатов социологического опроса в Восточно-Казахстанской области (далее – ВКО) показал, что женщины данного региона демонстрируют более высокую восприимчивость к рекламе по всем показателям в сравнении с мужчинами. С точки зрения потребительского поведения населения для целей нашего

*составлено авторами по результатам социологического опроса

Как видим на основании данных, представленных на рисунке 2, женская аудитория Алтайского края практически в два раза более восприимчива ко всем видам рекламы по сравнению с мужской аудиторией. Наиболее популярной также является реклама в интернете, социальных сетях и ТВ.

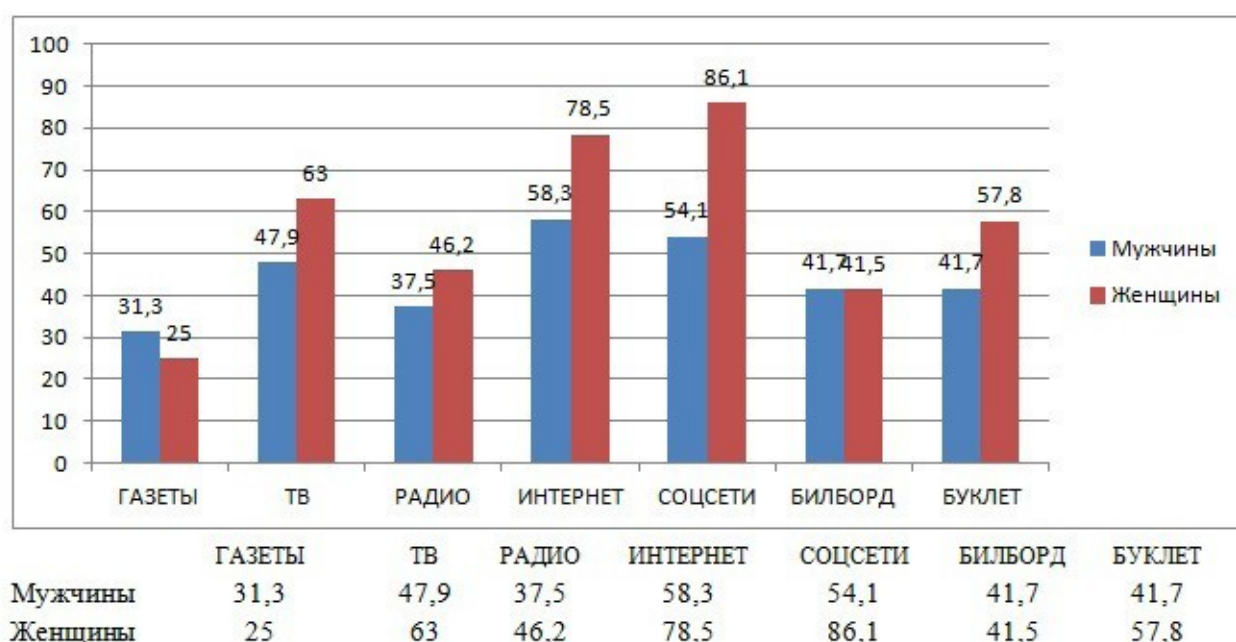

Рис. 3. Софийский регион: Положительное влияние рекламы на мужчин и женщин (% респондентов)*

Мужчины Алтайского края демонстрируют одинаковое предпочтение практически всех видов рекламы – 5 видов из 7 имеют показатели на уровне 30–37,5 % респондентов. Наименее привлекательной является реклама в газетах и на радио.

Софийский регион

Так, в Софийском регионе наибольшее влияние на мужчин оказывает реклама в интернете (58,3 % респондентов), социальных сетях (54,1 % респондентов) и ТВ (47,9 % респондентов). При этом достаточно большая доля мужчин данного региона положительно воспринимает рекламу, размещаемую на билбордах и в рекламных буклетах (41,7 % респондентов). В меньшей степени оказывает влияние реклама на радио (37,5 %), хотя принято считать, что мужчины-автовладельцы достаточно часто слушают рекламу на авторadio и она наиболее часто привлекает их внимание. Реклама в газетах в настоящее время привлекает только треть опрошенных респондентов – 31,3 % (рис. 3).

Женская аудитория в Болгарии более всего восприимчива к рекламе в социальных сетях – 86,1 %, это максимальная доля всех опрошенных респондентов, и в интернет – 78,5 % респондентов. Реклама на ТВ воспринимается как эффективная – 63 % опрошенных респондентов в данном регионе. Достаточно большое внимание женщины уделяют информации в рекламных буклетах – 57,8 % (рисунок 3).

На основании представленных данных видно, что женщины в Болгарии в целом более восприимчивы к рекламе по сравнению с мужчинами. В среднем их показатели превышают на 30–50 % показателей мужской аудитории.

На основании проведённого исследования авторами предложена матрица различных видов рекламы по степени влияния

*составлено авторами по результатам социологического опроса на мужскую и женскую аудитории (таблица 1). Шкала оценок степени влияния рекламы рассчитана на основании значения средневзвешенного показателя по данному виду рекламы всех трёх анализируемых регионов.

Таблица 1 – Матрица различных видов рекламы по степени влияния на мужскую и женскую аудитории*

Виды рекламы	Мужчины		Женщины	
Газеты	20,76	+	27,4	++
ТВ	36,4	++	61,8	+++
Радио	18,9	+	35,5	++
Интернет	46	++	71,2	+++
Социальные сети	43	++	64,9	+++
Билбоды	34,5	++	46	++
Буклеты	35	++	55,8	+++

*составлено авторами

Шкала оценки:

От 0 до 25: + минимальное влияние

От 26 до 50: ++ среднее влияние

От 51 до 75: +++ максимальное влияние

Таким образом, самые высокие результаты эффективности воздействия различных видов рекламы как на мужчин, так и на женщин имеет реклама в интернете, социальных сетях, телевидении. В меньшей степени реклама на уличных билбордах, рекламных буклетах. И лишь небольшая часть людей обращает внимание на рекламу на радио, либо печатную рекламу в газетах.

Авторами была составлена общая сводная таблица на основании опроса респондентов с указанием преимуществ и недостатков данных видов рекламы (таблица 2).

Выводы. В результате исследования выявлено, что женщины более активно участвуют в социологических опросах, стре-

Таблица 2 – Преимущества и недостатки различных видов рекламы с точки зрения населения*

Средства рекламы	Достоинства	Недостатки
1. В газетах	– газеты местного и регионального уровня предлагают широкий перечень информации по различным товарам и услугам; – периодичность издания позволяет повторить информацию для населения; – имеет невысокую стоимость или предоставляется бесплатно в рекламных целях	– ограниченный круг потребителей; в настоящее время газеты приобретают и читают только люди старшего возраста. Молодежь не читает газеты; – непродолжительный срок использования – газеты очень быстро выбрасывают; – содержит информацию в сжатом виде, часто без воспроизведения визуальных образов; – порой трудно найти необходимую информацию в большом массиве рекламных объявлений; – газета создает иллюзию «макулатурности»
2. На радио	– информация доступна широкой массе населения; – для потребителя данная информация абсолютно бесплатна, для рекламодателей стоит небольшие деньги; – большое количество тематических выпусков на радио и специализированной рекламы, нацеленной на определённую аудиторию (целевая направленность)	– зачастую прослушивание радио совмещается с другими видами деятельности, что отвлекает внимание слушателей; – иногда реклама на радио носит навязчивый характер, что раздражает некоторых слушателей; – на радио невозможно рекламировать все товары и услуги
3. Телевидение	– позволяет привлечь широкую аудиторию при невысоких расходах на охват данной аудитории; – высокая степень визуализации, оказывающая существенное влияние на людей; – наличие специализированных каналов и телепередач, позволяющих сфокусироваться на целевой аудитории	– зачастую производство рекламных роликов связано с большими расходами; – ограниченность времени показа; – высокая стоимость трансляции рекламы; – непостоянство аудитории
4. Интернет	– стоимость рекламы в интернете ниже, чем рекламы на ТВ; – высокая скорость передачи информации; – легче создать рекламу в Интернете, чем на ТВ; – возможность проведения таргетированной рекламы. Легче скорректировать рекламу под целевую аудиторию, географическое положение и время, чем на радио и ТВ; – возможность широкого охвата аудитории; – возможность оперативного регулирования информации	– высокая степень конкуренции; – недоверие определённой категории населения к рекламе и покупкам через Интернет (люди среднего и старшего возраста); – «вирусный» характер рекламы, который отрицательно воспринимается отдельными людьми. Реклама становится навязчивой и раздражающей, что отталкивает потенциальных потребителей; – необходимо чётко знать целевую аудиторию
5. Социальные сети	– низкая стоимость рекламы; – лёгкость размещения; – широкий охват аудитории; – возможность анализа хода рекламы; – возможность проведения таргетированной рекламы; – возможность оперативного регулирования информации	– в основном предназначена для молодёжи и лиц среднего возраста, старшее поколение редко пользуется социальными сетями; – невозможно заранее спрогнозировать результаты размещения рекламы; – недостаточный опыт в продвижении товаров и услуг в социальных сетях
6. Буклеты (печатные)	– высокое качество изготовления, оказывающее визуальное воздействие на аудиторию; – высокая запоминаемость информации, представленной в буклете; – отсутствие одновременной рекламы конкурентов; – длительный контакт с аудиторией; – невысокие расходы изготовления	– невозможность адресного воздействия (как правило, рекламные буклеты содержат общую информацию для всей аудитории). По этой причине буклеты выбрасываются представителями нецелевой аудитории; – невозможность контакта с удалённой аудиторией; – невозможность передачи всех свойств товара; – невозможность оперативной регулировки информации в буклете; – необходимость выбора специального места распространения рекламных буклетов
7. Билборд	– высокая визуальность – реклама очень заметная, яркая, бросается в глаза; – охватывает широкую аудиторию; – невысокие расходы на изготовление и размещение; – длительный контакт с аудиторией	– невозможность контакта с удалённой аудиторией; – невозможность оперативного изменения информации; – невозможность адресного воздействия; – необходимость выбора специального места для размещения баннеров

*составлено авторами на основании опроса респондентов

мятся поделиться своим мнением, отношением к исследуемым вопросам, так как женщины более эмоционально восприимчивы и более открыты для коммуникаций.

Авторами определено, что в Восточном Казахстане и Алтайском крае женщины одинаково высоко оценивают влияние рекламы в интернете на уровне 67,3 % и 67,8 % соответственно, а также социальных сетях – 57,4 % и 51 % соответственно. При этом женщины в Алтайском крае отмечают, что реклама на телевидении более эффективна (64,8 % респондентов), по сравнению с женской аудиторией в Восточном Казахстане (57,7 % респондентов). Хотя данные расхождения являются незначительными. Также, по мнению женщин данных регионов, достаточно эффективной является реклама в буклетах – 61,6 % респондентов отметили в Алтайском крае, в Восточном Казахстане 48 % респондентов – и реклама, размещаемая на уличных билбордах, так как она яркая и привлекает достаточное внимание (в Алтайском крае – 50,6 % респондентов, в Восточном Казахстане – 46,1 %).

Реклама на радио для женской аудитории, в отличие от мужской, привлекает внимание почти 1/3 части опрошенных респондентов: в Алтайском крае 31,4 % и в Восточном Казахстане 28,8 %. Примерно такие же результаты по влиянию рекламы в газетах: в Алтайском крае 30,7 % и в Восточном Казахстане 26,4 %.

В целом полученные результаты отражают общую тенденцию социального поведения общества в последние годы и склонность к общению в социальных сетях [3, 13, 14]. Преобладающим каналом получения информации и коммуникаций становятся Instagram, Twitter, Facebook, «ВКонтакте», и наиболее эффективной является реклама в социальных сетях и интернете.

При этом достаточно большая аудитория опрошенных респондентов, особенно женская, положительно воспринимает рекламу на телевидении и печатную рекламу в виде различных информационно-рекламных буклетов и баннеров.

Обращает на себя внимание тот факт, что мужская аудитория во всех трёх анализируемых регионах имеет низкую восприимчивость рекламы на радио – аудиорекламы, а также печатной рекламы в газетах, буклетах.

По мнению авторов, несмотря на сравнительно маленькие выборки, результаты данного исследования могут быть полезны с практической точки зрения руководителям предприятий, организаций при разработке маркетинговой стратегии и продвижения различной продукции, услуг в данных регионах.

Рекомендации

1. Компаниям при разработке маркетинговой стратегии и выборе канала продвижения своего товара следует принять во внимание факт, что женская аудитория проявляет более высо-

кую восприимчивость ко всем типам рекламы по сравнению с мужской аудиторией. Женщины осуществляют 85 % всех потребительских расходов населения [15].

Так, например, в отношении реализации продуктов питания основной акцент необходимо сделать на женскую аудиторию, которая заботится о поддержании собственного здоровья, формировании правильных пищевых привычек у детей, сохранении сил, бодрости и здоровья всех членов семьи. Таким образом, формируется позитивный образ рационального потребительского поведения, в том числе и в отношении рекламируемых продуктов питания. Основная цель данной рекламы – сформировать положительное мнение о конкретном продукте, потребление которого даёт возможность сделать всех членов семьи здоровыми и счастливыми.

Такой же подход может быть рекомендован для продвижения товаров для дома, одежды для детей и т. д.

2. Наше исследование доказывает, что наиболее эффективной является реклама в интернете, социальных сетях, на телевидении, в меньшей степени в информационно-рекламных буклетах и уличных баннерах. При этом данные подтвердились на примере всех трёх регионов – Алтайского края в России, Восточно-Казахстанской области в Казахстане, Софийского региона в Болгарии.

3. В качестве общих рекомендаций для повышения эффективности воздействия рекламы как на мужскую, так и женскую аудиторию можно предложить следующие:

- таргетированная реклама имеет более высокую эффективность воздействия по сравнению с массовой безадресной рекламой. Для этого необходимо тщательно подбирать целевую аудиторию;
- визуализация рекламного обращения должна быть яркой, броской и понятной. Чем сильнее визуализация, тем выше степень воздействия на аудиторию. При этом необходимо учитывать культурный фактор данного региона;
- необходимо соблюдать оптимальный баланс визуальной и текстовой части рекламного сообщения;
- в отношении стационарной рекламы (уличные баннеры) – чем меньше скорость движения людей вдоль носителя рекламы, тем выше восприимчивость рекламного сообщения;
- необходимо стремиться к созданию собственного стиля в рекламе для того, чтобы дифференцироваться от рекламы других компаний на данном рынке.

Таким образом, основная задача каждой компании состоит в том, чтобы разработать такой имидж товара в сознании потребителей и использовать такие виды и техники рекламы, с учётом влияния культурного и гендерного фактора, которые даже в условиях спада покупательской способности будут побуждать их совершать покупку.

Источники

1. Благоев В. Маркетинг в дефинициях и примерах, 1-е изд., г. Санкт Петербург, 1993. с. 353–377.
2. Благоев В. Маркетинг, IU Press, г. София, 2003. с. 384–448.
3. Благоев В. Новият маркетинг – е-маркетинг, m-маркетинг, виртуален пазар, 1-во изд., изд. Zangador, г. Варна, 2014. с. 78–84.
4. Cavusgil S., Knight G. & Riesenberger J. International Business: The New Realities, Global ed., (4th ed.), Pearson, 2017. p. 102–117.
5. Alekseev Nikolay E. & Patlasov Oleg Yu. Variability determinants of new consumption formats. Espacios, 2020. Vol. 41 (21).

6. Патласов О. Ю., Канунников Е. С. Влияние мирового финансового кризиса на рекламную деятельность: решение проблем и новые возможности при выборе каналов распространения рекламы // Омский научный вестник, 2010. № 4. С. 48–51.
7. Жестков Н. Эффективные каналы рекламы. URL: <https://in-scale.ru/blog/effektivnye-kanaly-reklamy> (запрос 23.03.2020).
8. Канунников Е. С., Патласов О. Ю. Оценка эффективности рекламной деятельности // Материалы XXXV Юбилейной международной конференции «Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации и бизнесе IT + SE'08»: (Приложение к журналу «Открытое образование») – Украина, Крым, Ялта-Гурзуф, 2008. С. 135–138.
9. Collis D. International Strategy: Context, Concepts and Implications, 1st ed., John Wiley & Sons Ltd, UK, 2014. p. 163–179.
10. Орлова А. Бренд-мужчина и бренд-женщина. // Корпоративная имиджология. 2008. № 3, с. 42–45.
11. Minkov M., Bond M. H. and Blagoev V. Do different national samples yield similar dimensions of national culture? Cross Cultural Management, 2015. Vol. 22 Iss: 2, p. 259–277.
12. Minkov M., Blagoev V. & Hofstede G. The boundaries of culture; Do questions about societal norms reveal cultural differences? Journal of Cross-Cultural Psychology, 2013. № 44 (7), p. 1094–1106.
13. Johnson G., Scholes K., Whittington R., Angwin D. & Regner P. Exploring Strategy: Text and Cases, 11th Ed., Pearson, Harlow, UK, 2017. p. 214–217.
14. Hill C. W. L. International Business: Competing in the Global Marketplace, 10th Ed., McGraw-Hill, New York. 2015.
15. Мамаева В. Ю. Гендерные особенности поведения потребителей. Вестник ТГЭУ. 2012. № 3, с. 87–98.

Информация об авторах

Благоев Веселин Иванов

Доктор экономических наук, профессор, проректор. Университет менеджмента Варна. (Республика Болгария, София, 1784, Царградско шоссе, 149В). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3422-7951>, Scopus Author ID: 26433077600. E-mail: blagoev@vum.bg

Шустова Елена Павловна

Кандидат экономических наук, доцент, проректор по международному сотрудничеству. Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет (071400, Республика Казахстан, ВКО, г. Семей, ул. Ленина, 11). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1685-912X>, Scopus Author ID: 57204011490. E-mail: shustova_yelena@mail.ru

Мищенко Инна Витальевна

Кандидат экономических наук, доцент. Алтайский государственный университет (656049, РФ, г. Барнаул, пр. Ленина, 61). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6871-6668>, Scopus Author ID: 57203264257. E-mail: mis.iv@mail.ru

V. I. Blagoev¹, E. P. Shustova², I. V. Mishchenko³

¹Varna University of Management, Bulgaria, Sofia

²Kazakh Humanitarian Law Innovative University Semey, Republic of Kazakhstan

³Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Effective advertising and its impact on consumer behavior (on the example of Kazakhstan, Russia, Bulgaria regions)

Abstract. This study is devoted to the impact analysis of different types of advertising on consumer behavior in certain regions.

The research was conducted using the methods of economic theory, analysis and synthesis, as well as using sociological survey.

Some differences in susceptibility of certain types of advertising with men and women as well as the most effective type of advertising for men and women were revealed on the example of the analyzed regions. An advertising types matrix according to the degree of their influence on male and female audience is proposed.

This study recognized that the advertising effect on women is greater than on men, as women in general are more emotional and more open to communication. Currently, the dominant channel for receiving information and communicating is Instagram, Twitter, Facebook, V Kontakte, and the most effective advertising is through social networks and the Internet. It was identified that a fairly large audience of respondents, especially women, positively perceived advertising on television and print advertising in the form of various information and advertising booklets and banners. The male audience in all three analyzed regions has low receptivity to radio and audio advertisements, as well as print advertisements in newspapers and booklets. According to the authors, the results of this study may be useful from a practical point of view for the CEOs while developing their marketing strategy and promoting various products and services in these regions.

Keywords: advertising, advertising impact, consumer behavior, gender feature, cultural factors.

Paper submitted: April 8, 2020

For citation: Blagoev V. I., Shustova E. P., Mishchenko I. V. (2020). Effective advertising and its impact on consumer behavior (on the example of Kazakhstan, Russia, Bulgaria regions). The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 128–133. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.23

References

1. Blagoev V. Marketing in definitions and examples, 1st ed., St. Petersburg, 1993. p. 353–377.
2. Blagoev V. Marketing, IU Press, Sofia, 2003. p. 384–448.
3. Blagoev V. New marketing - e-marketing, m-marketing, viral marketing, virtual market, 1st ed., Ed. Zangador, Varna, 2014. 78–84.
4. Cavusgil S., Knight G. & Riesenberger J. International Business: The New Realities, Global ed., (4th ed.), Pearson, 2017, p. 102–117.
5. Alekseev Nikolay E. & Patlasov Oleg Yu. Variability determinants of new consumption formats. Espacios, 2020. Vol. 41 (21).
6. Patlasov O. Yu., Kannunikov Ye. S. Global financial crisis impact on advertising: trouble shooting and new opportunities while choosing between advertising distribution channels. Omsk Scientific Bulletin, 2010. No. 4. P. 48–51.
7. Zhestkov N. Effective advertising channels. URL: <https://in-scale.ru/blog/effektivnye-kanaly-reklamy> (request on 03/23/2020).
8. Kanunnikov E. S., Patlasov O. Yu. Advertising effectiveness evaluation. Materials of the XXXV International Conference “Information Technologies in Science, Education, Telecommunications and Business IT + SE'08” (App. to the journal “Open Education”). Ukraine, Yalta-Gurzuf, 2008, pp. 135–138.
9. Collis D. International Strategy: Context, Concepts and Implications, 1st ed., John Wiley & Sons Ltd, UK, 2014. p. 163–179.
10. Orlova A. Brand-man and brand-woman. Corporate imageology. 2008. No. 3, p. 42–45.
11. Minkov M., Bond M. H. and Blagoev V. Do different national samples yield similar dimensions of national culture? Cross Cultural Management, 2015. Vol. 22 Iss: 2, p. 259–277.

12. Minkov M., Blagoev V. & Hofstede G. The boundaries of culture; Do questions about societal norms reveal cultural differences? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. No. 44 (7), p. 1094–1106.
13. Johnson G., Scholes K., Whittington R., Angwin D. & Regner P. *Exploring Strategy: Text and Cases*, 11th Ed., Pearson, Harlow, UK, 2017, pp. 214–217.
14. Hill C. W. L. *International Business: Competing in the Global Marketplace*, 10th Ed., McGraw-Hill, New York. 2015.
15. Mamaev V. Yu. Gender features of consumer behavior. *Bulletin of TSEU*. 2012. No. 3, p. 87–98.

Information about the authors***Veselin I. Blagoev***

PhD, Professor, Vice-rector. Varna University of Management (149 B Tsarigradsko shose, 1784, Sofia, Bulgaria). E-mail: blagoev@vum.bg

Elena P. Shustova

PhD, Associate Professor, Vice-rector for International cooperation. Kazakh Humanitarian Law Innovative University (11 Lenina st., Semey, 071400, Republic of Kazakhstan). E-mail: shustova_yelena@mail.ru

Irina V. Mishchenko

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor. Altai State University (61 Lenina st., Barnaul, 656049, Russian Federation). E-mail: mis.iv@mail.ru

© В. И. Благоев, Е. П. Шустова, И. В. Мищенко, 2020

УДК 338.22
JEL B26

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.24

Т. Н. Богославец¹

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Ретроспективный анализ изменения ставок подоходного налога в России в 90-е гг. XX века

Аннотация. Исследование проблем подоходного налога в России в период 1991–2000 гг. с учётом правил целесообразного устройства прогрессии. Цель статьи – анализ ставок и развитие системы подоходного налогообложения с учётом экономических проблем современного российского общества. Исследование проводится на основе методов системного анализа. Рабочая гипотеза исследования состоит в научном предположении, что политические процессы государства определяют применяемые подходы и методы развития системы подоходного налогообложения. В статье основным методом избран метод анализа и обобщения теоретических подходов, имеющихся в нормативной и научной литературе. Результаты заключаются в определении несовершенства методологии формирования облагаемых доходов физических лиц и нарушении принципов подоходного обложения. Несоблюдение правил целесообразного устройства прогрессии не позволяло подоходному налогу осуществлять своё главное предназначение перераспределять доходы населения. В статье исследуется влияние на систему подоходного налогообложения государственной идеологии. Представленный анализ ставок подоходного налога в период 1991–2000 гг. свидетельствует об использовании этой системы как инструмента в экономической политике. Историческое развитие системы подоходного налогообложения, свидетельствует о том, что использование тех или иных подходов и методов построения системы подоходного налога для граждан подвержено влиянию политических процессов. Автор пришёл к выводу, что при построении современной системы подоходного налога на граждан следует учитывать политические и экономические проблемы государства, исторический и мировой опыт.

Ключевые слова: подоходное налогообложение, налоговая ставка, облагаемый и необлагаемый доход налогом.

Дата поступления статьи: 23 января 2020 г.

Для цитирования: Богославец Т. Н. (2020). Ретроспективный анализ изменения ставок подоходного налога в России в 90-е гг. XX века // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 142–146. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.24

Проблема и цель. Проблемы подоходного налогообложения затрагивают интересы всех налогоплательщиков. Создание системы подоходного налогообложения в соответствии с правилами целесообразного устройства прогрессии является главной задачей цивилизованного общества. Целью статьи является анализ изменения ставок подоходного налога, свидетельствующий об изменении подходов и методов используемых в российских условиях, и определение соответствия шкалы подоходного налогообложения в период 1991–2000 гг. правилам целесообразного устройства прогрессии. Предлагаемое исследование интересно с теоретической и практической точки зрения, поскольку изменение ставок отражает изменения в политике государства.

Методология. В статье представлен анализ теории и практики формирования подоходного налога в 90-е годы XX века. С теоретической точки зрения особый интерес вызывает работа А. Р. Смирнского «Подоходный налог» 1886 г. [1], где сформулированы правила прогрессивного налогообложения. Статистические данные по уплате подоходного налога в период 1995–1996 гг. различными по уровню жизни группами населения анализирует И. А. Николаев [2]. Изменение соотношения ставок налога и совокупного облагаемого дохода физических лиц, в период с 1993 по 2000 г., исследует Т. Ф. Юткина [3]. Поскольку система подоходного налогообложения призвана регулировать доходы налогоплательщиков, Л. Абалкин [4] указывает на со-

циальную безопасность при соотношении доходов населения. Общие черты в сфере подоходного налогообложения физических лиц определяет М. В. Романовский и О. В. Врублевская [5], сравнивая налоговое законодательство зарубежных стран. Особенности подоходного налогообложения граждан СССР, кооперативов представлены в «Экономическом справочнике кооператора» [6]. Проблемы подоходного налогообложения населения в период реформ 90-х годов XX в. определяет в своём исследовании И. А. Майбуков [7]. О необходимости введения необлагаемого налогом дохода, равного прожиточному минимуму, пишет Н. Н. Муравьева [8]. Изменение в системах подоходного налогообложения в зарубежных странах и социальную направленность прогрессивного налогообложения рассматривают ряд авторов: С. Никитин, Е. Глазова, М. Степанова [9; 10; 11]. Исследованию проблем подоходного налогообложения посвящено множество научных работ, в данной статье приведён системный анализ ставок в период 1991–2000 гг. в России и их соответствие правилам целесообразного устройства прогрессии.

Политические процессы государства во многом определяют применяемую систему прогрессивную или дифференцированную с плоской шкалой налогообложения. Во всех странах с развитой рыночной экономикой опыт в создании прогрессивной шкалы насчитывает не одну сотню лет. В России впервые дискуссии о введении прогрессивной шкалы налогообложения начались в конце XIX в. после отмены крепостного права.

Исследуя развитие финансового права в России, М. В. Лушников приводит «правила целесообразного устройства прогрессии», сформулированные А. Р. Смирцевским в своей книге «Подходный налог» в 1886 г. [1]. В семи правилах прогрессивного налогообложения доходов обоснована справедливость прогрессивной ставки.

Первое правило гласит о границе прогрессии, которую нельзя нарушать, иначе создаётся угроза для частных капиталов, приводящая к массовому уходу от налога. Второе правило говорит о необходимости медленной и умеренной прогрессии. Третье правило свидетельствует о том, что при обложении свободного дохода знаменатель прогрессии должен понижаться, но значительно медленнее. Четвёртое правило о необходимости минимума средств существования свободного от налога. Пятое правило о росте прогрессии относительно прибавившейся части дохода, а не относительно всего дохода. Шестое правило о близости пределов доходов, входящих в один и тот же класс и обложенных одним и тем же процентом. Седьмое правило о непрерывности бесконечного ряда – шкалы окладов и о недопустимости превышения известного максимума дохода. Нарушение этих правил приводит к переходу на пропорциональное налогообложение.

Во всем мире, несмотря на общую либерализацию подоходного налога, действует прогрессивная, сложно-ступенчатая шкала ставок. Обычно доход физических лиц делится на части, и в соответствии с пятым правилом целесообразного устройства прогрессии предусматривается своя ставка для каждой части дохода. В 80-х гг. в результате реформы в США максимальная ставка была снижена практически в два раза с 70 % до 33 %. Во всех развитых странах существует полное или частичное освобождение от налогов малообеспеченных групп населения для соблюдения принципа социальной справедливости. Реформы подоходных налогов физических и юридических лиц в 80-90-е гг. XX в. в развитых странах сыграли положительную роль в стимулировании экономического роста. Прогрессия подоходного налога в разных странах устроена по-разному, в одних она плавная, в других носит скачкообразный характер. Во всех странах эта система дорогостоящая, поскольку в расчётах используются сложные формулы для осуществления плавного роста налога с увеличением облагаемого дохода. Например, в Японии налоговая база может быть уменьшена на треть благодаря льготам, учитывающим семейное положение, и средствам, затраченным на лечение. Так соблюдаются правила целесообразного устройства прогрессии, о медленной и умеренной прогрессии, о незначительном удалении пределов доходов, о непрерывном бесконечном ряде шкалы окладов и т. д.

Практическая реализация подоходного налогообложения в России начинается в 90-е гг. XX века, когда впервые 2 декабря 1990 г. принимается Закон РСФСР № 392-1. С 1 января 1991 г. на территории СССР и России вводится подоходный налог с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства (см. табл. 1).

Таблица 1 – Ставки подоходного налога с доходов, полученных в 1991 г.

С 1 января 1991 г. (СССР)	С 1 января 1991 г. (Россия)
До 1800 руб./год – 0 % с 1860 до 2 400 руб./год – 10 % с 2 401 до 12 000 руб./год – 13 % с 12 001 до 14 400 руб./год – 15 % с 14 401 до 16 800 руб./год – 20 % с 16 801 до 19 200 руб./год – 30 % с 19 201 до 36 000 руб./год – 40 % Свыше 36 000 руб./год – 50 %	До 1800 руб./год – 0 % с 2 521 до 12 000 руб./год – 13 % с 12 001 до 14 400 руб./год – 15 % с 14 401 до 16 800 руб./год – 20 % с 16 801 до 19 200 руб./год – 30 % с 19 201 до 36 000 руб./год – 40 % Свыше 36 000 руб./год – 50 %
С 1 апреля 1991 г. (СССР)	С 1 апреля 1991 г. (Россия)
До 1 920 руб./год – 0 % с 1 921 до 12 000 руб./год – 12 % с 12 001 до 24 000 руб./год – 15 % с 24 001 до 36 000 руб./год – 20 % Свыше 36 000 руб./год – 30 %	До 2 510 руб./год – 0 % с 2 511 до 12 000 руб./год – 12 % с 12 001 до 24 000 руб./год – 15 % с 24 001 до 36 000 руб./год – 20 % Свыше 36 000 руб./год – 30 %

**Таблица составлена автором*

В таблице 1 приведены ставки подоходного налога, установленные Союзным парламентом и Президиумом Верховного Совета РСФСР в период 1991 г. Первые три месяца в России было семь ставок, на одну меньше, чем в союзе. Соблюдались правила медленной и умеренной прогрессии и незначительное удаление пределов доходов.

В процессе подготовки к первым президентским выборам ставки подоходного налога в России изменили не законом, а Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 апреля 1991 г. Союзный парламент принимает поправки к закону о подоходном налоге 11 июня 1991 г., но вводит их в действие с 1 апреля 1991 г. С 3 июля 1991 г. Россия вводит поправки в свой Закон № 1534-1, которые имеют обратную силу, то есть действуют с 1 апреля 1991 г., так же как союзный закон (см. табл. 1.)

Высокие ставки в прогрессии 40 % и 50 % были отменены с апреля 1991 г., а количество ставок уменьшилось до пяти и в России и Союзе. Отличие оставалось в необлагаемом минимуме. В соответствии с четвёртым правилом целесообразного устройства прогрессии А. Р. Смирцевского, минимум средств следует освобождать от налогообложения. В законах союза и России о подоходном налоге предусматривался необлагаемый минимум, равный минимальной зарплате 150 руб. в месяц или 1 800 руб./год первые три месяца 1991 г. С апреля в России минимум был повышен до 210 руб. в месяц или 2 510 руб./год;

Таблица 2 – Ставки подоходного налога с доходов, полученных от индивидуальной трудовой и предпринимательской деятельности, 1991 г.

Доход (руб./год)	Ставки
До 12 000	13 %
с 12 001 до 14 400	15 %
с 14 401 до 16 800	20 %
с 16 801 до 19 200	30 %
Свыше 19 200	35 %

**Таблица составлена автором*

Таблица 3 – Ставки подоходного налога с доходов, полученных в 1992–1994 гг.

1 января 1992 г. (Закон РФ от 7 декабря 1991 г. №1998-1)	1 января 1992 г. (Закон РФ 16 июля 1992 г. № 3317-1)
до 42 000 руб./год – 12 % с 42 001 до 84 000 руб./год – 15 % с 84 001 до 120 000 руб./год – 20 % с 120 000 до 180 000 руб./год – 30 % с 180 001 до 300 000 руб./год – 40 % с 300 001 до 420 000 руб./год – 50 % свыше 420 000 руб./год – 60 %	До 200 000 руб./год – 12 % с 200 001 до 400 000 руб./год – 20 % с 400 001 до 600 000 руб./год – 30 % Свыше 600 000 руб./год – 40 %
1 января 1993 г. (6 марта 1993 г. Закон РФ № 4618-1)	1 января 1993 г. (Указ Президента РФ от 11 декабря 1993 г. № 2129)
до 1 000 000 руб./год – 12 % с 1 000 001 до 2 000 000 руб./год – 20 % свыше 2 000 000 руб./год – 30 %	до 3 000 000 руб./год – 12 % с 3 000 001 до 6 000 000 руб./год – 20 % свыше 6 000 000 руб./год – 30 %
1 января 1994 г. (Указ Президента РФ от 11 декабря 1993 г. № 2129)	1 января 1994 г. (Закон РФ от 23 декабря 1994 г. № 74)
до 5 000 000 руб./год – 12 % с 5 000 001 до 10 000 000 руб./год – 20 % свыше 10 000 000 руб./год – 30 %	до 10 000 000 руб./год – 12 % с 10 000 001 до 50 000 000 руб./год – 20 % свыше 50 000 000 руб./год – 30 %

в Союзе минимум остался ниже российского – 160 руб. в месяц или 1 920 руб./год (см. табл. 1).

К доходам в виде дивидендов, материальной помощи физическим лицам, не состоящим в штате организации, к доходам от внештатной работы до 1000 руб. применялись ставки от 3 % до 13 %, затем применялась основная шкала. Авторские гонорары физических лиц с суммы до 180 руб./год облагались по ставке 3 %, свыше 36 000 руб./год – 50 %. До 19 200 руб./год шкала соответствовала основной шкале с опережением на 6 руб./мес. (см. табл. 2).

Сравнивая налогообложение физических лиц и предпринимателей без образования юридического лица в таблице 1 и таблице 2, следует отметить, что налоговая нагрузка предпринимателей значительно выше, доходы свыше 14 401 руб. облагались на 5 % больше, а доходы свыше 19 200 руб. на 20 %. Доходы предпринимателей без образования юридического лица не имели необлагаемого минимума, следовательно, нарушалось четвёртое правило целесообразного устройства прогрессии.

Выплаты не по месту основной работы с дохода до 1000 руб. облагались по четырём ставкам от 2 % до 13 %, затем применялась основная шкала ставок с опережением на 16 руб. 80 коп. Авторские гонорары для сумм до 360 руб./год облагались по ставке 2 % для сумм свыше 36 000 руб./год – 50 %. Всего к авторским гонорарам применялось девять ставок. Доходы от индивидуальной и коллективной предпринимательской деятельности до 12 000 руб./год (1000 руб./мес.) облагались по основной шкале ставок, свыше этой суммы применялась основная шкала с отставанием на 327 руб. 60 коп./год (27 руб. 30 коп./мес.), исходя из необлагаемого минимума в 210 руб.

Таким образом, в подоходном налоге 1991 г. соблюдался четвёртый принцип А. Р. Свищевского на уровне минимальной оплаты труда, но размер необлагаемого дохода был разным в СССР и России. Первоначально закон имел семиступенчатую

**Таблица составлена автором*

шкалу с максимальной ставкой на уровне 50 %. Однако уже с апреля 1991 г. был установлен верхний предел ставки в 30 %, а нижнюю ставку уменьшили с 13 % до 12 %, тем самым на 1 % снизив налоговую нагрузку на низкие доходы населения и на 20 % снизив нагрузку на самых богатых граждан. Налоговая нагрузка предпринимателей была значительно выше. В целом, подоходноналогообложение 1991 г. представляло собой сложную, запутанную систему с множеством шкал и ставок для разной природы доходов населения.

Заметное влияние на прогрессивность подоходной шкалы оказали гайдаровские реформы. 7 декабря 1991 г. принимается Закон РФ №1998-1, вступивший в действие с 1 января 1992 г. Опубликован этот закон был только в марте 1992 г. В новом законе соблюдается четвёртое правило о минимуме средств существования, свободного от налога. Необлагаемый минимум приравнивался к установленному законом минимальному размеру оплаты труда (в I квартале 1992 – 342 руб., а со II квартала – 900 руб.). Было отменено множество шкал и введена единая прогрессивная шкала, из 7-ступенчатой она превратилась в 4-ступенчатую в течение 1992 г. (см. табл. 3).

6 марта 1993 г. Закон РФ № 4618-1 сокращает шкалу до 3, и такой (хотя абсолютные цифры дохода менялись) она оставалась до начала 1996 г. (см. табл. 3).

После октябрьского переворота Б. Н. Ельцин меняет налоговые ставки указами. Указ Президента РФ от 11 декабря 1993 г. № 2129 за день до выборов и референдума по новой Конституции снизил ступеньки налога втрое за весь прошедший 1993 г. и впятеро – на будущее, с 1994 г. К концу 1994 г. ставки были установлены Законом РФ от 23 декабря 1994 г. № 74 с 1 января почти закончившегося 1994 г. (см. табл. 3).

Федеральный закон от 5 марта 1996 № 22-ФЗ, принятый после избрания левой Думы второго созыва, шкалу подоходного налога превратил в 5-ступенчатую, увеличив максимальную ставку до 50 %, см. табл. 4.

Таблица 4 – Ставки подоходного налога с доходов, полученных в 1996; 1998; 1999; 2000 гг.

С 1 января 1996 г.	С 1 января 1998 г.
до 12 000 000 руб./год – 12 % с 12 000 001 до 24 000 000 руб./год – 20 % с 24 000 001 до 36 000 000 руб./год – 25 % с 36 000 000 до 48 000 000 руб./год – 30 % свыше 48 000 000 руб./год – 50 %	до 20 000 руб./год – 12 % с 20 001 до 40 000 руб./год – 15 % с 40 001 до 60 000 руб./год – 20 % с 60 001 до 80 000 руб./год – 25 % с 80 001 до 100 000 руб./год – 30 % свыше 100 000 руб./год – 35 %
С 1 января 1999 г.	С 1 января 2000 г.
до 30 000 руб./год – 12 % с 30 001 до 60 000 руб./год – 15 % с 60 001 до 90 000 руб./год – 20 % с 90 001 до 150 000 руб./год – 25 % с 150 001 до 300 000 руб./год – 35 % свыше 300 000 руб./год – 45 %	до 50 000 руб./год – 12 % с 50 001 до 150 000 руб./год – 20 % свыше 150 000 руб./год – 30 %

**Таблица составлена автором*

После деноминации рубля Закон ФЗ от 31 декабря 1997 г. № 159-ФЗ установил новые ставки 15 % и 35 %. Закон РФ от 31 марта 1999 г. № 65-ФЗ устанавливает новые пределы доходов и шестиступенчатую шкалу ставок, упраздняя 30 % и вводя 35 % и 45 %, см. табл. 4.

Заключительное изменение шкалы ставок подоходного налога осуществляется Законом РФ от 25 ноября 1999 г. № 207-ФЗ. Необлагаемый минимум установлен в 83 руб. 49 коп. в месяц. Градация шкалы подоходного налога была значительно упрощена с шестиуровневой шкалы (1998–1999 гг.) до трёхуровневой (2000), однако нижний предел ставки сохранился на прежнем уровне – 12 %, см. табл. 4.

Результаты. Представленный анализ изменения в ставках подоходного налога демонстрирует нарушения ряда правил целесообразного устройства прогрессии. В частности трёхуровневая шкала 2000 г. свидетельствует о нарушении медленной и умеренной прогрессии, о близости пределов доходов, входящих в один и тот же класс и обложенных одним и тем же процентом, о непрерывности бесконечного ряда – шкалы окладов. В результате всех изменений в шкале ставок с нарушением правил прогрессии происходит переход к плоской шкале.

Кроме того, в этот период наблюдается высокий уровень ухода от налогов. Интересные исследования поступлений подоходного налога в период 1995–1996 гг. в России по различным доходным группам представлены в статье И. А. Николаева «О возврате к прогрессивной шкале», опубликованной в 2007 г. Доказано, что степень уклонения от уплаты подоходного налога возрастает с ростом доходов физических лиц. Именно население с низкими доходами платит основную часть подоходного налога в бюджеты РФ. В период 1995–1996 гг. проводили статистические исследования населения по группам уровня жизни и уровня налогообложения. Было выделено десять групп: первая с наименьшими доходами и соответственно десятая с наибольшими доходами. Результаты показали, что в 1995 г. доля уплаты подоходного налога самыми бедными физическими лицами составляла 87,2 %, а самыми богатыми – всего 19,1 % [2]. Хотя в 1996 г. богатые граждане стали платить чуть больше, однако

очевидно, что граждане с наименьшими доходами продолжали платить несоизмеримо больше.

В Программе стабилизации экономики и финансов от 10 июля 1998 г. говорилось: «В 1997 г. в бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты поступило в целом менее половины положенной суммы подоходного налога, причём степень уклонения от уплаты этого налога увеличилась среди наиболее богатых и значительно уменьшилась среди наименее обеспеченных слоёв населения. Так, 10 % населения с наивысшими доходами уплатило около 17 % положенных налогов. Увеличение сбора подоходного налога до 75 % дало бы сумму, равную предусмотренной в федеральном бюджете величине трансфертов, выделяемых регионам. Одна из причин уклонения от уплаты подоходного налога – высокие прогрессивные ставки при низкой величине доходов». Предлагается: «Введение новой шкалы подоходного налога, более «плоской», с меньшими ставками, но зато распространяющейся на все виды доходов, включая кредиты, страховые полисы и т. п., которые сегодня представляют главные способы уклонения от налогов лиц с высокими доходами». Так правительство признаёт проблемы в администрировании прогрессивной шкалы и обосновывает необходимость перехода к плоской подоходной шкале.

С принятием Федерального закона от 5 августа 2000 г. № 118-ФЗ (ред. 24.03.2001) Закон РФ от 7 декабря 1991 г. № 1998-1 «О подоходном налоге» утратил силу. Прогрессивное налогообложение заменяется плоской шкалой с основной ставкой 13 % и отсутствием необлагаемого минимума. Таким образом, осуществляется радикальная налоговая реформа подоходного налогообложения в России.

Выводы. Анализ ставок подоходного налога свидетельствует о неравномерном распределении налогового бремени среди налогоплательщиков, имеющих различную величину декларируемых доходов. В период 1994–1999 гг. изменения шкалы подоходного налога с физических лиц привели к облегчению налоговой нагрузки на лиц с достаточно высокими доходами. Такой вывод подтверждается динамикой соотношения ставок налога на граждан и совокупного облагаемого дохода, в период 1993–2000 гг., представленного Т. Ф. Юткиной [3, С. 169]. По официальному заявлению финансовых ведомств, изменение шкалы исчисления подоходного налога было направлено на снижение налогового бремени на большинство налогоплательщиков. Однако анализ свидетельствует об усилении фискального гнёта при худшем состоянии показателей, характеризующих среднестатистическое потребление в России и средние доходы на душу населения, когда в лучшем положении оказываются граждане с высокими годовыми доходами. В 1998 г. соотношение между доходами бедных и богатых равнялось 1:13,8. С точки зрения социальной безопасности, это соотношение должно составлять 1:8. [4, С. 6]. Эта тенденция приобретает характер устойчивой закономерности в 90-е годы XX века.

Источники

1. Свищевский А. Р. Подоходный налог. М., 1886.
2. Николаев И. А. О возврате к прогрессивной шкале // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2007. № 3.
3. Юткина Т. Ф. Налоги и налогообложение: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 576 с.
4. Абалкин Л. Хватит проедать недра и мозги! // Аргументы и факты. 2004. 45. С. 6.
5. Налоги и налогообложение. 4-е изд. / Под ред. М. В. Романовского, О. В. Врублевской. СПб.: Питер, 2003. 576 с.
6. Патласов О. Ю., Джурбаев К. Т. Экономический справочник кооператора. В 2-х частях. Ч. 2. Новосибирск, 1990. С. 113–123.
7. Майбуров И. А. Теория и история налогообложения. Учебное пособие / И. А. Майбуров, Н. В. Ушак, М. Е. Косов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 422 с.
8. Муравьева Н. Н. Направления развития социально ориентированного подоходного налогообложения граждан в России // Финансы и кредит, 2015, № 19. С. 46–56.
9. Никитин С., Глазова Е., Степанова М. Налоги в странах рыночной экономики и в России // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4. С. 5–16.
10. Никитин С., Глазова Е., Степанова М. Изменения в системе налогообложения // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 8. С. 35–42.
11. Никитин С., Глазова Е., Степанова М. Социальные налоги: опыт запада // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 5. С. 12–19.
12. Лушников М. В. Александр Рафаилович Свищевский и развитие Российской науки финансового права // Финансовое право, № 11, 2009.

Информация об авторе

Богославец Татьяна Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансовой политики. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6030-942X>, SPIN-code: 77447-4311. E-mail: bogoslavez@mail.ru

T. N. Bogoslavets¹

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

A retrospective analysis of changes in income tax rates in Russia in the 1990s

Abstract. The paper is dedicated to the research of income-tax problems in Russia in the period of 1991–2000 taking into account the rules of reasonable progression structure. The aim of the article is to analyze the rates and development of the income tax system taking into account the economic problems of modern Russian society.

Research is conducted using the methods of system analysis. The working hypothesis of the research consists of scientific supposition that the political processes of the state determine the applied approaches and methods of the income tax system development. The target method used in the research is the method of analysis and generalization of theoretical approaches found in legal and scientific literature.

Results consist in determination of imperfection of methodology of forming of taxable profits of physical persons and violation of principles of the подоходного levying. The not observance of rules of expedient device of progression did not allow to the income-tax to carry out the main destiny to redistribute the profits of population. In the article influence is investigated on the system of подоходного taxation state ideology. The presented analysis of rates of income-tax in the period of 1991 – 2000 testifies to the use of this system as an instrument in economic.

Historical development of the system of подоходного taxation, testifies that the use of one or another approaches and methods of construction of the system of income-tax for citizens is subject to influence of political processes. An author came to the conclusion, that at the construction of the modern system of income-tax on citizens it is necessary to take into account the political and economic problems of the state, historical and world experience.

Keywords: incomes of individuals tax rate, taxable and not taxable profit by a tax.

Paper submitted: January 23, 2020

For citation: Bogoslavets T. N. (2020). A retrospective analysis of changes in income tax rates in Russia in the 1990s. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 142–146. T. 14. № 2. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.24

References

1. Svirshchevsky A. R. Income tax. M., 1886.
2. Nikolaev I. A. On the return to the progressive scale. Financial and accounting consultations. 2007, no. 3.
3. Yutkina T. F. Taxes and taxation: a Textbook. 2nd ed., Revised. and add. M.: INFRA-M, 2003. 576 p.
4. Abalkin L. Stop eating the bowels and brains! Arguments and Facts. 2004, 45, p. 6.
5. Taxes and taxation. 4th ed. Ed. M. V. Romanovsky, O. V. Vrubleskoy. St. Petersburg: Peter, 2003. 576 p.
6. Patlasov O. Yu., Dzhurabaev K. T. Economic reference book of the cooperator. In 2 parts. Part 2. Novosibirsk, 1990. P. 113–123.
7. Mayburov I. A. Theory and history of taxation. Textbook / I. A. Mayburov, N. V. Ushak, M. E. Kosov. 2nd ed., Revised. and add. M.: UNITY-DANA, 2011. 442 p.
8. Muravyova N. N. Directions for the development of socially oriented income taxation of citizens in Russia. Finance and Credit, 2015, no. 19. P. 46–56.
9. Nikitin S., Glazova E., Stepanova M. Taxes in the countries of a market economy and in Russia. World Economy and International Relations. 1996, no. 4, pp. 5–16.
10. Nikitin S., Glazova E., Stepanova M. Changes in the tax system. World Economy and International Relations. 1999, no. 8, pp. 35–42.
11. Nikitin S., Glazova E., Stepanova M. Social taxes: the experience of the West. World Economy and International Relations. 2003, no. 5, pp. 12–19.
12. Lushnikov M. V. Alexander Rafailovich Svirshchevsky and the development of the Russian science of financial law. Financial Law, no. 11, 2009.

Information about the author

Tatiana N. Bogoslavets

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of economy and financial policy. Dostoevsky Omsk State University (55 Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: bogoslavez@mail.ru

© Т. Н. Богославец, 2020

УДК 332.146.2
JEL Q18

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.25

Е. И. Кендюх¹, О. А. Цапова¹, В. Г. Демьянов²¹Северо-Казахстанский государственный университет имени Манаша Козыбаева, г. Петропавловск, Республика Казахстан
²Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Государственное регулирование аграрной экономики

Аннотация. Повышение уровня продовольственной безопасности региона невозможно без финансирования соответствующих мероприятий и механизмов, в том числе без тесного взаимодействия научных, производственных и агропромышленных предприятий. Цель статьи – обосновать роль государственных программ как способа финансового обеспечения региональной продовольственной безопасности. В ходе исследования используются методы сравнения и анализа для оценки объёмов и динамики финансирования государственных программ поддержки агропромышленного комплекса Российской Федерации и Республики Казахстан. С помощью метода индукции делается вывод о возможности применения госпрограмм для финансирования мероприятий региональной продовольственной безопасности. В статье выявлены основные тенденции финансирования государственных программ Российской Федерации и Республики Казахстан. Продемонстрированы проблемы функционирования агропромышленного комплекса. Делается вывод о роли государственных программ как о способе финансирования мероприятий по обеспечению продовольственной безопасности региона. Показана необходимость региональной Стратегии экономической безопасности в качестве основы региональной инвестиционной и бюджетной политики развития агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, государственная поддержка, государственная программа, бюджетные средства, эффективность, кластеры, финансовые организации, товаропроизводитель, финансово-экономические возможности.

Дата поступления статьи: 9 марта 2020 г.

Для цитирования: Кендюх Е. И., Цапова О. А., Демьянов В. Г. (2020). Государственное регулирование аграрной экономики // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 147–152. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.25

Проблема и цель. В условиях новой глобальной реальности приоритет отдается интенсивному развитию аграрного сектора. В ближайшие пять лет производство и переработка сельскохозяйственной продукции должны стать основным источником диверсификации и ведущим драйвером экономического роста. Реализация новой роли агропромышленного комплекса обеспечит устойчивое развитие страны, повышение производительности труда и улучшение уровня жизни большинства населения [1]. Сельские жители, имеющие подсобные домашние хозяйства, получают новые возможности для занятия коммерческим производством посредством широкого сотрудничества и целевой государственной поддержки. Статья посвящена вопросу изучения системы и роли государственной поддержки агропромышленного комплекса в России и Республике Казахстан. Систематизированы основные меры государственной поддержки. Приведен экономико-правовой подход к пониманию агропромышленного комплекса, обобщены и классифицированы процессы интегрирования. Решению обозначенных проблем во многом способствует государственная поддержка агропромышленного комплекса, одним из направлений которой является субсидирование.

Цель статьи – обосновать роль государственных программ как способа финансового обеспечения региональной продовольственной безопасности.

Для достижения поставленной цели авторы считают необходимым решить следующие задачи исследования:

– провести анализ государственных программ поддержки агропромышленного комплекса в Российской Федерации;

– анализ государственных программ обеспечения продовольственной безопасности в Республике Казахстан;
– материально-техническое, научно-исследовательское взаимодействие агропроизводителей, научных центров и производственных предприятий.

Материалы и методика исследований. Роль государства в аграрной экономике трудно переоценить и нельзя согласиться с авторами, отрицающими необходимость государственного регулирования АПК в современных рыночных условиях. Это связано со следующими его особенностями [2]:

– длительный технологический цикл, особенно в растениеводстве, требует финансовых вложений за несколько месяцев до получения продукции;
– работа со специфическими объектами – флорой и фауной – и значительная зависимость биологических и иных объектов (земли, растений и др.) от погодных условий ведёт к существенным рискам и к потребности в господдержке;
– преимущественно социальная направленность производства, связанная с обеспечением продовольственной безопасности и удовлетворением жизненно важных потребностей человека в продуктах питания, обеспечивающих здоровую, полноценную и активную жизнедеятельность в течение длительного периода времени, требующих для этого государственного регулирования процессов ценообразования и иных воздействий;
– специфика трудовой деятельности (сезонность и др.) и образа жизни сельского населения ведёт к необходимости создания для этого определённых условий с участием всех ветвей и уровней власти;

– малый срок хранения многих видов сельскохозяйственного сырья и продукции и ограниченная транспортабельность в переработанном виде требуют не только экономического, но и административного воздействия, как на сферу АПК, так и на другие отрасли экономики (транспорт, производителей холодильного оборудования и др.);

– особенности научных исследований, связанные со спецификой растений, животных, а также находящихся в них или зависящих друг от друга микро- и макроорганизмов, их много- и своеобразием, требованиями знаний естественных и других наук при низких финансовых возможностях в силу ряда объективных и субъективных причин, связанных с ограниченными финансово-экономическими возможностями товаропроизводителей и необходимостью сохранения здоровья населения при применении средств защиты растений и выращивании животных, что требует как государственной поддержки аграрной науки, так и выработки нормативной и инструктивной документации;

– недостаточно высокая компетентность кадров, включая руководящий состав организаций АПК, и нежелание молодых специалистов возвращаться в недостаточно обустроенные для современной жизнедеятельности сельские населенные пункты вызывают необходимость участия государственных структур в информационно-консультационной, образовательной, инженерно-строительной, жилищно-коммунальной и других сферах обеспечения аграрно-промышленного производства и развития села;

– низкая отраслевая и межотраслевая; региональная, межрегиональная, межнациональная и межгосударственная конкурентоспособность товаропроизводителей АПК и их продукции в силу вышеуказанных и ряда других причин, в том числе политического характера, ведёт к необходимости государству участвовать в поддержке товаропроизводителей АПК с учётом требований ВТО, ЕАЭС и других отечественных и международных организаций [2].

К особенностям аграрного производства относится специализация на законченных видах товарной продукции в соответствии с экономическими и природными условиями. Специфичен в сельском хозяйстве и порядок формирования основного и оборотного капитала: до четверти готовой продукции (корм, приплод животных, семена и др.) входит в последующий цикл производства. Особенностью аграрного производства, требующей господдержки, является высокая капиталоемкость (в развитых странах они даже выше, чем в обрабатывающей промышленности) при низкой фондоотдаче, обусловленной территориальной разбросанностью, зависимостью от погодных условий, биологическими процессами производства [3]. Сельскохозяйственное производство характеризуется неэластичным спросом по цене и доходам, что предопределяет необходимость господдержки сельхозтоваропроизводителей [4].

В этих условиях целью стратегии инновационного развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года является ускорение темпов роста объёмов сельскохозяйственной продукции на основе повышения

эффективного использования ресурсного потенциала и конкурентоспособности продукции, решения социальных проблем сельских территорий и сокращения разрыва уровня жизни сельского и городского населения.

Учитывая наличие объективных проблем и особенностей аграрного производства и сельского образа жизни, во всех развитых странах сельскохозяйственным товаропроизводителям оказывают как косвенную (консультационную и иную), так и прямую, в том числе финансовую, господдержку. Но не все страны имеют равные возможности для оказания такой помощи и поддержки своему аграрному производству. Это связано для одних стран, в основном развивающихся, с финансово-экономическими проблемами, для других – дополнительно со сложной политической и военной ситуацией (Афганистан, Сирия и др.); для третьих – с санкционными проблемами (Российская Федерация, Иран, КНДР и др.); для четвертых – дополнительно с неравными условиями при вступлении в ВТО (Россия и др.) [5-6].

Указанные преимущества сельского хозяйства в получении господдержки ведут к серьёзным конкурентным преимуществам стран ЕС, США и других. Исходя из этого, Правительству России, где в среднем за 2012–2019 гг. 70–80 % регионов не обеспечены в необходимом количестве мясом, молоком, молоко- и мясoproдуктами (в пересчёте на молоко и мясо) за счёт собственного производства [5], несмотря на заверения высшего руководства о достижении продовольственной безопасности и превращении АПК в один из драйверов российской экономики [6], требуется уделить серьёзное внимание его развитию.

Для того чтобы более успешно решить имеющиеся в АПК России проблемы и перейти на новый уровень технико-технологического развития, государственным структурам целесообразно активно формировать территориально-отраслевые муниципальные и межмуниципальные, региональные и межрегиональные агропромышленные кластеры (АПКл), привлекая к их созданию все отрасли и сферы АПК, а также научные, образовательные и финансовые организации, помогая им установить между собой взаимовыгодные отношения, заключить долгосрочные договоры, применяя для этого организационные, координационные, финансово-экономические и другие методы; разрабатывая концепции и стратегии их комплексного развития, используя налоговые, кредитные и иные льготы [7].

Для повышения организационно-экономической устойчивости АПК необходимо, в первую очередь, поддерживать лидера кластера, обеспечивая ему информационную и консультационную помощь, а также поддержку в разработке и реализации инновационного проекта, к которому могут быть привлечены остальные участники АПК. Лидером может стать наиболее обеспеченная ресурсами (финансовыми, квалифицированными, трудовыми и др.) организация, руководитель которой имеет команду специалистов и заинтересован в активном взаимодействии с партнёрами, расположенными на одной с ним территории и способными к долгосрочным надёжным взаимодействиям по технико-технологической цепочке и финансово-экономическому сотрудничеству в длительной перспективе [8].

В современных условиях в качестве наиболее перспективного проекта, который позволит вывести отечественный АПК на новый технико-технологический уровень, может стать переход к цифровой экономике. В современных условиях развития науки это достаточно реалистичный проект для поэтапной реализации на уровне субъектов кластера [9]. Основными элементами проекта могут быть: внедрение новых информационных технологий, автоматизированных рабочих мест и автоматизации производственных процессов, биотехнологий и других прогрессивных достижений современной науки и практики с целевой подготовкой и переподготовкой специалистов в аграрных образовательных заведениях.

Внедрение типовых сайтов агропромышленных организаций, подведомственных Минсельхозу России, даёт возможность активно проводить работу в решении проблем сбора статистической информации на информационной площадке Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (<http://mcx.ru/>). Минсельхоз России выступает системным интегратором образовательных процессов в сфере подготовки специалистов для АПК, способствует осуществлению инновационных и инвестиционных проектов для решения конкретных задач, вовлекая в реализацию проектов представителей бизнеса, науки и государства.

Обновленный сайт Минсельхоза России отражает главную цель проекта – создание современного и функционального портала Министерства, отвечающего всем требованиям законодательства: обеспечение удобного доступа к различной информации о Министерстве, деятельности государственной структуры и должностных лицах, новостям, документам и программам структуры, аналитической информации, информации по экспорту, региональным новостям, государственным услугам и закупкам.

Примером интерактивной формы информационно-дистанционного обслуживания пользователей может служить центральная научная сельскохозяйственная библиотека (ЦНСХБ), использующая навигатор по удалённым сетевым ресурсам по АПК. В состав библиотеки входит Сельскохозяйственная электронная библиотека знаний (СЭБиЗ), представляющая коллекцию электронных словарей и справочников по основным направлениям сельскохозяйственных и смежных наук, специализированных справочников и каталогов, а также Биографическую энциклопедию РАСХН, ВАСХНИЛ. В ЦНСХБ собраны большие специализированные тематические коллекции для владельцев личных подсобных и фермерских хозяйств, по сельскохозяйственным выставкам, БД по генномодифицированным организмам «Генномодифицированные организмы (ГМО) в сельском хозяйстве», проблемноориентированную реферативную БД «Плодородие почв» и др.

Объём БД увеличивается с каждым годом благодаря включению документов из входного документного потока. Отличительной особенностью БД является то, что в неё включены не только материалы фонда ЦНСХБ, но и документы из зарубежных БД – AGRIS (ФАО ООН), CABabstracts (CABIInternational), AGRICOLA (Национальной сельскохозяйственной библиотеки США).

В 2019 г. Минсельхозом России разработан ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» со сроком реализации 2019–2024 гг., основной целью которого является внедрение цифровых технологий и платформенных решений, обеспечивающих к 2024 г. технологический прорыв в АПК, достижение роста производительности труда на «цифровых» сельскохозяйственных предприятиях в 2 раза. Программа цифровизации сельского хозяйства должна обеспечить повышение производительности труда, использование широкополосной, мобильной, LPWAN-связи, информационных технологий, продукции отечественного приборостроения [10].

По мнению ряда исследователей, программу по переводу экономики страны на цифровые принципы работы, разработанную Министерством связи и коммуникаций Российской Федерации, невозможно реализовать, не отработав принципиально новые направления и информационные технологии, которые начали бурно развиваться и практиковаться в последнее время и должны позволить решить современные задачи сбора, хранения, обработки, использования и передачи информации [11].

К таким технологиям относятся:

- облачные вычисления и хранилища данных;
- технологии обработки супер-больших объёмов информации BigData;
- технологии Blockchain;
- системы искусственного интеллекта.

К числу перспективных направлений информационных технологий, активно продвигаемых IT-компаниями и используемых в АПК, в различных сочетаниях, для решения множества задач – от точного земледелия до автоматизации документооборота – относятся облачные вычисления (Cloud Computing, CC); мобильные технологии и интернет вещей (Internet of Things, IoT); геоинформационные системы, ГИС (Geographical Information System); большие данные (Bigdata) [12].

Востребованными представляются автоматизированные сервисы для решения конкретных задач предприятий АПК, не требующие закупки техники и программного обеспечения и предоставляемые в аренду на облачных средах. Примеры подобных решений предоставляют компании, занимающиеся ERP-решениями: Oracle, SAP, 1C.

Если компании перерабатывающих отраслей давно используют программные продукты комплексной автоматизации, то в растениеводстве и животноводстве подобные решения сдерживаются отсутствием специализированных программных модулей и несопоставимой с эффектом ценой. В настоящее время IT-компании обратили внимание на предприятия АПК, нуждающиеся в недорогих решениях. Можно отметить продукты и услуги компании «Navicon Group», с решениями на базе Microsoft Dynamics: Navicon Agro EAM (управление ТО и Р сельскохозяйственной техники), Navicon Agro Field Work (планирование полевых работ «от вспашки до уборки урожая»), на платформе IBM Maximo Asset Management: IBM Maximo for Transportation (эффективное управление транспортными ресурсами), Navicon Agro EAM (управление ТО и Р сельскохозяйственной техники) и др. Компания 1C про-

двигает решение «1С: Предприятие 8. ERP Агропромышленный комплекс 2» для автоматизации управления агропромышленным комплексом по направлениям деятельности: растениеводство, молочное и мясное животноводство (КРС), свиноводство; для средних и крупных агропредприятий – 1С: АПК с успешным опытом реализации в агрохолдингах и крупных компаниях – «Башкирская мясная компания», «Красный Восток Агро», «ЭкоНива АПК Холдинг», «ПсковАгроИнвест», «Русская земля» и др.

Республика Казахстан как ближайший сосед и партнёр по Евразийскому экономическому сообществу испытывает аналогичные проблемы функционирования агропромышленного комплекса. Схожие природно-климатические условия, длительное взаимодействие агропромышленных систем во время СССР, схожесть экономических проблем обеспечения продовольственной безопасности актуализируют изучение опыта Казахстана в обеспечении развития агропромышленного комплекса.

На основе программы развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан до 2021 года экономика Казахстана сможет достигнуть следующих результатов:

- повышение производительности труда в агропромышленном производстве на 38 %, по отношению к показателям 2015 года;
- повышение валовой продукции и услуг (в реальном выражении) сельскохозяйственной отрасли на 30 % относительно показателей 2015 года;
- повышение экспорта сельскохозяйственной продукции на 600 млн дол. относительно объёма экспорта в 2015 году;
- увеличение самообеспеченности продукцией агропромышленного производства внутренних потребителей и снижение импорта на 400 млн дол.;
- обеспечение снижения потребления поливной воды при тех же объёмах поливных площадей.

Для реализации данной программы предусмотрены средства в республиканском и местных бюджетах в 2017–2021 годах, составят всего 2 374,2 млрд тенге (РБ – 1 216 млрд тенге*, МБ – 904 млрд тенге*, другие источники – 306,2 млрд тенге).

Для активизации формирования АПК от государственных структур требуется законодательная и нормативно-инструктивная база, учитывающая специфику аграрно-промышленного производства [13].

Такой подход к развитию АПК с эффективной государственной поддержкой позволит повысить уровень обеспечения населения необходимыми продуктами питания в соответствии с установками Доктрины продовольственной безопасности РФ и РК и медицинскими рекомендациями по рациональному питанию, укрепить конкурентоспособность отечественных товаропроизводителей и вывести их на новый прогрессивный путь развития, позволяющий решить многие социальные, экологические и экономические проблемы страны.

Одной из мер по финансированию научно-технического развития АПК Казахстана является проведение Фондом науки РК конкурса на финансирование внедрения результатов научных исследований в практику. Одним из направлений научных разрабо-

ток, предлагаемых для государственного финансирования, выступает сельскохозяйственное производство. В рамках программы предлагается финансировать внедрение результатов научно-технических исследований в сумме до 300 млн тенге (50 млн руб.) на три года. За этот период времени получатель гранта должен выйти на уровень самоокупаемости либо обеспечить получение прибыли от внедрения результатов научных исследований.

Анализ заявок на получение грантового финансирования даёт возможность сделать обоснованный вывод о том, что в Казахстане имеются высокотехнологичные разработки, которые могут принести значительный экономический эффект. Однако препятствием для успешной реализации предлагаемых проектов является отсутствие эффективного взаимодействия научных работников и организаций с потребителями и производственными предприятиями, на базе которых может производиться продукция.

Слабая информированность производителей сельскохозяйственной продукции о существовании инновационных разработок, об их экономической эффективности выступает одним из существенных препятствий по повышению эффективности агропромышленного производства в Казахстане. Другим существенным фактором, препятствующим применению результатов научных исследований и разработок, является высокая стоимость приобретения и эксплуатации предлагаемого оборудования. Авторы статьи видят решение этих проблем в создании государственных региональных центров, осуществляющих информирование агропроизводителей о существующих научных результатах, проведение государственной маркетинговой стратегии, обеспечивающей изучение запросов производителей и информирование их об имеющихся возможностях применения инноваций в агропромышленном производстве.

Создание подобных центров должно обеспечить эффективное взаимодействие научных центров (университетов), производственных предприятий и производителей сельскохозяйственной продукции.

Дальнейшим направлением исследований должен стать механизм создания центров инновационного развития агропромышленного комплекса, объединяющий науку, производство и производителя.

Выводы. Достижение этих показателей, с одной стороны, повысит интерес к сотрудничеству субъектов агропромышленного комплекса с академическим сообществом, позволит объективно определить задачи для учёных и оценить качество полученных результатов [14]. С другой стороны, будет создан дополнительный источник финансирования для академического сообщества через субъекты агробизнеса, заинтересованные в оплате за высококачественные научные исследования.

В целом эти меры повысят конкурентоспособность аграрного сектора через тесную интеграцию науки, образования и производства, развитие отечественных научных исследований, трансферт инновационных зарубежных проектов и ускорение их внедрения в производство, повышение качества подготовки и переподготовки кадров рынка страны [15].

Источники

1. Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал новой экономической ассоциации. Россия, 2018. С. 84–108.
2. Клычева А. С., Гирфанов С. Ф., Крушина Г. Д., Сафиуллин И. Н. Повышение конкурентоспособности в условиях корпоративного управления предприятиями агропромышленного комплекса Республики Татарстан // Вестник Казанского государственного аграрного университета. Россия, 2017. Т. 12. С. 110–115.
3. Патласов О. Ю. Антикризисное управление в АПК. Диагностика банкротства коммерческой организации. / Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Омск – Тара: Изд-во ОмГАУ, 2005. С. 8.
4. Организация производства и предпринимательства в АПК: учебное пособие / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров и др. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2004. С. 21–26
5. Соглашение по сельскому хозяйству // Соглашения ВТО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/selhozru.doc> (дата обращения 06.06.2018).
6. Анализ мировых тенденций государственной поддержки сельского хозяйства // Департамент агропромышленной политики Евразийской экономической комиссии. М., 2015. 125 с.
7. Агропромышленный комплекс России в 2016 году // Минсельхоз России. Москва, 2017. 721 с.
8. Путин В. В. Доклад на пленарном заседании Всероссийского форума сельхозпроизводителей, 12.03.2018 // Стенографический отчет о пленарном заседании Всероссийского форума сельхозпроизводителей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57035> (дата обращения 10.04.2018).
9. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120. [Электронный ресурс]. URL: http://state.kremlin.ru/security_council/6752 (дата обращения 06.06.2018).
10. Цифровой АПК в реальности // Информ. бюл. Минсельхоза России. № 3. 2019. С. 18–19.
11. Воронин Е. А., Семкин А. Г. Направления и базовые технологии информатизации и управления АПК // Научно-информационное обеспечение инновационного развития АПК: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2017. С. 380–383.
12. Воловиков С. А., Слинко О. В. Тенденции развития информационных сервисов в АПК / Там же. С. 388–391.
13. Амирова Э. Ф. Функционирование зернопродуктового подкомплекса в условиях продовольственного эмбарго // Вестник Казанского государственного аграрного университета. Россия, 2018. Т. 13. С. 147–151.
14. Клычева Г. С., Юсупова А. Р. IT-консалтинг – основополагающий фактор повышения эффективности агропромышленного производства // Вестник Казанского государственного аграрного университета. Россия, 2018. Т. 13. С. 169–174.
15. Файзрахманов Д. И., Хусаенова Л. М. Финансовое обеспечение инновационной деятельности в агропромышленном комплексе // Вестник Казанского государственного аграрного университета. Россия, 2017. Т. 12. С. 120–124.

Информация об авторах

Кендях Евгений Иванович

Доктор экономических наук, доцент кафедры «Финансы и менеджмент». Северо-Казакстанский государственный университет им. М. Козыбаева (150000, Республика Казахстан, г. Петропавловск, ул. Пушкина 86). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1691-86-47>. E-mail: kenduh@mail.ru

Цапова Ольга Александровна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и менеджмент». Северо-Казакстанский государственный университет им. М. Козыбаева (150000, Республика Казахстан, г. Петропавловск, ул. Пушкина 86). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4644-3208>. E-mail: 49320270@mail.ru

Демьянов Владислав Геннадьевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления, политики и права. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: <https://orcid.org/1-7328-8701>, РИНЦ Author ID: 5284-9139. E-mail: vgdemyanov@mail.ru

E. I. Kenduh¹, O. A. Capova¹, V. G. Demyanov²

¹M. Kozhaybayev North Kazakhstan State University, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

²Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

State regulation of agricultural economy

Abstract. An increase in the level of food security in the region is impossible without funding for relevant measures and mechanisms, including without close interaction between scientific, production and agricultural enterprises.

The purpose of the article is to justify the role of government programs as a way of financially ensuring regional food security.

In the course of the study, comparison and analysis methods are used to assess the volume and dynamics of financing state programs to support the agricultural sector of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Using the induction method, it is concluded that state programs can be used to finance regional food security measures.

The article identifies the main trends in financing state programs of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The problems of the functioning of the agro-industrial complex are demonstrated.

The conclusion is drawn about the role of state programs as a way of financing activities to ensure the food security of the region. The need for a regional Economic Security Strategy as the basis of a regional investment and budgetary policy for the development of the agro-industrial complex is shown.

Keywords: agronomic industrial complex, government support, state program, budget funds, efficiency, clusters, financial organizations, commodity producer, financial and economic opportunities.

Paper submitted: March 9, 2020

For citation: Kenduh E. I., Capova O. A., Demyanov V. G. (2020). State regulation of agricultural economy. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 147–152. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.25

References

1. Zemtsov S. P., Smelov Yu. A. Factors of regional development in Russia: geography, human capital or regional policy. Journal of the New Economic Association. Russia, 2018, pp. 84–108.

2. Klycheva A. S., Girfanov S. F., Krupina G. D., Safiullin I. N. Increasing competitiveness in the conditions of corporate governance of enterprises of the agro-industrial complex of the Republic of Tatarstan. *Bulletin of Kazan State Agrarian University. Russia*, 2017. V. 12. P. 110–115.
3. Patlasov O. Yu. Crisis management in the agricultural sector. *Diagnostics of the bankruptcy of a commercial organization*. / Patlasov O. Yu., Sergienko O. V. Omsk – Tara: OmGAU Publishing House, 2005. P. 8.
4. Organization of production and entrepreneurship in the agro-industrial complex: a training manual / F. Ya. Nachitov, O. Yu. Patlasov, F. K. Shakirov et al. Omsk: Publishing House OmGAU, 2004. P. 21–26.
5. Agreement on agriculture // Agreement of the WTO (Electronic Resource). URL: <http://www.wto.ru/content/documents/docs/selhozru.doc> (accessed 06.06.2018).
6. Analysis of global trends in state support for agriculture. Department of Agro-Industrial Policy of the Eurasian Economic Commission. M., 2015. 125 p.
7. The agro-industrial complex of Russia in 2016 // Ministry of Agriculture of Russia. Moscow, 2017. 721 p.
8. Putin V. V. Report at the plenary meeting of the All-Russian Forum of Agricultural Producers, 03/12/2018 // Verbatim report of the plenary meeting of the All-Russian Forum of Agricultural Producers [Electronic Resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57035> (accessed 04/10/2018).
9. Doctrine of food security of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 120 dated January 30, 2010. URL: http://state.kremlin.ru/security_council/6752 (addressed on June 6, 2018).
10. Digital AIC in reality. Inform. bull. Ministry of Agriculture of Russia. No. 3. 2019. P. 18–19.
11. Voronin E. A., Semkin A. G. Directions and basic technologies of informatization and management of the agro-industrial complex. Scientific and informational support for the innovative development of agribusiness: Mater. IX International scientific-practical conf. M.: FSINI «Rosinformagroteh». Russia, 2017. P. 380–383.
12. Volovikov S. A., Slinko O. V. Trends in the development of information services in the agricultural sector / Ibid. P. 388–391.
13. Amirova E. F. The functioning of the grain product subcomplex in the conditions of the food embargo. *Bulletin of the Kazan State Agrarian University. Russia*, 2018. V. 13. P. 147–151.
14. Klycheva G. S., Yusupova A. R. IT consulting – a fundamental factor in improving the efficiency of agricultural production. *Bulletin of Kazan State Agrarian University. Russia*, 2018. V. 13. P. 169–174.
15. Fayzrakhmanov D. I., Khusaenova L. M. Financial support for innovation in the agricultural sector. *Bulletin of Kazan State Agrarian University. Russia*, 2017. V. 12. P. 120–124.

Information about the authors

Evgeniy I. Kenduh

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Finance and Management Department. M. Kozybayev North Kazakhstan State University (86 Pushkin st., Petropavlovsk, 150000, Republic of Kazakhstan). E-mail: kenduh@mail.ru

Olga A. Capova

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Finance and Management Department. M. Kozybayev North Kazakhstan State University (86 Pushkin st., Petropavlovsk, 150000, Republic of Kazakhstan). E-mail: 49320270@mail.ru

Vladislav G. Demyanov

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Management, Politics and Law Department.

Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: vgdemyanov@mail.ru

© Е. И. Кендюх, О. А. Цапова, В. Г. Демьянов, 2020

УДК 658.8, 336.6, 338.5
JEL L21, M31

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.26

Р. О. Лучко¹, О. Ю. Патласов^{2,3}¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация²Сибирский казачий институт технологий и управления (филиал) МГУТУ им. К. Г. Разумовского, г. Омск, Российская Федерация³Омский автобронетанковый инженерный институт – филиал Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, г. Омск, Российская Федерация

Увеличение среднего чека через внедрение технологий up-sale и cross-sale с использованием CRM-систем

Аннотация. Цель данной статьи заключается в разработке методических основ и практических рекомендаций, направленных на решение задачи увеличения среднего чека через внедрение технологии up-sale и cross-sale с использованием систем управления взаимоотношений с клиентами. В работе применены следующие методы: структурно-логический анализ, метод экспертных оценок, сочетание методов анализа и синтеза. Разработаны концепция и практические рекомендации, позволяющие эффективно управлять технологиями up-sale и cross-sale с использованием CRM-систем. Данный подход обеспечивает возможность увеличения среднего чека компаниям. Для создания эффективной системы продаж, адаптированной под технологии up-sale и cross-sale, должна быть внедрена CRM-система, объективно отражающая данные о клиентах, сделках и товарах.

Ключевые слова: CRM, маркетинг, средний чек, up-sale, cross-sale, ABC/XYZ, эффективность, менеджмент.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31686.

Дата поступления статьи: 31 мая 2020 г.

Для цитирования: Лучко Р. О., Патласов О. Ю. (2020). Увеличение среднего чека через внедрение технологий up-sale и cross-sale с использованием CRM-систем // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 153–159. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.26

Введение. Проведён анализ различных подходов к системе построения продаж на примере организаций розничной и оптовой торговли: плановый, процессный, предпринимательский. Наиболее популярными способами увеличения прибыли и товарооборота являются следующие: расширение продуктовой линейки, расширение розничной сети, увеличение количества торговых представителей для расширения доли рынка. Особую актуальность проблема совершенствования системы продаж приобретает в условиях трансформации данной системы, обусловленной, в частности, ограничениями, связанными с эпидемиологической ситуацией в первой половине 2020 года как в России, так и в большинстве стран мира. Крупнейшие розничные и оптовые сети декомпозируют основные плановые показатели для повышения эффективности на отдельных этапах взаимодействия с клиентом.

Были проанализированы российские компании, основной деятельностью которых является продажа товаров или услуг. На текущий момент значительная доля таких организаций в своей продуктовой линейке имеют большой ассортимент и набор услуг для продаж их конечному клиенту. Задачей исследования являлась разработка подхода, обеспечивающего таким компаниям возможность увеличения среднего чека. При этом крупнейшие розничные и оптовые сети декомпозируют основные плановые показатели для повышения эффективности на отдельных этапах взаимодействия с клиентом.

Доход торгового предприятия зависит от частоты покупки количества клиентов и среднего чека.

Самостоятельно или в системе с другими финансовыми индикаторами средний чек демонстрирует такие параметры бизнеса, как:

- платёжеспособность клиента;
- достаточность ассортимента товаров (услуг);
- организация мерчендайзинга;
- эффективность консультантов;
- готовность потребителя к покупкам в премиум сегменте;
- колебания спроса, сезоны продаж;
- эффективность акций;
- порядок представления скидок, бонусных программ.

Анализ среднего чека проводится в динамике в зависимости от размера торгового предприятия, профиля еженедельно или ежемесячно.

В маркетинге выделяют два основных принципа увеличения среднего чека – up-sale и cross-sale. Up-sale – предложение клиенту более дорогого или премиального аналога. В процессе выбора конкретной модели или услуги покупателю предлагают отказаться от первоначального решения в пользу покупки более дорогого товара. Поводов для этого может быть несколько: уже доступна более современная модель, есть товар с лучшими характеристиками или в продажу поступил более известный и уважаемый бренд. Cross-sale – это метод перекрёстных продаж. Его суть заключается в том, что в момент покупки клиенту предлагают приобрести кроме основного товара ещё и сопутствующие [1].

К числу основных приёмов увеличения среднего чека обычно относят:

- программа лояльности;
- товар-локомотив;
- наборы;
- грамотный мерчендайзинг;

- стойки у касс;
- обучение и мотивация сотрудников.

Гипотеза. Внедрение технологий продаж up-sale и cross-sale с использованием CRM-систем позволяет системно влиять на показатели среднего чека, что ведёт к увеличению товарооборота и выручки в рамках одной сделки, за счёт чего существенно снижаются издержки на совершение одной продажи независимо от отрасли.

В классической модели продаж рассматривается клиент со спросом на определённый товар или услугу и есть продавец, удовлетворяющий спрос. То есть идёт процесс приобретения конкретной единицы товара или услуги. В данной модели увеличение оборота компании идёт за счёт увеличения количества сделок. Современные технологии позволяют отследить частоту запросов клиентов, качество обращений и отследить в какой период времени и по какому товару была совершена сделка.

Методология исследования. В работе применены следующие методы: структурно-логический анализ, метод экспертных оценок, сочетание методов анализа и синтеза.

Под средним чеком понимается показатель товарооборота, разделённый на количество чеков за определённый период. В практике используется несколько методов расчёта среднего чека, рассчитать средний чек автоматически можно, воспользовавшись простейшим бесплатным on-line сервисом ChClub – «Расчёт среднего чека».

1. Суммируются цены всего ассортимента товаров, после чего получившаяся сумма делится на количество товаров в каталоге.

2. В каждом разделе каталога товаров список делится по полам, и цена каждой позиции, которая находится в середине списка, используется, чтобы вычислить средний чек. В этом случае средний чек – сумма всех позиций, стоящих в середине каждого раздела каталога.

3. Средний чек представляет собой стоимость условной средней группы товаров, т. е. из каждого раздела каталога выбираются товары, соответствующие друг другу. Сумма их цен и даёт нам средний чек.

При исследовании было определено, что компании при использовании CRM-систем системно увеличивают средний чек в разрезе одной сделки.

Классическое определение CRM следующее. Система управления взаимоотношениями с клиентами (CRM, CRM-система, сокращение от англ. Customer Relationship Management) – прикладное программное обеспечение для организаций, предназначенное для автоматизации стратегий взаимодействия с заказчиками (клиентами), в частности для повышения уровня продаж, оптимизации маркетинга и улучшения обслуживания клиентов путём сохранения информации о клиентах и истории взаимоотношений с ними, установления и улучшения бизнес-процессов и последующего анализа результатов [2].

CRM – модель взаимодействия, основанная на теории, что центром всей философии бизнеса является клиент, а главными направлениями деятельности компании являются меры по обе-

спечению эффективного маркетинга, продаж и обслуживания клиентов. Поддержка этих бизнес-целей включает сбор, хранение и анализ информации о потребителях, поставщиках, партнёрах, а также о внутренних процессах компании. Функции для поддержки этих бизнес-целей включают продажи, маркетинг, поддержку потребителей.

Обзор литературных источников. Для многих ритейлеров цена является наиболее важным и наиболее эффективным инструментом конкуренции. Разница в ценах в розничной торговле оказывает большее влияние на прибыль, чем на промышленные товары или услуги из-за низкой нормы прибыли. Приоритетом для ритейлеров является их ценовое позиционирование с точки зрения определения общих ценовых диапазонов для магазина или торговой точки, а также для отдельных категорий товаров. Стандартные ценовые стратегии, такие как повседневные низкие цены (EDLP) или Hi-Lo, достаточно распространены. Скидки имеют сложные последствия, которые понятны лишь частично и которые не полностью измеримы. Эффекты ассортимента играют важную роль в ценообразовании для розничных продавцов, но их также трудно определить количественно [3].

CRM стал неотъемлемой функцией корпоративных стратегий в последние годы, поскольку маркетинговые стратегии становятся всё более ориентированными на клиента. Начиная с транснациональных корпораций и заканчивая малыми предприятиями, компании всех отраслей и размеров вкладывают больше ресурсов в CRM и уделяют больше внимания своей роли в маркетинге для своих клиентов. В монографии «Будущее CRM» представлены три перспективы CRM: (1) Стратегическая CRM имеет целью сформировать взаимодействие между фирмой и её клиентами, чтобы максимизировать CLV для фирмы. (2) Аналитическая CRM, которая предназначена для того, чтобы помочь фирмам полностью перейти от традиционных маркетинговых метрик к метрикам ценности, основанным на потребителях. (3) Операционная CRM набирает значительную популярность среди фирм из-за изменений в отношении (а) потребителей, (б) рынков, (в) технологий и (г) маркетинговых функций. Учёные обозначили три ключевые области, в которых CRM будет расширяться в ближайшем будущем: (1) Социальная CRM; (2) Глобальная CRM и (3) База данных CRM [4].

Филипп Граф фон Арним в работе «Подходы к управлению многоканальными розничными компаниями» описал современные подходы к управлению «клиентами» в многоканальном контексте, авторами выделены дополнительные типичные показатели эффективности для наблюдения за многоканальными разработками [5].

Когда компании переходят от традиционных к сетям электронной коммерции, возникает вопрос о сравнительном анализе эффективности работы офлайн и интернет магазинов. В этом контексте ключевые показатели эффективности были проанализированы А. Дмитриевым и О. Кобылюх для измерения эффективности онлайн-продаж и маркетинговой деятельности новых

онлайн-точек продаж; ими предложена базовая система критериев оценки эффективности вновь создаваемых интернет-магазинов [6]. В книге «Квинтэссенция продаж» предоставлен прагматичный четырёхэтапный процесс построения и развития «команды продаж-победителя», систематический процесс и полезные инструменты для успешной оценки эффективности [7].

Дэвид Джоббер, Джеффри Ланкастер рассматривают прогнозирование продаж и бюджетирование, ИТ-технологические приложения управления продажами, этику управления продажами [8].

Результаты. Внедрение CRM-систем позволяет детализировать классическую модель торговли через внедрение воронок продаж, что позволяет повысить эффективность работы на каждом этапе взаимодействия с клиентом.

При этом CRM – это не программный продукт, это технология, которая должна быть внедрена при соблюдении определённых правил: описание автоматизации, проблемных мест, интеграция с рекламными источниками, внедрение омниканальных инструментов для взаимодействия с клиентами из единого окна, подключение сквозной аналитики для формирования отчёта по эффективности продвижения рекламных каналов, настройка всех справочников клиентов и товаров, согласно бизнес-модели организации, настройка коммуникационных ресурсов, интеграция с финансово-учётными системами.

Внедрение CRM – это оптимизация и автоматизация основных бизнес-процессов, связанных с продажей. Необходимо понимать, что CRM-системы – это системы для учёта коммуникаций, а не финансов. Поэтому даже современные CRM-системы могут посчитать объём продаж по отделам и объём продаж по сегментам клиентов, но не смогут учитывать туда другие показатели, например, расходы. Внедрение CRM-систем можно разделить на два блока: первый блок – это работа по оптимизации и автоматизации работы внутренних подразделений: настройка чатов, инструментов быстрых коммуникаций, системы постановки и контроля задач, технологий согласований документов и их совместной редакцией. Второй крупный блок – это работа по оптимизации и автоматизации работы с клиентами, то есть внедрение воронок продаж, систем учёта клиентов и подключение сквозной аналитики, автоматизация по обработке обращений и система учёта данных по товарам и клиентам.

Для визуализации были использованы технологии построения ментальных карт [9]. Они позволяют получить нам удобную визуализацию процесса внедрения. Пример использования ментальной карты по внедрению CRM-системы приведён ниже на рис. 1.

CRM позволяет сформировать оцифрованную воронку продаж. Эта технология предоставляет бизнесу возможность выявлять слабые и сильные стороны действующей системы продаж, определять средний срок сделки, прогнозировать количество и качество лидов, планировать производство по текущим сделкам и определять потенциал клиентской базы. Воронка продаж [10] – это структурированная работа с клиентом по этапам от первого клиентского обращения до осу-

ществления процесса продажи. Один из примеров воронки движения клиента после первого обращения предоставлен на блок-схеме (рис. 2).

Из схемы становится ясно, что внедрение CRM и воронок продаж позволяют детализировать путь движения клиента для выявления узких мест, определения целевого обращения и определения стадии отказа. Всё это в совокупности даёт нам возможность анализировать нашу клиентскую базу.

В основе логики CRM-системы стоит клиент или, как говорят компании-разработчики, «клиентское обращение», вокруг которого организации выстраивают свои бизнес-процессы.

В большинстве компаний при формировании отчётности по продажам ведётся подсчёт клиентов и общий объём сделок в разрезе количества и объёма денежных средств. Такой подход не отображает реальное положение дел, не позволяет выявить резервы, оценить качество клиентской базы, частоту отгрузок, не учитывает ротацию клиентов, отвал старых клиентов и приток новых. При этом доказано, что продажа действующим клиентам осуществляется с меньшими издержками, чем привлечение новых клиентов.

При исследовании было выявлено, что в компаниях, в которых успешно внедрены технологии cross-sale и up-sale проводится постоянный анализ клиентской базы по ABC/XYZ анализу.

ABC-анализ показывает организациям позицию каждого покупателя (клиента) по отношению к общему объёму продаж, рассчитывает динамику процесса взаимодействия с клиентом и позволяет для каждой группы покупателей разработать и внедрить более эффективные стратегии работы.

Клиенты сегмента «А» – ключевые клиенты компании, при взаимодействии с которыми организации получают более половины от общего объёма продаж. При низком проценте таких клиентов от общего объёма клиентской базы потеря одного клиента может привести к существенному падению выручки.

Клиенты сегмента «В» обеспечивают 25–35 процентов от общего объёма продаж. Их характеризует стабильная покупательская способность и наличие периодичности закупок.

Клиенты сегмента «С» – это основная масса клиентов, на их долю идут оставшиеся 20 процентов продаж. Основными характеристиками данной группы являются высокие издержки при продаже, повышенные трудозатраты на обеспечение одной сделки, разовые обращения.

В совокупности с ABC-анализом клиентскую базу необходимо оценивать через XYZ-анализ. Если ABC-анализ классифицирует покупателей по объёму закупок, то XYZ-анализ – по периодичности. В результате исследования клиенты будут разделены на 3 группы:

X – наиболее стабильные, с планируемыми регулярными объёмами закупок.

Y – со средне-стабильными объёмами закупок, клиенты покупают нерегулярно.

Z – отсутствует стабильность, клиент пропадает на длительный срок.

156

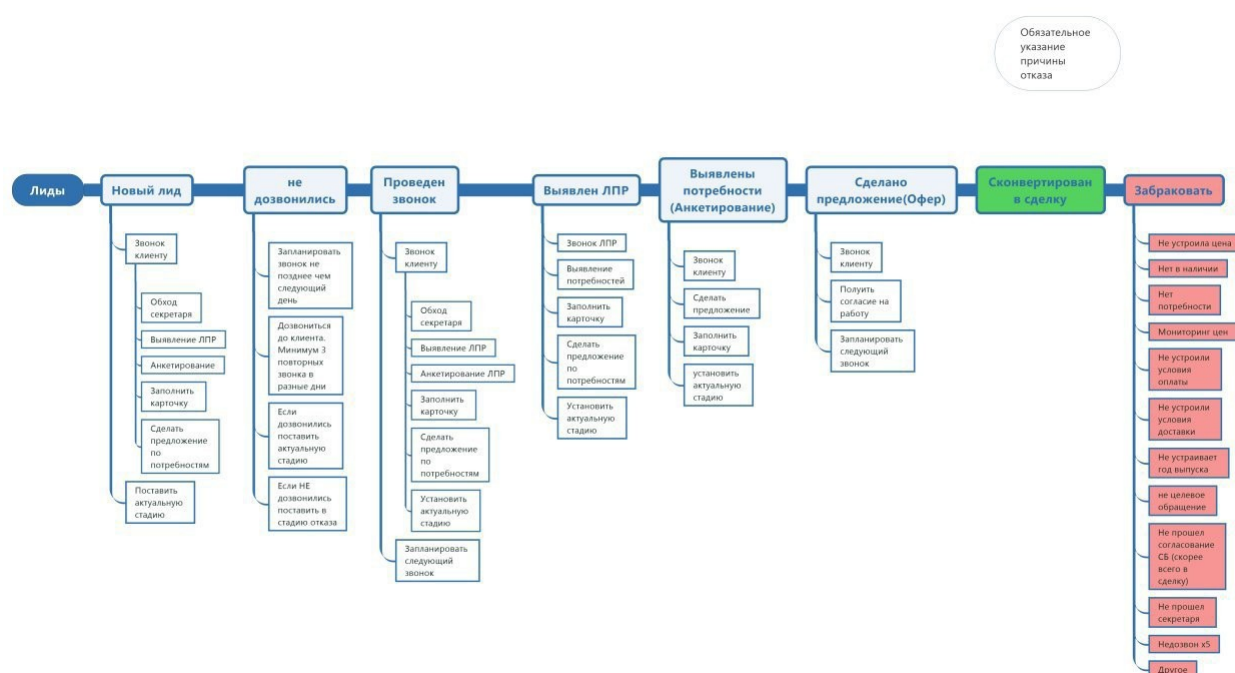

Рис. 2. Детализированная воронка обработки входящих/исходящих обращений при первичном касании с клиентом (составлено Р.О. Лучко)

доставка при покупке 5 позиций товаров. Это означает, что, совершив продажу необходимого предмета, предприятие получает маржу не с одной, а с двух единиц товара в момент совершения одной сделки.

Ключевой момент технологии *up-sale* во время предложения – обосновать, почему он нужен клиенту, предоставить покупателю дополнительные выгоды, предпочтения, обеспечение индивидуальных условий совершения сделки.

Cross-sale предполагает не только продажу дополнительного товара, но и замену дешёвого на более дорогой (технология *up-sale*) либо предложение в дополнение товара совершенно иного значения, но по выгодной цене, которая может заинтересовать клиента.

Некоторые клиенты, совершая основную покупку, когда используется методика *cross-sale*, тратят на предложенный в дополнение товар до 20 процентов сверх первоначальной цены. Если подсчитать среднее количество сделок регионального интернет-магазина, рассчитанного на 100–150 заказов в день, то продажа по технологиям *cross-sale* позволит отгрузить на 30 % больше товаров.

Эти технологии абсолютно адаптивны под любую сферу при наличии кросс-продукта и более дорого продукта в ассортименте, также одним из ключевых критериев внедрения технологий является наличие ассортимента под несколько целевых аудиторий. Рассмотрим пример одного из объектов исследования компанию «Ugears» – она производит сборные модели различных механических устройств и транспортных средств из дерева в миниатюре. Компания имеет сеть розничных магазинов по РФ, собственный интернет-магазин и представлена на различных маркетплейсах. Их целевая аудитория – это взрослые люди в возрасте от 25 до 45 лет. У них не продаются аксессуары к основным наборам и предлагаются классические варианты

доставки. Но у них реализована возможность формировать *up-sale* процесс. Одна и та же модель может продаваться с разными характеристиками, размерами, соответственно и ценой в совокупности с другими инструментами компании: расширенная гарантия, возможность собирать модель без использования клея, укрепление бренда через инфлюенсеров, что даёт результат.

Следующим объектом исследования выступает компания «DNS», занимающаяся продажей мобильной и бытовой техники. В рамках регламентов этой компании каждый продавец обязан расширить средний чек за счёт предложения дополнительных аксессуаров или более дорогой техники. Так, например, при покупке телевизора марки Samsung были предложены дополнительно кабель, сетевой бесперебойный адаптер, расширенная гарантия и доставка до дома. Такой подход поднимает также и лояльность клиентов. Менеджером компании «М-видео» не были предложены такие же товары, не смотря на то, что ассортимент идентичный. Получается, что компания «М-видео» недополучила прибыль за счёт недоработки персонала.

Отсюда следует следующая гипотеза, что эффективность этих инструментов развития чека зависит не только от предлагаемого товара (например, у федеральных сетей бытовой техники нет эксклюзивных прав на производителей), но и от эффективной системы менеджмента и управления взаимоотношений с клиентами. Недостаточно внедрить технологию *cross-sale* в бизнес-процессы компании. Они начнут давать результат только при системном контроле и исполнении требований для реализации процесса *cross-sale* и *up-sale*.

Из исследования были выявлены следующие критерии для успешного внедрения технологии *cross-sale* и *up-sale*, представленные в таблице. Они адаптированы под использование

Критерии для внедрения up-sale и cross-sale

Критерии	Оценка
Наличие более дорогого товара	Должен предлагаться продавцами системно
Наличие CRM	Система прозрачного контроля и замер показателей эффективности. Позволяет быстро определить точки роста
Наличие линейного персонала (продавцы)	Необязательно для интернет-магазина
Наличие рекомендательной системы товаров	Обязательно для интернет-магазина
Сопутствующие товары	Обязательно для розничной торговли
Дополнительные условия доставки	Обязательно для розничной торговли
Дополнительные условия продажи	Повышение лояльности клиентов, формирует бренд
Наличие эксклюзивных услуг	Повышение конверсии на cross-sale
Наличие руководителей среднего звена	Работа и контроль линейного персонала по соблюдению технологий продаж

компаниями вне зависимости от вида продаваемой продукции и размера организации.

Особенностью внедрения данных технологий являются низкие затраты при внедрении в процесс продажи. Для успешного внедрения технологии достаточно обучить сотрудников компании, разработать товарную матрицу для эффективного cross-sale и контролировать предложения дополнительных позиций с помощью CRM-систем.

Крупные компании давно применяют эти высокоэффективные инструменты. Маркетплейсы по типу «Amazon», «Wildberries», автопроизводители давно внедрили эти технологии в свои бизнес-процессы, и капитализация данных компаний растёт каждый год. Системная интеграция этих инструментов жизненно необхо-

дима для малого бизнеса, когда в начале развития компании важно формировать лояльную клиентскую базу, тестировать товарные позиции и организовывать финансовую стабильность.

Выводы. Таким образом, системное внедрение инструментов cross-sale и up-sale позволит планировать средний чек, увеличивать объём единовременных отгрузок, замерять товар с наибольшим спросом и анализировать тенденции поведения потребителей. Например, как часто соглашаются на дополнительную покупку или почему отказываются. Эти стадии сделки позволяют определить эффективность сотрудников или ситуацию на рынке. Также акцент на эти технологии продаж позволит бизнесу определить эффективность текущей линейки продуктов и определить стратегии продаж для увеличения показателей компании.

Источники

1. Как увеличить средний чек. 6 способов. 13.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://planfact.io/blog/posts/kak-uvlechit-srednij-chek-6-sposobov>
2. Черкашин П. А. Стратегия управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) [Электронный ресурс] / Черкашин П. А. Электрон. текстовые данные. Москва: Интернет-Университет Информационных Технологий (ИНТУИТ), 2016. 420 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/52212.html> ЭБС «IPRbooks».
3. Simon H., Fassnacht M. (2019) Price Management for Retailers. In: Price Management. Springer, Cham. Online ISBN978-3-319-99456-7 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-99456-7_13
4. Kumar V., Reinartz W. (2018) Future of CRM. In: Customer Relationship Management. Springer Texts in Business and Economics. Springer, Berlin, Heidelberg. Online ISBN 978-3-662-55381-7 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-662-55381-7_18
5. Graf von Arnim P. (2019) Approaches for Steering Multichannel Retail Companies. In: Buttke M., Eberenz R. (eds) Performance Management in Retail and the Consumer Goods Industry. Springer, Cham. Online ISBN978-3-030-12730-5. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-12730-5_5
6. Dmytriv A., Kobylyukh O. (2019) Mutual Influence of Traditional Trading Chains and E-commerce: Trends and Metrics. In: Kawa A., Maryniak A. (eds) SMART Supply Network. EcoProduction (Environmental Issues in Logistics and Manufacturing). Springer, Cham. Online ISBN978-3-319-91668-2 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-91668-2_10
7. Hase S., Busch C. (2018) Sales Management. In: The Quintessence of Sales. Quintessence Series. Springer, Cham 05 August 2017. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-319-61174-7_6 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-61174-7_6
8. Jobber D., & Lancaster G. (2019). Selling and sales management (11th ed.). Harlow: Pearson Education. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=hBu7gTMOVqsC&oi=fnd&pg=IA5&ots=YFJkrBSc6N&sig=rR1H-7z8qyeqOEPN_p3tpcH DUPE&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
9. Бехтерев С. Майнд-менеджмент: Решение бизнес-задач с помощью интеллект-карт [Электронный ресурс] / Бехтерев С. Электрон. текстовые данные. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 312 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/82708.html> ЭБС «IPRbooks».
10. Бенджи Рэбхэн. От кликов к продажам [Электронный ресурс]: как повысить продажи через оптимизацию конверсии / Бенджи Рэбхэн. Электрон. текстовые данные. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 295 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/39318.html> ЭБС «IPRbooks».

Информация об авторах

Лучко Роман Олегович

Аспирант. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул.4-я Челюскинцев, 2а). E-mail: luchano55@mail.ru

Патласов Олег Юрьевич

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник. Сибирский казачий институт технологий и управления (филиал) МГУТУ им. К. Г. Разумовского (644010, РФ, г. Омск, ул. Пушкина, 63). Омская гуманитарная академия. Омский автобронетанковый инженерный институт – филиал Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (644098, РФ, г. Омск, п. Черемушки, 14-й Военный гор.). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2015-1474>, Scopus Author ID: 56437696900. E-mail: opatlasov@mail.ru

R. O. Luchko¹, O. Yu. Patlasov^{2,3}¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation²Educational Institution of Higher Education K.G. Razumovski Moscow State University of Technologies and Management, Omsk, Russian Federation³Omsk Tank-Automotive Engineering Institute – Branch of Khrulev Military Academy of Logistics, Omsk, Russian Federation

Increase in the average check through the introduction of up-sale and cross-sale technologies using CRM systems

Abstract. The purpose of this article is to develop methodological foundations and practical recommendations aimed at solving the problem of increasing the average check through the introduction of up-sale and cross-sale technology using customer relationship management systems. The following methods were applied in this work: structural and logical analysis, expert assessment method, a combination of analysis and synthesis methods. A concept and practical recommendations have been developed to effectively manage up-sale and cross-sale technologies using CRM systems. This approach provides an opportunity to increase the average check for companies. To create an effective sales system that is adaptive for up-sale and cross-sale technologies, a CRM system must be implemented that objectively reflects data on customers, deals and products.

Keywords: CRM, marketing, average check, up-sale, cross-sale, ABC/XYZ, efficiency, management

Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31686.

Paper submitted: May 31, 2020

For citation: Luchko R. O., Patlasov O. Yu. (2020). Increase in the average check through the introduction of up-sale and cross-sale technologies using CRM systems. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 2, pp. 153–159. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.26

References

1. How to increase an average check. 6 ways. 11/13/2018. URL: <https://planfact.io/blog/posts/kak-uvlichit-srednij-chek-6-sposobov>
2. Cherkashin P. A. Strategy of customer relationship management (CRM) [Electronic resource] / Cherkashin P. A. Electron. text data. Moscow: Internet University of Information Technologies (INTUIT), 2016. 420 c. URL: <http://www.iprbookshop.ru/52212.html> IPRbooks.
3. Simon H., Fassnacht M. (2019) Price Management for Retailers. In: Price Management. Springer, Cham. Online ISBN 978-3-319-99456-7 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-99456-7_13
4. Kumar V., Reinartz W. (2018) Future of CRM. In: Customer Relationship Management. Springer Texts in Business and Economics. Springer, Berlin, Heidelberg. Online ISBN 978-3-662-55381-7 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-662-55381-7_18
5. Graf von Arnim P. (2019) Approaches for Steering Multichannel Retail Companies. In: Buttke M., Eberenz R. (eds) Performance Management in Retail and the Consumer Goods Industry. Springer, Cham. Online ISBN 978-3-030-12730-5. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-12730-5_5
6. Dmytriv A., Kobylukh O. (2019) Mutual Influence of Traditional Trading Chains and E-commerce: Trends and Metrics. In: Kawa A., Maryniak A. (eds) SMART Supply Network. EcoProduction (Environmental Issues in Logistics and Manufacturing). Springer, Cham. Online ISBN 978-3-319-91668-2 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-91668-2_10
7. Hase S., Busch C. (2018) Sales Management. In: The Quintessence of Sales. Quintessence Series. Springer, Cham 05 August 2017. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-319-61174-7_6 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-61174-7_6
8. Jobber D., & Lancaster G. (2019). Selling and sales management (11th ed.). Harlow: Pearson Education. URL: https://books.google.com/books?hl=en&lr=&id=hBu7gTMOVqsC&oi=fnd&pg=IA5&ots=YFJkrBSc6N&sig=rRIH-7z8qyeqOEPN_p3tpcHdUPE&redir_esc=y#v=onepage&
9. Bekhterev S. Mind management: Solving business problems using intelligence cards [Electronic resource] / Bekhterev S. Electron. text data. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 312 p. URL: <http://www.iprbookshop.ru/82708.html> IPRbooks.
10. Benji Rabhan. From clicks to sales [Electronic resource]: how to increase sales through conversion optimization / Benji Rabhan. Electron. text data. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 295 p. URL: <http://www.iprbookshop.ru/39318.html> IPRbooks.

Information about the authors

Roman O. Luchko

Postgraduate Student. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: luchano55@mail.ru

Oleg Yu. Patlasov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Specialist of the Educational Institution of Higher Education K. G. Razumovski Moscow State University of Technologies and Management (63 Pushkin st., Omsk, 644010, Russian Federation). Professor. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). Omsk Tank-Automotive Engineering Institute – Branch of Khrulev Military Academy of Logistics (14 Military town, Omsk, 644098, Russian Federation). E-mail: opatlasov@mail.ru

© P. O. Лучко, О. Ю. Патласов, 2020

УДК 331.108.45
JEL M12

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.27

Е. В. Русакова¹, Е. В. Русакова²

¹Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация

²Самарский государственный технический университет, г. Самара Российская Федерация

Результативность и эффективность обучения персонала: критерии и модели оценивания, российский и зарубежный опыт

Аннотация. Построение результативной и эффективной системы обучения персонала является неотъемлемой частью мотивационной политики современных предприятий. В современных условиях система обучения персонала нуждается в инновационных подходах, ориентированных на результат и повышение эффективности работы обучающегося и предприятия в целом. Цель исследования – оценить возможности и перспективы применения современных методов измерения и критериев оценивания обучения персонала, обобщая российский и зарубежный опыт. В работе использованы следующие методы эмпирического (наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент) и теоретического исследования (анализ, моделирование, экспертные оценки). Представлены перспективы обучения персонала как основы развития бизнеса.

Ключевые слова: обучение персонала, результативность обучения персонала, эффективность обучения персонала, компетентность работника.

Дата поступления статьи: 21 января 2020 г..

Для цитирования: Русакова Е. В., Русакова Е. В. (2020). Результативность и эффективность обучения персонала: критерии и модели оценивания, российский и зарубежный опыт. Т. 14. № 2. С. 160–163. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.27

В настоящее время обучение персонала рассматривается как перспективная возможность повышения квалификации и карьерного роста, что является неотъемлемой частью мотивационной политики современных предприятий. Задача работодателей и грамотных HR-специалистов использовать стремления к знаниям работников в целях повышения эффективности производства. Для молодых перспективных специалистов важными аспектами трудоустройства являются наработка квалификации, возможность реализовывать свой потенциал. Стандарт ISO 9001 определяет компетентность и обучение как составную часть системы менеджмента качества в рамках планирования процессов и управления процессами. Однако обучение, как любой бизнес-процесс, должно быть эффективным и ориентированным на результат. Обучение и переподготовку кадров учёные рассматривают как функцию кадрового маркетинга [1].

Таким образом, обучение персонала – это ориентированный на результат процесс овладения компетенциями, направленный на повышение эффективности работы обучаемого и предприятия в целом; результативность обучения персонала – это степень достижения целей обучения; эффективность обучения персонала – это соотношение между достигнутыми целями и затраченными ресурсами.

Проблема и цель. Проблема результативности и эффективности системы обучения персонала в условиях ограниченности финансирования актуальна как для российских, так и для зарубежных предприятий. Цель настоящего исследования – оценить возможности и перспективы применения современных методов измерения и критериев оценивания обучения персонала, обобщая российский и зарубежный опыт. Построение эффективной и результативной системы обучения персонала начинается с определения сроков обучения и критериев оценки (таблица 1) [2].

Методы исследования. В настоящее время используются всемирно признанные модели оценки результативности и эффективности обучения персонала (таблица 2) [3].

Помимо рассмотренных моделей, в настоящее время за рубежом широко применяются коэффициенты, представленные в таблице 3 [4].

Обобщая российский и зарубежный опыт оценки результативности и эффективности обучения персонала, можно отметить, что наиболее объективным способом оценки является метод экспертных оценок, который позволяет принимать обоснованное специалистом-экспертом управленческое решение. Результативное и эффективное обучение персонала должно улучшать финансовые показатели производства, иначе затраты на обучение будут не оправданы. ИСО 9001:2000 требует оценивать обучение персонала по повышению компетентности (рис.).

Согласно данным, опубликованным в статье “How big is the training market”, мировой рынок затрат на обучение в 2013 году составил \$ 306,9. Авторы статьи полагают, что 46 % рынка принадлежит Северной Америке, Европе – 29 %, Азии – 10 %, Индии – 7 %, Австралии – 3 %, Южной Америке – 2 %, Африке – 1 % и остальному миру – 1,1 %. Это исследование подтверждает, что Америка – лидер среди стран мира по обучению персонала. Результаты деятельности ведущих американских компаний позволяют утверждать, что инвестиции в персонал – действующий инструмент в увеличении эффективности компании в целом.

Изучая рынок профессионального обучения в России, стоит отметить, что в 2010 году в России 146 825 человек прошли обучение, а в 2013 году этот показатель снизился на 27 %. По данным Росстата, количество образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. сократилось на 0,7 % (или на 24 организации) и

Таблица 1 – Критерии оценки эффективности и результативности системы обучения персонала

Критерии оценки	Период обучения	
	Краткосрочный	Долгосрочный
1	Удовлетворённость работника, прошедшего обучение	
2	Удовлетворённость работодателя	
3	Достижение целей обучения	
4		Приобретение знаний, навыков, умений и компетенций
5		Эффективность деятельности работника (повышение производительности труда, уменьшение норм времени, экономия затрат и т. д.)
6	Эффективность обучения работника (отношение его результативности к затратам на обучение)	

Таблица 2 – Модели оценки результативности и эффективности обучения персонала

Модель	Методика оценки	Недостатки модели
Модель оценки обучения Дональда Киркпатрика	Оценка предполагает четыре уровня: 1. Реакция – анализируются данные, собранные путём анкетирования работников и руководителей, характеризующие, почему понравилось или не понравилось обучение 2. Усвоение – изучаются данные о приобретённых профессиональных компетенциях работниками в процессе обучения 3. Поведение – анализируется поведенческая динамика работника, применение им в практической деятельности полученных знаний, умений и навыков 4. Результат – проводится расчёт эффективности обучения с сопоставлением показателей эффективности организации (сокращение затрат, уменьшение сроков, улучшение качества продукции или услуг)	Модель не позволяет принимать управленческое решение об инвестировании средств в обучение персонала до момента проведения обучения
Модель возврата на инвестиции Джека Филипса	Методика оценки подразумевает пять уровней: 1–4 уровня повторяют модель Киркпатрика 5. Возврат на инвестиции – оценка вложенных в обучение персонала средств (ROI = Доходы от обучения персонала / Затраты на обучение персонала)	Значительные затраты по времени и высокая трудоёмкость определения доходов от обучения персонала
Модель целевого подхода Ральфа Тайлера	Методика оценки предусматривает семь этапов: 1. Определение и постановка целей и задач 2. Группировка целей и задач 3. Стандартизирование целей и задач в протоколах поведения 4. Разработка моделирующих ситуаций, по которым можно определить достижение цели 5. Определение методики и техники оценки 6. Сбор и обработка данных по эффективности обучения персонала 7. Сопоставление полученных данных с информацией об эффективности достижения желаемых протоколов поведения	Поведенческие цели и задачи не коррелируются с результатами эффективности обучения персонала по ROI, не выявлено их влияние на организационную культуру, структуру, миссию, цели и т. д.
Модель результатов обучения Скривенса	Модель ориентирована на результат. Однако необходим внешний эксперт-оценщик, не знающий о целях и задачах обучения, которому предлагается определить ценность обучения по итогам, что повышает объективность оценки	Модель не применяется для расчёта ROI, поскольку отсутствуют корреляционные связи с причинами эффективности
Модель Даниеля Стаффлебима	Методика оценки включает четыре компонента: 1. Контекст – определяют цель и потребности в обучении. 2. Вход – определяют ресурсы, альтернативные стратегии, способ удовлетворения потребностей. 3. Процесс – анализируют созданный план 4. Продукт – оценивают полученный результат	Модель применяется для оценки процесса и его результата, однако не пригодна для оценки ROI

составило 3658 образовательных организаций. Такая статистика не вызывает оптимизма.

Результаты. Результаты обучения благоприятно сказываются на работе всего предприятия. Благодаря грамотно нацеленному обучению и правильно выбранной программе, на предприятии улучшается микроклимат и возрастает мотивация

персонала. Эксперты, оценивающие результаты обучения, часто отмечают рост прибыли, освоение новых сегментов рынка, оптимизацию продаж, улучшение качества выпускаемой продукции (услуг), минимизацию брака и прочее. Оценка эффективности обучения эксперты также проводят на основе отзывов клиентов и потребителей, отзывы становятся положительными

Таблица 3 – Ключевые показатели результативности системы обучения персонала

Показатель	Описание показателя	Формула расчета
Эффективность затрат на управление персоналом	Показатель позволяет провести оценку качества работы структуры по управлению персоналом за отчетный период.	Эффективность затрат на управление персоналом = Относительное изменение индекса качества персонала / Относительное изменение совокупных затрат на управление персоналом
Индекс компетентности персонала	Показатель позволяет оценить уровень знаний, умений и навыков работников.	Оценка индекса формируется по результатам аттестации.

Рис. 1. Схема взаимосвязи обучения и компетентности работников

ми, а жалобы на качество и уровень обслуживания существенно сокращаются.

Нельзя не отметить показатель снижения текучести кадров как результат эффективности обучения, поскольку формируется команда профессионалов и уменьшается число производственных конфликтов.

Выводы. Изучение результативности и эффективности системы обучения персонала позволило определить её перспективы:

- помогает работникам отказаться от низкоэффективных и устаревших методов работы, что повышает качество;
- позволяет повысить уровень квалификации и профессиональной компетентности в целях выполнения много- и сложно-функциональных заданий и проектов;

– располагает работника на неизбежность грядущих изменений, обусловленных техническим прогрессом и колебаниями рынка;

– способствует развитию коммуникативных навыков и связей, необходимых для эффективных взаимоотношений с клиентами и коллегами.

Даже если работодатель полностью удовлетворён текущей эффективностью работы своих работников, обучение персонала принесёт огромную пользу организации, поскольку добиться успеха в бизнесе, стоя на месте, в настоящих условиях, невозможно. Актуальным сегодня становится поиск новых возможностей в развитии и своевременная реакция на изменения и приспособление к ним. Грамотно выстроенное обучение персонала поможет встретить грядущие изменения во всеоружии.

Источники

1. Патласов О. Ю. Маркетинг персонала: Учебник для бакалавров / О. Ю. Патласов. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. С. 100.
2. Костин М. Д., Николаева Н. А., Удалов А. А. Лидерский потенциал руководителя как условие для эффективного управления группой // NovaInfo. ru. 2015. № 37. С. 87–90.
3. Королёва О. Б. Подготовка персонала. Оценка результативности подготовки персонала // Методы оценки соответствия (РИА Стандарты и качество) № 3.
4. Козлова О. А., Сычева М. Н. Инновационные методы обучения персонала: зарубежный и отечественный опыт // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 6. С. 160–164. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12311> (дата обращения: 04.10.2019).
5. Корзенко Н. И., Хорева А. С. Стимулирование и мотивация труда в организации // Вестник ЧелГУ. 2015. № 1 (356). С. 127–128.
6. Мотышина М. С., Князев С. В. Оценка эффективности менеджмента предприятия // Проблемы современной экономики. 2010. № 4. С. 114–115.
7. Магура М. И., Курбатова М. Б. Современные персонал-технологии. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2011. 376 с.
8. Модели и методы управления персоналом: российско-британское учебное пособие. / Под ред. Е. Б. Моргунова. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-синтез», 2011. 409 с.
9. Спенсер Лайл М., Спенсер Сайн М. Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности работы. М: НРРО, 2014. 384 с.

Информация об авторах

Русакова Екатерина Викторовна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры учета, анализа и экономической безопасности, Институт экономики предприятий. Самарский государственный экономический университет (443090, РФ, г. Самара, ул. Советской Армии, 141). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0704-3292>. E-mail: rusakova_e_v@mail.ru

Русакова Евангелина Валерьевна

Студент химико-технологического факультета. Самарский государственный технический университет (443100, РФ, г. Самара, Молодогвардейская ул., 244). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6755-5578>. E-mail: eva.rusakova@mail.ru

E. V. Rusakova¹, E. V. Rusakova²¹Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation²Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Employee training effectiveness: assessment criterions and models, russian and foreign experience

Abstract. The effective employee training system is an integral part of every modern company motivation politics. Nowadays the results-oriented and an employee's work effectiveness increase innovational approach is required for the employee training system. The research goal is to assess the possibilities and prospects of modern measurement methods and assessment criteria for employee training summarizing Russian and foreign experience.

Empirical analysis methods (monitoring, comparison, measurement, experiment) and theoretical research methods (analysis, modeling, and peer review) are used in the study.

Employee training prospects are considered as the basis for business improvement.

Keywords: employee training, employee training effectiveness, employee competence.

Paper submitted: January 21, 2020

For citation: Rusakova E. V., Rusakova E. V. (2020). Employee training effectiveness: assessment criterions and models, russian and foreign experience. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 2, pp. 160–163. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.27

References

1. Patlasov O. Yu. Staff marketing: Textbook for bachelors. O. Yu. Patlasov. M.: Publishing and trading corporation Dashkov and K, 2018, p. 100.
2. Kostin M. D., Nikolaev N. A., Udalov A. A. Leader potential of a manager as a condition for effective group management. *NovaInfo.ru*. 2015, no. 37, pp. 87–90.
3. Koroleva O. B. Staff training. Evaluation of the personnel training effectiveness. *Methods of conformance evaluation (RIA Standards and quality)*, no. 3.
4. Kozlova O. A., Sycheva M. N. Innovative methods of personnel training: foreign and national experience. *International Journal of Applied and Basic Research*. 2018, no. 6, pp. 160–164. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12311> (accessed 04.10.2019).
5. Korzenko N. I., Khoreva A. S. Stimulation and motivation of work in the organization. *Bulletin of ChelSU*. 2015, no 1 (356), pp. 127–128.
6. Motyshina M. S., Knyazev S. V. Evaluation of the enterprise management effectiveness. *Problems of modern economy*. 2010, no. 4, pp. 114–115.
7. Magura M. I., Kurbatova M. B. Modern personnel technology. M.: CJSC Intel-Synthesis Business School, 2011. 376 p.
8. Models and methods of personnel management: Russian-British textbook. Ed. E. B. Morgunova. M.: ZAO Intel-Synthesis Business School, 2011. 409 p.
9. Spencer Lyle M., Spencer Sayn M. Competencies at work. Models of maximum work efficiency. M: HIPPO, 2014. 384 p.

Information about the authors

Ekaterina V. Rusakova

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Economic Security, Corporate economics Institute. Samara State University of Economics (141 Sovetskoy Armii st., Samara, 443090, Russian Federation). E-mail: rusakova_e_v@mail.ru

Evangelina V. Rusakova,

Student of the Chemical Engineering Faculty. Samara State Technical University (244 Molodogvardeyskaya st., Samara, 443100, Russian Federation). E-mail: eva.rusakova@mail.ru

© E. B. Русакова, E. B. Русакова, 2020

УДК 338.22
JEL G32

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.28

Р. Х. Хасанов¹, Е. К. Кузнецова²

¹Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

²Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Расчет отраслевых коэффициентов как один из методов сравнительного подхода при оценке бизнеса

Аннотация. Мультипликаторы часто используются в качестве упрощённой альтернативы оценки стоимости компании, однако в научной среде они часто считаются субъективными и недостаточно продуманными, что в конечном итоге угрожает их авторитету как методу. Цель исследования заключается в определении показателей для калькуляции отраслевых коэффициентов с учётом специфики отрасли или сектора экономики. В качестве метода использовался сравнительный подход к оценке стоимости бизнеса на основе отраслевых коэффициентов (мультипликаторов). Предлагается авторское определение ценового мультипликатора и классификация мультипликаторов, обосновывается необходимость использования определённых групп мультипликаторов для использования в оценке компаний разного размера. В частности, предлагается определять величину капитализации или рыночную стоимость собственного капитала компании-аналога на основе таких показателей, как стоимость собственного капитала и стоимость всего инвестированного капитала. Для оценки бизнеса существует достаточное количество мультипликаторов, подходящих для определённого сектора или отрасли. Оценка стоимости компании сравнительным методом предполагает использование нескольких мультипликаторов одновременно, поэтому для более объективного результата полученные значения важно корректировать методом средневзвешенного усреднения.

Ключевые слова: оценка бизнеса, отраслевые коэффициенты, сравнительный подход к оценке, мультипликаторы, классификация мультипликаторов.

Дата поступления статьи: 15 марта 2020 г.

Для цитирования: Хасанов Р. Х., Кузнецова Е. К. (2020). Расчет отраслевых коэффициентов как один из методов сравнительного подхода при оценке бизнеса. Т. 14. № 2. С. 164–168. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.28

Проблема и цель. В научной литературе происходит трансформация понятия «финансовый результат» от показателей прибыли или рентабельности к приросту чистых активов, собственного капитала или изменению стоимости бизнеса [1]. Действующие методики анализа не учитывают размер субъекта предпринимательства, хотя имеются исследования о влиянии масштабов бизнеса на финансовые индикаторы, нормативные финансовые параметры для субъектов малого бизнеса, в том числе и в сельском хозяйстве (фермерские и небольшие коллективные хозяйства): они должны отличаться от нормативных финансовых индикаторов для крупных предприятий, в особенности аграрных организаций индустриального типа [2]. Действующие официальные методики анализа финансового состояния организаций обладают серьёзным недостатком: в основе заключений закладываются данные только бухгалтерской отчётности, при этом не учитывается этап жизненного цикла организации, не прогнозируется будущее состояние [3]. Несмотря на обширную литературу по методологиям оценки, таким, как дивидендная денежная модель (DDM) или дисконтированный денежный поток (DCF), мультипликаторы часто используются в качестве упрощённой альтернативы оценки стоимости компании. Среди профессионалов мультипликаторы уже активно используются [4–7 и др.], но в научной среде они по-прежнему считаются субъективными и недостаточно продуманными, что в конечном итоге угрожает их авторитету как метода.

Мультипликаторы – важный инструмент, используемый многими аналитиками, инвесторами, исследователями и всеми

теми, кто заинтересован в оценке активов или в фондовом рынке. Мультипликаторы часто появляются во всех видах оценочных отчётов, в документах, деловых газетах и на веб-сайтах [8–10 и др.]; широкое распространение обусловлено их простотой.

Таким образом, оценку с помощью мультипликатора легче объяснить клиенту, например, чем фундаментальный анализ. Однако эта кажущаяся простота весьма иллюзорна, поскольку все явные предположения (такие, как риск, рост, потенциальные денежные потоки, а также поведение рынка), используемые во время фундаментального анализа, все еще неявно проявляются в мультипликаторах.

Методы. Метод отраслевых коэффициентов (мультипликаторов) является одним из методов оценки стоимости бизнеса при сравнительном подходе. Существуют различные взгляды, касающиеся данного метода [11–13 и др.]. Далее рассмотрим несколько примеров.

По словам В. П. Паламарчука, метод отраслевой оценки, или метод отраслевых коэффициентов, используется для ориентировочных оценок ценности предприятий.

Как утверждает А. Г. Грязнова, «метод отраслевых коэффициентов, или метод отраслевых соотношений, основан на использовании рекомендуемых соотношений между ценой бизнеса организации и определёнными финансовыми параметрами» [12].

Помнению В. Е. Есипова, это «в основном используется для оценки малых компаний и носит вспомогательный характер» [13]. Можно поспорить с данным утверждением, так как, на наш взгляд, мультипликаторы имеют более широкое применение,

например, их можно использовать при оценке общей стоимости отраслей и других сегментов российской экономики [6, 14–15].

Исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать, что на данный момент не существует единого мнения насчёт метода отраслевых коэффициентов среди отечественных учёных и практиков.

Результаты. Дадим определение, которое, возможно, более точно раскрывает сущность такой категории, как ценовой мультипликатор. Ценовой мультипликатор представляет собой коэффициент, который рассчитывается на основе отчётности исследуемой компании, демонстрирующий взаимосвязь между рыночной капитализацией фирмы (стоимостью ее акций) и её финансовыми показателями.

Мультипликаторы могут рассчитываться в том числе и по данным компаний-конкурентов, позволяют сравнивать показатели, выявлять сильные и слабые показатели исследуемых фирм, находить средние значения, на основе которых можно сравнивать и отрасли, и страны, и многое другое.

В качестве базы – финансового показателя – можно использовать различные индикаторы, в том числе FCF – свободный денежный поток, E – различные виды прибыли, S – выручку, D – размер дивидендов и т. д.

Можно предложить следующую последовательность действий при расчете ценовых мультипликаторов:

1. Необходимо найти капитализацию – стоимость бизнеса исследуемой компании.

Если компания представляет собой публичное акционерное общество (ПАО) – то капитализация рассчитывается путём умножения цены акции на количество выпущенных акций.

$CAP = P \times Q$, где CAP – капитализация компании, P – цена акции, Q – количество выпущенных акций.

При этом цену акций следует брать последнюю в день, предшествующий оценке, так как акции постоянно меняют свою стоимость. Некоторые оценщики могут идти дальше, например использовать средние дневные цены акций или какие-то комбинации, но это, по нашему мнению, лишь усложнит оценку, так как любой ценовой мультипликатор можно пересчитывать по текущим ценам.

Если же исследуемая компания не является публичной, то оценить капитализацию невозможно. В этом случае необходимо определить стоимость бизнеса при помощи одного из подходов к оценке стоимости либо опираться на затратный метод, согласно которому стоимость бизнеса равна стоимости чистых активов фирмы.

В результате мы получаем числитель.

2. По последней имеющийся отчётности (предпочтительнее брать годовые результаты по МСФО) определить финансовые показатели, на основе которых будет осуществляться расчёт мультипликатора, например уже упомянутые свободный денежный поток, различные виды прибыли, выручку, размер дивидендов и т. д. Таким образом мы получаем знаменатель.

Как показывает практика, не всегда с помощью использования только мультипликаторов можно добиться корректного результата [16–18 и др.]. Наиболее точный результат возможно

получить с помощью усреднения мультипликатора по нескольким аналогам, применяя формулы средневзвешенной величины. При этом наибольший удельный вес придаётся мультипликаторам тех компаний, у которых финансовое положение схоже с финансовым положением оцениваемого предприятия.

Если результаты по всем группам мультипликаторов характеризуются одинаковой полнотой и достоверностью, то рассчитывается среднеарифметическая стоимость. Иначе рассчитывается средневзвешенная величина, где удельные веса придаются в зависимости от цели оценки, полноты и достоверности исходной информации.

Мы можем предложить следующий вариант классификации мультипликаторов:

1 группа – денежные: к ним относятся мультипликаторы, в знаменателе которых присутствует материальный показатель (выручка, прибыль и т. д.);

2 группа – натуральные – это мультипликаторы, в знаменателе которых присутствует натуральный показатель (объём продаж в штуках, объём нефтедобычи – в тоннах, количество абонентов оператора связи и т. п.).

Для этих групп выделим 2 подгруппы.

1. Балансовые мультипликаторы – их рассчитывают по балансовым показателям (стоимость активов, стоимость чистых активов).

2. Прибыльные мультипликаторы – их рассчитывают по показателям отчёта о прибылях и убытках (выручка, прибыль, денежный поток и др.)

Описанные выше варианты классификации мультипликаторов приведены в таблице.

Далее детально рассмотрим виды и область применения представленных мультипликаторов.

Классификация мультипликаторов

Виды мультипликаторов	Показатели	
	Денежные	Натуральные
Балансовые	1. цена / балансовая стоимость активов 2. цена / стоимость чистых активов	1. цена / производственная мощность
Прибыльные	1. цена / прибыль 2. цена / денежный поток 3. цена / дивиденды 4. цена / выручка 5. цена / натуральный объём	1. цена / объём производства

Первая группа – денежные мультипликаторы.

• Мультипликаторы «Цена / Прибыль», «Цена / Денежный поток» являются наиболее распространёнными, так как основной показатель прибыли считается более доступным к пониманию абсолютно для всех пользователей. Для расчёта предполага-

ется использование любой из возможных видов прибыли: чистая прибыль, прибыль до налогообложения, валовая прибыль.

Необходимо учесть, что в отчётности оцениваемого предприятия и компании-аналога должны быть выбраны одни и те же финансовые показатели. Если в качестве аналога выступает зарубежная компания, обязательным этапом при расчётах должна стать корректировка отчётности по МСФО для получения единого уровня сопоставимости. Можно использовать прибыль как за один отчётный период, так и в усреднённом виде за несколько предыдущих отчётных периодов (главное условие: они должны быть репрезентативными, т. е. не содержать данных об экстраординарных ситуациях, которые не являются обыденными для операционной деятельности обоих предприятий).

На наш взгляд, крупные компании продуктивнее оценивать по чистой прибыли, а небольшие – по прибыли до налогообложения, что нивелирует различия в величине уплачиваемых налогов.

- Мультипликатор «Цена / Прибыль», по-нашему мнению, целесообразно применять для компаний с высокой долей активной части основных средств (производственных, транспортных) и в случае долгосрочного наличия стабильной прибыли.

- Мультипликатор «Цена / Денежный поток». Под денежным потоком мы понимаем любой показатель прибыли, увеличенный на сумму амортизации. Данный мультипликатор подходит для оценки предприятий, которые имеют большую долю недвижимости в составе основных средств, а также в случае, если прибыль компании сравнительно небольшая. Базой при расчётах является показатель прибыли, увеличенный на сумму амортизации, с возможным учётом изменений стоимости внеоборотных активов и чистого оборотного капитала. Необходимо отметить, что данный мультипликатор позволяет учитывать политику амортизационных отчислений и капитальных вложений на предприятии.

- Мультипликатор «Цена / Дивиденды». При расчёте предполагается использование как фактически выплаченных, так и потенциальных дивидендов (определённых по группе сходных предприятий). Под потенциальными дивидендами следует понимать типичные дивидендные выплаты по группе аналогичных предприятий, рассчитанные в процентах от чистой прибыли. Потенциальные дивидендные выплаты применяются при оценке контрольного пакета акций, так как собственник получает право определять дивидендную политику. При оценке неконтрольного пакета акций следует ориентироваться на фактически выплаченные дивиденды, поскольку владелец неконтрольного (миноритарного) пакета не в силах повлиять на сложившуюся дивидендную политику. В зарубежной практике дивиденды обычно не менее 10 % прибыли.

Фактические дивиденды важны для покупателя миноритарного пакета акций, потенциальные дивиденды – для покупателя контрольного пакета, поскольку в его воле будет увеличение их размера в будущем. На наш взгляд, использование данного мультипликатора целесообразно для оценки крупных ПАО, стабильно выплачивающих дивиденды, у которых имеется published дивидендная политика с определённым годовым про-

центным нормативом. В непубличных обществах выплата дивидендов, хотя и не является закрытой информацией, не может быть стабильно прогнозируемой и может не являться основным видом повышения благосостояния для собственников. Мультипликатор цена / дивиденды рекомендуется использовать, если выплаты дивидендов имеют регулярный характер, как на оцениваемом предприятии, так и на предприятиях-аналогах

- Мультипликатор «Цена / Выручка» по праву считается самым универсальным, так как на него не влияет способ ведения бухгалтерского учёта. На практике он применяется нечасто, обычно для проверки объективности результатов, полученных другими методами. Опираясь на эмпирические данные, мы сделали вывод о том, что данный мультипликатор актуально использовать при поглощении бизнеса, так как рост прибыли предприятия может быть кратковременным, нацеленным на увеличение его предпродажной стоимости. При расчёте данного мультипликатора необходимо учитывать структуру капитала как оцениваемого предприятия, так и предприятий-аналогов. В случае, если соотношения собственных и заёмных средств значительно разнятся, необходимо проводить оценку с расчётом бездолгового мультипликатора, который соответствует всему инвестируемому капиталу.

Мы полагаем, что корректные результаты мультипликатор даёт при использовании его для оценки предприятий сферы услуг (реклама, страхование и т. д.).

- Мультипликатор «Цена / Натуральный объём» – подвид мультипликатора «Цена / Выручка». Отличием одного от другого является то, что в данном случае стоимость компании сравнивается не со стоимостным, а с натуральным показателем, который характеризуется количеством оборудования, физическим объёмом производства, размером производственных мощностей и т. д.

- Мультипликатор «Цена / Балансовая стоимость активов». При расчёте этого мультипликатора за базу необходимо брать величину чистых активов либо полную стоимость активов оцениваемого предприятия и компаний-аналогов. На наш взгляд, широкое применение данный мультипликатор нашел бы при оценке холдингов и промышленных групп, а также при продаже крупного пакета акций из портфеля финансовых инвестиций компании.

- Мультипликатор «Цена / Чистая стоимость активов» следует использовать для оценки компании, которая имеет большие размеры собственности либо занимается покупкой и продажей крупных объектов собственности. В данном случае нематериальные активы на стоимость компании существенно не влияют.

Далее рассмотрим натуральные мультипликаторы.

Отметим, что натуральные показатели следует использовать в отдельных отраслях или группах отраслей. По смыслу они имеют схожие характеристики с показателями «Цена / Выручка» и «Цена / Балансовая стоимость (чистых) активов», так как при создании натуральных показателей отбираются факторы, являющиеся основополагающими для выручки или для размера активов.

На наш взгляд, натуральные показатели, целесообразно использовать для оценки монопродуктовых компаний, таких как:

- сырьевые компании, добывающие нефть, газ и др.;
- компании, производящие продукцию низкого передела (металлы в слитках);
- компании, экспортирующие лес, производящие электро-энергию;

- цементные заводы, птицефабрики, сахарные заводы и т. д.

Результатом приведения разнообразных товаров к одинаковому натуральному единицам измерения может стать значительная погрешность из-за отличий в цене, в качестве, структуре производимой продукции и т. д. Необходимо отметить, что, кроме вышеуказанных показателей, есть целый ряд натуральных показателей, которые, на первый взгляд, не имеют отношение ни к активам, ни к выручке.

Например, за рубежом добывающие компании, принято оценивать по запасам, так как по количеству запасов нефти

можно предположить объёмы фактической и ожидаемой добычи, а также размер активов. При оценке стоимости нефтедобывающих компаний применяют мультипликатор «Стоимость компании / Запасы нефти». Для нефтяной компании запасы представляют собой альтернативу мощности, по которой индексировается предполагаемый объём годового производства.

Выводы. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что существует достаточное количество мультипликаторов для оценки бизнеса. Каждый мультипликатор подходит для оценки определённого сектора или отрасли, что является весомым плюсом. И, как правило, оценщик рассчитывает стоимость компании сравнительным методом при помощи нескольких мультипликаторов одновременно. Для получения более объективной стоимости полученные значения корректируются методом средневзвешенного усреднения

Источники

1. Конюкова О. Г., Патласов О. Ю. Ситуационный практикум по бухгалтерскому учёту и анализу финансовой отчетности: учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГА, 2015. 196 с.
2. Патласов О. Ю., Васина Н. В. Параметрическое моделирование результатов деятельности субъектов малого бизнеса // Российское предпринимательство. 2009. № 10 (1). С. 32–38.
3. Патласов О. Ю., Васина Н. В. Модели оценки финансового состояния для целей анализа кредитоспособности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 2008. № 12.
4. Ким М., Риттер Ю. Оценка IPO // Journal of Financial Economics, Vol. 53, № 3. Pp. 409–437.
5. Ходхарт М., Коллер Т. Оценка: измерение и управление стоимостью компаний. 4-е изд. Hoboken, New Jersey : John Wiley & Sons, Wessels Copyright © 2005 McKinsey & Company.
6. Хасанов Р. Х. Использование отраслевых коэффициентов в оценке стоимости акций на рынке ценных бумаг // Финансовый вестник. 2016. № 1 С. 58–64.
7. Шрёйнер А. Оценка капитала с использованием мультипликаторов: эмпирическое исследование. Dissertation, University of St.Gallen, N 3313. Austria.
8. Коуту Хосе. Метод рыночных мультипликаторов по оценке компаний / Рабочие материалы FEP от Universidade do Porto, Faculdade de Economia do Porto. 2017. 40 с.
9. Ричер Ф., Герман В. Ценообразование с контролем производительности // Schmalenbach Business Review, 2003, Vol. 55. Pp. 194–219.
10. Ли Е. Мультипликаторы, используемые для оценки стоимости корпораций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/4480377.pdf> (дата обращения: 05.02.20).
11. Баффет У. Эссе об инвестициях, корпоративных финансах и управлении компаниями / сост., авт. предисл. Лоренс Каннингем ; пер. с англ. М. : Альпина Бизнес-Букс, 2009. 272 с.
12. Грязнова А. Г., Федотова М. А. Оценка бизнеса : учебник. 2-е изд. М. : Финансы и статистика, 2010. 736 с.
13. Есипов В. Е., Маховикова Г. А., Терехова В. В. Оценка бизнеса, 2-е изд. СПб. : Питер, 2006. 464 с.
14. Саврасова Д. В., Хасанов Р. Х. Корпоративные финансы : курс лекций для бакалавров. Омск : ИП Архипов М.И., 2016. 76 с.
15. Хасанов Р. Х. Ценовые мультипликаторы стоимости как альтернатива капитализации компаний на рынке ценных бумаг // Финансовый бизнес. 2016. № 5 (184). С. 42–47.
16. Когденко В. Г. Фундаментальный анализ компании: особенности и ключевые индикаторы // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 33. С. 2–16.
17. Корниенко Б. И. Оценка стоимости предприятия с использованием метода дисконтированных денежных потоков в рамках доходного подхода // Концепт. 2015. №7. С.86–90.
18. Кузнецова Е. К., Хаиров Б. Г. Финансы : практикум по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика», профиль «Финансы и кредит». М. : Изд-во «Прометей», 2018. 38 с.
19. Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ // Электронная справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 10.02.2020)
20. Минэкономразвития. Приказы. Об утверждении Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО N 3)» : от 20.05.2015 № 297 (ФСО №1) // Электронная справочно-правовая система «Гарант» / URL: <http://base.garant.ru/71034698/#ixzz6OwQthw14> (дата обращения: 10.02.2020).

Информация об авторах

Хасанов Ринат Хамитович

Кандидат экономических наук, доцент Института цифровой экономики. Югорский государственный университет (628012, РФ, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16). SPIN-код: 2288-7626, AuthorID: 191160. E-mail: rinat.khasanov@gmail.com

Кузнецова Елена Константиновна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления, политики и права. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0478-9833>, SPIN-код: 3799-5581, Author ID: 634957. E-mail: elfxf3@mail.ru

R. H. Khasanov¹, E. K. Kuznetsova²

¹Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

²Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Calculation of industrial coefficients as one of the comparative approach methods assessing business

Abstract. Multipliers are often used as a simplified alternative to assess a company value, but in the scientific community they are often considered subjective and not well thought out, which ultimately threatens their credibility as a method. The purpose of the study is to determine indicators for industry ratios calculation taking into account the specifics of the industry or economy sector.

A comparative approach was used to assess the business value based on industry ratios (multipliers).

The author defines the price multiplier as a coefficient calculated on the basis of statistical observations, it reflects the relationship between the market price of a company or stock with its most important production and financial indicators. The study analyzes the necessary calculation base to calculate industry ratios (multipliers). In particular, it is proposed to determine the capitalization value or the equity market value of the analog-company based on such indicators as equity value and the value of all invested capital. The author's classification of multipliers based on two groups (monetary and in-kind) and two subgroups (balance multipliers and profitable multipliers) is proposed. It also substantiates the need to use certain groups of multipliers for use in assessing companies of different sizes: for large companies it is proposed to evaluate by net profit, and for small ones by profit before tax, which eliminates the differences in the amount of taxes paid.

To evaluate a business, there are a sufficient number of multiples suitable for a specific sector or industry evaluation. Estimating the value of the company by a comparative method involves the use of several multipliers at the same time, therefore, for a more objective result, it is important to adjust the obtained values by the method of average weighted homogenization.

Keywords: business valuation, industry ratios, comparative approach to valuation, multiples, classification of multipliers.

Paper submitted: March 15, 2020

For citation: Khasanov R. H., Kuznetsova E. K. (2020). Calculation of industrial coefficients as one of the comparative approach methods assessing business. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 2, pp. 164–168. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.28

References

1. Konyukova O. G., Patlasov O. Yu. *Situational workshop on accounting and financial statements analysis: Textbook*. Omsk: OmGA Publishing House, 2015. 196 p.
2. Patlasov O. Yu., Vasina N. V. Parametric modeling of the activities results of small business entities // *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2009. No. 10 (1). P. 32–38.
3. Patlasov O. Yu., Vasina N. V. Models assessing financial condition for the purpose of analyzing creditworthiness // *Economics of Agricultural and Processing Enterprises*, 2008. No. 12.
4. Kim M., Ritter J. IPO Assessment // *Journal of Financial Economics*, Vol. 53, No. 3. Pp. 409–437.
5. Hodhart M., Koller T. *Evaluation: measurement and management of company value*. 4th ed. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Wessels Copyright © 2005 McKinsey & Company.
6. Khasanov R. Kh. The use of industry ratios for shares assessment in the securities market // *Financial Herald*. 2016. No 1 P. 58–64.
7. Schreiner A. *Equity Valuation Using Multiples: An Empirical Investigation*. Dissertation, University of St. Gallen, N 3313. Austria.
8. Couto José. *The Method of Market Multiples on the Valuation of Companies: A Multivariate Approach / FEP Working Papers from Universidade do Porto, Faculdade de Economia do Porto*. 2017. 40 p.
9. Richter F., Herman V. Pricing With Performance-Controlled Multiples. // *Schmalenbach Business Review*, 2003, Vol. 55. Pp. 194–219.
10. Lie E. and Lie H. J.. Multiples Used to Estimate Corporate Value. [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/4480377.pdf> (accessed 05.02.20).
11. Buffett W. *Essay on investment, corporate finance and company management / comp.*, Ed. foreword Lawrence Cunningham; trans. from English M.: Alpina Business Books, 2009. 272 p.
12. Gryaznova A. G., Fedotova M. A. *Business valuation: textbook*. 2nd ed. Moscow: Finance and Statistics, 2010. 736 p.
13. Esipov V. E., Makhovikova G. A., Terekhova V. V. *Business valuation*, 2nd ed. SPb.: Peter, 2006. 446 p.
14. Savrasova D. V., Khasanov R. Kh. *Corporate finance: a course of lectures for bachelors*. Omsk: IP Arkhipov M.I., 2016. 76 p.
15. Khasanov R. Kh. Price value multipliers as an alternative to companies capitalization in the securities market // *Financial business*. 2016. No. 5 (184). P. 42–47.
16. Kogdenko V. G. Company fundamental analysis: features and key indicators // *Economic analysis: theory and practice*. 2014. No. 33. P. 2–16.
17. Kornienko B. I. Enterprise value estimation using the method of discounted cash flows in the framework of the income approach // *Concept*. 2015. No 7. P. 86–90.
18. Kuznetsova E. K., Khairov B. G. *Finance: Practical course for 38.03.01 "Economics", profile "Finance and credit"*. Moscow: Prometey Publishing House, 2018. 38 p.
19. The Russian Federation. The laws. On Valuation Activities in the Russian Federation: Federal Law of July 29, 1998 No. 135-FZ // *Electronic ConsultingPlus Legal Reference System* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (accessed: 02/10/2020)
20. The Ministry of Economic Development. Orders. On approval of the Federal assessment standard "Requirements for the assessment report (FSO No. 3)": 05/20/2015 No. 297 (FSO No. 1) // *Garant electronic reference and legal system / URL: http://base.garant.com / 71034698 / #ixzz6OwQthw14* (accessed: 02/10/2020)

Information about the authors

Rinat H. Khasanov

Cand. Sc. (Econ.), PhD, Associate Professor, Institute of Digital Economics. Ugra State University (16 Chekhov st., Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation). E-mail: rinat.khasanov@gmail.com

Elena K. Kuznetsova

Cand. Sc. (Econ.), PhD, Associate Professor of the Management, Politics and Law Department.

Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: elfxf3@mail.ru

УДК 332.05
JEL L26, P12

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.29

Ю. С. Пиньковецкая¹

¹Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Российская Федерация

Обзор исследований, посвящённых прекращению предпринимательской деятельности

Аннотация. Цель статьи – анализ причин прекращения предпринимательской деятельности, а также сложившихся способов выхода предпринимателей из своего бизнеса. Исследования отдельных аспектов прекращения предпринимательской деятельности начались после 1995 года. На начальном этапе к этой проблеме проявляли интерес только западноевропейские и американские ученые. После 2005 года география исследователей существенно расширилась за счет исследователей из Австралии, Польши, Канады, Индии, Ю. Кореи, Ирана, Индонезии и других стран. В процессе нашего анализа основное внимание уделялось ответам на вопросы об основных причинах прекращения предпринимателями деятельности и о путях реализации этого процесса. Наш анализ основывается на изучении монографий, статей в рецензируемых научных журналах, изданных рабочих документах и отчетах об исследованиях. В статье представлена характеристика основных причин и способов выхода предпринимателей из бизнеса. Автором предложена их классификация и систематизация.

Исследование проблемы прекращения предпринимательской деятельности представляется актуальным, поскольку позволяет снизить негативные последствия этого явления, уменьшить экономически не обоснованную ликвидацию малых и средних предприятий, научно обосновать помощь и поддержку предпринимателей в критических ситуациях. Результаты работы могут быть использованы в научных исследованиях предпринимательства в России. Они могут применяться в образовательной деятельности высших учебных заведений, а также при повышении квалификации специалистов, связанных с поддержкой предпринимательства. Результаты представляют интерес для действующих предпринимателей, помогая им правильно построить программы выхода бизнеса.

Ключевые слова: выход из бизнеса, прекращение предпринимательской деятельности, продажа, ликвидация, банкротство.

Дата поступления статьи: 7 ноября 2019 г.

Для цитирования: Пиньковецкая Ю. С. (2020). Обзор исследований, посвящённых прекращению предпринимательской деятельности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 169–174. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.29

Постановка проблемы. Исследования предпринимательства получили большое распространение, особенно в конце XX и начале XXI в. При этом основное внимание уделялось таким этапам жизненного цикла предпринимателей, как создание собственного бизнеса (его открытие), начальная стадия работы нового предприятия и зрелый (устоявшийся) бизнес. Гораздо меньшее внимание учёных и практиков уделялось проблеме прекращения предпринимательской деятельности (выходу предпринимателей из своего бизнеса). Вместе с тем очевидно, что раньше или позже каждый предприниматель прекращает свою деятельность. Поэтому выход из бизнеса является неотъемлемой частью всестороннего понимания предпринимательства как экономического явления. Однако, как указывается в работе [1], выход из бизнеса является наименее понятной частью предпринимательства.

Прекращение предпринимательской деятельности, по мнению такого исследователя, как Де Тьен [2], происходит при одновременном выполнении трёх следующих условий: владелец должен покинуть собственный бизнес, перестать быть его собственником и устраниваться от принятия решений в этом бизнесе. Важно отметить, что проблема выхода из бизнеса основывается на изучении особенностей и закономерностей соответствующих действий непосредственно самих предпринимателей, а не на проблеме ликвидации фирм, которые они создали. Как указано в статье [3], многие предприниматели начинают свою де-

ятельность, не задумываясь о конечном результате, в то время как другие придерживаются довольно чёткой стратегии выхода уже на этапе создания собственного бизнеса.

Проведённый нами обзор литературы по проблеме прекращения предпринимательской деятельности отвечает на два следующих вопроса:

- каковы основные причины выхода предпринимателей из своего бизнеса?
- какие существуют способы прекращения предпринимательской деятельности?

Целью исследования, итоги которого представлены в настоящей статье, являлся анализ причин прекращения предпринимательской деятельности и способов выхода предпринимателей из своего бизнеса. В процессе работы была использована информация, приведённая в таких научных публикациях за период с 1995 по 2019 г., как монографии, статьи в рецензируемых научных журналах, а также изданные рабочие документы исследовательских центров и опубликованные отчёты об исследованиях.

Проведённое исследование направлено на понимание особенностей прекращения предпринимательской деятельности, характерных для современных национальных экономик. Оно позволяет получить информацию о причинах и путях выхода предпринимателей из бизнеса. Наличие такой информации представляет интерес непосредственно для предпринимателей, а также для государственных органов и других организаций,

связанных с формированием планов, программ и прогнозов развития предпринимательского сектора. Кроме того, данная статья вносит свой вклад в дискуссию о проблеме прекращения предпринимательской деятельности.

Анализ причин выхода из бизнеса. Наибольший интерес среди научных исследований, посвящённых анализу причин выхода предпринимателей из бизнеса, представляют следующие.

Немецкие исследователи [4] обратили внимание на то, что даже потенциально успешные предприниматели вынуждены уходить из-за кризисных явлений в экономике и проблем на рынках. Об этом же указывается в работах [5–6], в которых подчеркивается большое влияние внешних, не зависящих от предпринимателя факторов. К ним относятся глобальные и локальные кризисные явления, эволюция баланса сил на операционных рынках, снижение спроса, а также изменения в институциональной и нормативной сфере. Например, ужесточение налогового законодательства или изменение правовых норм. Исследователи по антикризисному управлению обращают особое внимание на цикличность экономики и организаций [7].

Внутрипроизводственные причины выхода предпринимателей из бизнеса рассмотрены в статье [8]. К основным отнесены неспособность предпринимателей достичь поставленных целей, финансовый крах, трудности в проведении текущих платежей, в том числе налоговых. Один из авторов этой статьи в своей книге [9] расширил перечень причин за счёт таких, как недостатки в управлении предприятием, отсутствие собственных финансовых ресурсов, низкий уровень знаний и компетенций у предпринимателя, а также недостаточная квалификация работников. В исследовании [10] наряду с низким уровнем управленческих и предпринимательских навыков внимание акцентируется на отсутствии лидерских качеств у предпринимателя. В статье [11] к основным причинам выхода из бизнеса отнесены неправильное управление, нереалистичное планирование и неадекватные инновации. По мнению авторов работы [12] во многих случаях прекращение деятельности обусловлено тем, что сложившаяся эффективность не соответствует минимальному порогу экономической жизнеспособности, предусмотренному предпринимателем. О. Ю. Патласов и О. В. Сергиенко анализируют западный инструментарий финансового моделирования банкротства [13], а также технологии рейдерских захватов [14–15].

В некоторых научных исследованиях было рассмотрено прекращение деятельности в связи с желанием предпринимателей снизить риск и получить денежные средства. Такая альтернатива продолжению своего бизнеса и дальнейшей работе на конкурентных рынках подробно описана, например, в статье [16]. Такой вариант выхода из предпринимательства некоторыми исследователями интерпретируется как сбор бизнес-урожая. Этот процесс часто может представлять собой единственный шанс для предпринимателей получить вознаграждение за многие годы напряжённой работы [17]. Ещё одной сходной причиной является продажа интеллектуальной собственности, которую предприниматель разработал [5].

Зачастую предприниматели прекращают деятельность, поскольку ищут лучшие возможности для продолжения своей карьеры, такие, как переход на высокодоходную работу, получение дополнительного образования, миграция или другие перспективы [18]. По мнению авторов статьи [19], наиболее распространённым карьерным путём является последующая оплачиваемая занятость. Во многих случаях прекращение предпринимательства связано с выходом людей на пенсию [20].

В целом анализ проведённых до настоящего времени исследований позволил сделать вывод о большом разнообразии причин прекращения предпринимательской деятельности, что выдвигает в число актуальных задачу их классификации.

Обзор способов выхода предпринимателей из бизнеса. Остановимся на наиболее важных исследованиях, рассматривающих основные способы прекращения предпринимательской деятельности.

В работах [3, 6] обосновывается ряд положений, принципиальных для понимания сути такого явления, как выход предпринимателей из бизнеса. Во-первых, выход может осуществляться различными способами. Во-вторых, его основным результатом является разрушение любых отношений между предпринимателем и принадлежащим ему бизнесом. В-третьих, последствия выхода из бизнеса оказывают влияние не только на прекратившего деятельность предпринимателя, но и на созданную им фирму, работающих в ней людей, а также на многие компании, связанные этой фирмой.

В работе [21] основное внимание уделяется разнице между добровольным и принудительным выходом из бизнеса. При этом делается вывод, что, учитывая высокие операционные издержки, банкротства являются наименее предпочтительным способом прекращения предпринимательской деятельности. В статье [22] рассматривается такой вариант добровольного выхода предпринимателя из бизнеса, как его продажа. В ней основное внимание уделяется таким аспектам, как восприятие предпринимателем инновационности своего бизнеса, анализ мотивов, а также непосредственно принятие решений. Представляет интерес мнение автора работы [23] о том, что продажа является наиболее прибыльным путём выхода предпринимателей из бизнеса. Это в наибольшей степени относится к фирмам, которые работают на нишевых рынках, когда крупные конкуренты готовы заплатить значительную премию, чтобы выкупить такую фирму у предпринимателя [24].

В исследовании [5] продажа бизнеса предпринимателем стороннему покупателю дополняется такими вариантами, как его выкуп менеджерами или сотрудниками, а также слияние и поглощение. Отметим, что слияние и поглощение обеспечивают содействие передаче передовых технологий и ноу-хау, что особенно важно в случаях инновационных компаний. Поэтому, по мнению авторов статьи [16], инновационные компании являются субъектами слияний и поглощений гораздо чаще, чем другие фирмы.

В работе [25] наряду с продажей рассматривается такой путь выхода из бизнеса, как его передача членам семьи. Не-

обходимо отметить, что этот путь, как показано в работе [26], в настоящее время доминирует в Польше. Являясь основным способом прекращения предпринимательской деятельности, он обеспечивает преемственность и сохранение бизнеса в семье. Подробное описание процесса, посредством которого предприниматели передают право собственности на свою фирму одному или нескольким членам семьи (чаще всего своим детям) приведено в статье [27].

Ликвидация бизнеса, помимо выхода из него предпринимателя, также ведёт к прекращению работы компании на рынках. Выбор этого варианта определяется широким набором факторов, формируемых видением ситуации с позиции предпринимателя [20]. При этом в качестве основного фактора, по мнению авторов исследования [3], выступает возраст владельца фирмы. Они обратили внимание на то, что пожилые предприниматели могут хотеть ликвидировать фирму, независимо от ее финансового состояния, в связи с планируемым уходом на пенсию. Особенно в случаях отсутствия преемника или покупателя.

Противоречивые взгляды существуют в литературе по поводу взаимной связи между прекращением деятельности и неудачей предпринимателя. Первая точка зрения приведена, в частности, в статье [28]. В ней утверждается, что выход из бизнеса всегда относится к нежизнеспособным предприятиям, то есть к явной неудаче в деятельности предпринимателя. Вторая точка зрения отстаивается в работах [29–30], в которых делается вывод о том, что явление прекращения предпринимательской деятельности не эквивалентно неудаче в бизнесе. Вторая точка зрения подтверждается анализом репрезентативных эмпирических данных по американским предпринимателям, приведённых в работе [18]. Этот анализ показал, что примерно одна треть предпринимателей характеризовала свой бизнес в момент выхода из него как вполне успешный. Необходимо отметить, что для многих быстрорастущих предприятий их прибыльная продажа часто рассматривается как главная цель предпринимателя [5]. На наш взгляд, вторая точка зрения представляется более обоснованной.

Предложения по систематизации причин и способов выхода из бизнеса. Как уже отмечалось, имеется большое количество причин прекращения деятельности предпринимателей в современных условиях. На наш взгляд, представляется целесообразным рассмотрение агрегированных причин выхода предпринимателей из бизнеса. Анализ, проведённый в процессе нашего исследования, позволил объединить все основные причины прекращения предпринимательской деятельности в четыре класса (группы). Остановимся на них более подробно.

Первый класс охватывает экзогенные причины, непосредственно влияющие на предпринимательскую деятельность. К нему относятся внешние по отношению к предприятиям институциональные и организационные причины, а именно государственная, региональная и муниципальная политика, административные барьеры, изменения налогового законодательства, проблемы во взаимодействии с контрольными и надзорными органами, а также кризисные явления в экономике и проблемы на рынках.

Второй класс включает эндогенные причины, снижающие эффективность предпринимательской деятельности и препятствующие возможности эффективной конкуренции предпринимателей на рынках товаров и услуг. Основными из них являются нерентабельность производства, отсутствие необходимого финансирования, трудности технологического и управленческого характера, различные происшествия и инциденты.

Третий класс причин обусловлен желанием предпринимателей получить прибыль, или, как указывалось в ряде научных работ, упомянутых в обзоре литературы, снять бизнес-урожай. То есть прекратить деятельность и преобразовать достигнутые в бизнесе результаты, основные фонды и нематериальные активы в денежные средства.

Четвёртый класс включает личные причины, когда предприниматели прекращают деятельность под влиянием факторов, непосредственно не связанных с производственной деятельностью своих предприятий. К ним относятся состояние здоровья, уход на пенсию, необходимость больше времени уделять семейным делам, желание посвятить себя другим занятиям, а также появление возможности заработка, не связанного с предпринимательством, например перехода на работу по найму.

Как показал анализ литературных источников, в настоящее время существует значительное количество разнообразных способов прекращения предпринимательской деятельности. Мы предлагаем при проведении исследований, связанных с выходом из бизнеса, рассматривать ряд стратегий действий предпринимателей по реализации этого процесса. Стратегии отличаются по таким существенным признакам, как варианты выхода из бизнеса, организационные формы и пути прекращения предпринимательской деятельности. Анализ проведённых ранее исследований и накопленного практического опыта позволил выделить два варианта, две организационные формы и пять основных типов прекращения предпринимательской деятельности. Рассмотрим их более подробно. Первый вариант выхода из бизнеса предпринимателя предусматривает продолжение функционирования созданной им ранее фирмы (на том же или на другом рынке). Вторым вариантом связан с ликвидацией фирмы, то есть это ее уход в экономическое небытие.

Двумя организационными формами выхода из бизнеса предпринимателя соответственно являются добровольное прекращение деятельности и принудительное прекращение деятельности. К пяти типам реализации рассматриваемого процесса относятся продажа, передача новому владельцу из членов своей семьи, банкротство, слияние (поглощение).

Учёт стратегий выхода из бизнеса может влиять на будущие решения и поведение действующих предпринимателей. Знание этих стратегий позволяет предпринимателям планировать свою работу, включая приобретение ресурсов, финансирование, развитие и склонность к риску [31–32].

Выводы и предложения. В статье представлена характеристика сложившихся в настоящее время основных причин выхода предпринимателей из бизнеса и способов реализации

этого процесса. Приведены предложенные автором классификация причин и систематизация признаков прекращения предпринимательской деятельности.

Исследование проблемы прекращения предпринимательской деятельности представляется актуальным на современном этапе развития предпринимательства, поскольку позволяет снизить негативные последствия этого явления, уменьшить экономически не обоснованную ликвидацию малых и средних предприятий, научно обосновать помощь и поддержку предпринимателей в критических ситуациях.

Результаты работы могут быть использованы в научных исследованиях по проблеме прекращения предпринимательской деятельности в России. Они могут применяться в образовательной деятельности высших учебных заведений, при подготовке бакалавров и магистров, а также при повышении

квалификации специалистов государственных и муниципальных органов управления, связанных с поддержкой предпринимательства. Полученные результаты представляют интерес для действующих предпринимателей, помогая им правильно строить программы выхода бизнеса при необходимости.

Для снижения уровня выхода предпринимателей из бизнеса представляется целесообразным реализация в России на федеральном и региональном уровнях мероприятий по снижению избыточных и необоснованных требований со стороны налоговых и других контролирующих органов, исключению административных барьеров, улучшению предпринимательского климата, облегчению доступа к финансовым ресурсам и предоставлению более широких возможностей для продолжения перспективного бизнеса в случае возникновения у предпринимателя проблем.

Источники

1. Peters B. Early Exits: Exit Strategies for Entrepreneurs and Angel Investors (But Maybe Not Venture Capitalists). Meteor Bytes Data Management Corp. Vancouver, Canada. 2009. 195 p.
2. De Tienne D. R. Entrepreneurial exit as a critical component of the entrepreneurial process: Theoretical development // *Journal of Business Venturing*. 2010. Vol. 25 № 2. pp. 203–215.
3. De Tienne D. R., Cardon M. S. Impact of founder experience on exit intentions // *Small Business Economics*. 2012. Vol. 38. № 4. pp. 352–374.
4. Egel J., Falk U., Heger D., Hower D., Metzger G. Ursachen für das Scheitern junger Unternehmen in den ersten fünf Jahren ihres Bestehens. Studie im Auftrag des Bundesministeriums für Wirtschaft und Technologie. Mannheim und Neuss. 2010. 110 p.
5. Wennberg K., De Tienne D. What do we really mean when we talk about 'exit'? A critical review of research on entrepreneurial exit // *International Small Business Journal*. 2014. Vol. 32. № 1. pp. 4–16.
6. Aldrich H. E. Perpetually on the Eve of Destruction? Understanding Exits in Capitalist Societies at Multiple Levels of Analysis. In D. R. DeTienne and K. Wennberg (Editors), *Research Handbook of Entrepreneurial Exit* (vol. 1, pp. 11–41). Northampton: Edward Elgar Publishing. 2015.
7. Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Антикризисное управление в коммерческой организации : учебник. М.: Проспект, 2016. 416 с.
8. Stokes D., Blackburn R. Learning the hard way: the lessons of owner-managers who have closed their businesses // *Journal of small business and enterprise development*. 2002. Vol. 9. № 1. pp. 17–27.
9. Stokes D. *Small Business Management*. Continuum International Publishing. London. 2002. 416 p.
10. Parastuty Z., Breitenacker R. J., Schwarz E. J., Harms R. Exploring the Reasons and Ways to Exit: The Entrepreneur Perspective. In D. Bögenhold, J. Bonnet, M. Dejardin, & D. Garcia Perez de Lema (Eds.). *Contemporary Entrepreneurship: Multidisciplinary Perspectives on Innovation and Growth*, 2016. pp. 159–172.
11. Cardon M. S., Stevens C. E., Potter D. R. Misfortunes or mistakes? Cultural sensemaking of entrepreneurial failure // *Journal of Business Venturing*. 2011. Vol. 26, № 1. pp. 79–92.
12. Ucbasaran D., Shepherd D. A., Lockett A., Lyon S. J. Life after business failure: The Process and Consequences of Business Failure for Entrepreneurs // *Journal of Management*. 2012. Vol. 39, № 1. pp. 163–202.
13. Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Применение моделей и критериев Альтмана в анализе финансового состояния сельхозпредприятий // *Финансовый менеджмент*. 2006. № 6. С. 35–45.
14. Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Рейдерский захват: виды, технологии, методы противодействия. Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск, 2010. № 6. С. 39–54.
15. Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Типология деструктивного бизнес-поведения на рынке слияний и поглощений (на примере аграрного сектора экономики) // *Омский научный вестник*. 2012. № 5. С. 66–70.
16. Cefis E., Marsili O. Born to flip. Exit decisions of entrepreneurial firms in high-tech and low-tech industries // *Journal of Evolutionary Economics*. 2011. Vol. 21. № 3. pp. 473–498.
17. Foo C., John R., John B. Successful Exit Processes of SMEs in Australia. In: SEAANZ. Wellington. New Zealand. 2009. 28 p.
18. Bates T. Analysis of young, small firms that have closed: Delineating successful from unsuccessful closures // *Journal of Business Venturing*. 2005. Vol. 20, № 3. pp. 343–358.
19. Hessels J., Grilo I., Thurik R., van der Zwan P. Entrepreneurial exit and entrepreneurial engagement // *Journal of Evolutionary Economics*. 2011. Vol. 21. № 3. pp. 447–471.
20. Harhoff D., Stahl K., Woywode M. Legal form, growth and exit of West German firms – Empirical results for manufacturing, construction, trade and service industries // *The Journal of Industrial Economics*. 1998. Vol. XLVI № 4. pp. 453–488.
21. Balcaen S., Manigart S., Buyze J., Ooghe H. Firm exit after distress: differentiating between bankruptcy, voluntary liquidation and M&A // *Small Business Economics*. 2012. Vol. 39 № 4. pp. 94–975.
22. De Tienne D., McKelvie A., Chandler G. Making Sense of Entrepreneurial Exit Strategies: A Typology and Test // *Journal of Business Venturing*. 2015. Vol. 30. № 2. pp. 255–272.
23. Cumming D. Contracts and exits in venture capital finance // *Review of Financial Studies*. 2008. Vol. 21 № 5. pp. 1947–1982.
24. Deenitchin I., Pikul P. Entrepreneurship: how to design growth and exit strategy // *Economics and Business Review EBR*. 2005. Vol. 5. № 2. pp. 25–43.
25. Van Teeffelen L., Uhlaner L. Firm Resource Characteristics and Human Capital as Predictors of Exit Choice: An Exploratory Study of SMEs // *Entrepreneurship Research Journal*. 2003. Vol. 3. № 1. pp. 84–108.
26. Marjanski A., Sulkowski L. The Evolution of Family Entrepreneurship in Poland: Main Findings Based on Surveys and Interviews from 2009–2018 // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2019. Vol. 7. № 1. pp. 95–116.
27. Sharma P., Chrisman J., Chua J. Predictors of satisfaction with the succession process in family firms // *Journal of Business Venturing*. 2003. Vol. 18. pp. 667–687.

28. Coad A. Death is not a success: reflections on business exit // *International Small Business Journal*. 2014. Vol. 32. № 7. pp. 721–732.
29. Knott A., Posen H. Is failure good? // *Strategic Management Journal*. 2005. Vol. 26. № 7. pp. 617–641.
30. Leonetti J. M. *Exiting Your Business, Protecting Your Wealth*. John Wiley & Sons, Inc. Hoboken. USA. 2008. 238 p.
31. Fauchart E., Gruber M. Darwinians, communitarians, and missionaries: the role of founder identity in entrepreneurship // *The Academy of Management Journal*. 2011. Vol. 54. № 5. pp. 935–957.
32. Wiklund J., Davidsson P., Delmar F. What do they think and feel about growth? An expectancy-value approach to small business managers' attitudes toward growth // *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2003. Vol. 27. pp. 247–270.

Информация об авторе

Пиньковецкая Юлия Семёновна

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления. Ульяновский государственный университет (432017, РФ, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8224-9031>, Researcher ID: D-3051-2017. E-mail: judy54@yandex.ru

Yu. S. Pinkovetskaia¹

¹Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation

Research works review concerning cessation of business activities

Abstract. The purpose of the article is to analyze the reasons for business activity cessation, as well as the existing ways for entrepreneurs to leave their business.

Continuity of research problems. Investigation of certain aspects of business cessation began after 1995. At the initial stage, only Western European and American scientists were interested in this problem. Since 2005 the geography of researches has expanded significantly with researchers from Australia, Poland, Canada, India, South Korea, Iran, Indonesia and other countries. Our analysis is focused on the main reasons for activities cessation by entrepreneurs on the ways of this process realization.

Information sources. Our analysis is based on the study of monographs, articles in peer-reviewed scientific journals, published working papers and research reports.

Result. The article presents the characteristics of the main reasons and ways of entrepreneurs leaving their business. The author suggests their classification and typology. The study of the problem of business activity cessation is relevant because it allows to reduce the negative consequences of this phenomenon, to reduce the economically unjustified liquidation of small and medium-sized enterprises, to scientifically justify the assistance and support for entrepreneurs in crucial situations.

The significance of the study for theory and practice. The results of the work can be used in scientific research of entrepreneurship in Russia. They can be used in the educational activities of higher educational institutions, as well as in the professional development of specialists associated with the entrepreneurship support. The results are of interest to existing entrepreneurs, helping them to properly organize business quit programs.

Keywords: to leave business, business activity cessation, sale, liquidation, bankruptcy.

Paper submitted: November 7, 2019

For citation: Yu. S. Pinkovetskaia (2020). Research works review concerning cessation of business activities. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, vol. 14, no. 2, pp. 169–174. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.29

References

1. Peters B. *Early Exits: Exit Strategies for Entrepreneurs and Angel Investors (But Maybe Not Venture Capitalists)*. Meteor Bytes Data Management Corp. Vancouver. Canada. 2009, 195 p.
2. De Tienne D. R. Entrepreneurial exit as a critical component of the entrepreneurial process: Theoretical development. *Journal of Business Venturing*. 2010, Vol. 25, № 2, pp. 203–215.
3. De Tienne D. R., Cardon M. S. Impact of founder experience on exit intentions. *Small Business Economics*, 2012, Vol. 38, № 4, pp. 352–374.
4. Egel J., Falk U., Heger D., Hower D., Metzger G. Causes of the failure of young companies in the first five years of their existence. Study commissioned by the Federal Ministry of Economics and Technology. Mannheim and Neuss, 2010, 110 p.
5. Wennberg K., De Tienne D. What do we really mean when we talk about 'exit'? A critical review of research on entrepreneurial exit // *International Small Business Journal*, 2014, Vol. 32, № 1, pp. 4–16.
6. Aldrich H. E. Perpetually on the Eve of Destruction? Understanding Exits in Capitalist Societies at Multiple Levels of Analysis. In D. R. DeTienne and K. Wennberg (Editors), *Research Handbook of Entrepreneurial Exit* (vol. 1, pp. 11–41). Northampton: Edward Elgar Publishing. 2015.
7. Patlasov O. Yu., Sergienko O. V. Crisis management in a commercial organization: a textbook. Moscow: Prospect, 2016. 416 p.
8. Stokes D., Blackburn R. Learning the hard way: the lessons of owner-managers who have closed their businesses // *Journal of small business and enterprise development*. 2002. Vol. 9. № 1. pp. 17–27.
9. Stokes D. *Small Business Management*. Continuum International Publishing. London. 2002. 416 p.
10. Parastuty Z., Breitenacker R. J., Schwarz E. J., Harms R. Exploring the Reasons and Ways to Exit: The Entrepreneur Perspective. In D. Bögenhold, J. Bonnet, M. Dejardin, & D. Garcia Perez de Lema (Eds.). *Contemporary Entrepreneurship: Multidisciplinary Perspectives on Innovation and Growth*, 2016, pp. 159–172.
11. Cardon M. S., Stevens C. E., Potter D. R. Misfortunes or mistakes? Cultural sensemaking of entrepreneurial failure // *Journal of Business Venturing*. 2011. Vol. 26, № 1, pp. 79–92.
12. Ucbasaran D., Shepherd D. A., Lockett A., Lyon S. J. Life after business failure: The Process and Consequences of Business Failure for Entrepreneurs // *Journal of Management*. 2012. Vol. 39, № 1, pp. 163–202.
13. Patlasov O. Yu., Sergienko O. V. The use of Altman models and criteria in the analysis of agricultural enterprises financial condition. *Financial Management*. 2006, No. 6, P. 35–45.
14. Patlasov O. Yu., Sergienko O. V. Raider seizure: types, technologies, methods of counteraction. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, Omsk, 2010, no. 6, pp. 39–54.
15. Patlasov O. Yu., Sergienko O. V. Typology of destructive business behavior in the mergers and acquisitions market (on the example of the agricultural sector of the economy). *Omsk Scientific Bulletin*. 2012. No. 5. P. 66–70.
16. Cefis E., Marsili O. Born to flip. Exit decisions of entrepreneurial firms in high-tech and low-tech industries. *Journal of Evolutionary Economics*. 2011. Vol. 21. № 3. pp. 473–498.

17. Foo C., John R., John B. Successful Exit Processes of SMEs in Australia. In: SEAAANZ. Wellington. New Zealand. 2009. 28 p.
18. Bates T. Analysis of young, small firms that have closed: Delineating successful from unsuccessful closures. *Journal of Business Venturing*. 2005. Vol. 20, № 3. pp. 343–358.
19. Hessels J., Grilo I., Thurik R., van der Zwan P. Entrepreneurial exit and entrepreneurial engagement. *Journal of Evolutionary Economics*. 2011. Vol. 21, № 3. pp. 447–471.
20. Harhoff D., Stahl K., Woywode M. Legal form, growth and exit of West German firms – Empirical results for manufacturing, construction, trade and service industries. *The Journal of Industrial Economics*. 1998. Vol. XLVI № 4. pp. 453–488.
21. Balcaen S., Manigart S., Buyze J., Ooghe H. Firm exit after distress: differentiating between bankruptcy, voluntary liquidation and M&A. *Small Business Economics*. 2012. Vol. 39 № 4. pp. 94–975.
22. De Tienne D., McKelvie A., Chandler G. Making Sense of Entrepreneurial Exit Strategies: A Typology and Test. *Journal of Business Venturing*. 2015. Vol. 30, № 2. pp. 255–272.
23. Cumming D. Contracts and exits in venture capital finance. *Review of Financial Studies*. 2008. Vol. 21 № 5. pp. 1947–1982.
24. Deenitchin I., Pikul P. Entrepreneurship: how to design growth and exit strategy // *Economics and Business Review EBR*. 2005. Vol. 5, № 2. pp. 25–43.
25. Van Teeffelen L., Uhlaner L. Firm Resource Characteristics and Human Capital as Predictors of Exit Choice: An Exploratory Study of SMEs. *Entrepreneurship Research Journal*. 2003. Vol. 3, № 1. pp. 84–108.
26. Marjanski A., Sulkowski L. The Evolution of Family Entrepreneurship in Poland: Main Findings Based on Surveys and Interviews from 2009–2018. *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2019. Vol. 7, № 1. pp. 95–116.
27. Sharma P., Chrisman J., Chua J. Predictors of satisfaction with the succession process in family firms. *Journal of Business Venturing*. 2003. Vol. 18. pp. 667–687.
28. Coad A. Death is not a success: reflections on business exit. *International Small Business Journal*. 2014. Vol. 32, № 7. pp. 721–732.
29. Knott A., Posen H. Is failure good? *Strategic Management Journal*. 2005. Vol. 26, № 7. pp. 617–641.
30. Leonetti J. M. *Exiting Your Business, Protecting Your Wealth*. John Wiley & Sons, Inc. Hoboken. USA. 2008. 238 p.
31. Fauchart E., Gruber M. Darwinians, communitarians, and missionaries: the role of founder identity in entrepreneurship. *The Academy of Management Journal*. 2011. Vol. 54, № 5. pp. 935–957.
32. Wiklund J., Davidsson P., Delmar F. What do they think and feel about growth? An expectancy-value approach to small business managers' attitudes toward growth. *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2003. Vol. 27. pp. 247–270.

Information about the author

Yu. S. Pinkovetskaia

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor .Ulyanovsk State University (42 Leo Tolstoy st., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation). E-mail: judy54@yandex.ru

© Ю. С. Пиньковецкая, 2019

УДК 65.0
JEL G 34

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.30

Н. В. Черноножкина¹¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Система управления операционной деятельностью и специфика ее применения на нефтеперерабатывающих предприятиях

Аннотация. Нестабильность внешней среды функционирования, высокая волатильность энергетических рынков, технологические изменения обусловили необходимость стратегического развития предприятий нефтеперерабатывающего сектора экономики на основе трансформации системы управления. Цель исследования – проанализировать внедрение системы управления операционной деятельностью и выявить основные направления ее применения на предприятиях, входящих в структуру ПАО «Газпромнефть». Исследование основано на применении системного подхода, а также использовании таких общенаучных и специальных методов исследования, как анализ и синтез, структурно-функциональный анализ. Структурно-инновационная трансформация деятельности промышленных предприятий в современных условиях обеспечивает непрерывное и устойчивое развитие. Применение системы управления операционной деятельностью направлено на осуществление комплексных изменений операционных функций и процессов с учетом влияния совокупности разнообразных факторов на основе оценки потенциала предприятия. Анализ внедрения функциональных элементов системы управления операционной деятельностью на предприятиях компании ПАО «Газпромнефть» подтверждает необходимость ее непрерывного использования для обеспечения устойчивого роста операционной эффективности и позволяет сделать вывод о необходимости оценки отдельных видов потенциала предприятия и принятия решений о направлениях минимизации затрат в зависимости от специфики производственных процессов.

Ключевые слова: система управления операционной деятельностью, потенциал предприятия, процессы управления, операционная культура, операционная эффективность, производственный цикл.

Дата поступления статьи: 5 июня 2020 г.

Для цитирования: Черноножкина Н. В. (2020). Система управления операционной деятельностью и специфика ее применения на нефтеперерабатывающих предприятиях // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 175–179. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.30

Проблема и цель. В современных рыночных условиях, когда для принятия решения о выборе направлений деятельности в рамках управления предприятием, особенно входящим в структуру крупного холдинга, необходимо учесть и проанализировать множество независимых друг от друга факторов, все более актуальным становится создание системы управления, консолидирующей эти факторы. В мировой практике такой системой стала система управления операционной деятельностью предприятия.

В большинстве научных работ, посвященных исследованию управления операционной деятельностью, уделяется внимание реализации операционных функций на основе организации производственного процесса в рамках корпоративной стратегии предприятия [1, 2].

Целью исследования, проведенного в рамках данной статьи, является анализ внедрения системы управления операционной деятельностью в деятельность нефтеперерабатывающих предприятий и выявление основных направлений ее применения.

Причиной внедрения системы управления операционной деятельностью на предприятиях стала возрастающая неопределенность работы нефтеперерабатывающего комплекса в мире из-за нестабильности цен на сырье, поиска рациональных решений снижения потребления топлива, повышения экологичности в производстве автомобилей. Также возросла потребность в высокотехнологичных продуктах нефтепереработки – полимерах, которые используются во все расширяющихся

сферах нефтехимии (производство карбонов для изготовления корпусов автомобилей и оборудования) и нанотехнологиях (производство нанопротезов для медицинских целей).

Методология. Система управления операционной деятельностью (СУОД) – это «структурированный набор взаимозависимых практик, процедур и процессов, используемых руководителями и работниками на каждом уровне организации для ведения производственной деятельности» [3]. Из самого определения следует, что для работы СУОД требуется провести анализ и оптимально соединить наиболее эффективные существующие процессы управления, с их корректировкой при необходимости, и лучшие практики мировых управленческих систем предприятий.

Целью СУОД является обеспечение максимальной операционной эффективности компании за счет надежности и безопасности производственной деятельности и вовлечения всех сотрудников в культуру непрерывных улучшений. Указанная цель обусловлена тем, что маржинальность нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) более чем на 80 % не поддается анализу и влиянию, так как зависит от внешних неуправляемых факторов. Среди факторов особое значение имеют рыночная конъюнктура, логистические потоки. Вследствие влияния различных внешних факторов повышается неопределенность внешней среды предприятия, и более сложными становятся процессы управления. В конечном итоге менеджмент предприятия наиболее результативно может управлять только конфигурацией своих активов. От эффективности управления активами будет зависеть эффективность компании.

Для достижения вышеобозначенной цели необходима реализация мероприятий СУОД в трех приоритетных направлениях: операционная культура, операционная надежность и безопасность и операционная эффективность. Отметим, что управление и координацию работ по внедрению СУОД на предприятиях компании «Газпром нефть» осуществляют специально созданные в структуре компании подразделения: Комитет по СУОД и производственной безопасности и Комитет по лидерству и культуре, организационной структуре и компетенциям.

Операционная культура, базирующаяся на модели поведения менеджера как «вовлекающего лидера». Внедрение СУОД на предприятии зависит от последовательного поведения менеджмента компании по созданию условий для успешного достижения стратегических целей, разделяемых всеми сотрудниками компании. Г. Минцберг [4] выделил следующие черты, присущие модели «вовлекающего лидера»: особое значение человеческих ценностей в организации, развитие инициативы через решение небольших сложных задач в процессе деятельности, эффективное взаимодействие лидера со всей организацией, а не только на уровне отдельной ступени управления. Применение модели «вовлекающего лидера» в процессе культурной трансформации при внедрении СУОД на предприятиях компании «Газпром нефть» выражается в формировании новой модели лидера-руководителя, в соответствии с которой он является ориентиром по ценностным установкам в поведении для своих сотрудников, создает среду, вовлекающую сотрудников в процесс деятельности на основе ценностей, постоянно саморазвивается. Следствием такой модели является изменение трудового поведения сотрудников: все сотрудники предприятия начинают разделять и при необходимости участвовать в мероприятиях СУОД. Причем это участие не ограничивается только выполнением своих должностных обязанностей и функций. Каждый сотрудник через систему предложений по улучшению имеет возможность высказать свое мнение, как улучшить тот или иной процесс, или совокупность процессов для достижения максимального результата. В конечном итоге «вовлекающее лидерство» приводит к трансформации корпоративной культуры. В частности в ПАО «Газпром нефть» в результате осуществления мероприятий по внедрению СУОД произошло изменение корпоративных ценностей. В настоящее время развитие предприятий, входящих в состав холдинга, направлено на дальнейшую трансформацию корпоративной культуры посредством распространения методов управления командной работой через изменение взаимоотношений между сотрудниками на основе развития сотрудничества, инициативности, целеустремленности, ответственности, обеспечения безопасности и эффективности деятельности.

Любое нефтеперерабатывающее предприятие является источником повышенной опасности с точки зрения загрязнения окружающей среды и массового разрушения и уничтожения территорий места своего нахождения вследствие пожаров и объемных взрывов, так как в его процессах задействованы

компоненты легковоспламеняющихся токсичных жидкостей и газов под высокой температурой более 500°C. Следовательно, особое внимание на таких предприятиях уделяется охране окружающей среды и промышленной безопасности при проведении работ. В связи с чем второй блок направлений в СУОД предприятий компании «Газпром нефть» нацелен на обеспечение операционной надежности и безопасности (рисунок 1). Для достижения этой цели осуществляются изменения организационной структуры и производственных процессов, направленные прежде всего на обеспечение бесперебойной и безаварийной работы всего оборудования нефтеперерабатывающих предприятий. Кроме этого, большое внимание уделяется обучению персонала, формированию рабочих групп с необходимыми компетенциями для выполнения работ над проектами.

Рис. 1. Функциональные элементы макроблока «Операционная надежность и безопасность»

Результаты. Результаты комплексного внедрения СУОД выражаются в повышении операционной эффективности, которая достигается путем расширения использования ресурсного потенциала, устранения всех видов потерь, применения методов регулярного менеджмента и бережливого производства, развитие вовлеченности сотрудников в выработку решений. Для оценки операционной эффективности используются различные экономические показатели, основной из которых ROCE (Return on Capital Employed) – рентабельность задействованного (вложенного) капитала.

Анализ финансовых результатов деятельности ПАО «Газпром нефть» показывает значительный рост показателей рентабельности, начиная с 2016 г. В частности за период 2016-2018 гг. рентабельность активов (ROA) возросла с 8,33 % до 12,43 %, рентабельность капитала (ROE) увеличилась с 15,58 % до 21,97 %, а скорректированная доходность на средний используемый капитал (скорректированный ROACE) составила 19,66 % в 2018 году относительно 11,77 % в 2016 году [5].

Безусловно, операционная эффективность достигается на основе одного из главных направлений совершенствования деятельности – операционной надежности и безопасности. Рассмотрим взаимосвязь между данными направлениями СУОД через оценку потенциала роста и развития. Следует отметить,

что «по мере использования возможностей предприятия его потенциал подразделяется на фактический (достигнутый) и перспективный. Такая дифференциация позволяет оценивать степень использования потенциала предприятия через сравнение перспективного и фактического уровня его использования. По функциональной сфере возникновения потенциал предприятия разделяют на производственный, маркетинговый, финансовый, научно-технический и другие виды» [6]. С учетом направленности деятельности нефтеперерабатывающих предприятий, особое значение приобретает экспортный и импортный потенциал.

Производственный потенциал является основой расширения направлений деятельности предприятия. Любой производственный процесс базируется на использовании оборудования, превращающего одно изделие в другое посредством механического, термического, химического или иного воздействия на него. В нефтеперерабатывающей промышленности таким оборудованием являются металлические или выполненные из других материалов емкости, в которые подается сырье и отбирается готовый продукт для данного технологического цикла. С точки зрения надежности оборудования и его безопасности как сами емкости (реакторы), так и оборудование, подающее и отбирающее сырье и продукт (насосы, компрессоры), должны находиться в технически исправном состоянии и представлять собой безопасность работы для окружающей среды.

Основная задача рассматриваемого этапа – своевременный ремонт и техническое обслуживание оборудования. Этим на современных нефтеперерабатывающих заводах (НПЗ) занимаются специализированные ремонтные предприятия, входящие в ПАО «Газпром нефть» или независимые операторы такого рынка услуг.

Предприятия, входящие в группу «Газпромнефть» вместе с нефтеперерабатывающими заводами, наряду с ними участвуют в СУОД, так как являются единым активом по отношению к конечному результату компании. Но специфика их работы обусловлена тем, что они имеют совершенно другой вид деятельности – это, как правило, машиностроительные предприятия, которые могут не только ремонтировать оборудование, но и изготавливать для ремонтов различные запчасти и оборудование. Рассмотрим подробнее их участие в СУОД НПЗ и компании.

Для НПЗ основным условием эффективного взаимодействия с ремонтными предприятиями является их участие в производственном цикле, который в виде схемы представлен на рисунке 2.

Рис. 2. Влияние производственного цикла ремонтного предприятия на производство НПЗ

Без обеспечения взаимодействия НПЗ и ремонтного предприятия с целью минимизации потерь от простоя на ремонте, минимизации затрат на проведение ремонтов эффективная работа активов невозможна. На рисунке 2 производственный цикл НПЗ↑ отражает улучшение производственных процессов НПЗ после проведения ремонтов оборудования.

Особенности внедрения СУОД на ремонтных предприятиях, входящих в структуру компании, связаны с решением вопроса о том, какой потенциал может быть выявлен у ремонтных предприятий в группе компаний с НПЗ, чтобы минимизировать затраты на ремонт и вместе с тем сохранить свое собственное финансовое положение на высоком уровне, не увеличивая потери компании в целом.

Прежде всего, ремонтное предприятие может оказывать услуги не только «собственному» НПЗ, но и другим аналогичным предприятиям. Длительный период спада в экономике изменил способы взаимодействия между ремонтными предприятиями и заказчиками, которые теперь уделяют больше внимания снижению затрат и разделению рисков. В настоящее время ремонтные предприятия ориентируются на предоставление комплексных решений, с целью улучшения качества выполнения проектов и повышения собственной маржинальности.

Для расширения возможностей в части предоставления интегрированных решений ремонтные предприятия осуществляют слияния и поглощения, создают альянсы и партнерства. Для НПЗ же своевременное выполнение ремонтной функции является гарантией надежности оборудования. Основной задачей ремонтной функции является обеспечение надежности и готовности оборудования при минимальных затратах на ремонт в зависимости от уровня реализации производственной программы.

Рассматривая проблему снижения затрат, следует отметить, что в ремонтном предприятии, как правило, они составляют около 80 % выручки от реализации. Это связано со спецификой работы машиностроительных предприятий в целом: большая доля затрат приходится на сырье и материалы, на изготовление недостающих подлежащих замене комплектующих. Комплектующие в свою очередь могут быть чрезвычайно затратны, как в области материального производства (изготовление из металла с особыми свойствами, способного работать в агрессивной высокотемпературной среде), так и в области трудозатрат на изготовление (деталь может иметь сложную конфигурацию и изготавливаться с использованием нескольких технологических этапов, например, литье из металла и его дальнейшая обработка на нескольких типах металлообрабатывающих станков).

Если затраты на комплектующие оптимизировать достаточно сложно, так как использование дорогостоящего особенного материала может быть технологически необходимо для обеспечения дальнейшей эксплуатации оборудования, то в случае с трудозатратами возможна их оптимизация при замене оборудования на более современное (станки с ЧПУ).

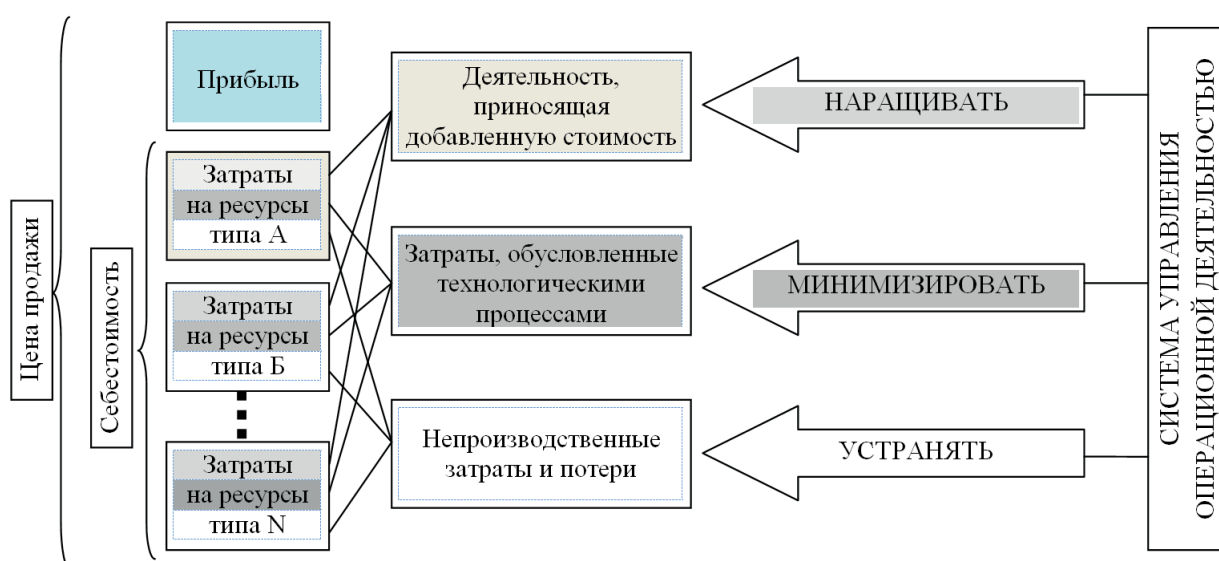

Рис. 3. Направления минимизации потерь в системе СУОД

Система СУОД в этом случае позволяет определить направление минимизации потерь и принять верное решение по использованию оборудования и оптимизации затрат. Направления минимизации потерь в системе СУОД представлены на рисунке 3. Они зависят от типов ресурсов, их роли в производственном процессе и специфики технологического процесса.

Выводы. Основное назначение СУОД – выявить потенциал предприятия, определить его ключевые направления, проанализировать эти направления с учетом факторов влияния, с помощью анализа каждого фактора и его состава определить пути увеличения / снижения объема этого фактора. Результатом применения функциональных элементов СУОД является

достижение оптимального уровня развития предприятия и его максимально возможных экономических показателей.

В заключение отметим, что внешняя и внутренняя среда предприятия изменчива. Появляются новые продуктовые линии и кластеры, изменяется рыночная конъюнктура, происходят изменения в экономической политике государства. Следовательно, система СУОД должна непрерывно функционировать на предприятии. Комплексное осуществление функций и инструментов СУОД позволит находить новые направления развития и проводить изменения в управлении предприятием, чтобы обеспечить операционную эффективность деятельности через максимизацию отдачи от вложений в активы.

Источники

1. Гэлловэй Л. Операционный менеджмент: принципы и практика. СПб: Питер, 2002. – 320 с.
2. Armistead C. G. Design of service operations, in Operations Management in Service Industries and the Public Sector, Voss C., Armistead C., Johnston R. and Morris B., Eds., Wiley, New York, 1985.
3. Орлов С. Эталон управления [Электронный ресурс] // Сибирская нефть. 2017. № 140(апрель). URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2017-april/1119187/>
4. Г. Минцберг Развитие лидерства [Электронный ресурс] // Открытая школа бизнеса URL: <https://www.obs.ru/article/196/>
5. Годовой отчет ПАО «Газпром нефть» за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: https://ir.gazprom-neft.ru/fileadmin/user_upload/documents/annual_reports/2018_annual_report_ru.pdf
6. Шашло Н.В. Категориально-понятийный аппарат исследования ресурсного потенциала предприятия и специфика его формирования [Электронный ресурс]. // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. № 3 (20). С. 385-389. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30271233_92250192.pdf

Информация об авторе

Черноножкина Наталья Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления, политики и права. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2388-4315>. E-mail: mailchnev@inbox.ru

N. V. Chernonozhkina¹

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Operating activity management system and specifics of its application at oil refineries

Abstract. The instability of the external operating environment, high volatility of energy markets, and technological changes have led to the need for strategic development of enterprises in the oil refining sector based on the transformation of the management system. The purpose of the research is to analyze the implementation of the operating activity management system and identify the specifics of its application at the enterprises included in the structure of PJSC Gazprom Neft.

The research is based on the application of a systematic approach, as well as the use of such General scientific and special research methods as analysis and synthesis, structural and functional analysis. In modern conditions, structural and innovative transformation of industrial enterprises ensures continuous and sustainable development. The application of the operating activity management system is aimed at implementing complex changes in operational functions and processes, taking into account the influence of a combination of various factors based on an assessment of the enterprise's potential.

The analysis of the implementation of functional elements of the operating management system at the enterprises of PJSC Gazprom Neft confirms the need for its continuous use to ensure sustainable growth of operational efficiency and allows us to conclude that it is necessary to assess certain types of enterprise potential and make decisions on ways to minimize costs, depending on the specifics of production processes.

Keywords: operational management system, enterprise potential, management processes, operational culture, operational efficiency, production cycle.

Paper submitted: June 5, 2020

For citation: Chernonozhkina N. V. (2020). Operating activity management system and specifics of its application at oil refineries. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 175–179. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.30

References

1. Galloway L. Operational management: principles and practice. St. Petersburg: Peter, 2002, 320 p.
2. Armistead C. G. Design of service operations, in Operations Management in Service Industries and the Public Sector, Voss, C., Armistead, C., Johnston, R. and Morris, B., Eds., Wiley, New York, 1985.
3. Orlov S. Management standard [Electronic resource]. Siberian oil. 2017, no. 140 (April). URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2017-april/1119187/>
4. G. Mintsberg Leadership Development [Electronic resource]. Open School of Business URL: <https://www.obs.ru/article/196/>
5. Annual report of PJSC Gazprom Neft for 2018 [Electronic resource]. URL: https://ir.gazprom-neft.ru/fileadmin/user_upload/documents/annual_reports/2018_annual_report_ru.pdf
6. Shashlo N. V. Categorical-conceptual apparatus for studying the resource potential of an enterprise and the specifics of its formation [Electronic resource]. Azimuth of scientific research: economics and management, 2017, no. 3 (20), pp. 385–389. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30271233_92250192.pdf

Information about the author

Natalya V. Chernonozhkina

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation).
E-mail: mailchnv@inbox.ru

© Н. В. Черноножкина, 2020

УДК 656:338.5
JEL O11, O12

DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.31

О. В. Сергиенко¹

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Экономика России: новая реальность (научно-аналитический обзор)

Аннотация. В статье рассматриваются разносторонние взгляды экспертов на современное экономическое состояние России в новых экономических условиях современной действительности. Цель статьи – проанализировать последствия карантинных мер и их влияние на дальнейшее развитие экономики России. Методы исследования, используемые в настоящей статье, – синтез, статистический анализ, методы сравнения. В статье выявлены приоритетные цели, стоящие перед экономикой современной России. В итоге автор приходит к выводу, что с позиций методологических принципов исследования стабилизация экономики по своей сущности означает процесс ее приведения в устойчиво-равновесное состояние. Экономическое сообщество находится в постоянном поиске наиболее адекватной модели развития. Смена экономической политики подразумевает смену идеологии, программы, целей и задач, исполнителей, ответственных лиц. От состояния превентивных и стратегических мер на уровне государства зависит развитие экономики нашей страны: с одной стороны, это стабильная финансовая поддержка, в которой государству отводится роль по созданию благоприятных условий для развития бизнеса, с другой стороны, одних трансфертов недостаточно – необходима антикризисная программа, нацеленная на поддержание экономического роста за счёт текущего потребления и пропорционального распределения трансфертов между текущим потреблением и инвестициями в инфраструктуру. Мировая экономика замедляется из-за пандемии, для развивающихся стран (к числу которых относится и Россия) последствия будут сильнее, так как их экономикам это грозит рецессией.

Ключевые слова: экономика России, мировая экономическая система, кризис, экономическая модель, инновационный подход.

Дата поступления статьи: 4 июня 2020 г.

Для цитирования: Сергиенко О. В. (2020). Экономика России: новая реальность (научно-аналитический обзор) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 180–184. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.31

Проблема и цель. Неравномерное развитие процессов воспроизводства связано с циклическим развитием рыночной экономики и является закономерным. В современных условиях настоящей действительности экономические кризисы стали явлением, сопутствующим развитию экономики. Кризисы как закономерность развития проявляются характерными дисбалансами в области финансово-кредитных отношений, нестабильностью курсов ценных бумаг, паникой и обрушением фондовых бирж. Экономические кризисы XXI в. периодичны, являются одним из этапов жизненного цикла систем и обусловлены непредсказуемыми, рефлексивными финансовыми механизмами, где фундаментом являются тренды финансовых рынков, но каждый кризис уникален в своем проявлении и развитии. Современная экономическая ситуация характеризуется падением цен на нефть и, как следствие, падением курса рубля и доходов госбюджета. На эти негативные тренды рыночного дисбаланса оказала большое влияние пандемия коронавируса, повлекшая за собой остановку в первую очередь малых предприятий, сворачивание бизнеса, как в России, так и в других странах. Результатом сложившихся событий рыночной конъюнктуры является новая волна банкротств, рост безработицы, снижение потребительского спроса. Ситуация может выйти из-под контроля, если пандемия коронавируса будет развиваться в поступательном направлении. В области регулирования внешних рынков достигнутое соглашение в рамках ОПЕК+ предполагает восстановление мирового рынка нефти. Однако спрос на сырье снижается, и даже если цены на нефть вырастут

вследствие нового соглашения ОПЕК+, то количество поставок по прогнозам существенно сократится. Федеральный бюджет будет получать меньше иностранной валюты от сырьевого экспорта, и, чтобы пополнить запасы, опустят курс рубля. Текущие оценки в мае 2020 г. по динамике добычи нефти в России были на уровне минус 16–17 % в годовом выражении [1].

Статистические данные по итогам 1 квартала 2019 г. демонстрировали рост российской экономики после фактической остановки на фоне дефицита совокупного спроса. По итогам 2019 г. рост ВВП составил 1,3 %. За счет восстановления конечного спроса и структурных изменений темпы роста должны были по прогнозам ускориться в 2020 г. до 1,7 % и 3,1–3,2 % в 2021–2022 гг. В 2020–2021 гг. должна была произойти смена фазы кредитного цикла через вливание финансовых потоков потребительских кредитов в прирост конечного спроса в 1,7 трлн руб. в 2019 году (3,3% – потребления домохозяйств). Рост реальных располагаемых доходов населения за счет увеличения процентных платежей и слабости совокупного спроса в 2019 г. составил 0,1 %, а в 2020 г. усиления экономического роста и инвестиционной активности должны были достигнуть 1,5 %. Слабость потребительского спроса и негативные тенденции мировой экономики должны нивелироваться основными драйверами роста – инвестициями, которые планировалось увеличить на 5,0 % в 2020 г. [2].

Прогноз 2020 г. демонстрирует слабую динамику сектора потребительских товаров (основная причина – снижение доли потребительского кредитования), сильную динамику сектора

строительства, недвижимости и производства инвестиционных товаров и строительных материалов. Основные факторы риска, снижающие экономическую активность 2020–2022 гг., – это дальнейшее ухудшение глобальной рыночной конъюнктуры торговых противостояний и неблагоприятное развитие кредитного цикла в России. Но пандемия коронавируса продемонстрировала миру новую реальность в мировой экономике. Весь мир остановил свою экономику, потери составили 5–7% ВВП в мировом измерении [3]. Последствия карантинных мер отражаются негативно на экономике России. Масштаб падения превзошел аналогичные показатели других стран. Так, в Китае во время карантина розница просела на 20,5 % в феврале, в еврозоне – на 9,2 % в марте, в США – на 21,6 % в апреле. Снижение ВВП по данным на I квартал 2020 г. составило в Бельгии – 3,9 %, во Франции – 5,8 %, в Италии и Испании ВВП снизился на 4,7 и 5,2 % соответственно. В Австрии и Латвии ВВП упал на 2,5 и 2,9 %. ВВП еврозоны снизился на 3,8 % в I квартале, на который пришлось лишь две недели карантина [1].

По данным Минэкономразвития валовой внутренний продукт России снизился в апреле 2020 г. на 12 %. Номинальный ВВП России в апреле 2020 г. составил 6,3 трлн рублей – на 28 % меньше, чем в апреле предыдущего года. Данная динамика масштабного спада является следствием режима самоизоляции и падения потребительского сектора почти на четверть. Такое падение укладывается в международные оценки экономических потерь в результате карантинных мер. На экономический провал в апреле повлиял не только режим самоизоляции, но и снижение цен на нефтяном рынке. Месячный спад ВВП побил рекорд статистики, установленный в мае 2009 года (– 11,8 %).

Экономические итоги апреля 2020 г. показали, что Россия стала лидером среди крупнейших экономик мира по сжатию конечного потребительского спроса на товары и услуги. Объем розничных продаж обрушился на 23,4 %. Продажи продовольственных товаров снизились на 9,3 %, в марте 2020 г., оборот розничной торговли, напротив, вырос, по данным Росстата, на 5,6 % в годовом выражении. В непродовольственной рознице падение достигло 23,4 %, в секторе услуг – 38 %. В строительстве – снижение на 2,3 %, в промышленном производстве – на 6,6 %, грузооборот транспорта снизился на 6 %, применительно к платным услугам населению наблюдается спад на 37,9 %, сельское хозяйство показало рост на 3,1 % [4].

В марте 2020 г. активы банковского сектора выросли на 3,3 %, до 96,6 трлн руб. – этот показатель выше обычного среднемесячного уровня. В основном это произошло за счет рекордных объемов выдачи корпоративных кредитов, роста наличных денежных средств в кассе, межбанковских кредитов и средств в Банке России, а также в связи с увеличением справедливой стоимости производных финансовых инструментов. Сегмент розничного кредитования показал активный рост, по сравнению с январем и февралем. Корпоративный портфель кредитных организаций (КО) вырос на 1,0 трлн руб. (2,6 %), что является рекордным уровнем – для сравнения: за весь прошлый год кор-

поративные кредиты выросли на 5,8 %. Пик выдач пришелся на последнюю неделю марта, что может быть связано с необходимостью компенсировать выпадающие денежные потоки компаний, особенно во время объявленной нерабочей недели.

По данным Национального бюро кредитных историй, в первую декаду апреля число заявок на потребительские кредиты снизилось на 60 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, на автокредиты – на 90 %, на ипотеку – на 44 %, на микрокредиты – на 44 % [5]. Выдача новых кредитов наличными с 30 марта по 3 апреля 2020 г. сократилась примерно в 3,3 раза по сравнению с аналогичным периодом марта, о чём свидетельствуют данные Объединённого кредитного бюро.

Деловая активность малого бизнеса в России снизилась до исторического минимума. Около 30 % компаний сектора малого и среднего бизнеса сокращают инвестиции в бизнес. Есть шанс, что до конца года ВВП покажет положительную динамику по мере оживления экономической активности в стране. В вопросе о том, каковы будут темпы восстановления экономики и роста ВВП, мнения расходятся. Минэкономразвития считает, что спад по итогам года не превысит 5 %, независимые эксперты называют цифру в два раза большую. По мнениям экономистов, сценарии развития экономики следующие.

Игорь Николаев, директор Института стратегического анализа ФБК: «Провал в 12 % в апреле, о котором сообщило Минэкономразвития – это много. Но, думаю, реальное падение было еще больше. По данным министерства, промышленность упала на 6,6 %, что выглядит не вполне объективным. Если оценивать провал экономики в целом по году, то, напомним, что в мае включается еще один негативный для ВВП фактор – сокращение добычи нефти в рамках соглашения ОПЕК+. Нефтяная отрасль – это 20 % ВВП. Поэтому в мае падение экономики будет не менее глубоким, чем в апреле. Не думаю, что по итогам 2020-го мы выйдем на показатель в минус 5–6 %, который прогнозируют Минэкономразвития и Банк России. Будет заметно хуже, по моему мнению, минус 10 %, а то и больше. По моим прогнозам, в 2020 г. экономика упадет сильнее, чем в кризисный 2009, когда ВВП снизился на 7,8 %».

Сергей Жаворонков, старший научный сотрудник Института экономической политики им. Е. Гайдара: «По прогнозам ЦБ к концу года экономика упадет на 5–6 %. Но многое зависит от действий органов власти. Если все карантинные меры не отменят и ограничений по-прежнему будет много, то ВВП страны будет резко снижаться. Развитие экономической ситуации зависит от того, какие решения будут приняты по стабилизации экономики на уровне правительства, так как оказывают негативное влияние на динамику ВВП. Думаю, к концу года валовой внутренний продукт просядет на 7–8 % – это больше, чем предсказывают правительство и ЦБ».

По мнению Марка Гоймана, главного аналитика «TeleTrade», ситуация характеризуется следующими тенденциями: «Апрель принял, пожалуй, основной удар коронакризиса. Серьезно сократилась розничная торговля. В её составе непродовольствен-

ные товары показали снижение на 36,7 %. Ещё более катастрофичным стало положение с платными услугами – падение на 37,9 %. Обрабатывающая промышленность снизилась на 10 %, в её составе лёгкая – на 23,1 %, машиностроение – на 34,3 %. Май обещает быть не столь плачевным, поскольку произошло некоторое ослабление режима «нерабочих дней». Но, тем не менее, он, вероятнее всего, также покажет существенное падение ВВП в годовом измерении. В целом по второму кварталу снижение может составить 10–10,5 %. Третий и четвёртый кварталы дадут темпы спада ниже, порядка 5,5–6,5 %, по мере некоторого восстановления деловой активности, если не случится масштабной «второй волны» пандемии. В целом по году прогноз Минэкономразвития о снижении ВВП на 5 % выглядит крайне оптимистичным, в реальности снижение может оказаться намного больше. В любом случае, российский ВВП упадёт гораздо сильнее мирового. Одна из причин этого гораздо меньший масштаб финансовой помощи отраслям экономики и населению для поддержания спроса, по сравнению с основными странами, столкнувшимися с «пандемическими» атаками. Это приведёт и к очень значительному падению реальных доходов населения».

Ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов, считает, что события в российской экономике весной 2020 г. стали началом новой рецессии, и предлагает оценить ее масштаб по опыту кризиса 2008–2009 гг. «Тогда мировая экономика упала на 0,1 %, а мы упали на 7,8 %, но довольно быстро вышли на траекторию роста». Этот мировой кризис будет сильнее, отмечает Кузьминов, ссылаясь на данные доклада макроэкономистов ВШЭ. «... По базовому сценарию, падение мирового ВВП составит 1,5 % в 2020 г. с последующим «отскоком» в 2021-м на фоне преодоления COVID-19. Цены на российскую нефть Urals в этом случае составят в среднем \$ 35 за баррель. При таком сценарии падение российской экономики составит 4 % в 2020 году с последующим «отскоком» в виде 3,1 % роста в 2021-м. В 2022 году уже произойдет превышение докризисного уровня ВВП. Объем ВВП из-за кризиса сократится на 10 трлн руб., доллар к концу 2020 года растеряет рост...».

По прогнозам BCG, в случае если в Россию придет вторая волна эпидемии коронавируса, экономический спад может составить до 15 % и бизнесу необходимо готовиться к режиму работы в карантине в следующие полтора года. Сценарий, который эксперты BCG считают самым вероятным, предполагает, что правительство будет возвращаться к ужесточению карантина в связи с ростом числа заболевших коронавирусом на протяжении 1–1,5 лет. Повторные волны заболеваемости возможны вплоть до появления вакцины от COVID, которое в BCG прогнозируют не раньше конца 2020 года. Спад экономики в этом случае достигнет 7–10 %. Основным индикатором сценария будет волна банкротств малого и среднего бизнеса, которая спровоцирует падение спроса на коммерческую недвижимость и товары длительного пользования.

Немецкое рейтинговое агентство Scope Ratings предлагает прогноз трех сценариев (дата публикации – 8 апреля 2020 г.).

Согласно основному прогнозу, ВВП России упадет в 2020 г. на 3,3 %. Согласно стрессовому варианту развития событий, ВВП снизится на 8,8 %. Согласно шоковому (наихудшему) прогнозу, снижение составит 11,3 % [6].

Исторический опыт показывает, что наибольшие обрушения экономики Российской Федерации были зафиксированы в 1998 г. (падение ВВП было обусловлено дефолтом и составило 5,3 %), и в 2009 г. (в результате мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., падение составило 7,8 %).

В мировой практике нижняя точка рецессии будет наихудшей с 1950 г. и ожидается во II квартале 2020 г. В 2021 г. прогнозируются постепенное восстановление и рост ВВП на 5,2 %. Исследование Европейской комиссии показало, что все индексы уверенности (экономической, отраслевой, потребительской) в Европе находятся практически на исторических минимумах. Компании обеспокоены снижением спроса, ожиданиями сотрудников и грядущей безработицей. Общее значение индекса уверенности упало до 67 пунктов при историческом минимуме 65,5 в 2009 г.

The Wall Street Journal сообщает, что, по оценкам Евростата, в I квартале экономика еврозоны сократилась самыми быстрыми темпами с момента начала ведения соответствующей статистики в 1995 г. В годовом исчислении сокращение составило 14,4 %, что значительно превысило спад в экономике США на 4,8 % за тот же период. В самый неблагоприятный период предыдущего кризиса – в I квартале 2009 г. – аналогичный показатель в еврозоне составлял 12,0 %.

Пандемия коронавируса также стала спусковым крючком для мирового финансового кризиса. Основная причина современных финансовых кризисов – быстрый и неконтролируемый масштаб роста «пузырей», то есть дисбаланса стоимости реальных товаров и услуг в современном мире, который составляет малую долю от «пустых фьючерсов» фондового рынка. Капитализация реального сектора экономики в современном мире (реальная стоимость ценных бумаг) не имеет ничего общего с реальными результатами производства.

По данным Центрального Банка РФ, в период с 1994 по 2019 г. безвозвратная утечка денежных активов России за рубеж составила около \$ 930 млрд. По оценкам экспертов, не менее \$ 100 млрд из них являются результатом мошеннических схем и хищений в кредитно-финансовых учреждениях.

Известный своими прогнозами, предсказавшими кризис 2008 г., экономист Н. Рубини предсказывает наступление L-образной Великой депрессии в начавшемся 10-лети. «... В подобных прогнозах важны не точные предсказания времени наступления кризиса, а те тенденции, которые могут привести к столь тяжелому результату...». Рубини называет 10 тенденций: рост долгов и дефолтов, связанных с увеличением дефицита бюджета государственного долга, а также с ростом долгов домашних хозяйств и фирм, «демографическая бомба замедленного действия» в странах с развитой экономикой, т. е. рост расходов системы здравоохранения на фоне роста продолжительности жизни, растущий риск дефляции, обесценивание валюты, более широкое цифро-

вое разрушение экономики, а именно вытеснение людей с рынка труда за счет новых технологий, деглобализация; рост популизма (рабочие и широкие слои среднего класса станут более восприимчивыми к популистской риторике, особенно к предложениям по ограничению миграции и торговли), геостратегическое противостояние между США и Китаем, новая холодная война между США и их конкурентами: Китаем, Россией, Ираном и Северной Кореей, – проблемы окружающей среды.

В настоящее время мировая теория и практика сталкиваются с появлением принципиально новой концепции общественного развития. В процессе генезиса трансформации мировой экономической системы перспективными направлениями развития постиндустриального общества считаются экономика знаний, цифровая, сетевая, эмерджентная, сетевая, креативная экономика [7]. В научной литературе авторы исследуют механизмы трансформации цивилизационной пирамиды и движения от неолиберальных экономик [8], ряд работ посвящён парадигме креативной экономики [9].

Аналитики дискутируют о том, каким будет мир после коронавируса, какова будет «посткоронавирусная эпоха». Как известно, префикс «пост-» применяется, когда мы имеем дело с состоянием, отличным от предыдущего.

Сегодня неизвестны пока масштабы и реалистичные сроки преодоления COVID-19, что не позволяет считать коронавирус вехой общественного развития. Это не крах политических систем, это не становление информационного общества, это не мировая война. Пандемия актуализирует с новых позиций прежние устои общественного развития. Свобода или безопасность, демократия или авторитаризм, права личности или интересы общества, интеграция или национальное государство, информационное общество или дисциплинарное общество и др. Преодоление пандемий требует координации усилий всего человечества. Организованные по сетевому принципу социальные связи (интернет, блокчейн, практики социального взаимодействия) не предполагают усиления государства. Рыночная экономика неспособна функционировать в условиях закрытости. Однако в форс-мажорных условиях и свобода личности, и рыночная экономика, и информационная открытость дают сбои. В условиях демократии также есть режим чрезвычайной ситуации (ограничение свобод, жесткая дисциплина), а в авторитаризме нет гибкости, нет маневра.

Структуры рыночной экономики очень гибки и адаптируются к внешним изменениям. Они слабеют в условиях кризиса, но затем возрождаются с новой силой, так как любой кризис – это переломный момент, это начало нового развития. Преодоление коронавируса даст человечеству колоссальный опыт, от вопросов личной самоорганизации до организации масштабных карантинных мер в условиях глобализации.

Выводы. Таким образом, любые масштабные процессы и события далее будут оцениваться сквозь призму того, насколько

ко так или иная модель способна преодолевать структурные проблемы и оборачивать их в свою пользу. Коронавирус – это вызов моделям развития. Вполне допустимо, что Китай выйдет в посткоронавирусную эпоху с новой экономикой, которая может завоевывать новые рынки, увеличить производительность труда и в конечном счете долю в мировой экономике. Основным приоритетом государства в новых условиях российской экономики должно стать формирование благоприятной институциональной среды для модернизационного прорыва и восстановления экономики и доходов населения. Общенациональный план действий должен обеспечить выход на темпы роста ВВП 2,5 % к концу 2021 г. В целях нивелирования дальнейшего снижения темпов развития в реальном секторе экономики в силу неблагоприятных внешних условий и внутренней нестабильности правительством разработаны стимулирующие меры со стороны государства, направленные на поддержку занятости и доходов населения, а также восстановление экономической активности. В условиях ожидаемого снижения доходов бюджетные расходы не сокращаются, а наоборот, увеличиваются, будут задействованы средства ФНБ и заимствования, чтобы профинансировать как текущие обязательства, так и антикризисные программы. Но одних трансфертов для стабилизации экономики недостаточно – необходим выбор политики, нацеленной на поддержание экономического роста за счёт текущего потребления, или политики устойчивого роста, предполагающей пропорциональное распределение расходов между текущим потреблением и инвестициями в рыночную инфраструктуру. Фискальные инъекции имеют краткосрочное действие, а также, стимулируя потребительский спрос, необходимо регулировать инфляцию, направляя денежные потоки для оперативного наращивания отечественных производств, не допуская роста денежных пузырей и перетекание активов на фондовые рынки. В связи с этим антикризисные меры государства применительно к основным драйверам роста в новой посткризисной экономике направлены на обновление инвестиционного цикла, который должен обеспечить рост инвестиционной активности частного и государственного секторов экономики, восстановление и развитие индивидуального, малого и среднего предпринимательства.

Новые условия требуют пересмотра всех функций управления, технологий и должны быть направлены на ускорение технологического развития экономики и повышение производительности труда, в том числе на основе цифровизации. Государство ориентируется на опережающий рост в IT-отрасли, а также на увеличение числа малых и средних высокотехнологических компаний. Импортозамещение показало положительную динамику и стимулирует производство отечественных товаров, но в дальнейшем необходимо взять курс на конкурентоспособность национального производства и увеличить несырьевой экспорт.

Источники

1. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития 2020. № 11 (113). Май. URL: <https://www.iep.ru/en/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-14-116-may-2020-g.html>
2. Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др. ; Нац. исслед. ун-т ИЭО «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2019. 248 с.
3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_period_do_2024_goda_.html
4. Прогнозы социально-экономического развития. 26 августа 2019. Российская экономика: под влиянием кредитного цикла (PDF 1.04МБ). Дата публикации: 26 августа 2019. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiyskaya_ekonomika_pod_vliyaniem_kreditnogo_cikla.html. Официальный сайт Минэкономразвития России.
5. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития 2020. № 2 (103). Февраль. URL: <https://www.iep.ru/en/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-2-103-yanvar-2020-g.html>
6. Рейтинговое агентство Fitch: ухудшение прогноза роста глобальной экономики (дата публикации прогноза: 22 апреля 2020 г.).
7. Patlasov Oleg, Zharov Yerzhan. Creative Industries Development in Russia: Tendencies and Perspectives // Journal of Advanced Research in Law and Economics, Volume IX, Issue 4(34), Summer 2018. Pp. 1428–1438.
8. Patlasov O. Yu. Civilization Pyramid Transformation: From Economy of Consumption to Social, Cultural and Environmental Priorities // International Journal of Ecology & Development. 2017, Volume 32, Issue Number 3. Pp. 86–96. URL: <http://www.ceser.in/ceserp/index.php/ijed/article/view/4983>
9. Patlasov O. Yu., Zharov Ye. K. Premises and Environmental Background for the Transition to the Creative Development of Economics. // International Journal of Ecological Economics and Statistics. 2017, Volume: 38, Issue Number: 3. Pp. 134–150. URL: <http://www.ceser.in/ceserp/index.php/ijees/issue/view/456>

Информация об авторе

Сергиенко Оксана Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной работе. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). E-mail: sergienkooks@mail.ru

O. V. Sergienko¹

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Economy of Russia: a new reality (scientific and analytical review)

Abstract. The article examines the diverse views of experts on the current economic condition of Russia in the new economic conditions of modern reality. The purpose of the article is to analyze the consequences of quarantine measures and their impact on the further development of the Russian economy.

The research methods used in this article are synthesis, statistical analysis and comparison methods.

The article identifies the priority objectives of the modern Russian economy.

As a result, the author comes to the conclusion that from the standpoint of the methodological principles of research, the economy stabilization means the process of bringing the economy into a stable equilibrium state. The economic community is constantly looking for the most appropriate development model. A change in economic policy implies a change in ideology, programs, goals and objectives, performers and responsible persons. The economy development of our country depends on the state of preventive and strategic measures at the state level: on the one hand, this is constant financial support, where the state is a creator of favorable conditions for business development, on the other hand, it is not enough to have only transfers – it is indispensable to have an anti-crisis program aimed to support economic growth at the expense of current consumption and the proportional distribution of transfers between current consumption and investment in infrastructure. The global economy is slowing down due to the pandemic; for developing countries (including Russia) the consequences will be stronger, as this threatens their economies with a recession.

Keywords: Russian economy, world economic system, crisis, economic model, innovative approach.

Paper submitted: June 4, 2020

For citation: Sergienko O. V. (2020). Economy of Russia: a new reality (scientific and analytical review). The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 180–184. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.31

References

1. Economic situation monitoring in Russia. Trends and challenges of socio-economic development 2020. No. 11 (113). May. URL: <https://www.iep.ru/en/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-14-116-may-2020-g.html>
2. Digital economy indicators: 2019: statistical compilation / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg and others; National researched University IEO Higher School of Economics Moscow: HSE, 2019. 2448 p.
3. Socio-economic development forecast of the Russian Federation for the period until 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_period_do_2024_goda_.html
4. Socio-economic development forecast. August 26, 2019. Russian economy: under the influence of the credit cycle (PDF 1.04MB). Date of publication: August 26, 2019. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiyskaya_ekonomika_pod_vliyaniem_kreditnogo_cikla.html. The official website of the Ministry of Economic Development of Russia.
5. Economic situation monitoring in Russia. Trends and challenges of socio-economic development 2020. No. 2 (103). February. URL: <https://www.iep.ru/en/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-2-103-yanvar-2020-g.html>
6. Fitch Ratings: Economic Outlook Worsens (date of publication of the forecast: April 22, 2020).
7. Patlasov Oleg, Zharov Yerzhan. Creative Industries Development in Russia: Tendencies and Perspectives. Journal of Advanced Research in Law and Economics, Volume IX, Issue 4 (34), Summer 2018. Pp. 1428–1438.
8. Patlasov O. Yu. Civilization Pyramid Transformation: From Economy of Consumption to Social, Cultural and Environmental Priorities. International Journal of Ecology & Development. 2017, Volume 32, Issue Number 3. Pp. 86–96. URL: <http://www.ceser.in/ceserp/index.php/ijed/article/view/4983>
9. Patlasov O. Yu., Zharov Ye. K. Premises and Environmental Background for the Transition to the Creative Development of Economics. International Journal of Ecological Economics and Statistics. 2017, Vol.38, Issue, no. 3, pp. 134–150. URL: <http://www.ceser.in/ceserp/index.php/ijees/issue/view/456>

Information about the author

Oksana V. Sergienko

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Vice Rector. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). E-mail: sergienkooks@mail.ru

© O. B. Сергиенко, 2020